ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
УИЛЬЯМ ГИБСОН
Нейромант
РОМАН — ЛАУРЕАТ «ХЬЮГО», «НЕБЬЮЛЫ» И ПРЕМИИ ИМЕНИ ФИЛИПА ДИКА
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Нейромант» — это классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра. Это книга, определившая лицо современной литературы на десятилетия вперед. Это краеугольный камень киберпанка — стиля и культурного феномена. Будущее в «Нейроманте» — мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Буквально по лезвию ножа должны пройти хакер-виртуоз Кейс и отчаянная девушка-самурай Молли, чтобы выполнить таинственную миссию, запрограммированную десятилетия назад в неведомых глубинах искусственного разума...

Кроме романа, открывающего трилогию «Киберпространство», в книгу включен цикл рассказов «Сожжение Хром», среди которых — «Джонни Мнемоник», послуживший основой для культового фильма Роберта Лонго (в ролях Киану Ривз, Такэси Китано, Дольф Лундгрен), и «Отель „Новая роза“», экранизированный Абелем Феррарой (в ролях Уиллем Дефо, Кристофер Уокен, Азия Ардженто)

- Джонни-Мнемоник
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ■ 1
    - ■ 2
  - ○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
  - ○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

        - 8
        - 9
        - 10
        - 11
        - 12
    - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
        - 17
        - 18
        - 19
        - 20
        - 21
        - 22
        - 23
    - КОДА
        - 24
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

Джонни-Мнемоник

Обрез я сунул в сумку «Адидас» и заклинил его четырьмя парами теннисных носков. Совсем не мой стиль, но как раз это мне и нужно: если тебя принимают за тупого – стань техничным, а если считают, что с техникой ты на «ты», – заделайся тупарем. Я-то парень техничный, вот и решил выглядеть тупым на все сто. Время, впрочем, такое: чтобы косить под тупого, надо быть настоящим профи. Вот и я – своими руками выточил на станке из медных болванок две гильзы двенадцатого калибра; раскопав древнюю микрофишу с инструкциями, сам вручную зарядил патроны; наконец, собственноручно соорудил рычажный пресс для запрессовки капсюлей – тот еще трюк, между прочим! Зато я знаю: патроны сработают.

Встреча должна была состояться во «Взлетной полосе» в двадцать три ноль-ноль, однако я проскочил в «трубе» три лишние остановки и вернулся назад пешком. Подстраховаться никогда не мешает.

В хромированной панели кофейного автомата я мельком взглянул на свое отражение: типичный европеоид – резкие черты лица, темные жесткие волосы ежиком. Девочки в «Под ножом» торчат от Сони Мао – только с большим трудом удалось отговорить их не менять мне веки на китайские. Возможно, Мордашку-Ральфи моя внешность и не обманет, зато поможет подобраться тик-в-тик к его столику.

«Взлетная полоса» – узкое, длинное помещение: в одном углу – бар, в другом – столики, а между ошиваются сводники, торгаши и прочие деятели. На входе сегодня вечером дежурили Сестры-Собаки Магнитные: если план не сработает, обратно мне уже не прорваться. Обе длиннющие – метра под два – и поджарые, будто борзые. Одна черная, другая белая, но в остальном похожи настолько, насколько это под силу пластической хирургии. Много лет они ходили в любовницах, а уж в драке были – туши свет. Я так и не смог разобраться наверняка, которая из них раньше была самцом.

Ральфи сидел за столиком, где и всегда. Подонок, задолжал мне кучу монет. В голове моей – сотни мегабайт информации, загруженные туда в режиме «идиот-всезнайка», информации, к которой сам я доступа не имею. Все это оставил там Ральфи. Только он может извлечь эти данные при помощи кодовой фразы собственного изобретения. Скажу сразу: мои услуги не дешевы, а уж сверхурочные за хранение – сплошная астрономия. А он, понимаете ли, забыл!

А потом я услышал, что Мордашка-Ральфи и вовсе надумал аннулировать мой контракт. И тогда я забил ему стрелку во «Взлетной полосе», но забил ее как Эдвард Бакс, подпольный импортер – только что из Рио и Пекина.

«Взлетная полоса» насквозь провоняла бизнесом, здесь вообще слишком нервно – и нервно, и попахивает металлом. Среди толпы тут и там слоняются мускулистые мальчики, поигрывая друг перед другом соответствующими частями тела и силясь изобразить на лицах нечто вроде тонких холодных улыбочек. Некоторые настолько обросли мышцами, что их фигуры уже и человеческими-то трудно назвать.

Простите. Простите меня, друзья. Это всего-навсего Эдди Бакс, Скоростной Эдди-Импортер со своей по-профессиональному неприметной спортивной сумкой, и, пожалуйста, не обращайте внимания на какой-то разрез, годный лишь для того, чтобы просунуть внутрь правую Руку.

Ральфи был не один. На стуле рядом с ним, настороженно пялясь в толпу, громоздился белобрысый калифорнийский бык – живая инструкция по технике боевых искусств весом килограммов в восемьдесят.

Скоростной Эдди мгновенно оседлал напротив этой парочки стул; бык даже руки от стола оторвать не успел.

– Черный пояс? – поинтересовался я. Он кивнул, его голубые глаза автоматически просканировали меня от глаз до ладоней. – У меня тоже, – сказал я, – здесь, в сумке. – Я сунул руку в разрез, большим пальцем перевел предохранитель. Щелк. – Два ствола, двенадцатый калибр, спуск сдвоенный.

– Это пушка, – сказал Ральфи, предупредительно кладя пухлую руку на обтянутую синим нейлоном грудь своего телохранителя. – У Джонни в сумке – огнестрельный антиквариат.

М-да, недолго я побыл Эдвардом Баксом.

Думаю, его всегда звали не просто Ральфи, а Ральфи-с-Каким-то-Прозвищем, нынешнюю же кличку он приобрел исключительно благодаря тщеславию. Туловищем как перезрелая груша, вот уже двадцать последних лет он носил лицо некогда знаменитого Белого Христиана – Белого Христиана из «Арийского рэгги-бэнда». То был Сони Мао предыдущего поколения, последний чемпион звуковых дорожек расового рока. Я, знаете ли, вундеркинд по части всяческой чепухи вроде этой.

У Белого Христиана было классическое лицо поп-артиста – ярко выраженные мускулы певца и точеные скулы. Так посмотришь – лицо ангела, этак – красавца-развратника. Но глаза на этом лице... это были глаза Ральфи – маленькие, черные,

ледяные.

– Ладно, – сказал он, – давай потолкуем. Как деловые люди. – Сказал обезоруживающе искренно, вот только прекрасный, как у Белого Христиана, рот все время был влажным. – Льюис, – он кивнул в сторону мордоворота, – это просто дуб. – Льюис принял его слова равнодушно, словно механическая игрушка. – Но ты-то, Джонни, не из дубов.

– Неужто, Ральфи? А я думал, что это я – дуб, нашпигованный под завязку имплантантами, самое место для твоего грязного белья, пока не подвернутся ребята, желающие заработать на моем трупе. Так вот, Ральфи, пока у меня эта сумка, тебе придется кое-что объяснить.

– Это все из-за последней сделки, Джонни. – Он тяжело вздохнул. – Как брокер...

– Барыга, – поправил я.

– Как брокер я всегда очень осторожен с поставщиками.

– Ты покупаешь только у тех, кто ворует лучшее. Продолжай.

Он вздохнул опять.

– Я лишь стараюсь, – устало произнес он, – не иметь дела с дураками. Но на этот раз, похоже, нарвался. – Третий вздох был сигналом для Льюиса включить нейронный парализатор, который они прилепили под столом с моей стороны.

Я вложил все силы в указательный палец правой руки, но он перестал быть моим. Рука по-прежнему чувствовала металл и поролоновую ленту, которой я обмотал неудобную рукоять обреза, но сделалась чужой и безвольной, будто была вылеплена из холодного пластилина. Я надеялся, что Льюис, как настоящий дуб, тут же бросится вырывать сумку, а заодно рванет мой палец, застывший на спусковом крючке. Но он этого не сделал.

– Мы так беспокоились о тебе, Джонни, так беспокоились. Видишь ли, – Ральфи показал на мою голову, – то, что у тебя там, – собственность якудза. И одного дурака угораздило их обокрасть. Мертвого дурака.

Льюис заржал.

Вот тут до меня наконец дошло, но от того, что я все понял, стало совсем паршиво. Мою голову словно обложили мешками с мокрым песком. Убивать было не в стиле Ральфи. Даже Льюис был не в его стиле. Получалось, он встрял на свою голову между Сыновьями Неоновой Хризантемы и чем-то, принадлежавшим им, или скорее чем-то, что было у них, но принадлежало кому-то еще. Ральфи, конечно, мог задействовать кодовую фразу и ввести меня в состояние «идиот-всезнайка» – тогда я выложу их горяченькую программку целиком, не запомнив ни единого звука. Для такого ушлого торгаша, как Ральфи, этого бы вполне хватило. Но только

не для якудза. Якудза наслышаны о «кальмарах» и, естественно, не будут чувствовать себя спокойно, зная хотя бы малую часть их возможностей. С помощью «кальмаров» ничего не стоит вытащить из моей головы программу даже по самым слабым, остаточным следам. Сам я знаю о «кальмарах» немного, но кое-что слышать доводилось, и я зарекся болтать об этом с клиентами. Нет, якудза это точно не понравится: слишком смахивает на улики. Они бы не были тем, что есть, если бы оставляли улики. Или живых свидетелей.

Льюис продолжал ухмыляться. Словно он уже видел внутри моей головы то, что им было нужно, и теперь прикидывал, как бы добраться до этого самым коротким путем.

– Эй, ковбои, что-то маловато в вас жизни, – послышался из-за моего правого плеча низкий женский голос.

– Исчезни, сука, – равнодушно сказал Льюис; его загорелое лицо было предельно спокойно. Ральфи же выглядел озадаченным.

– Как насчет взбодриться? Есть хорошее ширево. Чистейшее, никаких примесей. А? – Она подтянула к себе стул и уселась на него прежде, чем эти двое успели ей помешать. Я в моем положении мог видеть ее только краем глаза: худая девушка в зеркальных очках, волосы темные, короткая, неаккуратная стрижка. На ней была расстегнутая черная кожанка, под ней – футболка в косую черно-красную полоску. – Восемь тонн за грамм.

Льюис недовольно хрюкнул и попытался вышибить из-под нее стул. Это у него почему-то не получилось; ее рука метнулась к нему и, похоже, слегка коснулась его запястья. Яркая струя крови мгновенно залила стол. Льюис с силой сжал запястье другой рукой, костяшки побелели от напряжения, сквозь пальцы проступила кровь.

Странно, у нее в руке, кажется, ничего не было.

Теперь ему понадобится сшиватель сухожилий. Льюис осторожно поднялся, даже не попытавшись отодвинуть стул. Стул опрокинулся, и Льюис пропал с моих глаз, не издав при этом ни звука.

– На его месте я бы обратилась к врачу, – сказала она. – Порез не слишком приятный.

– Ты хоть сама понимаешь, – голос Ральфи сделался вдруг очень усталым, – в какую яму с дерьмом ты только что себя посадила?

– Кроме шуток? А, понимаю, тайна. Обожаю тайны. Вроде той, почему этот ваш приятель такой тихоня. Он что – замороженный? Или для чего здесь вот эта штуковина? – Она

показала миниатюрный блок управления, который неизвестно когда успела стащить у Льюиса. Ральфи выглядел совсем больным.

– Ты, э-э-э... Послушай, даю тебе за нее четверть миллиона, и ты отсюда уходишь. – И он мясистой рукой стал нервно оглаживать свое бледное, худое лицо.

– Чего я хочу, – она прищелкнула пальцами; блок при этом начал вращаться, отбрасывая по сторонам блики, – так это настоящего дела. Ваш парнишка повредил себе руку. Раз за это полагается гонорар, то четверть миллиона сойдет.

Ральфи шумно выдохнул и засмеялся. Его зубы явно недотягивали до стандарта по меркам Белого Христиана. Тут она выключила парализатор.

– Два миллиона, – сказал я.

– Вот это, я понимаю, мужчина, – сказала она сквозь смех. – А в сумке у тебя что?

– Обрез.

– Тупая работа. – Впрочем, это мог быть и комплимент.

Ральфи не произнес ни слова.

– Меня зовут Миллион. Молли Миллион. Линяем, босс? А то на нас начинают пялиться. – Она встала. На ней были кожаные джинсы цвета засохшей крови.

И только сейчас я заметил, что ее зеркальные линзы были вживлены в кожу лица: серебро гладким слоем поднималось от крутых скул, запечатывая глаза в глазных впадинах. Я увидел в этих линзах двойное отражение моего нового лица.

– А я Джонни, – сказал я ей. – Мистера Мордашку мы забираем с собой.

Он ждал нас снаружи. Внешне – заурядный турист из техов: пластиковые дзори и дурацкая гавайка с кричащей рекламой самого популярного микропроцессора его фирмы. Тихий, спокойный человечек, из той породы людей, что вечно посиживают в баре, попивая саке, – в таких заведениях еще подают крошечные рисовые крекеры с начинкой из морских водорослей. Он в точности походил на тех, кто плачет от гимнов собственной корпорации, а после бесконечно и нудно трясет бармену руку. И сутенеры, и перекупщики не обратили бы на него внимания, посчитав безнадежно отсталым. Парень, мол, недалекий, и с кредитной карточкой осторожничает.

Как я догадался позднее, ему ампутировали фалангу большого пальца левой руки и заменили ее искусственным наконечником, а в обрубке сделали углубление и, покрыв его изнутри слоем синтетического алмазного покрытия фирмы «Оно-

Сендаи», закрепили в нем катушку. А потом аккуратно намотали на катушку три метра мономолекулярной нити.

Молли заговорила о чем-то с Магнитными Собаками – так что я, крепко прижав к спине Ральфи свою сумку, смог вытолкнуть его за дверь. Похоже, Молли была с ними знакома. Я слышал, как чернокожая рассмеялась.

Внезапная вспышка над головой заставила меня поднять глаза – я так и не смог привыкнуть ко всем этим парящим в воздухе дугам света под темными геодезическими куполами[01]. Может быть, это меня и спасло.

Ральфи оказался на несколько шагов впереди, но не думаю, чтобы он собирался сбежать. Думаю, он уже смирился. Возможно, он уже полностью осознал, против кого мы пошли.

И в тот момент, когда я опустил глаза, его разорвало на части.

Если прокрутить все еще раз, картина представляется следующая. Ральфи делает еще один шаг, и в этот момент неизвестно откуда – бочком, с улыбочкой на лице – выныривает этот маленький тех. Он делает что-то похожее на поклон, и у него отваливается большой палец левой руки. Это очень напоминает фокус. Палец висит в воздухе. Система зеркал? Проволока? Ральфи застывает на месте спиной к нам, от подмышек по его светлому летнему костюму расплываются темные пятна. Он взмок. Он знает. Он наверняка должен знать. И тут этот палец, как игрушка из лавки сюрпризов, – тяжелый, будто из свинца, – в довершение идиотского фокуса, демонстрируемого маленьким техом, описывает в воздухе стремительную дугу – и невидимая нить, соединенная с рукой убийцы, проходит сквозь череп Ральфи немного выше бровей, а затем, не задерживаясь, взлетает вверх и – снова вниз, рассекая грушеподобное тело по диагонали через плечо и грудную клетку. Разрезы так незаметны, что кровь появляется лишь тогда, когда нервные связи начинают давать сбой и первые судороги не отдают тело во власть тяготения.

Ральфи, окруженный жидким розовым облаком, развалился на три куска; куски эти в полной тишине покатились по покрытому плитками тротуару.

Я с силой рванул сумку, моя рука конвульсивно сжалась. Отдача от выстрела едва не переломила мне кисть.

Лил дождь, струи воды каскадами падали сквозь прорехи в куполе и разбивались на плитах позади нас. Мы затаились в щели между хирургическим бутиком и антикварной лавкой. Краешком зеркального глаза Молли выглянула за угол и сообщила, что перед «Взлетной полосой» стоит только один «фолькс-модуль» с

включенной красной мигалкой. Что Ральфи убирают с тротуара. И пристают ко всем с расспросами.

Я весь был облеплен опаленным белым пухом. Вот тебе и теннисные носки. Спортивная сумка превратилась в скомканный пластиковый наручник.

– Не понимаю, какого дьявола я в него не попал?

– Потому что он очень-очень ловкий. – Молли, обняв руками колени, раскачивалась на корточках с пятки на носок. – Ему перестроили нервную систему. Он фабричный продукт. – Она издала тихий, довольный смешок. – Я должна достать этого парня. Сегодня же ночью. Он лучший, кого я встречала. Номер один, высшая проба, шедевр.

– Что ты должна за два миллиона, так это вытащить меня из этой задницы. А этот твой дружок – его действительно вырастили в пробирке. В Тиба-сити. Это же наемный убийца якудза.

– Тиба? Понятно. Видишь ли, Молли тоже бывала в Тибе. – И она показала мне свои ладони, слегка раздвинув пальцы. Пальцы были тонкие и ухоженные и по сравнению с полированными темно-красными ногтями казались мертвенно-бледными. Десять лезвий выскочили одновременно из скрытых под ногтями пазов: каждое – узкий, остро отточенный скальпель из бледно-голубой стали.

Я никогда не бывал подолгу в Ночном Городе. Здесь никто не покупал мою память – наоборот, здешние обитатели платили достаточно регулярно, чтобы о многом забыть. Поколения метких стрелков постоянно громили неоновые светильники, пока ремонтные бригады вообще не плюнули на свое безнадежное дело. Даже в бледном свечении дня своды куполов здесь были черны как сажа.

Куда ты собрался бежать, если самая богатая преступная организация в мире подбирается к тебе своими длинными холодными пальцами? Где ты спрячешься от якудза – они могущественны настолько, что владеют собственными спутниками связи и по меньшей мере тремя шаттлами? Якудза – настоящая транснациональная корпорация, такая же, как «Ай-Ти-Ти» или «Оно-Сендаи». За пятьдесят лет до моего рождения якудза уже подчинила себе триады, мафию и Корсиканский союз.

У Молли был наготове ответ: ты спрячешься в Адской Яме, в самом нижнем ее круге, где любое давление извне мгновенно порождает круговые волны ответной грубой угрозы. Ты укроешься в Ночном Городе. А еще лучше – ты спрячешься *над* Ночным Городом, потому что Адская Яма вывернута наизнанку и днище ее котла почти касается неба. Неба, которое Ночной Город никогда

не видит, потея под собственным небосводом, сделанным из акриловой резины. Там, наверху, одни лишь нитехи, подобно химерам-горгульям, привычно копошатся во тьме со свисающими с губ контрабандными сигаретами.

Она же подсказала ответ и на другой мой вопрос:

– Значит, твоя голова заперта капитально, Джонни-сан? И никак эту программу без пароля оттуда не вытащишь? – Она отвела меня в тень за освещенной платформой «трубы». Бетонные стены были сплошь покрыты граффити – наслаиваясь из года в год, они превратились в один сплошной метарисунок гнева и безнадежности.

– Информация, которую я беру на хранение, вводится через модифицированный серийный протез, применяемый обычно в контраутической микрохирургии. – Я запустил ей сокращенную версию своего стандартного рекламного ролика. – Код клиента хранится в специальном чипе; кроме «кальмаров», о которых в нашем ремесле вообще-то говорить не принято, никто не может восстановить пароль. Хоть режь меня, хоть пытай, хоть накачивай наркотиками. Я его просто не знаю, да никогда и не пытался узнать.

– Кальмары? Это которые со щупальцами и ползают?

Мы очутились на опустевшем уличном рынке. Смутные фигуры, маячившие на другой стороне импровизированной торговой площади, усыпанной рыбьими головами и гниющими фруктами, провожали нас внимательными взглядами.

– Так называют сверхпроводниковые квантовые детекторы возмущений[02]. Во время войны их использовали для поиска подводных лодок и выкачивания информации из вражеских киберсистем.

– Вот оно что. Флотские штучки? Еще с войны? И такой вот «кальмар» сможет прочесть твой чип? – Она остановилась, и я почувствовал на себе взгляд ее глаз, укрытых за линзами-зеркалами.

– Даже примитивные модели могут измерить силу магнитного поля с точностью в одну миллиардную геомагнитной – это как отыскать шепчущего на ревущем стадионе.

– Ну, копы уже могут это делать – при помощи параболических микрофонов и лазеров.

– Да, но при этом ваши данные все равно останутся в безопасности. – Во мне проснулась гордость профессионала. – Ни одно правительство не разрешит своим копам пользоваться «кальмарами» – даже секретной службе. Слишком много возможностей для междепартаментских склок: всем им охота устроить новый уотергейт.

– Флотские штучки... – Она задумалась, в тени сверкнула ее улыбка. – Флотские штучки... Тут, внизу, есть у меня дружок, который служил во флоте. Его зовут Джонс. Я думаю, тебе стоит с ним познакомиться. Он, правда, сидит на игле. Так что придется ему что-нибудь принести.

– Он наркоман?

– Он дельфин.

Он был больше, чем просто дельфин, – любой нормальный дельфин вряд ли бы отнесся к нему как к своему собрату. Я смотрел, как лениво он кружится в своей оцинкованной цистерне. Вода перехлестывала через край, заливая мои ботинки. Киборг. Пережиток последней войны.

Он высунулся из воды, и взгляду предстало закованное в бронированные пластины тело. Это было открытой издевкой над его сущностью: изящество, отпущенное ему природой, почти полностью потерялось под грубым и допотопным панцирем. В уродливых выпуклостях по обеим сторонам черепа были установлены сенсорные датчики. Множество серебристых шрамов мерцало на открытых участках его светло-серой кожи.

Молли свистнула. Джонс взмахнул хвостом, и через край цистерны выплеснулся еще один фонтан.

– Что это за место? – спросил я, всматриваясь в едва различимые в темноте звенья ржавой цепи и какие-то укрытые брезентом предметы. Над цистерной нависала громоздкая деревянная рама, увитая рядами пыльных рождественских фонариков.

– «Фанлэнд», «Страна развлечений». Зоопарк и карнавальные шествия. «Не хотите ли поговорить с Китом-Воином?» И все такое прочее. Как будто Джонс похож на кита...

Джонс высунулся опять и остановил на мне свой древний печальный взгляд.

– А как он разговаривает? – Мне вдруг очень захотелось бросить все и уйти.

– Тут своя хитрость. Скажи «привет», Джонс.

И все лампочки сразу же загорелись. Замигали разноцветные огоньки – красный, белый, голубой.

```
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
```

– Видишь, он неплохо разбирается в символах, но набор кодов у него несколько ограниченный. У себя на флоте он был

подключен к аудиовизуальному дисплею. – Она вытащила из кармана узкий плоский пакетик. – Джонс, есть отличное говнецо. Хочешь попробовать? – Он остановился в воде и стал медленно погружаться на дно. Я почувствовал странное беспокойство, вдруг вспомнив, что он не рыба и может запросто утонуть. – Джонс, нам нужен ключ к банку данных Джонни. Как бы его поскорее заполучить? Огоньки дрогнули и погасли.

– Давай, Джонс!

```
ББББББББ
ББББББББ
ББББББББ
ББББББББ
ББББББББ
```

Белое магниевое сияние омыло ее лицо, свет лег ровным слоем, тени, тянувшиеся от скул, исчезли. Снова тьма.

– Отличнейшее! Никаких примесей. Ну же, Джонс.

```
Г
ГГГГГГГГГ
Г
Г
Г
Г
```

Голубой мертвенный свет. Распятие. Пауза.

```
К КККК
К К
КККККК
К К
КККК К
```

Кроваво-красная свастика щупальцами отразилась в серебристых линзах Молли.

– Выдай ему обещанное, – сказал я. – Мы нашли что хотели.

Эх, Ральфи, Ральфи. Мордашка… Ну никакого воображения.

Джонс взгромоздил добрую половину своей бронированной туши на край цистерны, и я подумал, что металл не выдержит и поддастся. Молли с размаху всадила иглу, угодив точно между двумя пластинами. Раздался шипящий звук. Вновь вспыхнули лампочки, по раме, судорожно пульсируя, побежали световые узоры.

Мы оставили Джонса лениво покачиваться в темной воде. Быть может, ему снились сны о войне на Тихом океане, о киберминах, которые он подрывал, осторожно проникая в их внутренности с помощью своего «кальмара». Сегодня «кальмар» пригодился и мне, чтобы вытащить из чипа, похороненного в моей голове, жалкий пароль Ральфи.

– Хорошо, пускай они дали маху, когда списали Джонса со флота со всей его оснасткой... Но как кибердельфин мог сесть на иглу?

– Война, – сказала она. – Они все там были такие. Что ты хочешь – это же флот. Иначе попробуй заставь их работать на себя.

– Не думаю, что эту вашу затею можно осуществить, – сказал нам пират, пытаясь заломить цену. – Пробить канал на спутник связи, который нигде не зарегистрирован...

– Еще одно слово, и у тебя больше не будет проблем. – Молли уперла локти в исцарапанный пластик стола и нацелила на него указательный палец.

– Тогда, быть может, вы заплатите за свои микроволны где-нибудь в другом месте?

Да, парень классный, хоть и косит под Сони Мао. Родом из Ночного Города, не иначе.

Ее рука метнулась вперед и, скользнув по его куртке, целиком отсекла лацкан, даже не помяв ткань.

– Так что, по рукам или как?

– Да, – он уставился на срезанный лацкан, делая вид, что рассматривает его только из вежливого интереса, – по рукам.

Пока я настраивал два купленных заранее рекордера, Молли вытащила из кармана на рукаве куртки сложенный бумажный листок, на котором я записал пароль. Развернула его и молча прочла, медленно шевеля губами.

– И это все? – Она пожала плечами.

– Начинай, – сказал я, нажимая клавиши «ЗАПИСЬ» на обеих деках одновременно.

– Белый Христиан, – прочитала она вслух, – и его «Арийский рэгги-бэнд».

Верный Ральфи. Фанат до самой могилы.

Переход к состоянию «идиот-всезнайка» всегда не такой внезапный, каким его ждешь. Радиостанция пирата представляла собой кубическое помещение, выдержанное в пастельных тонах и скрывающееся под вывеской захудалого туристического агентства; похвастаться оно могло лишь столом, тремя стульями и выцветшим постером с рекламой швейцарской орбитальной клиники. Две стеклянные птички на проволочных лапках монотонно тянули воду из пеностироловой чашки, которая стояла перед ними на полке рядом с плечом Молли. Пока я входил в режим, движения их постепенно ускорились, и через какое-то время венчики на их головах, искрящиеся в свете ламп, слились в сплошные разноцветные дуги. Индикатор пластмассовых

настенных часов, на котором отсчитывались секунды, превратился в бессмысленную пульсирующую сетку, а сама Молли и этот парень с рожей под Сони Мао словно погрузились в туман, лишь изредка я видел, как в тумане мелькают их руки, выписывая призрачные фигуры, напоминающие движения насекомых. А потом и они исчезли, растворившись в сером холоде статики, в котором не было ничего, лишь кто-то нудно бормотал на искусственном языке одну-единственную бесконечную поэму.

Без малого три часа просидел я, выпевая краденую программу покойника Ральфи.

Проспект тянется на сорок километров – сорок километров неровно состыкованных фуллеровских куполов, накрывающих то, что некогда было оживленной пригородной магистралью. Когда в ясную погоду здесь выключают освещение, солнечные лучи, пробиваясь сквозь многослойные акриловые перекрытия, превращаются в серую дымку. Это очень напоминает тюремные наброски Джованни Пиранези. На юге три последних километра проспекта проходят через Ночной Город. Ночной Город не платит налогов ни в государственную, ни в городскую казну. Неоновые светильники здесь давно мертвы, а геодезики почернели от копоти костров, на которых десятилетиями готовят пищу. И разве кто-нибудь разглядит среди густой полуденной темноты Ночного Города несколько дюжин сумасшедших детей, прячущихся между балками перекрытий?

Два часа мы карабкались вверх по бетонным ступеням и металлическим решетчатым трапам мимо ветхих мостков и покрытых пылью подъемников. Начали мы свое восхождение с площадки, похожей на заброшенную ремонтную платформу, сплошь заставленную треугольными сегментами купола. И на всех предметах вокруг мы видели все те же привычные, однообразные граффити, нанесенные при помощи аэрозольных баллончиков с краской: названия банд, чьи-то инициалы, и даты, даты, даты – вплоть до самого начала века. Надписи преследовали нас по пятам, но чем выше мы забирались, тем их становилось меньше, пока наконец не осталась одна-единственная, повторяющаяся с настойчивым постоянством: *НИТЕХИ*. Большими заглавными буквами с подтеками черной краски.

– Нитехи – это кто?

– Только не мы, босс. – Она влезла на шаткую алюминиевую лестницу и скрылась в дыре, прорезанной в листе гофрированного пластика. – Примитивная техника, низкие

технологии – вот что это такое. – Пластик приглушал ее голос. Я осторожно полез за ней следом, оберегая побаливающую кисть. – Даже твоя затея с обрезом нитехам не покатила бы.

Где-то час спустя, когда я протащил свое тело сквозь очередную дыру, на этот раз грубо пропиленную в листе фанеры, я впервые наткнулся на нитеха.

– Все в порядке. – Рука Молли скользнула по моему плечу. – Это просто Пес. Эй, Пес!

Он стоял, освещенный узким лучом ее карманного фонаря, и рассматривал нас своим единственным глазом. Потом медленно высунул изо рта длинный серый язык и облизал выпирающие наружу клыки. Я подумал: а можно ли считать трансплантацию челюстных тканей добермана примитивной технологией? Ведь не растут же иммуноподавители на деревьях.

– Молл'. – Длинные клыки коверкали речь нитеха. С вывернутой нижней губы свисала капля слюны. – Слыш'л, как вы идете. Давно. – На вид ему было лет пятнадцать, но клыки, яркая мозаика шрамов и вдобавок вечно разинутая пасть превратили его лицо в настоящую звериную морду. Надо же было потратить столько времени и таланта, чтобы соорудить этакую образину; впрочем, по достоинству, с каким он держался, было видно, что жить за таким фасадом ему нравится. Ноги его прикрывали драные джинсы, черные от налипшей грязи и лоснящиеся на сгибах. Грудь Пса была голой, и стоял он на полу босиком. Нитех изобразил своим ртом что-то вроде ухмылки: – Идут след'м, за вами.

Далеко внизу, в Ночном Городе, надрывно закричал лотошник-водонос, зазывая покупателей.

– Запрыгали струны, Пес?

Она повела фонарем, и я увидел тонкие провода, привязанные к головкам болтов. Они тянулись от самого края площадки и исчезали внизу.

– Выруби еб'н свет!

Она сразу же погасила фонарик.

– Эт'т, к'торый там, как он ход'т без света?

– Он ему не нужен. Это подарочек еще тот, Пес. Если ваши сторожа попытаются спихнуть его, думаю, что домой они вернутся в разобранном виде.

– Он друг эт'г друга, Молл? – с тревогой прогнусавил он. Я услышал, как у него под ногами затрещала гнилая фанера.

– Нет. Но я займусь им сама. А этот, – она похлопала меня по плечу, – это мой друг. Понял?

– Ясн', – ответил он без особой радости и прошлепал к краю платформы, туда, где крепились болты. Дергая за натянутые

струны, он принялся передавать сообщение тем, кто находился внизу.

Подобно огромному крысиному лабиринту далеко под нами раскинулся Ночной Город. Он был окутан мраком, лишь в крохотных квадратиках окон тускло мерцали свечи, да изредка выступали из тьмы площадки, освещенные фонарями на батарейках и карбидными лампами. Я представил себе стариков, коротающих время за бесконечной партией в домино: они лениво постукивают костяшками, а сверху им на головы с мокрого стираного белья, вывешенного между фанерными лачугами, падают большие теплые капли. Затем я попытался представить того, кто сейчас терпеливо взбирается вверх, один, в темноте, в своих легоньких дзори и мерзкой туристской рубахе, вежливо улыбаясь и не спеша – да и куда спешить-то?.. И все же, как ему удалось выследить нас?

– Очень просто, – сказала Молли. – Он чует нас по запаху.

– Кур’шь?

Пес вытащил из кармана мятую пачку и, как награду, вручил мне сплющенную сигарету. Прикуривая от кухонной спички, я разглядел марку. Ихэюаньский табак. Пекинская сигаретная фабрика. Понятное дело, нитехи связаны с черным рынком. Тем временем Пес и Молли завели какой-то нескончаемый спор, который, как я понял, вертелся вокруг желания Молли воспользоваться чем-то особенным из недвижимого имущества нитехов.

– Приятель, ты, наверно, забыл, сколько я всего для вас сделала. Мне нужна Площадка. Я давно не слушала музыку.

– Ты не н’тех...

Так они препирались добрую часть километрового зигзага, по которому вел нас Пес. Идти оказалось непросто: то по узким раскачивающимся мосткам, то куда-то вверх по веревочным лестницам. Нитехи плетут свою паутину, плевками эпоксидной смолы прикрепляя свои гнезда к расползающейся ткани города – и спят там себе над бездной в веревочных гамаках... Их владения настолько условны, что порой и состоят лишь из упоров для рук и ног, выпиленных в конструкциях геодезиков.

Дохлая Площадка, сказала Молли. Поспевать за ней было непросто, особенно в этих неразношенных модных туфлях из гардероба Скоростного Эдди, которые скользили по вытертому металлу и гладкой, мокрой фанере, – и я подумал: а можно ли найти еще более гиблое место, чем это? Молли и Пес все спорили, но я догадывался, что отговорки Пса – всего лишь ритуал: она получит то, чего хочет.

Где-то там внизу, под нами, ходил кругами в своей цистерне Джонс. У бедняги как раз должна была начаться ломка. Полиция, наверное, все еще приставала к завсегдатаям «Взлетной полосы» с вопросами о Ральфи. Что он там делал? Да с кем он там был до того, как вышел на улицу? И якудза, должно быть, уже запускала свои невидимые щупальца в информационные узлы города, выискивая любую мелочь, способную навести на мой след, – банковские счета, страховки, оплаченные квитанции. У нас информационная экономика. Этому учат еще в школе. Но учителя никогда не скажут вам, что невозможно жить, передвигаться, совершать какие-либо действия, не оставляя крошечных, ничтожных на первый взгляд, но неуничтожимых следов информации о личности каждого человека. Следов, которые можно извлечь, собрать, усилить...

Но к этому времени пират уже должен был переправить нашу анонимку в сеть, откуда она прямиком попадет на комсат якудза. Послание очень простое: «Отзовите ищеек, или мы запустим вашу программу по всем каналам».

Программа... Я даже понятия не имел о ее содержимом. И до сих пор не имею. Я просто пропел свою песню, не разбирая слов. Быть может, это были данные каких-то исследований, добытые с помощью промышленного шпионажа, – обычный бизнес якудза. Чем не по-джентльменски – грабануть у «Оно-Сендаи» какую-нибудь перспективную разработку, а затем вежливо предложить ее выкупить? А если жертва упрется, в ход пойдут угрозы: или гоните монету, или ваша бесценная новинка станет достоянием гласности.

И в самом деле, почему бы им не поставить на какой-то другой номер? Разве продать украденное «Оно-Сендаи» для них менее выгодно, нежели выкопать могилу для какого-то Джонни из Переулка Торговцев Памятью?

Их программа, отправленная наземной почтой четвертого класса, была сейчас на пути в Сидней. По одному адреску, по которому я обычно отсылал письма для своих клиентов, – люди там работали надежные и, главное, они не задавали вопросов, – причем совсем незадорого. Якудза же я выслал программу не целиком, а лишь небольшую часть второй копии – ровно столько, чтобы они убедились в ее подлинности. А поверх затертого куска я записал свое послание.

Боль в кисти не проходила. Мне хотелось остановиться, лечь и уснуть. Я знал: еще немного, и я потеряю чувство реальности, свалюсь без сил – и уж тогда-то эти черные остроносые туфли, которые я купил, чтобы сыграть роль Эдди Бакса, потеряют опору и мигом доставят меня вниз, в Ночной Город. Но перед

мысленным взором все время стоял он – тот, что шел за нами следом: от него, как от дешевой религиозной голограммы, исходило сияние, а увеличенный чип на гавайке напоминал снимок приговоренного к ядерной смерти города, сделанный со спутника-шпиона.

И поэтому я продолжал идти за Молли и Псом через небеса нитехов, кое-как сколоченные из всякого хлама, от которого отвернулся даже Ночной Город.

Дохлая Площадка – квадрат восемь на восемь метров. Словно какой-нибудь великан, натянув на стальных канатах свалку металлолома, подвесил ее в пустоте. Она скрежетала при малейшем движении, а двигалась она постоянно, раскачиваясь и подпрыгивая, пока собравшиеся нитехи рассаживались на окружавшем ее фанерном карнизе. Дерево от старости серебрилось, поверхность карниза, отполированная за долгие годы, сплошь пестрела от вырезанных имен, угроз и признаний в любви. Тросы, удерживавшие Площадку на весу, терялись во тьме за пределами ослепительно-белого сияния двух древних прожекторных рам, подвешенных сверху.

Девушка с зубами как у Пса неожиданно выпрыгнула на Площадку и встала на четвереньки. На грудях ее были вытатуированы спирали цвета индиго. Она быстро добежала до края и с громким хохотом вцепилась в парня, который пил из литровой фляги какую-то темную жидкость.

Похоже, мода у нитехов и состояла-то в основном из татуировок да шрамов. Ну и, конечно, зубов. Электричество, которое они воровали для освещения Дохлой Площадки, казалось исключением из их эстетики, сделанным во имя... чего? Ритуала, спорта, искусства? Точно сказать я не мог, но видел, что Площадка – это нечто особенное. И, судя по всему, каждое поколение нитехов вносило в нее что-то свое.

Я все еще прятал под курткой бесполезный обрез. Патронов в нем больше не было, но твердость приклада, упиравшегося в мой бок, действовала успокаивающе. И тут до меня наконец дошло, что я до сих пор не имею ни малейшего представления о том, что здесь на самом деле происходит – или может произойти. Но это было в духе всей моей предыдущей игры, потому что большую часть жизни я был лишь слепым сосудом, который чужие люди наполняли чужими знаниями, а затем выкачивали их обратно, – и я послушно выплескивал из себя искусственные слова, никогда не понимая их смысла. Одним словом, очень техничный парень. Уж будьте уверены.

А затем я заметил, какими тихими сделались вдруг нитехи.

Он стоял на границе света и тьмы, с невозмутимым спокойствием туриста рассматривая Площадку и толпу нитехов, замерших на галерке. И когда наши взгляды встретились и мы сразу же узнали друг друга, вдруг словно что-то щелкнуло в моей памяти. Я вспомнил Париж: длинные электрические «мерседесы», как блуждающие оранжереи скользящие сквозь дождь к Нотр-Дам, а за стеклами японские лица, и сотни объективов «никои», и из каждого слепо тянущийся к свету цветок из хрусталя и стали. И в самой глубине его глаз – когда наши взгляды встретились – я увидел те же, что и тогда, жужжащие затворы фотообъективов.

Я оглянулся в поисках Молли, но она куда-то исчезла.

Нитехи молча потеснились и дали ему ступить на карниз. На лице его светилась улыбка, он поклонился и плавным движением выскользнул из своих сандалий; они остались стоять одна подле другой, выровненные, будто по линейке. Потом он сошел на Площадку. Тех двигался ко мне через колеблющиеся завалы металлолома легко и спокойно – как беззаботный турист, фланирующий по синтетическим ковровым дорожкам второразрядного отеля.

И тут стремительным движением на Площадку выпрыгнула Молли.

Площадка пронзительно завизжала.

Каждое движение Площадки сопровождалось усиленным до предела звуком: к четырем толстым спиральным пружинам по ее углам были подключены здоровенные звукосниматели, а к ржавым обломкам машин и механизмов безо всякой системы крепились контактные микрофоны. А еще где-то нитехи держали усилитель и синтезатор; вверху же, над нашими головами, сквозь слепящее марево можно было различить неясные очертания колонок.

С размеренной четкостью метронома начал отбивать ритм электронный ударник: ощущение было такое, словно где-то поблизости застучало огромное сердце.

Молли сбросила с себя куртку и сапоги и осталась в футболке без рукавов; по едва заметным следам на ее тонких руках можно было догадаться о специальных устройствах из Тиба-сити. Ее кожаные джинсы блестели в свете прожекторов. Она начала танцевать.

Согнув ноги в коленях, она с силой вдавила белые ступни в расплющенный бензобак; в ответ на это Площадка начала раскачиваться. Звук при этом был такой, словно мир рушится в преисподнюю, а провода, которыми он прикреплен к небесам, лопаются и скручиваются по всему небосводу.

Всего несколько биений сердца потребовалось теху, чтобы

приноровиться к диким броскам Площадки, затем он легко двинулся дальше, ступая по обломкам металла, словно по верхушкам плоских камней в каком-нибудь орнаментальном саду.

Не доходя до Молли, он с изяществом человека, привычного к светским манерам, потянул за кончик большого пальца и метнул его в ее сторону. Преломившись в лучах прожекторов, нить протянулась в воздухе радужной паутинкой. Молли бросилась на пол и откатилась в сторону, а затем, когда смертоносная молекула просвистела мимо, взметнулась вверх, как распрямившаяся пружина. Словно повинуясь инстинкту самозащиты, она выпустила стальные когти.

Барабанный пульс участился. Молли делала прыжок за прыжком – черные волосы взлетали от дикой пляски над слепым серебром линз, рот сжался в линию, губы побелели от напряжения. А под ней гудела и скрежетала Площадка, и нитехи повизгивали от удовольствия.

Тех втянул нить обратно, но не до конца: держа беспалую руку на уровне груди, он стал вращать нить перед собой, образовав призрачный многоцветный круг диаметром около метра. Словно загородился щитом.

И тут Молли как будто прорвало. Это трудно было назвать танцем – так мечется сорвавшаяся с цепи бешеная собака. Она резко подпрыгнула, прогнулась в воздухе и, сделав рывок в сторону, приземлилась обеими ногами на алюминиевый блок двигателя, прикрученный проволокой к одной из спиральных пружин. Я зажал уши ладонями, сила звука, с которой загрохотала Площадка, бросила меня на колени, голова моя закружилась, я подумал, что и сама Площадка, и карниз с сидящими на нем нитехами, сорвавшись, рушатся вниз. Мне уже виделось, как мы падаем на Ночной Город, как ломаются от удара лачуги, разлетается недосушенное белье и несчастные наши тела разбиваются о городские плиты, словно гнилые фрукты. Но тросы выдержали, и Площадка продолжала взлетать и падать подобно безумному металлическому морю. И Молли продолжала танцевать на его волнах.

И уже перед самой развязкой, перед тем как тех в последний раз взмахнул своей нитью, я увидел на его лице выражение, которое, по-моему, просто не могло принадлежать ему. Это не было страхом, и это не было гневом. Скорее это были неверие, изумление и непонимание одновременно, смешанные к тому же с чисто эстетическим отвращением ко всему, что он здесь видел и слышал, – и к тому, что происходило с ним. Он опять втянул в палец вращающуюся нить и, когда призрачный диск уменьшился до размеров тарелки, взметнул руку над головой и рывком ее

опустил: кончик большого пальца, словно сделавшись вдруг живым, метнулся в сторону Молли.

Но Площадка унесла Молли вниз, и нить прошла над самой ее головой – чтобы затем, в упругом развороте, возвратиться к своему хозяину, взлетевшему на гребне встречной волны. Нить должна была без вреда пройти над его головой и вернуться на место в алмазную твердь сустава. Вышло иначе: она отсекла ему кисть. Перед техом в Площадке образовалась брешь, и он шагнул прямо в нее: так уходит в воду ныряльщик, неторопливо, с нарочитым изяществом, – сбитый камикадзе на своем пути вниз, в Ночной Город. Но я думаю, есть еще одна причина, объясняющая этот прыжок. Напоследок, перед тем как уйти в глубину, он хотел подарить себе несколько секунд тишины, которых он был достоин. Не ловкость и не отвага соперницы убили его – его убил культурный шок.

Нитехи заорали как резаные, но кто-то уже выключил усилитель, и Молли, с бледным, без тени чувства лицом, покачалась еще немного с Площадкой, пока та наконец не остановилась и в медленно возвращающейся тишине не осталось ничего, кроме затухающего гуда измученного металла да скрипа трущихся друг о друга ржавых частей.

Мы обшарили всю Площадку в поисках отрезанной кисти, но так и не нашли ее. Все, что мы обнаружили, – это изящный срез на одном из кусков ржавой стали, который оказался на пути пролетающей нити. Поверхность его сверкала, словно свежее хромированное покрытие.

Мы так и не узнали, приняли ли якудза наши условия, да и вообще – дошло ли до них наше послание. Насколько мне известно, программа по-прежнему дожидается Эдди Бакса на полке в подсобке сувенирной лавки на третьем уровне вокзала Сидней-Пять. Оригинал программы они, скорее всего, продали обратно «Оно-Сендаи» еще несколько месяцев назад. Но, может, они и приняли передачу пирата, ведь до сих пор по мою душу так никто и не приходил, хотя минул почти год. Но даже если они и появятся, то сперва им придется повторить наш долгий подъем сквозь тьму, мимо часовых Пса, а я, если на то пошло, уже совсем не похож на Эдди Бакса. Я предоставил это Молли – ей и местной анестезии. И мои новые зубы уже почти прижились.

Я решил остаться здесь, наверху. В тот раз, когда я увидел его, появившегося на противоположном краю Площадки, до меня вдруг дошло, насколько я все-таки пуст. И еще я понял, что мне до тошноты надоело быть корзиной для чьего-то белья. Зато теперь почти каждую ночь я спускаюсь вниз и навещаю Джонса.

Мы теперь с ним партнеры, я и Джонс, – ну и, конечно, Молли. Молли устраивает наши дела внизу, во «Взлетной полосе». Джонс по-прежнему живет в своей «Стране развлечений», но цистерна у него куда как больше, и раз в неделю ему подвозят свежую морскую воду. И кайф у Джонса есть, когда ему надо. Он по-прежнему разговаривает с детишками с помощью рождественских фонариков, но со мной Джонс беседует через экран дисплея. Новый прибор гораздо лучше того, что был у него на флоте. Я установил его в гараже, который снимаю неподалеку.

И все мы зарабатываем неплохие денежки, побольше, чем я зашибал раньше, потому что «кальмар» Джонса может прочесть следы любой информации, которая когда-либо во мне побывала. Он выдает все это через наш новый дисплей на языке, который я теперь без труда понимаю. Так что мы много чего узнали о всех моих бывших клиентах. И однажды настанет день, когда я отправлюсь к хирургу, чтобы выковырять весь этот кремний, запрятанный у меня в железах. И останусь жить лишь со своей памятью и ничьей больше, как и другие люди. Но какое-то время я еще потерплю.

А пока здесь у нас, наверху, все в полном порядке. Я посиживаю себе в темноте, покуриваю китайские сигареты с фильтром, слушаю, как капает с геодезиков влага. Только здесь, наверху, еще можно услышать, что такое настоящая тишина – если, конечно, парочка нитехов не вздумает станцевать на Дохлой Площадке.

Такая жизнь многому учит. И если с помощью Джонса я разберусь еще в нескольких мелочах, я стану самым техничным парнем в городе.

Континуум Гернсбека

Судьба сжалилась надо мной, — и все произошедшее начинает расплываться, блекнуть, превращаться в эпизод. Если временами и случается уловить что-то странное, то только боковым зрением. Хромированные осколки поделок сумасшедшего доктора надежно прячут себя в уголке глаза. На прошлой неделе в небе над Сан-Франциско парил этот лайнер-бумеранг, но уже почти совсем прозрачный. И похожие на акул машины появляются все реже. И бесплатные шоссе уже не развертываются передо мной сверкающими восьмиполосными монстрами, по которым в прошлом месяце мне довелось вести взятую напрокат «тойоту». И я знаю, что ничего из этого не последует за мной в Нью-Йорк. Восприятие мира сузилось до единственной ленты вероятности. А это стоило немалого труда. И еще — спасибо телевидению.

Все это, думаю, началось в Лондоне, в псевдогреческой таверне на Бэттерси-парк-роуд, во время ленча, оплаченного фирмой Коэна. Еда там была безвкусная и горячая, кроме того, официант полчаса не мог найти ведерко со льдом для бутылки «рецины». Коэн работает на «Бэррис-Уотфорд», они издают модные нынче фолианты в мягкой обложке — этакие многостраничные иллюстрированные справочники по истории неоновой вывески, игровых автоматов с шариком или, скажем, заводной японской игрушки периода послевоенной оккупации. Я приехал сделать серию снимков для рекламы обуви. Калифорнийские девицы с загорелыми ногами, обутыми в кроссовки от «Дай-Гло», резво скакали перед моим объективом по эскалаторам универмага «Сент-Джонс-Вуд» и платформам станции «Тутинг Бек». Некое молодое агентство, голодное, но хваткое, решило, что «Загадка Лондонского Транспорта» — именно то, что нужно, чтобы продать нейлоновые кроссовки с рифленой подошвой. Агентство платило, я снимал. А Коэн, которого я смутно помнил по Нью-Йорку, пригласил меня позавтракать за день до того, как я должен был вылететь из Хитроу. С собой он привел модно одетую девицу по имени Дайалта Даунс — подбородок у нее отсутствовал, зато она была видным специалистом по истории поп-арта. Как сейчас вижу, как она появляется под руку с Коэном под пульсирующей неоновой вывеской. Огромными заглавными буквами вспыхивают и гаснут слова: «НА ЭТОМ ПУТИ БЕЗУМИЕ».

Коэн познакомил нас и пояснил, что Дайалта разрабатывает для «Бэррис-Уотфорд» новый проект — готовит

иллюстрированную историю того, что она называет «американским обтекаемым модерном». Коэн в шутку именовал его «готикой бензозаправочно-лучевого пистолета». Рабочим названием книги пока оставалось «Обтекаемый футурополис: Завтра, которого никогда не было».

Да, это была именно она — чисто британская одержимость наиболее вычурными элементами американской поп-культуры. Западные немцы точно так же бредят ковбоями и индейцами, а во Франции смакуют старые фильмы Джерри Льюиса. У Дайалты Даунс это проявилось в маниакальном пристрастии к той уникальной разновидности американской архитектуры, о которой большинство американцев даже и не подозревает. Я и сам поначалу не очень-то понимал, о чем это она толкует, но постепенно до меня дошло. Я обнаружил, что вспоминаю воскресные утренние телепередачи пятидесятых годов.

Иногда на нашей станции, заполняя паузу между программами, крутили старые киножурналы, дрожащие и исцарапанные. Ты сидишь себе с куском хлеба с арахисовым маслом и стаканом молока, а съеденный шумом статики голливудский баритон вещает о «Летающих автомобилях Будущего». А на экране — три инженера из Детройта суетятся вокруг огромного древнего «нэша» с крыльями. Потом он яростно громыхал по заброшенной дороге где-нибудь в Мичигане. На самом деле он так никогда и не отрывался от земли, но, оказывается, улетел-таки в эту страну «никогда-никогда» Дайалты Даунс, истинное прибежище не знающих преград технофилов. Она описывала то одни, то другие образчики «футуристической архитектуры тридцатых и сороковых», те самые дома и ограды, которые на каждом шагу встречаешь в американских городках, совершенно их не замечая. Напоминающие шляпки великосветских дам палатки кинотеатров с раструбами проекторов словно бы для излучения некой мистической энергии, заброшенные магазины с фасадами из гофрированного алюминия, трубчатые хромированные кресла, собирающие пыль в вестибюлях отелей. Во всем этом ей виделись осколки мира мечты, позабытые в равнодушном настоящем. Она хотела, чтобы я сфотографировал их для нее.

Тридцатые годы видели первое поколение промышленных дизайнеров. До сих пор все точилки для карандашей выглядели как точилки — еще викторианских времен механизм, быть может, с ободком декоративного орнамента. С приходом промышленного дизайна точилки стали выглядеть так, как будто их собирали в аэродинамической трубе. Изменения не шли дальше поверхности. Под обтекаемой хромированной оболочкой пряталось все то же

лезвие. Что ж, это вполне логично, ведь наибольшего успеха добивались дизайнеры, вышедшие из театриков на Бродвее. Все это было не более чем декорацией, профессионалы изощрялись, играя в жизнь в будущем.

За кофе Коэн извлек толстый матерчатый конверт с целой стопкой глянцевых фотографий. Я увидел крылатые статуи, охраняющие плотину Гувера, — сорокафутовые бетонные монументы, выглядящие так, будто они опираются на воображаемый ураган. На стол веером легла дюжина снимков «Джонсон Уокс Билдинг» по проекту архитектора Фрэнка Ллойда Райта вперемежку с обложками старого «палп-журнальчика» «Эмейзинг Сториз»[1] с рисунками художника по имени Фрэнк Р. Пол. Служащим фирмы «Джонсон Уокс», должно быть, казалось, что, приходя на работу, они вступают в одну из «палповых» утопий Пола. Здание Райта выглядело так, словно оно создавалось для людей, носящих белые тоги и легкие сандалии. Я задержался на рисунке грандиозного авиалайнера с многочисленными пропеллерами. Он походил на плоский симметричный бумеранг с окнами в самых неожиданных местах. Стрелки с подписями указывали расположение великолепного бального зала и двух кортов для сквоша. Рисунок был датирован 1936 годом.

— Не мог же он летать? — Я поднял глаза на Дайалту Даунс.

— Нет, конечно. Он не поднялся бы в воздух даже с этими двенадцатью пропеллерами. Но им нравилось. Разве вы не понимаете? Из Нью-Йорка в Лондон всего за два дня, первоклассные рестораны, солнечные палубы, вечерами танцы под джаз. Видите ли, дизайнеры тех времен были популистами. А публика жаждала будущего.

Я уже третий день мучился в Бербанке, пытаясь вдохнуть искру божию в скучное с виду кресло-качалку. И тут пришла посылка от Коэна. Нет ничего необычного в попытках заснять на пленку то, чего на самом деле нет, однако это чертовски сложно, а значит, такой талант пользуется большим спросом. Я, конечно, здесь не корифей, но умею делать это неплохо. Однако это злосчастное кресло заставляло меня выжимать из моего «никона» невозможное. Как и все, я люблю хорошо делать свое дело, и потому закончился этот контракт для меня депрессией, впрочем, не самой черной. Наученный горьким опытом, я еще в самом начале поспешил удостовериться, что получил за свою работу чек. А потому решил развеяться тонкой артистичностью заказа от «Бэррис-Уотфорд». Коэн прислал мне несколько книг по дизайну тридцатых годов, еще одну пачку снимков обтекаемых зданий и

список из пятидесяти излюбленных Дайалтой Даунс образчиков этого стиля в Калифорнии.

Съемки архитектуры неизбежно несут в себе ожидание: здание превращается в подобие солнечных часов, пока ты ждешь, чтобы тень сползла с нужной тебе детали или чтобы определенным образом выявилась гармония структуры и массы. В часы вынужденного безделья я пытался вжиться в Америку Дайалты Даунс. Пара промышленных зданий, проступивших на матовом стекле «Хассельблада», приобрела вдруг некое зловещее достоинство тоталитарного строя — собратья стадионов, какие строил для Гитлера Альберт Шпеер. Но остальное не давалось в руки: оказалось, эфемерной субстанции, впитавшей в себя коллективное подсознание Америки тридцатых годов, удалось выжить лишь по окраинам захолустных городков с их пыльными отелями, дешевыми распродажами тюфяков и мелкими складами всяческого хлама. Подумать только, какой путь мне пришлось проделать ради одной-единственной бензоколонки.

В разгар «эпохи Даунс» возглавлять проектирование калифорнийских заправочных станций поставили, видно, Минга Безжалостного[2]. Предпочитавший архитектуру своей родной планеты Монго, Минг исколесил все побережье, воздвигая бензоколонки. Меня они неизменно наводили на мысль о пистолетах в белом гипсе. Все они щеголяли непропорционально вытянутыми центральными башнями, окруженными странными выступающими зубцами, сегодня сказали бы — излучателями. Они, очевидно, должны были стать визитной карточкой его стиля. Создавалось впечатление, что стоит только найти кнопку, которая бы запустила механизм, — они тут же разродятся очередью мощных взрывов чистейшего технического энтузиазма. Одну такую бензоколонку я успел заснять в Сан-Хосе за час до появления бульдозеров, которые с грохотом проломили структурную истину из гипса, железных решеток и дешевого бетона.

«Отнеситесь к этому, — говорила Дайалта Даунс, — как к некой альтернативной Америке: восьмидесятые годы двадцатого столетия, которые никогда не наступили. Архитектура несбывшейся Мечты».

В таком вот настроении, продвигаясь на красной «тойоте» по крестному пути, освященному социоархитектурным распятием Дайалты, я постепенно настраивался на теневой образ «Америки-которой-никогда-не-было». Той Америки, где заводы «Кока-Колы» выглядят, как выброшенные на берег субмарины, а заштатные кинотеатры кажутся храмами какой-нибудь богом забытой секты, поклоняющейся голубым зеркалам и геометрии. И, пробираясь

меж этих потаенных руин, я осознал, что спрашиваю себя, что подумали бы обитатели этого потерянного будущего о мире, в котором живу я. Тридцатые годы одевали свои мечты в белый мрамор и обтекаемый хром, бессмертный хрусталь и полированную бронзу. Но однажды глухой ночью ракеты с обложек гернсбековских журналов с воем упали на Лондон. После войны автомобили появились у всех и у каждого — только вот крыльев у них не было, — появились и обещанные супертрассы, чтобы ездить на них, так что даже небо потемнело, а выхлопные газы съели мрамор и изрыли оспинами чудесный хрусталь…

И вот однажды на окраине Болинаса, устанавливая камеру, чтобы заснять роскошный экземпляр марсианской архитектуры Минга, я прорвал тонкую мембрану вероятности…

Так легко и плавно я переступил Грань…

…и, подняв глаза, увидел двенадцатимоторное нечто, похожее на сплющенный бумеранг. Со слоновьей грацией оно ползло себе своей дорогой на восток, да так низко, что я мог бы пересчитать заклепки на его тускло-серебристой шкуре и услышать… быть может… эхо джаза.

С этим я приехал к Кину.

Мерв Кин — вольный журналист. Специализируется он на техасских птеродактилях, контактах с НЛО, лохнесских чудовищах и теориях о Заговоре Десяти, угнездившихся в самых глухих закоулках американского массового сознания.

— Неплохо, неплохо, — сказал Кин, натирая полой гавайской рубашки желтые стекла «поларoидов». — Но не ментально. Не цепляет.

— Но я это видел, Мервин.

Мы сидели у бассейна под ярким солнцем Аризоны. Он как раз ожидал визита чиновников-пенсионеров, приехавших в Таксон из Лас-Вегаса. Их предводитель, вернее, предводительница принимала известия от Них на свою микроволновую печь. Я провел за рулем всю ночь, и это начинало сказываться.

— Ну да, конечно, ты это видел. Ты же читал мои статьи. Тебя что, не устраивает моя теория НЛО? Все ясно и до идиотизма просто: людям многое чего видится. — Аккуратно водрузив очки на длинный ястребиный нос, он устремил на меня взгляд василиска. — Ничего нет, а они видят. Вероятно, потому, что им это нужно. Ты же читал Юнга и должен знать, что все это — выверты подсознания. Твой случай до смешного очевиден: ты сам признаешь, что постоянно думал обо всей этой черепковой архитектуре, что у тебя возникали разные фантазии. Послушай, я

ведь помню — разве ты когда отказывался от дозы? Да и кто из нас в Калифорнии пережил шестидесятые годы без единой галлюцинации? Вспомни ночь, когда ты решил, что всю армию рисовальщиков «Диснея» подрядили вплести мультяшные голограммы египетских иероглифов в ткань твоих джинсов? Или как…

— Но на сей раз все было совсем не так!

— Естественно, не так. Все было совсем иначе. Это было «в окружении обычной реальности», верно? Все вроде нормально, а затем вдруг появляются монстр, мандала, неоновая сигара. А в твоем случае — гигантский аэроплан Тома Свифта. Такое происходит сплошь и рядом. Ты даже не сошел с ума. Ты ведь и сам это знаешь.

Он выудил из переносного холодильника возле своего шезлонга банку пива.

— На прошлой неделе я был в Вирджинии. Округ Грейсон. Беседовал там с шестнадцатилетней девочкой, на которую напал урсусглав.

— Кто?

— Урсусглав. Отрубленная голова медведя. Видишь ли, этот урсусглав сам по себе плавал в воздухе, как летающая тарелка, и походил при этом на старенький «Кадиллак» кузена Вейна. «Красные глаза горели, как два сигарных окурка, а за ушами торчали хромированные телескопические антенны!» — Кин поперхнулся пивом.

— И это напало на нее? Как?

— Едва ли тебе стоит это знать, ты у нас, судя по всему, впечатлительный. Он был холодный, — Кин соскользнул на свой ужасающий южный акцент, — и металлический. Издавал шум, как электрический прибор. Так вот, дружок, это уже нечто реальное, а именно — прямой плод массового подсознания. Эта маленькая девочка — ведьма. Она бы увидела дьявола, не будь она воспитана на повторных показах «Бионического человека» и всех этих «Стар Треков»[3]. Она — в основном потоке. И знает, что с ней происходит. Я урвал десять минут, прежде чем появились серьезные мальчики из ассоциации по изучению НЛО со своим дурацким «детектором лжи».

Должно быть, вид у меня стал расстроенный, потому что он осторожно поставил свое пиво рядом с холодильником и выпрямился в шезлонге.

— Хочешь шикарное академическое объяснение? Так вот, ты видел семиотический призрак. Все байки контактеров, например, не выходят за рамки второсортной научной фантастики, которая пропитала всю нашу культуру. Я готов поверить в пришельцев, но

только не в тех, которые один к одному выглядят как инопланетяне из комиксов пятидесятых годов. Это — семиотические фантомы, осколки подспудных фантазий в рамках определенной культуры, которые откололись и обрели собственное бытие. Знаешь, канзасским фермерам до сих пор постоянно видятся воздушные корабли Жюля Верна. Ты же видел призрак иного рода, вот и все. Когда-то этот аэроплан был частью массового подсознания. А ты каким-то образом подобрал этот осколок. Важно лишь не переживать из-за этого.

Однако я переживал.

Кин причесал редеющие светлые волосы и отправился выслушивать, что в последнее время имели сообщить Они насчет радиуса действия радаров, а я, задернув в комнате шторы, лег в кондиционированной темноте переживать. Проснувшись, я все еще переживал. Кин оставил у моей двери записку: он-де чартерным рейсом вылетает на север проверить слух о мутациях скота (он их называет «мутиками»; еще одна из его журналистских специализаций).

Я поел, принял душ, проглотил крошащуюся таблетку стимулятора, которая вот уже три года болталась на дне моего несессера, и отправился назад в Лос-Анджелес.

Скорость ограничивала обзор туннелем света от автомобильных фар. Я уверял себя, что тело может вести машину, пока разум занят своим делом. Занят и потому не обращает внимания на жутковатые фигуры, вычерчиваемые на боковых стеклах амфетамином и усталостью, на всю эту светящуюся спектральную растительность, что вырастает на полуночных трассах в уголках глаз. Но мыслям не прикажешь. Слова Кина о том, что я раньше называл своими «видениями», бесконечно дребезжали в моем мозгу по вытянутой восьмерке. Семиотические призраки. Фрагменты массовой мечты, сметенные ветром от моей машины. Каким-то образом эта двойная петля наложилась на действие стимулятора, и скоростная растительность вдоль дороги стала приобретать оттенки инфракрасных снимков, сделанных со спутников. И по обе стороны от «тойоты» понеслись назад в потоке воздуха пылающие клочья.

Я притормозил. Вспыхнув напоследок, погасли фары, и десяток алюминиевых банок из-под пива весело подмигнули мне, желая доброй ночи. Интересно, который час сейчас в Лондоне. Я попытался представить себе, как Дайалта Даунс завтракает у себя в Хэмпстеде, окруженная обтекаемыми хромированными статуэтками и книгами по американской культуре.

Ночи в здешней пустыне без конца и без краю, и даже луна

как будто висит ниже. Я долго смотрел на луну, а потом решил, что Кин прав. Главное — не переживать. По всему континенту люди, гораздо более нормальные, чем я при всем желании смогу когда-либо стать, каждый день видят гигантских птиц, «снежных людей» или летающие нефтеочистители, обеспечивая тем самым занятость и платежеспособность Кина. Почему я должен расстраиваться, если мельком увидел в небе над Болинасом заблудившийся поп-образ тридцатых годов? И я решил поспать. Волноваться стоило из-за гремучих змей и хиппи-каннибалов — и то лишь в худшем случае. Приятно поспать, зная, что ты в полной безопасности посреди дружелюбного мусора знакомого континуума. Утром я поеду в Ногалес фотографировать старые публичные дома — сколько лет я уже собираюсь это сделать. Сон победил, таблетка стимулятора сдалась.

Меня разбудил свет, и только потом уж голоса.

Свет шел откуда-то из-за моей спины и отбрасывал внутрь машины колеблющиеся тени. Голоса звучали спокойно, но не отчетливо, судя по всему, мужчина и женщина были погружены в разговор.

Шея у меня затекла, а в глаза как будто кто-то насыпал песку. Нога занемела, прижатая к рулевому колесу. Я пошарил в карманах рабочей рубахи в поисках очков и, наконец, надел их.

Потом оглянулся назад и увидел город.

Книги по дизайну тридцатых лежали в багажнике, и в одной из них рисунок на развороте изображал идеальный город будущего. Художник явно передирал декорации из «Метрополиса» и «Облика грядущего»[4], но при этом придал своему идеалу еще более геометрическую форму. Зритель как бы плыл сквозь перспективу старательно вырисованных облаков к причалам для дирижаблей и совершенно безумным неоновым шпилям. Город в книге был уменьшенной моделью того, что вставал у меня за спиной. Шпили вырастали над шпилями сверкающими зигзагообразными уступами, взбираясь к башне центрального золотого храма, окаймленного сумасшедшими дулами излучателей с минговских бензоколонок. В самой маленькой из этих башен без труда уместился бы целиком «Эмпайр Стейт Билдинг». Меж шпилей парили хрустальные дороги, по которым, как шарики жидкой ртути, пробегали серебристые пузырьки. Воздух кишел кораблями: гигантские бумеранги лайнеров, маленькие серебристые стрелки (время от времени один из ртутных пузырьков изящно поднимался с небесного моста, чтобы присоединиться к общему танцу), дирижабли длиной в милю, зависшие на одном месте стрекозы гирокоптеров…

Я зажмурил глаза и повернулся на сиденье. Открыв их снова, заставил себя увидеть спидометр, бледную дорожную пыль на черной пластмассе щитка, переполненную пепельницу.

— Амфетаминный психоз, — сказал я самому себе.

Очень осторожно, не поворачивая головы, включил фары.

И увидел их.

Оба они были светловолосы. Они стояли возле своей машины, которая мне показалась похожей на алюминиевое авокадо с выступающим из хребта акульим плавником и черными гладкими шинами, как у детской игрушки. Обнимая женщину за талию, мужчина указывал в сторону города. Оба они были в белом: ниспадающие свободными складками белые одежды и такие же белые, без единого пятнышка грязи, сандалии. Меня они, похоже, не видели. Мужчина говорил что-то мудрое и мужественное, она кивала. И тут я очень испугался. Никогда раньше мне не было так жутко. Меня даже более не волновало, в здравом ли я уме, и почему-то я был уверен, что город за моей спиной — это Таксон. В этом городе, должно быть, воплотились чаяния целой эпохи. Этот «Таксон Мечты» был реален, абсолютно реален. А пара передо мной просто возвращалась домой. И вот эти-то люди меня и пугали.

Дети «восьмидесятых-которых-не-было» Дайалты Даунс, наследники Мечты. Они были белые, светловолосые, и глаза у них, вероятно, были голубые. Американцы. Дайалта говорила, что Будущее пришло сначала в Штаты, но в результате обошло их стороной. Возможно, и так, но только не здесь, в самом сердце Мечты. Здесь Америка не переставала шагать вперед, повинуясь логике сна, не ведающего о загрязнении воздуха, ограниченных запасах жидкого топлива, заморских войнах, которые можно и проиграть. Они были счастливы и до крайности довольны собой и своим миром. И в Мечте этот мир принадлежал им.

За мной — сияющий город: прожекторы обмахивают небо чистейшей радостью бытия. Я представил себе, как они восседают на мраморных площадях, бдительные и благонамеренные, их ясные глаза светятся энтузиазмом, отражают блеск залитых неоном авеню и серебристых машин.

Вот они — плоды пропаганды «Гитлерюгенда».

Я завел машину и медленно поехал вперед, пока бампер не оказался от них в трех метрах. Они по-прежнему меня не видели. Опустив стекло, я стал слушать, что говорит мужчина. Его слова были пустыми и яркими, как цитата из какой-нибудь брошюры Палаты коммерции, но я почему-то знал, что он безоговорочно в них верит.

— Джон, — услышал я голос женщины, — мы забыли принять

пищевые таблетки.

Щелкнув замком поясной сумки, она извлекла из нее две яркие облатки и протянула ему одну.

Задом выехав на трассу, я двинулся в сторону Лос-Анджелеса, морщась, как от боли, и качая головой.

Я позвонил Кину с бензозаправки. С новой, в безвкусном псевдоиспанском стиле. Кин уже вернулся из экспедиции и был не прочь поболтать.

— Да, это уже странновато. Ты пытался сделать снимки? Не думаю, чтобы они вообще получились, но когда нельзя проявить фотографии, в историю это добавляет изюминку.

«Но что же мне делать?»

— Смотри побольше телевизор, в особенности — викторины и мыльные оперы. Сходи в кино, посмотри порно. Видел когда-нибудь «Мотель любви нациста»? Здесь это есть и на кабельном. Просто кошмар. Именно то, что тебе нужно.

«О чем это он?»

— Перестань кричать и выслушай меня. Открою тебе профессиональный секрет: средства массовой информации и вправду способны изгонять семиотические призраки. Если это избавляет меня от идиотов с их бредом о летающих тарелках, то и от тебя отвадит этих футуроидов в стиле «Арт-Деко». Попробуй. Что тебе терять?

Потом он взмолился, чтобы я его отпустил, потому что у него ранняя встреча с Избранными.

— С кем?

— С пенсионерами из Вегаса, теми, у которых микроволновые печи.

Я подумал, не заказать ли мне разговор с Лондоном за счет абонента, чтобы разыскать в «Бэррис-Уотфорд» Коэна и сообщить ему, что их фотограф отбыл на неопределенный срок отдыхать в Сумеречную Зону[5]. В конце концов, я позволил кофеварке сварить мне чашку действительно убийственного черного кофе и забрался обратно в «тойоту» для побега в Лос-Анджелес.

Лос-Анджелес оказался неудачной мыслью. Там я застрял на две недели. Вот уж где земля обетованная Дайалты Даунс. Кругом — Мечта во плоти, и ее фрагменты расставляли мне ловушки буквально на каждом шагу. Я едва не разбил машину на эстакаде неподалеку от «Диснейленда»: дорога раскрылась вдруг веером, как трюк оригами, — и что мне оставалось делать, кроме как петлять среди дюжин мини-полос и жужжащих на них хромированных капелек с акульими плавниками? Хуже того, Голливуд оказался полон людей, слишком похожих на ту парочку,

которую я видел в Аризоне. Я нанял одного итальянца: этот режиссер-неудачник в ожидании своего корабля сводил концы с концами, проявляя пленки и устанавливая навесы в патио вокруг бассейнов. Он сделал отпечатки со всех негативов, которые я успел наснимать по эпохе Даунс. Самому мне на них даже смотреть не хотелось. Впрочем, Леонардо это не беспокоило. Когда он закончил, я проверил снимки, перелистнув их, как колоду карт. Запечатал фотографии в конверт и послал авиапочтой в Лондон. Потом взял такси до кинотеатра, где показывали «Мотель любви нациста», и всю дорогу туда просидел, не открывая глаз.

Телеграмму с поздравлениями Коэна мне переправили в Сан-Франциско. Дайалта без ума от фотографий; сам он восхищен тем, как я «действительно врубился», и надеется поработать со мной снова. Тем вечером сплющенный бумеранг снова парил над улицей Кастро, но теперь лайнер был каким-то прозрачным и разреженным, как будто присутствовал здесь лишь отчасти. Я бросился к ближайшему газетному киоску собрать все, что было по нефтяному кризису и напастям ядерной энергетики. Я только что решил купить билет на самолет до Нью-Йорка.

— В кошмарном мире мы живем, а?

Продавец оказался худым негром с гнилыми зубами и, судя по всему, в парике. Я рылся в карманах джинсов в поисках мелочи, занятый мыслью, как бы поскорее найти в парке свободную скамейку и погрузиться в веские доказательства того, в каком несуразном мире мы живем.

— Вот именно, — рассеянно кивнул я, — и, что еще хуже, он мог бы быть совершенным.

Негр, не отрываясь, смотрел мне в спину, пока я шел вниз по улице, прижимая к себе сверток со спрессованной внутри катастрофой.

Осколки голографической розы

Тем летом Паркера мучила бессонница. Временами в сети падало напряжение, и внезапные сбои дельта-индуктора болезненно резко выталкивали его в сознание.

Чтобы не просыпаться, он чёрной изолентой примотал индуктор к работающей от батарей деке ВСВ и с помощью переходников и миниатюрных зажимов-крокодилов замкнул их друг на друга. Потеря тока в индукторе переключала деку на реверс.

Однажды он купил по случаю кассету ВСВ, которая начиналась с того, как субъект засыпает на пляже. Записывал её молодой светловолосый йог с охватом зрения двадцать на двадцать и невероятно острым восприятием красок. Парнишку отвезти на Барбадос с единственной целью подремать и проделать утреннюю зарядку на мелком песке частного пляжа. Микрофиша в прозрачной ламинированной обложке кассеты поясняла, что одной лишь силой воли йог способен заставить себя пройти через «альфу» к «дельте». Паркер, который уже два года не мог спать без индуктора, ещё удивился тогда, как такое возможно.

Ему лишь однажды удалось высидеть весь фильм, хотя теперь он уже знал каждое ощущение на протяжении пяти субъективных минут. Самым интересным фрагментом в последовательности кадров ему казался незначительный промах редактора в начале рутинных дыхательных упражнений: беглый взгляд вправо, вдоль белого пляжа, выхватывает фигуру охранника, патрулирующего проволочную изгородь… чёрный автомат переброшен через плечо.

Пока Паркер спал, из энергетических систем города утекало электричество.

Переход от дельты к дельта-ВСВ – тёмное вторжение в чужую плоть. Привычка смягчает шок… Холодный песок под обнажёнными плечами. В утреннем ветерке штанины потрёпанных джинсов хлопают по голым коленям. Скоро парнишка окончательно проснётся и примется за свою «Ардха-Матсиендре-что-то-там». Чужими руками Паркер стал нащупывать в темноте деку ВСВ.

Три утра.

Сварить себе кофе, светя в чашку фонариком, пока наливаешь кипяток.

Записанные утренние сны тают: увиденный чужими глазами тёмный плюмаж кубинского парохода бледнеет вдали вместе с

горизонтом, к которому он карабкается, переползая с волны на волну, по серому экрану сознания.

Три утра.

Дай вчерашнему дню расположиться вокруг тебя плоскими схематичными зарисовками. Что говорил ты… что сказала она… смотрел, как она собирает вещи… набирает номер такси. Как ни перетасовывай, они всё равно складываются во всё тот же замкнутый круг распечатки, иероглифы сходятся на центральном компоненте: ты стоишь под дождём, кричишь на таксиста-рикшу.

Лил дождь цвета мочи – кислотный и кислый. Водитель обозвал тебя задницей, а заплатить всё равно пришлось вдвое. У неё было три места багажа. В респираторе и защитных очках рикша походил на муравья. Нажимая на педали, он исчез за пеленой дождя. Она не обернулась.

Последнее, что ты видел, – гигантский муравей, показывающий тебе средний палец.

Первый в своей жизни аппарат ВСВ Паркер увидел в одном из техасских мусорных городков. Городок назывался Джунгли Джуди. Паркер хорошо помнил массивную консоль, заключённую в оболочку из дешёвого пластика под хром. За скормленную в прорезь десятидолларовую банкноту получаешь пять минут гимнастики в невесомости на швейцарском орбитальном курорте: качаешься себе по двадцатиметровым перигелиям в обнимку с моделью журнала «Вог» шестнадцати лет от роду. Вот уж действительно ходовой товар в Джунглях, где достать пистолет было проще, чем принять горячую ванну.

Год спустя, с фальшивыми документами, он оказался в Нью-Йорке под Рождество, когда две ведущие фирмы выбросили на прилавки универмагов первые переносные деки. Порнотеатры ВСВ, так буйно, но кратко расцветшие в ту пору в Калифорнии, так и не оправились от их натиска.

Исчезла и голография. Раскинувшиеся на целые кварталы фуллеровские купола, эти голохрамы времён детства Паркера, превратились в многоэтажные супермаркеты или приютили ряды игровых компьютеров. В их закоулках ещё можно отыскать старые консоли под потускневшими неоновыми надписями: «ВЕРОЯТНОСТНОЕ СЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ», которые пульсируют сквозь голубую завесу сигаретного дыма.

Теперь Паркеру тридцать, и он пишет покадровые сценарии для ВСВ-вещания, программируя движение глаза, этой человеческой видеокамеры индустрии иллюзий.

Частичное затемнение продолжается.

В спальне Паркер колотит по клавишам на обтекаемой алюминиевой поверхности своего «Сендаи Мастера Сна». Навигационный огонёк мигает, потом дека погружается во тьму. С чашкой кофе в руке Паркер тащится по ковру к шкафу, который она опустошила вчера. Луч фонарика ощупывает в поисках улик любви голые полки, находит сломанную застёжку на кожаном ремешке, кассету ВСВ и открытку. На открытке – отражённая в белом свете голограмма розы.

У кухонной раковины он скармливает ремешок мусоропроводу. Вялый в затемнении, тот жалуется, но проглатывает и переваривает. Аккуратно держа за уголок, Паркер подносит голограмму к вращающимся челюстям. Железные зубы разрезают ламинированный пластик, мусоропровод обиженно скрежещет – и вот роза разлетается на тысячу осколков.

Час спустя он сидит на неприбранной постели и курит. Её кассета вставлена в деку, готова для просмотра. Плёнки женщин обычно сбивают его с толку, но он сомневается, что именно по этой причине он медлит сейчас запустить машину.

Приблизительно четверть всех пользователей ВСВ испытывает некоторый дискомфорт, пытаясь ассимилировать субъективное тело противоположного пола. Звёзды вещания ВСВ становятся в последнее время всё более андрогинными, чтобы привлечь и эту часть аудитории. Но записи самой Анджелы никогда раньше не отпугивали его. (А что, если она записала любовника?) Нет, этого не может быть – просто неизвестно, какого качества кассета.

Когда Паркеру было пятнадцать лет, родители подписали за него контракт на стационарное обучение в одной из дочерних компаний японского синдиката по производству пластмасс. В то время он считал, что ему крупно повезло: конкурс заявлений на обучение был просто огромен. Три года он прожил в казарме, распевал по утрам гимны компании, и раз в месяц ему, как правило, удавалось выбираться за заграждение центра на поиски девочек или голодрома.

В контракте значилось, что обучение окончится в день его двадцатилетия. Выдержи Паркер до конца, он приобрёл бы право на полный статус служащего. За неделю до того, как ему исполнилось девятнадцать, с двумя украденными кредитными карточками и сменой одежды, он в последний раз вышел за ограду. В Калифорнию Паркер прибыл за три дня до падения диктатуры «Новых Раскольников». В Сан-Франциско метались по улицам, стреляя друг в друга, какие-то военизированные

политические группировки. Все четыре «временных правительства» города провели такую эффективную работу по запасанию продовольствия, что почти ничего нельзя было достать.

Последнюю ночь революции Паркер провёл в подвале сгоревшего дома на окраине Таксона, занимаясь любовью с девчонкой из Нью-Джерси. Та объясняла нюансы своего гороскопа между приступами почти беззвучных рыданий, не имевших, впрочем, ничего общего с тем, что он говорил или делал.

Много лет спустя он вдруг осознал, что понятия не имеет, что толкнуло его разорвать контракт.

Первые три четверти кассеты пусты. Нажимаешь клавишу, чтобы на скорости перемотать себя вперёд сквозь статическую дымку стёртой записи, где вкус и запах сливаются в единый канал. На аудиовходе – белый звук, не-звук первичного тёмного океана… (Продолжительное воздействие аудиовхода со стёртой плёнки может вызвать гипнотические галлюцинации).

В полночь Паркер, скорчившись, затаился в кустах у дороги в Нью-Мексико, глядя, как на трассе догорает бензовоз. Пламя освещает белую ломаную линию, за которой он следовал от самого Таксона. С расстояния двух миль взрыв был виден белым полотнищем жаркого света, превратившего бледные сучья обнажённых деревьев на фоне ночного неба в фотографический негатив их самих: угольные ветви на магниевом небе.

Многие беженцы были вооружены.

В кислотных дождях Залива дымились кострами их мусорные города. Этим-то поселениям и был обязан Техас тем шатким нейтралитетом, который ему удавалось сохранять среди расколовших Побережье группировок.

Городки сооружались из кусков фанеры и картона, листов раздувавшегося на ветру пластика и остовов мёртвых автомобилей. Поселения носили идиотские фарсовые названия вроде Город Прыгай или Сластёна. Имевшиеся в них правительства лишь с большой натяжкой можно было назвать таковыми, как, впрочем, и их территории, которые непрестанно дрейфовали в переменчивых ветрах теневой экономики.

Федеральные войска и войска штатов, которые посылались, чтобы смести города изгоев, редко находили хоть что-нибудь. Но после каждой такой экспедиции на перекличке несколько человек не отзывалось. Кто-то продавал своё оружие и жёг форму, другие же слишком близко к сердцу принимали контрабанду, которую их посылали искать.

Через три месяца Паркер решил, что надо выбираться, но обеспечить безопасный переход через армейские кордоны мог только товар. Удача ему улыбнулась чисто случайно. Однажды вечером, огибая завесу сального кухонного дыма, низко висевшую над Джунглями, он споткнулся и едва не упал на труп. Тело женщины лежало в русле пересохшего ручья. Мухи поднялись, было, сердитым облаком, но потом сели, не обращая на него внимания. На женщине была кожаная куртка, а по ночам Паркер отчаянно мёрз. Покопавшись в свалке вдоль бывшего ручья, он отыскал длинную палку.

В спине куртки, прямо под левой лопаткой, зияло аккуратное круглое отверстие размером с карандаш. Подкладка куртки, когда-то красная, теперь совершенно почернела, стала жёсткой и блестящей от запёкшейся крови. Подцепив куртку на конец палки, он отправился на поиски воды.

Куртку Паркер так и не постирал: в левом кармане нашлась почти унция кокаина, аккуратно завёрнутая в полиэтилен и прозрачную хирургическую плёнку. А в правом оказались пятнадцать ампул «мегациллина-Д» и десятидюймовый кнопочный нож с роговой рукоятью. Антибиотик стоил вдвое дороже кокаина.

Нож он всадил в гнилую колоду, пропущенную сборщиками топлива из Джунглей, и повесил на него куртку, которую, стоило ему отойти, тут же окружили мухи.

Той же ночью в баре с рифлёной жестяной крышей, ожидая появления одного из «юристов», которые прокладывали проходы через кордоны, он впервые в жизни опробовал модуль ВСВ. Аппарат был огромен, весь из неона и хрома, и владелец очень им гордился: толстяк собственноручно помогал потрошить грузовик.

> Если хаос девяностых годов отражает радикальное смещение в парадигмах визуальной грамотности, а именно окончательный отход от традиций доголографического общества Ласко и Гутенберга, то чего следует ожидать от этой новейшей технологии с её обещаниями дискретного кодирования и последовательной реконструкции всей шкалы сенсорного восприятия?
>
> *Роубук и Пирхэл.*
>
> *Новейшая история Америки: Системный обзор.*

Скоростная перемотка сквозь бормочущее не-время стёртой записи в…

…в её тело. Солнце Европы. Улицы незнакомого города.

Афины. Греческие буквы вывесок и запах пыли…

…и запах пыли.

Смотреть её глазами (думая о том, что эта женщина ещё не встретила тебя – ты только-только выбрался из Техаса) на серый монумент, на лошадей из камня, с которых взлетают вверх и кружат вокруг голуби… и статика охватывает любимое тело, стирает до серости и чистоты. Волны белого звука разбиваются о пляж, которого нет. И плёнка кончается.

Горит огонёк индуктора.

Паркер лежит в темноте, вспоминая, как водопадом осколков рассыпалась голограмма розы. Это свойство присуще любой голограмме – подобранный и должным образом освещённый, каждый осколок покажет полное изображение. Проваливаясь в дельту, он видит в розе себя: каждый разрозненный фрагмент воспоминаний несёт в себе целое, которого он никогда не знал… Украденные кредитные карточки… выжженный пригород… сочетания планет незнакомки… горящий на трассе бензовоз… плоский пакетик наркотиков… заточенный о бетон кнопочный нож, узкий и острый, как боль.

И думает: так, значит, все мы осколки друг друга и так было всегда? И то мгновение путешествия в Европу, затерянное посреди серого океана стёртой кассеты? Стала ли она теперь ближе или реальнее оттого, что он тоже побывал там?

Она помогла ему получить документы, нашла первую работу на ВСВ. Это их история? Нет, история – это чёрная поверхность дельта-индуктора, пустой шкаф и незастланная постель. История – это его отвращение к совершенной машине тела, в котором он просыпается, если кончается ток, гнев на рикшу и её отказ оглянуться сквозь радиоактивный дождь.

Однако каждый осколок показывает розу под иным углом, вспоминает он, – но дельта накатывает, накрывает его с головой, прежде чем он успевает спросить себя, что именно это значит.

William Gibson. Fragments of a Hologram Rose. 1977.

Перевод с английского Анна Комаринец

Принадлежность

Это могло произойти и в «Клубе Жюстины», и в «Джимбо», и в «Печальном Джеке», и в «Причале»; Коретти так и не вспомнил, где он впервые встретил ее. В любое время она могла оказаться в любом из этих баров. Она плыла сквозь подводный полумрак бутылок, стаканов и медленных клубов сигаретного дыма… из бара в бар, она всюду была в своей стихии.

Теперь Коретти вспоминал сцену их первой встречи, будто разглядывая в мощный телескоп, только не в окуляр, а в объектив – миниатюрную, четкую и очень-очень далекую.

Впервые он обратил на нее внимание в баре «С черного хода». Этот бар назвали так потому, что попасть в него можно было из узкого переулка. Стены окрестных домов исписаны граффити, фонари, забранные решетками, облеплены мотыльками.

Под ногами хрустят обломки битого кирпича. Затем попадаешь в тускло освещенное помещение, сохранившее приметы дюжины других заведений, которые когда-то здесь были, а потом исчезли вместе с хозяевами. Коретти иногда наведывался сюда, потому что ему нравилась усталая улыбка чернокожего бармена, а еще потому, что немногочисленные посетители не слишком ему докучали.

Ему плохо удавались разговоры с незнакомцами – и на вечеринках, и в барах.

В колледже, где он преподавал начальный курс лингвистики, Коретти чувствовал себя легко; мог, например, поговорить с руководителем кафедры о согласовании времен и ключевых словах в вводных предложениях. Но с чужаками разговор не клеился. На вечеринках он почти не бывал. А в бары захаживал частенько.

Коретти не умел одеваться. Если искусство одеваться – это язык, то Коретти страдал заиканием; он не умел выглядеть так, чтобы постороннему человеку было легко с ним общаться. Его бывшая жена говорила, что он одевается как марсианин, что по его одежде нельзя определить, к какому кругу он принадлежит. Ему не нравились ее слова, потому что они были правдой.

У него никогда не было девушки, похожей на ту, что сидела, слегка изогнув спину, в мерцании подводных огней «Черного хода». Тот же хмельной свет играл в темных очках бармена, искрился в горлышках разномастных бутылок, расплескивался в зеркале. В этом свете ее одежда казалась зеленой, цвета молодой кукурузы; боковые разрезы платья высоко открывали бедра. Волосы ее в тот вечер отливали медью. А глаза… в тот вечер они

были зеленые.

Он решительно прошел к стойке бара меж пустых – хром-и-пластик – столов и заказал себе чистый бурбон. Сбросил пальто, свернул и положил на колени, усевшись через табурет от нее. Господи, воскликнул он мысленно, да она же подумает, что я пытаюсь скрыть эрекцию! И неожиданно понял, что ему и вправду есть что скрывать. Посмотрел в зеркало за стойкой бара и увидел мужчину лет тридцати с небольшим с редеющими темными волосами и бледным худым лицом, с длинной шеей, торчащей из воротника яркой нейлоновой рубашки с изображениями автомобилей выпуска 1910 года трех разных расцветок. На нем был черно-коричневый галстук в косую полоску, слишком узкий, пожалуй, для такого воротника. А может, цвет неподходящий. В общем, что-то не то.

Рядом с ним, отражаясь в темной глади зеркала, сидела зеленоглазая женщина, похожая на Ирму Ля Дус. Однако, вглядевшись внимательнее, он поежился. В ее лице было что-то от животного. Очаровательное личико, но… простенькое, двумерное и в то же время с хитрецой. Когда поймет, что я на нее смотрю, подумал Коретти, она одарит меня пренебрежительно-удивленной улыбкой – а на что еще можно рассчитывать?

– Простите, – решился он, – вы позволите… э-э-э… предложить вам стаканчик?..

В таких ситуациях на Коретти часто нападали «учительские судороги». «Э-э-э…» Его передернуло. «Э-э-э…»

– Вы хотите предложить мне… э-э-э… выпить?

– Что ж, очень любезно с вашей стороны, – к изумлению Коретти, ответила она. – Это было бы очень приятно.

Он вдруг осознал, что ее речь столь же скованна и неуверенна, как и его. Она добавила:

– Рюмочка «Тома Коллинза» по такому поводу была бы вполне уместна.

«По такому поводу»? «Уместна»? Сбитый с толку, Коретти заплатил за две порции.

Крупная деваха в джинсах и широкополой ковбойской шляпе навалилась животом на стойку рядом с Коретти и попросила бармена разменять мелочь. «Общий привет», – бросила она; затем повернулась к музыкальному автомату и запустила «Это из-за тебя наши дети безобразны» Конвея и Лоретты. Коретти повернулся к девушке в зеленом и, запинаясь, прошептал:

– Нравится ли вам музыка в стиле кантри-энд-вестерн?

«Нравится ли вам…» Он мысленно застонал и попытался выдавить из себя улыбку.

– Да, разумеется, – ответила она, слегка в нос. – Очень

нравится.

Деваха-ковбой уселась рядом с Коретти и, подмигнув, спросила у девушки:

– Что, проблемы? Этот страшилка к тебе пристает?

И девушка в зеленом с глазами животного ответила:

– Да что ты, милка, я и сама глаз на него положила. – И рассмеялась. Рассмеялась в самую меру. Диалектолог, сидевший внутри Коретти, беспокойно заерзал; уж слишком полным оказалось изменение и в построении фраз, и в интонации. Актриса? Талантливая подражательница? Внезапно в памяти всплыло слово «пародистка», но Коретти отбросил его и уставился на отражение девушки в зеркале; ряды бутылок обрамляли ее грудь, как стеклянное ожерелье.

– Я – Коретти. – Стараясь справиться с вербальным полтергейстом, он неожиданно для самого себя попытался напялить личину крутого парня. – Майкл Коретги.

– Оч'приятно, – ответила она так, чтобы не слышала соседка; и снова ее голос звучал иначе – как неудачная пародия на Эмили Пост.

– Конвей и Лоретта, – ни к кому не обращаясь, произнесла деваха-ковбой.

– Антуанетта, – сказала девушка в зеленом, слегка кивнув. Она допила бокал, сделала вид, будто смотрит на часы, с кольнувшей вежливостью сообщила, что «ей-было-очень-приятно», и ушла.

Десятью минутами позже Коретти шел вслед за ней по Третьей авеню. Он в жизни никого не выслеживал и потому был взволнован и слегка напуган. Казалось бы, сорок футов, разделявшие их, это далеко, но что, если она вздумает оглянуться?

На Третьей авеню не бывает темно. На пустынной улице, в свете уличного фонаря, как под огнями рампы, она стала изменяться.

Она как раз переходила на другую сторону. Сошла с тротуара и… Началось с оттенка волос – Коретти сперва подумал, что это из-за бликов. Но поблизости не было неоновых ламп, которые отбрасывали бы скользящие и расплывающиеся, словно нефтяные пятна, круги. Потом все цвета сошли на нет, и три секунды спустя она оказалась блондинкой. Коретти был уверен, что над ним подшутило освещение, но тут одежда ее начала корчиться, закручиваясь вокруг тела, как пластиковая обертка, а потом частично отвалилась и ошметками упала на панель, будто шкура сказочного животного. Когда Коретти проходил мимо, на тротуаре оставался лишь тающий зеленоватый дымок. Он поднял

взгляд на девушку – она уже была одета иначе, в зеленый переливающийся атлас. Туфли тоже стали другими. Спина была обнажена, если не считать узких полосок, перекрещивавшихся глубоко внизу. Волосы стали короткими, ежиком.

Он обнаружил, что стоит, прислонившись к зеркальной витрине ювелирного магазинчика, и с трудом хватает ртом сырой осенний воздух. Через два квартала отсюда слышался пульс дискотеки. По мере того как девушка приближалась туда, движения ее неуловимо менялись – чуть по-другому покачивались бедра, иначе стучали каблуки по тротуару. Швейцар впустил ее, слегка кивнув. А вот Коретти он остановил, долго пялился на водительские права, с сомнением поглядывал на его шерстяное пальто. Коретти бросал нетерпеливые взгляды на размытые огни молочно-белой пластиковой лестницы. Девушка исчезла там, среди механических вспышек и навязчивого грохота.

Швейцар неохотно пропустил его, и Коретти торопливо зашагал по ступенькам, вспугивая огни, которые сочились сквозь полупрозрачные пластиковые ступени.

Коретти ни разу еще не был в диско. Он понял, что очутился в месте, прекрасно приспособленном для полной отключки. Нервничая, он пробирался сквозь дергающуюся разодетую толпу, сквозь электронный урбанистический ритм, бьющий из гигантских динамиков. Почти ослепленный вспышками стробоскопа, он пытался разыскать ее в набитом зале.

Наконец нашел – в баре: она потягивала ядовитого цвета коктейль из высокого бокала и внимательно слушала юношу в просторной рубашке из светлого шелка и обтягивающих черных брюках. Время от времени она вежливо кивала. Коретти заказал бутылку бурбона. Девушка выпила один за другим пять коктейлей со льдом, а потом отправилась танцевать со своим спутником.

Ее движения были в полном согласии с музыкой; грациозно, без искусственности, она выполняла все положенные фигуры. Ни единого сбоя. Ее спутник танцевал явно механически, с усилием заставляя себя выполнять ритуал.

Когда танец кончился, она резко повернулась и исчезла. Толпа будто всосала ее в себя.

Коретти врезался в гущу людей вслед за ней, не упуская ее из виду – и только он один успел заметить, как девушка меняется. Когда она дошла до выхода, волосы стали каштановыми, а платье – длинным и голубым. В прическе, над правым ухом, расцвел белый цветок; волосы теперь были прямые и длинные. Бюст стал чуть больше, а бедра тяжелее. Она сбегала через ступеньку, Коретти забеспокоился – не упала бы. Ведь столько выпито.

Но алкоголь, похоже, совсем на нее не действовал.

Не теряя девушку из виду, Коретти шел следом. Сердце его колотилось быстрее, чем ритм оставшегося позади диско. В любое мгновение она может обернуться, увидеть его, позвать на помощь.

Пройдя два квартала по Третьей, она свернула в «Лотарио». Походка неуловимо изменилась. В «Лотарио» было спокойно – кабинки, обвитые плющом, с зеркалами в стиле «Арт-Деко». Поддельные светильники «Тиффани», свисавшие с потолка, чередовались с вентиляторами с большими деревянными лопастями, которые вращались слишком медленно, чтобы разогнать клубы дыма, плывущие сквозь гул захмелевших голосов. После дискотеки в «Лотарио» казалось особенно уютно. Пианист в рубашке с закатанными рукавами и в небрежно повязанном галстуке наигрывал джаз, мелодия не заглушала голоса и смех, доносившиеся из-за десятка столиков.

Она была в баре. Занята была лишь половина табуретов, но Коретти предпочел сесть за столик у стены, в тени миниатюрной пальмы. Заказал бурбон.

Выпил и заказал еще. Что-то ему сегодня никак не захмелеть.

Она сидела рядом с молодым человеком – еще одним молодым человеком, с непримечательным, с правильными чертами, лицом. На нем была желтая рубашка для гольфа и тесные джинсы. Бедро девушки касалось его ноги – чуть-чуть. Похоже, они не разговаривали, но Коретти чувствовал, что они каким-то образом общаются. Они молча сидели, слегка склонившись друг к другу. Коретти стало неуютно. Пошел в туалет, сполоснул лицо водой, а на обратном пути постарался пройти футах в трех от них. Пока он не оказался вблизи, их губы не шевелились.

Коретти услышал обычный треп:

– … видела его старые фильмы, но…

– Вам не кажется, что он очень уж любуется собой?..

– Пожалуй, но ведь в каком-то смысле…

И тут Коретти наконец понял, кто они такие – или, вернее, кем они должны быть. Они были из той породы людей, которая выведена, казалось, специально для баров. Нет, они не пьяницы; они – одушевленные приспособления. Функциональные части бара. Принадлежности.

Что-то внутри зудело, толкало на стычку. Он подошел к своему столику, но обнаружил, что ему не усидеть. Обернулся, судорожно глотнул воздуха и на деревянных ногах направился к бару. Ему хотелось коснуться этого бархатистого плеча и спросить, кто она такая, а точнее, что она такое. Чтобы в голосе прозвучала холодная ирония оттого, что это ему, Коретти,

одетому по марсианской моде, соглядатаю, чужаку, одежда и речь которого никогда не соответствовали обстоятельствам, удалось-таки раскрыть их секрет.

Но запала не хватило; все, что он сумел сделать, – сесть рядом с ней и заказать бурбон.

– Но разве вы не согласны, – спросила она своего спутника, – что все это относительно?

Места рядом с ее спутником заняла пара, которая рассуждала о политике. Антуанетта и Рубашка для Гольфа мгновенно переключились на политику. Они говорили достаточно громко, чтобы заглушить соседнюю пару. На лице ее во время разговора не отражалось ровным счетом ничего. Как у птички, чирикающей на ветке.

Она так уютно устроилась на табурете, будто он был ее гнездышком. За выпивку платил Рубашка-для-Гольфа. Каждый раз у него было ровно столько мелочи, сколько нужно, кроме тех случаев, когда он хотел оставить на чай. Коретти наблюдал, как они методично вылакали по шесть коктейлей каждый – будто насекомые, насыщающиеся нектаром. Но голоса их не стали громче, щеки не раскраснелись, а когда они наконец поднялись, в походке не было и следа опьянения. Вот это напрасно, подумал Коретти, это недостаток в их маскировке.

За все время, пока он следовал за ними еще по трем барам, они не обратили на него ни малейшего внимания.

В «Вэйлоне» они перевоплотились так быстро, что Коретти чуть их не упустил. Место было из тех, где на дверях туалетов красуются надписи: «Для пойнтеров» и «Для сеттеров», а над подносами с вяленым мясом и сосисками – сосновая дощечка, на которой накарябано: *«Мы больше не имеем дела с банками. Они не подают пива – мы не принимаем чеки»*.

Там она оказалась толстушкой с темными кругами под глазами. На синтетических брюках – кофейные пятна. Ее спутник теперь был в джинсах, футболке и красной бейсбольной кепке с красно-белой эмблемой клуба «Питербилт». Коретти рискнул выпустить их из-под наблюдения. Отправился к «пойнтерам» и обалдело простоял там с минуту, в замешательстве разглядывая картонку с надписью: *«Наша цель – позаботиться; ваша забота – прицелиться»*.

Вблизи порта Третья авеню терялась в каменном лабиринте. В последнем квартале панель через равные промежутки была размечена пятнами блевотины. Старики, навеки забытые за дымчато-зеркальными стеклами захудалых отелей, клевали носами перед экранами черно-белых телевизоров.

Бар, который они отыскали, названия не имел. Давно не

мытое окно украшал вот-вот готовый отвалиться бубновый туз; лицо бармена походило больше на стиснутый кулак. УКВ-приемник в пластиковом корпусе под слоновую кость исторгал рок на неровные ряды пустых столиков. Подкреплялись подопечные Коретти пивом и виски. Теперь они оказались неприметной пожилой парой. Они потягивали свое пойло и надсадно выкашливали дым «Кэмела». Смятую пачку она вытащила из кармана грязно-рыжего дождевика.

В два двадцать пять они оказались в комнате для отдыха под самой крышей нового гостиничного комплекса, вознесшегося над причалом. На ней было вечернее платье, на нем – темный костюм. Они пили коньяк и делали вид, что восторгаются ночными огнями. Пока Коретти смаковал свой стакан «Дикой индейки», они выпили по три порции коньяку.

Пили они до самого закрытия. Коретти последовал за ними в лифт. Они вежливо улыбнулись, но больше никак не отреагировали на его присутствие. Перед входом в отель стояли два такси; они заняли одно, Коретти – другое.

– За тем такси, – осипшим голосом бросил Коретти, сунув последнюю двадцатку водителю – стареющему хиппи.

– Будь спок, шеф, будь спок!..

Они сели им на хвост и преследовали шесть кварталов, пока первое такси не остановилось у другого отеля, поскромнее. Пассажиры вышли из машины и направились к дверям отеля. Коретти медленно, тяжело дыша, вылез.

Он был болен мучавшими его подозрениями: эта женщина – совсем не женщина, она – воплощенное соответствие окружению, удачно подобранные обои в человеческом облике. Коретти постоял, пристально разглядывая отель, – и сдался. Нервы не выдержали.

Он пошел домой. Шестнадцать кварталов. По пути он вдруг осознал, что совершенно трезв. Как стеклышко.

Утром он позвонил, чтобы отменить первую лекцию. Правда, и похмелья-то не было. Во рту не пересохло, а разглядывая себя в зеркало ванной, Коретти заметил, что глаза не налиты кровью.

После обеда он заснул и видел во сне людей с овечьими лицами, которые отражались в зеркальных стенах, за рядами бутылок.

В тот вечер он вышел поужинать – но ничего не ел. Не лезло в рот. Он поковырял для виду в тарелке, заплатил и пошел в бар. Потом в другой. И в следующий – всюду он высматривал ее. Теперь он пользовался кредитной карточкой, хотя уже

основательно задолжал «Визе». Если Коретти и видел ее, то не узнал.

Иногда он принимался следить за отелем, в который она вошла в последний раз. Пристально вглядывался в каждую входившую и выходившую пару. Не то чтобы надеялся узнать ее только по одному внешнему виду – нет, должно быть ощущение, своего рода интуитивное опознание. Он наблюдал за парами, но уверен ни разу не был.

Несколько недель он обходил все до единого кабаки в городе. Вооружившись сперва картой и пятью рваными телефонными книгами, он постепенно смещался к все менее известным заведениям, телефонные номера которых в справочниках не упоминались. В иных и телефонов-то не было. Он вступал в подозрительные частные клубы, отыскивал нелицензированные забегаловки, работавшие после официального закрытия, куда выпивку надо было приносить с собой. Коретти пришлось понервничать в клубах, где в темноте занимались таким запредельным сексом, о существовании которого он и не подозревал.

Он продолжал свои ежевечерние обходы, всякий раз начиная с «С черного хода». Ни разу ее там не заставал, и в следующем баре тоже. Бармены его уже узнавали, и были рады, потому что пил он непрерывно и, похоже, никогда не пьянел. Так он и сидел, вглядываясь в других завсегдатаев, – что дальше?

Коретти потерял работу.

Он слишком часто отменял лекции. Настолько увлекся, что следил за отелем даже днем. Его слишком часто встречали в барах. Похоже, он перестал менять одежду. Отказался от вечерних занятий. Мог прервать лекцию на полуслове и с отсутствующим взором уставиться в окно.

Втайне он был доволен тем, что его вышибли. На него уже стали коситься на факультетских ланчах, когда он не мог притронуться к еде. Да и времени для поисков прибавилось.

Коретти обнаружил ее в среду, в два часа пятнадцать минут пополуночи в баре голубых под названием «Конюшня». Обшитые досками стены, свешивающиеся отовсюду уздечки и прочий ржавый фермерский хлам. Крепкие духи, хохот, пиво. Она была среди местных веселых сестренок – в платье с голубыми блестками, с зеленым пером в тщательно уложенных каштановых волосах. Сквозь нахлынувшее облегчение Коретти ощутил что-то вроде восторга, странное чувство гордости за нее – и ей подобных. Она и здесь была принадлежностью. Человек, готовый поделиться последним окурком и не представляющий ни малейшей угрозы ни «королевам», ни их партнерам. Ее спутник

предстал в тот раз мужчиной неопределенного возраста: слегка посеребренные виски, пушистый ангорский свитер, плащ на подкладке.

Они медленно пили, потом, смеясь – как раз в меру! – направились в дождь. У дверей стояло такси, его «дворники» двигались точно в такт ударам сердца Коретти.

Неловко перепрыгнув через лужу на панели, Коретти юркнул в такси, трепеща в ожидании их реакции.

Коретти уселся на заднем сиденье, позади нее.

Человек с седыми висками поговорил с водителем. Тот пробурчал что-то в свой микрофон, переключил скорость, и они отплыли в дождь и уличную тьму. Коретти не замечал проносившихся мимо зданий – он представлял, как такси останавливается, седой мужчина и хохочущая женщина выкидывают его из машины и, смеясь, тычут пальцами на ворота сумасшедшего дома. Или: такси останавливается, пара поворачивается к нему, печально кивая. И еще десяток раз он представлял, как такси останавливается в пустынном переулке и они спокойно душат его. Коретти, мертвый, валяется под дождем. Потому что он – чужак.

Но они подъехали к его отелю.

В тусклом свете лампы Коретти внимательно наблюдал, как мужчина полез за отворот плаща, чтобы достать деньги. Коретти отчетливо видел, что подкладка сливалась в одно целое со свитером. Не было там ни бумажника, ни кармана. Но вдруг образовалась щель, расширилась, когда в нее вошли пальцы, и исторгла деньги. Щель произвела на свет три сложенные банкноты. Деньги были чуть влажные. Когда мужчина развернул их, они высохли, как крылышки мотылька, только что появившегося на свет.

– Сдачи не надо, – сказал человек-принадлежность, вылезая из машины. Антуанетта скользнула наружу, Коретти отправился за ней, видя перед собой только щель в плаще. Влажную, окаймленную красным, похожую на жабры.

Портье в пустом вестибюле был поглощен кроссвордом. Пара спокойно прошла к лифту, Коретти неотступно следовал за ними. Он попытался поймать ее взгляд, но она не обратила на него ни малейшего внимания. А когда лифт поднялся семью этажами выше того, на котором жил Коретти, она наклонилась и понюхала хромированную настенную пепельницу – как собака принюхивается к Земле.

Жизнь в отелях не замирает даже глубокой ночью. В коридорах не бывает тишины. Не умолкают едва слышные вздохи, шорох простыней, кто-то бормочет во сне. Но в коридоре девятого

этажа, показалось Коретти, царил идеальный вакуум; туфли его беззвучно ступали по бесцветному ковру; даже испуганное биение сердца поглощалось неярким рисунком обоев.

Он пытался считать маленькие пластиковые овалы, прикрепленные к дверям, – на каждом по три цифры, но коридор, казалось, тянулся в бесконечность. Наконец мужчина остановился перед дверью, фанерованной, как и все остальные, под красное дерево, и приложил руку к замку. Ладонь тихо легла на металл. Что-то мягко скрипнуло, затем механизм щелкнул, и дверь распахнулась. Он отнял руку – Коретти увидел серо-розовое серебро кости, которое еще не потеряло форму ключа, втягивающееся, влажно поблескивая, в ладонь.

Света в комнате не было, но тусклое неоновое сияние городских огней сочилось сквозь зеркальные стекла; в этом сиянии он увидел лица десятка – или больше? – людей, застывших сидя на кровати, на кушетке, в креслах, на кухонных табуретах. Сперва ему показалось, что их глаза открыты, но тут же осознал, что спящие зрачки скрыты под мембранами под третьим веком, а слабый неоновый свет, падающий из окна, отражается в нем. Одеты они были в то, в чем покинули последний бар; бесформенный балахон Армии Спасения соседствовал с ярким прогулочным костюмом, вечернее платье – с пропыленной фабричной одеждой, кожа байкера – с твидом от Харриса. Во сне исчезло все их сомнительное человекоподобие.

Они сидели как на насестах.

Его пара расположилась на полированном кухонном столе, а Коретти в нерешительности замер, стоя посреди ковра. Казалось, световые годы ковра отделяют Коретти от остальных, но что-то призывало его преодолеть это расстояние, суля покой, мир и принадлежность. И все-таки он колебался, содрогаясь от нерешительности, которую источало, казалось, все его существо.

Он стоял, пока они не открыли глаза – все разом; мембраны скользнули в сторону, обнажив злобную уверенность обитателей самых глубоких океанских впадин.

Коретти вскрикнул, бросился бежать, промчался по коридорам, потом вниз, по гулким лестничным пролетам, под холодный дождь, на пустынную улицу.

В свой номер на третьем этаже Коретти так и не возвратился. Скучающий гостиничный детектив сгреб в кучу книги по лингвистике, единственный чемодан с одеждой – все это пошло потом на распродажу. Коретти снял комнату у суровой трезвенницы-баптистки, которая заставляла своих постояльцев молиться перед началом каждой трапезы – малосъедобной, впрочем. Она ничего не имела против того, что Коретти в этих

трапезах не участвует: он объяснил ей, что его бесплатно кормят на работе. Лгал он теперь легко и искусно. Никогда не пил в пансионе и ни разу не пришел пьяным. Конечно, мистер Коретти не без странностей, но платит за квартиру исправно. И никакого от него беспокойства.

Коретти прекратил розыски. Перестал ходить в бары. Пил из бумажных пакетов по пути на работу и с работы – он теперь работал в типографии, а в промышленной зоне баров почти не было.

Работал по ночам.

Иногда на рассвете, пристроившись на краешке неразобранной постели, окунаясь в сон – он теперь никогда не спал лежа, – он думал о ней. Об Антуанетте. И о них. О принадлежностях. Иногда он сонно размышлял… Наверное, они нечто вроде домашних мышей – мелкие животные, способные выжить только рядом с человеком.

Животные, которые существуют только благодаря потреблению алкоголя. Со специфическим метаболизмом, который превращает алкоголь и различные белки из коктейлей, вина и пива во все, что им может понадобиться. А внешность они меняют для самозащиты, как хамелеон или камбала. Так они могут выжить среди нас. А может быть, думал Коретти, в своем развитии они проходят несколько стадий. Сперва они выглядят совсем как люди, едят человеческую пищу, а свое отличие замечают только когда их охватывает беспокойное ощущение чуждости.

Животные со своими уловками, со своим собственным набором инстинктов городских обитателей. И со способностью чувствовать себе подобных, когда те поблизости. Может быть.

А может быть, и нет.

Коретти погрузился в сон.

В среду (он уже три недели как работал на новом месте) хозяйка открыла дверь – она никогда не стучалась – и сообщила, что его просят к телефону. Голос ее был привычно-подозрительным; Коретти пошел за ней по темному коридору в гостиную на втором этаже.

Поднеся старомодный черный прибор к уху, он сперва не услышал ничего, кроме музыки, а затем звуковая завеса распалась на амальгаму разговоров. Смех. Голос так и не прорвался сквозь знакомые звуки бара, но фоном была мелодия «Это из-за тебя наши дети безобразны».

А потом трубку повесили – пошли гудки отбоя.

Позже, в комнате, прислушиваясь к доносившейся снизу

твердой поступи хозяйки, Коретти понял, что больше ему незачем здесь оставаться. Вызов пришел. Но хозяйка требовала уведомить ее за три недели. Это значило, что Коретти ей должен. Инстинкт подсказал, что деньги следует оставить.

В соседней комнате кашлял во сне рабочий-христианин. Коретти поднялся и спустился в холл к телефону. Позвонил начальнику вечерней смены, что увольняется. Повесил трубку, вернулся в комнату, запер за собой дверь, затем медленно стянул с себя одежду, оставшись нагишом перед яркой литографией Иисуса в рамке над коричневым металлическим бюро.

Потом он отсчитал девять десяток. Аккуратно положил их рядом с тарелочкой с изображенными на ней молитвенно сложенными руками.

Очаровательные денежки. Очень хорошие денежки. Он их сам сделал.

В этот раз он не захотел беседовать. Она пила «маргариту», он заказал то же самое. Она заплатила, вытащив деньги неуловимым движением откуда-то из глубокого выреза платья. Он успел заметить, как там смыкаются жабры. В нем что-то возбудилось – но это не было связано с эрекцией.

После третьей «маргариты» их бедра соприкоснулись, и по его телу поплыли медленные волны оргазма. Напряжение было сосредоточено в том месте, где они касались друг друга, – размером не больше ссадины у него на пальце. Он раздвоился: один, тот, что внутри, сливался с ней в абсолютном клеточном единстве, а оболочка, небрежно развалившаяся на табурете, положив локти на стол по обе стороны от бокала, крутила в пальцах трубочку для коктейля. Задумчиво улыбаясь в прохладном полумраке.

Лишь на мгновение – на одно-единственное мгновение – смутное беспокойство вынудило Коретти бросить взгляд вниз, где пульсировали нежно-рубиновые трубочки и трудились щупальца с жадными губками. Будто сплетенные усики двух странных анемон.

Они спаривались, и никто об этом не подозревал.

А бармен, принеся очередную порцию выпивки, выдавил усталую улыбку и сказал:

– Все льет, а? И как ему не надоест?

– И всю неделю так, будь он неладен, – ответил Коретти. – Хлещет как из ведра.

Он выговорил это совершенно правильно. Будто настоящий человек.

Захолустье

Когда Хиро щелкнул переключателем, мне снился Париж зимой, его мокрые темные улицы. Боль, вибрируя, поднялась со дна черепа, взорвалась по ту сторону глаз полотнищем голубого неона. Распрямившись, как пружинный нож, я с воплем вылетел из гамака. Я всегда кричу. Считаю это обязательным. В мозгу бушевали волны обратной связи. Переключатель боли — это вспомогательный контакт в имплантированном костефонном передатчике, подключенный прямо к болевым центрам: именно то, что нужно, чтобы прорваться сквозь барбитуратный туман суррогата. Несколько секунд у меня ушло на то, чтобы мир снова стал на место. Сквозь дымку снотворного всплывали айсберги биографии: кто я, где я, что я тут делаю, кто меня будит.

Голос Хиро то и дело пропадал, в мою голову он проходил через все тот же костефон.

— Черт тебя побери, Тоби! Знаешь, как бьет по ушам, когда ты так орешь?

— А пошел ты со своими ушами, доктор Нагасима, знаешь куда?.. Мне до твоих ушей, как до…

— Нет времени на любовную литанию, мой мальчик. У нас работа. Кстати, что там такое с пятидесятимилливольтовыми всплесками волн в твоей височной кости, а? Подмешиваешь что-то к транквилизаторам, чтобы расцветить сны?

— У тебя энцефалограф дурит, Хиро. И сам ты псих, я просто хочу поспать…

Рухнув обратно в гамак, я попытался натянуть на себя темноту, но навязчивый голос уходить не желал:

— Прости, дружок, но ты сегодня работаешь. Час назад вернулся очередной корабль. Бригада шлюзовиков уже на месте. Сейчас как раз отпиливают двигатель, чтобы корабль прошел в люк.

— Кто в нем?

— Лени Гофмансталь, Тоби. Физхимик, гражданка Федеративной Республики Германии. — Он подождал, пока я перестану стонать. — Есть подтверждение: это пушечное мясо.

Чудный рабочий сленг мы тут выработали. Он имел в виду вернувшийся корабль с включенной медицинской телеметрией, в котором имелось 1 (одно) тело, теплое, то есть живое; психологическое состояние космонавта пока не установлено. Я тихонько покачивался в темноте с зажмуренными глазами.

— Похоже, ты — ее суррогат, Тоби. Ее профиль ближе всего к профилю Тейлора, но он пока в отлучке.

Знаю я, что это за «отлучка». Тейлор сейчас в сельскохозяйственном отсеке, под завязку накачан амитриптилином и занимается аэробикой, чтобы сбить приступ очередной клинической депрессии. И это — только одна из разновидностей профессионального риска. Мы с Тейлором не ладим. Забавно, как обычно недолюбливаешь тех, чей психосексуальный профиль слишком уж похож на твой собственный.

— Эй, Тоби, где ты кайф берешь? — ритуальный вопрос. — У Шармейн?

— У твоей мамочки, Хиро.

Он так же хорошо, как и я, знает, что у Шармейн.

— Спасибо, Тоби. Через пять минут чтоб был у лифта в Райский Уголок, а не то я пошлю за тобой русских санитаров, уж они-то тебя поставят на ноги.

Тихонько покачиваясь в гамаке, я решил сыграть в невеселую игру под названием «Местечко Тоби Холперта во Вселенной». Не будучи эгоистом, помещаю в центр Солнце, светило, око дня. Теперь запускаем аккуратные планетки, нашу уютную Солнечную систему. А среди них зададим точку, расположенную приблизительно в одной восьмой пути от Земли до Марса. И вот они мы — внутри толстого приплюснутого цилиндра, похожего на уменьшенную в четыре раза модель «Циолковского-1», Рая Трудящихся на L-5. «Циолковский-1» зафиксирован в точке либерации между Землей и Луной, нам же нужен световой парус, чтобы удержаться на месте. Масса у станции немалая: двадцать тонн, литой алюминиевый декаэдр, а длина — десять километров из конца в конец. Этот парус отбуксировал нас сюда с орбиты Земли, а теперь служит нам якорем. Кроме того, за ним мы прячемся от потока фотонов, пока висим здесь рядом с Нечто — точкой, аномалией, которую мы зовем «Трассой».

Французы называют ее «le mitro», то есть «подземка», а русские зовут «рекой», но «подземка» не передает расстояния, а понятие «река» для американцев не несет в себе столь острого чувства одиночества. Называйте это «Координатами Аномалии Товыевской», если вам не противно втягивать в это Ольгу. Ольга Товыевская — наша Леди Сингулярности, Святая Патронесса Трассы.

Хиро не доверяет мне, не верит, что я встану сам. Перед самым появлением русских санитаров он со своего пульта включает свет в моей келье и оставляет его на несколько секунд мигать и заикаться, прежде чем огни ровным светом зальют портреты Святой Ольги. Их прикрепила к переборке Шармейн. Десятки изображений повторяют лицо Ольги в крупном зерне

газетных фотографий, в журнальном глянце. Наша Госпожа Трассы.

Подполковник Ольга Товыевская, самая молодая женщина в этом звании среди советских космонавтов, держала путь на Марс в одиночном модифицированном «Алеуте-6». Новые двигатели и расширенный трюм позволяли кораблю отвезти на орбиту Марса новый образец очистителя воздуха. Агрегат предстояло испытать в обслуживаемой четырьмя космонавтами русской орбитальной лаборатории. С тем же успехом «Алеутом» могли бы управлять и по радио с «Циолковского», но Ольге захотелось самолично занести точки прохождения в бортовой журнал. Впрочем, руководство позаботилось о том, чтобы она не бездельничала: ей навязали серию рутинных экспериментов с бомбозондами для изучения космического водорода — заключительная часть каких-то второстепенных совместных исследований СССР и Австралии. Кому, как не Ольге, было знать, что ее в этих экспериментах вполне бы мог заменить кухонный таймер любой домохозяйки. Но она была сознательным офицером и нажимала на кнопки точно через заданные интервалы.

С пышным узлом темно-русых волос под тончайшей ажурной сеткой она должна была представлять собой идеал «Трудящейся в космосе» из публикаций в «Правде», поскольку была, пожалуй, самой фотогеничной из космонавтов обоего пола. Еще раз сверясь с хронометром «Алеута», она занесла руку над кнопкой, которая запустила бы первую серию бомбозондов. Откуда было знать подполковнику Товыевской, что она приближается к той точке пространства, которая со временем станет известна как Трасса.

Когда она набрала шестизначную последовательность команд, «Алеут», пройдя эти последние километры, выпустил бомбозонды; их взрывы сопровождались выбросом радиоэнергии частотой 1420 мегагерц, соответствующей спектру излучения атома водорода. Наблюдение вел радиотелескоп «Циолковского», который передавал сигнал на геосинхронные комсаты, а те, в свою очередь, переправляли его вниз на наземные станции в южной части Урала и в Новом Южном Уэльсе.

На три и восемь десятых секунды радиосилуэт «Алеута» забило эхо излучения.

Когда на экранах земных мониторов погасло остаточное свечение, выяснилось, что «Алеут» исчез.

На Урале средних лет грузин прокусил чубук любимой пеньковой трубки. В Новом Южном Уэльсе молодой физик принялся колотить по своему монитору, как разъяренный финалист по электрическому бильярду, не желая выпустить

шарик из игрового поля.

Лифт, поджидавший меня, чтобы отвезти в Райский Уголок, казался взятым из голливудского реквизита — узкий высокий саркофаг в стиле «Баухауз» с блестящей акриловой крышкой. Ряды идентичных пультов уменьшались за ним, как на иллюстрации к главе по исчезающей перспективе в школьном учебнике. Вокруг озабоченно сновала обычная толпа техников в клоунских костюмах из желтой бумаги. Я поискал глазами синий комбинезон Хиро, но сегодня на нем была ковбойская рубашка с перламутровыми пуговицами, из-под которой выглядывала застиранная водолазка с надписью «UCLA». Поглощенный каскадом сыпавшихся с экрана цифр, он меня не заметил. Как, впрочем, и все остальные.

Я стоял, глядя в потолок, он же — дно Рая. В потолке ничего райского не было. Наш цилиндр состоит, в сущности, из двух: один внутри другого. Внизу, во внешнем цилиндре, — это «внизу» мы устанавливаем сами при помощи осевого вращения — «мирские» стороны нашей деятельности: спальные отсеки, кафетерии, шлюзовая палуба, куда втягивают возвращающиеся суда, коммуникационный центр и Палаты, которые я старательно обхожу стороной.

Райский Уголок — внутренний цилиндр, сказочно зеленое сердце станции, воплощенная мечта зрелого Диснея о возвращении к истокам, жаждущее ухо голодной до информации мировой экономики. На Землю постоянно несется, пульсируя, поток неотсортированных данных: наводнение слухов, намеков, шепотков межгалактического дорожного движения. Раньше я подолгу неподвижно лежал в гамаке и всем телом ощущал давление этого потока, чувствовал, как данные змеятся за переборками по похожим на вены кабелям, которые я воображал перетянутыми и вздувшимися. Склеротические артерии вот-вот охватит спазм, который раздавит меня. Потом ко мне перебралась Шармейн; когда я рассказал ей о своих страхах, она заговорила этот поток магическими заклинаниями и развесила повсюду иконы Святой Ольги. И давление спало.

— Подключаю тебя к переводчику, Тоби. Тебе сегодня утром может понадобиться немецкий. — Голос Хиро песком скрипит в моем черепе. — Хиллари…

— На связи, доктор Нагасима, — отозвался голос диктора Би-би-си, прозрачный, как кристалл льда. — Ты говоришь по-французски, Тоби, так ведь?

Гофмансталь знает французский и английский.

— Держись от меня подальше, Хиллари. Говори, когда тебя,

черт побери, спрашивают, ясно?

Ее молчание легло еще одним слоем в затяжное путаное шипение статики. Поверх двух десятков пультов Хиро бросил на меня грязный взгляд. Я ухмыльнулся.

Начинается: возбуждение, приток адреналина в кровь. Я чувствовал это даже сквозь последние клочья барбитуратной завесы.

Комбинезон мне помогал надевать блондин с лицом серфингиста. Комбинезон был одновременно и старым, и новым — тщательно потрепанный, пропитанный синтетическим потом и обычным набором феромонов. Оба рукава от кисти до плеча вымощены вышитыми нашивками, по большей части с эмблемами корпораций-спонсоров воображаемой экспедиции по Трассе. Плечи украшали стежки торговой марки основного спонсора — предполагалось, что именно эта фирма послала «ХОЛПЕРТА ТОБИ» на его свидание со звездами. Хорошо хоть имя, вышитое над самым сердцем ярко-алыми заглавными буквами, мне оставили настоящее.

У серфингиста была стандартная внешность красивого мальчика, которая ассоциируется у меня с сотрудниками ЦРУ младшего звена, но на его бэдже значилось: «Невский», а ниже то же самое было написано кириллицей — значит, КГБ. Он — не «циолник»: ему не хватает той раскованности движений, какая приобретается за двадцать лет пребывания в искусственной биосреде на L-5. Парнишка, судя по всему, москвич чистейшей воды, вежливый функционер, который, вероятно, знает восемь способов убить человека свернутой газетой. Вот мы приступаем к ритуалу «кармашки и наркотики». Невский опускает микрошприц, заряженный каким-то новым, вызывающим эйфорию галлюциногеном, в кармашек у меня на запястье, отступает на шаг и щелкает переключателем, отмечая передачу в своем электронном блокноте. Высвеченный на экранчике блокнота силуэт суррогата в комбинезоне кажется мишенью из тира. Из кейса, прикованного цепью к руке, Невский извлекает пузырек с пятью граммами опиума, находит кармашек и для него. Щелчок. Четырнадцать кармашков. Кокаин — последний.

Хиро подошел как раз тогда, когда русский заканчивал процедуру.

— Может быть, у нее есть какие-нибудь данные в «железе», Тоби. Помни, она все-таки — технарь.

Странно было воспринимать его голос на слух, а не как вибрацию кости от имплантированного приемника.

— Там до хрена железа, Хиро.

— Мне ли этого не знать?

Он тоже чувствовал эту особую дрожь нервного возбуждения. Но нам с ним, похоже, никак не удается встретиться глазами. Прежде чем неловкость увеличилась, он повернулся и, подняв большой палец, подал знак одному из желтых клоунов.

Двое желтых помогли мне забраться в гроб в стиле «Баухауз» и, когда зашипела опускающаяся, как забрало шлема какого-нибудь великана, крышка, отступили назад. Я начал свое восхождение в Рай на встречу с вернувшейся домой незнакомкой по имени Лени Гофмансталь. Недолгое путешествие, но мне казалось, что оно тянется целую вечность.

Ольга, наш первый автостопщик, первая из тех, кто поднял руку на длине волны водорода, добралась домой через два года. Однажды серым зимним утром в Тюратаме, посреди казахстанской степи, ее возвращение было записано на восемнадцати сантиметрах магнитной пленки.

Если бы религиозный человек — да еще со знанием технологии кино — наблюдал за точкой в пространстве, откуда два года назад исчез «Алеут» Ольги, ему бы показалось, что Господь просто наложил кадр с изображением корабля на пленку с кадрами пустого космоса. Корабль вспыхнул на экране радаров в нашем пространственно-временном континууме как грубый спецэффект дилетанта. Еще неделя, и его никогда не настигли бы. Земля ушла бы своим путем, оставив Ольгу и корабль дрейфовать в сторону Солнца. Через пятьдесят три часа после ее возвращения первый нервничающий доброволец по имени Куртц, облаченный в бронированный рабочий скафандр, проник в люк «Алеута». Это был специалист по космической медицине из Восточной Германии. Его тайным пороком были американские сигареты. Ему отчаянно хотелось курить, пока он проходил воздушный шлюз, прокладывал себе дорогу мимо громоздкого куба очистителя воздуха, вмонтированного в обшивку, и настраивал фонари шлема. «Алеут» даже два года спустя, казалось, был полон пригодного для дыхания воздуха. В двойном луче Куртц увидел, как мимо проплывают крохотные шарики крови и блевотины, кружась в образовывавшихся за ним водоворотах воздуха. С трудом протиснувшись в тяжелом скафандре по центральному проходу, врач вошел в командный модуль. Там он ее и обнаружил.

Обнаженная, свернувшись невообразимым, почти животным узлом, она парила над навигационным дисплеем. Глаза ее были открыты, но устремлены на нечто, чего Курцу никогда не увидеть.

Окровавленные руки были сжаты в каменные кулаки, а русые волосы, теперь распущенные, морскими водорослями плавали

вокруг лица. Очень медленно и осторожно врач проплыл над белой клавиатурой командного пульта и закрепил свой скафандр у навигационного дисплея. Судя по всему, она принялась крушить коммуникационное оборудование голыми руками, решил он и дезактивировал правую клешню скафандра. Та автоматически развернулась, как будто две пары зажимов решили уподобиться цветку. Куртц протянул руку, все еще затянутую в герметичную серую хирургическую перчатку.

Потом как можно осторожнее разогнул пальцы ее левой руки. Ничего.

Но когда он разжал правый кулак, что-то вырвалось на свободу и, как в замедленной съемке, закувыркалось в нескольких сантиметрах от лицевого щитка его скафандра. Это что-то походило на морскую раковину.

Ольга вернулась домой, но жизнь так и не вернулась в ее голубые глаза. Естественно, врачи делали все возможное, чтобы привести ее в чувство, но чем больше они прилагали усилий, тем больше она истончалась. Одержимые жаждой знаний, они стирали ее все тоньше и тоньше, пока в своем мученичестве она не заполнила целые библиотеки застывшими рядами драгоценных реликтов. Ни одного святого не препарировали столь тщательно. В лабораториях одного только Плесецка она была представлена более чем двумя миллионами срезов тканей, складированных в подземном бомбоубежище биологического комплекса.

С раковиной им повезло больше. Оказалось, что отныне наука экзобиология базируется на обескураживающе солидной основе — на целых одном и семи десятых грамма высокоорганизованной биологической информации определенно внеземного происхождения. Морская раковина Ольги породила совершенно новый раздел науки, посвященный изучению исключительно… морской раковины Ольги.

Предварительный анализ показал две вещи. Во-первых, раковина — продукт неизвестной биосферы земного типа, а так как подобных биосфер в Солнечной системе не существует, она могла попасть сюда только с другой звезды. А значит, Ольга где-то побывала или вошла в контакт — каким бы отдаленным, опосредованным он ни был — с кем-то или с чем-то, что способно или было способно совершить подобное путешествие.

В специально оснащенном «Алеуте-9» к «Координатам Товыевской» послали майора Грожа. За ним следовал еще один корабль. Майор как раз производил последний из своих двадцати водородных запусков, когда его судно исчезло. Ученые

зафиксировали его отбытие и стали ждать. Двести тридцать четыре дня спустя он вернулся. Тем временем оставшийся корабль не переставал зондировать этот участок космоса, отчаянно выискивая хоть что-нибудь, что было бы каким-то специфическим отклонением, раздражителем, вокруг которого удалось бы выстроить теорию. Ничего, только корабль Грожа, вырвавшийся из-под контроля. Майор покончил жизнь самоубийством, прежде чем они успели достичь корабля. Вторая жертва Трассы.

Отбуксировав «Алеут» на «Циолковский», они обнаружили, что высокоточное регистрирующее оборудование совершенно чисто. Все приборы — в превосходном состоянии, но ни один из них не сработал. Тело Грожа заморозили, и на первой же челночной ракете отправили в Плесецк, где бульдозеры уже рыли котлован для нового подземного комплекса.

Три года спустя, утром того дня, когда русские потеряли своего семнадцатого космонавта, в Москве зазвонил телефон. Звонивший представился как директор Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки. Он уполномочен, сообщил он, сделать некое предложение. На определенных, очень конкретных условиях Советский Союз может рассчитывать на помощь светил западной психиатрии. По сведениям его управления, продолжал голос, подобная помощь в настоящее время весьма желательна.

Его русский был великолепен.

Статика костефона напоминает песчаную бурю в глубинах подсознания. Лифт скользит вверх по узкой шахте в полу Рая. Я считаю расположенные через двухметровые интервалы синие огни. После пятого — тьма и остановка.

Выход из лифта замаскирован внутри полого командного пульта, установленного в муляже стандартного корабля Трассы. В ожидании команды Хиро я ощущаю себя тайной, спрятанной за хитроумным поворачивающимся книжным шкафом из какой-нибудь страшилки, какие рассказывают вечерами детям.

— Все чисто, — говорит Хиро. — Поблизости никаких клиентов.

Я рефлекторно помассировал шрам за левым ухом, где мне вскрывали череп, чтобы вживить костефон. Стенка муляжного пульта скользнула в сторону, впустив серый предрассветный свет Рая. Внутри поддельного модуля все было хорошо знакомым и одновременно чужим — как в собственной квартире после недельного отсутствия. С тех пор как я вот так же стоял здесь в прошлый раз, один из побегов бразильского плюща змеей

прополз в левый иллюминатор, но, похоже, это было единственное изменение в декорациях.

На семинарах по биоструктуре из-за этого плюща постоянно ведутся ожесточенные споры. Американские экологи кричат о возможной нехватке азота. А русские болезненно воспринимают все, что связано с биодизайном, с тех самых пор, как им пришлось обращаться за помощью к американцам в экологической программе еще на «Циолковском-1». Там произошла кошмарная история с грибком, пожиравшим у них гидропонную пшеницу; несмотря на всю свою сверхточную инженерию, русские никак не могут создать функциональную экосистему. Именно экология и психиатрия открыли нам доступ к Трассе — русских это раздражает, поэтому они настаивают на бразильском плюще, да на чем угодно, лишь бы получить возможность спорить. Но мне это растение нравится: листья у него в форме сердечка, а если растереть между пальцами, они пахнут корицей.

Я стою у иллюминатора, глядя, как проясняются очертания поляны по мере того, как Рай заполняет отраженный солнечный свет. Рай живет по Гринвичу. Огромные зеркала Майлара поворачиваются где-то в открытом космосе, следуя расписанию стандартного гринвичского рассвета. В кронах деревьев зазвучало записанное на пленку пение птиц. Птицам тяжко приходится без естественной гравитации. Мы не можем позволить себе настоящих, потому что они неизменно сходят с ума, пытаясь приспособиться к центробежной силе.

Тому, кто впервые попадает сюда, кажется, что Рай вполне соответствует своему названию: пышный, прохладный и яркий, высокая трава усеяна полевыми цветами. Особенно если этот кто-то не знает, что большая часть деревьев искусственные, а также — сколько сил уходит на то, чтобы поддерживать мало-мальски приближенное к оптимальному равновесие между сине-зеленой и диатомовой водорослью в прудах. Шармейн говорит, что она всякий раз ждет, что на поляну вот-вот, резвясь, выбежит Бэмби, а Хиро утверждает, что ему точно известно, со скольких инженеров «Диснея» взяли подписку о неразглашении в рамках Закона о национальной безопасности.

— С корабля Гофмансталь получены обрывки каких-то фраз, — говорит Хиро.

С тем же успехом он мог бы разговаривать сам с собой. Гештальт «суррогат-обработчик» вступает в силу, и вскоре мы перестанем осознавать присутствие друг друга. Уровень адреналина идет на спад.

— Ничего связного… что-то вроде Schqene Maschine… «Хорошая машина»… «умная машина»…

Хиллари кажется, что Гофмансталь говорит довольно спокойно.

— Ничего мне не рассказывай, ладно? Никаких надежд. Давай без предвзятости.

Я открыл люк и вдохнул воздух Рая: он был прохладным и освежающим, как белое вино.

— Где Шармейн?

Он вздохнул — мягкий порыв статики.

— Шармейн следовало быть на Поляне-5, присматривать за вернувшимся три дня назад чилийцем. Но ее там нет, она каким-то образом прослышала, что ты поднимаешься наверх. Так что она будет ждать тебя у пруда с карпами. Упрямая дрянь, — добавил он.

Шармейн бросала камешки в пруд с китайскими большеголовыми карпами. За одно ухо заткнута гроздь белых цветов, за другое — сигарета «Мальборо». Босые ноги у нее были грязными, штанины комбинезона она подтянула до колен. Черные волосы затянуты в конский хвост.

Впервые мы встретились на вечеринке в сварочной мастерской. Пьяные голоса гулко отдавались в сфере из легированной стали, в нулевой гравитации самодельная водка текла рекой. Кто-то, у кого был бурдюк с водой на опохмелку, выдавив пару пригоршней, умело слепил неряшливый шар поверхностного натяжения. Старая шутка: «Передайте воды». Но я в невесомости неловок. Когда шар полетел в мою сторону, я проткнул его рукой. Пришлось вытряхивать из волос тысячу мелких серебристых пузырьков, отмахиваться от них, кружась волчком, а женщина рядом со мной смеялась, медленно описывая сальто. Высокая худощавая девушка с темными волосами. На ней были мешковатые штаны на завязках, какие туристы привозят с «Циолковского», и выцветшая футболка «NASA» на три размера больше, чем нужно. Минуту спустя она уже рассказывала мне о лихих забавах в компании с десятью «циолниками» и о том, как они гордились слабенькой анашой, которую вырастили в одном из зерновых баков. О том, что она тоже суррогат, я не догадывался до тех пор, пока к костефону не подключился Хиро, чтобы сказать нам, что вечеринка окончена.

Через неделю она перебралась ко мне.

— Минутку, о'кей? — Хиро оскалился (ужасающий звук). — Одну. Уно.

С этими словами он исчез, просто отключился, может быть, даже вырубил прием.

— Как дела на Поляне-5? — пристроившись подле нее, я подыскал себе несколько камешков.

— Неважно. Мне нужно было от него избавиться ненадолго, и я накачала его снотворным. Мой переводчик сказал, что ты поднимаешься сюда.

У нее была та разновидность техасского акцента, при которой «сад» звучит как «зад».

— Мне казалось, ты знаешь испанский. Твой ведь чилиец? — я запустил камешком в пруд, он запрыгал по воде.

— Я говорю на мексиканском диалекте. Гарпии из отдела культуры сказали, что ему бы не понравился мой акцент. И к лучшему. Я не поспеваю за ним, когда он слишком уж тараторит. — Один из ее камешков побежал за моим. Когда он утонул, по воде пошли круги. — Что происходит сплошь и рядом, — мрачно добавила она.

Большеголовый карп подплыл взглянуть, нельзя ли поживиться ее камнем.

— Он не выкарабкается. — Она не смотрела на меня, тон ее был совершенно нейтральным. — Малыш Хорхе определенно не выкарабкается.

Я выбрал показавшийся мне самым плоским камешек, попытался заставить его прыгать через весь пруд, но он утонул. Чем меньше я знаю о чилийце Хорхе, тем лучше. Я знал, что он вернулся живым — один из десяти процентов. Стандартная формулировка «DOA», «мертв по прибытии», применима к двадцати процентам случаев. Самоубийства. Семьдесят процентов «пушечного мяса» — автоматические кандидаты в Палаты: младенцы в пеленках, бормочущие что-то под нос, в полной отключке. Шармейн и я — суррогаты для остающихся десяти процентов.

Сомнительно, чтобы Рай появился, если бы первые автостопщики привозили назад лишь ракушки. Рай построили после того, как вернулся корабль с французским космонавтом на борту. Мертвец сжимал в руке двенадцатисантиметровое колечко из магнитно-кодированной стали — черная пародия на счастливого малыша, выигравшего бесплатный круг на карусели. Мы, наверное, никогда не узнаем, где и как к нему попало это кольцо, но оно оказалось «розеттским камнем» с рецептом, как лечить рак. С той минуты для человеческой расы настало время «грузовой лихорадки». Ведь там, в космосе, мы можем насобирать такого, на что сами бы не наткнулись и за тысячу лет исследований. Шармейн говорит, что мы похожи на тех бедолаг с далекого острова, которые все свои силы бросили на строительство посадочных полос, чтобы заставить вернуться больших серебряных птиц. А еще Шармейн говорит, что контакт с «высшей» цивилизацией — это то, чего не пожелаешь и заклятому

врагу.

— Тоби, ты когда-нибудь задумывался, как им пришла в голову мысль о такой вот обработке? — она прищурилась на зарю, занимавшуюся на востоке нашей зеленой, лишенной горизонта цилиндрической страны. — В этот день собрались, наверное, все шишки. Высохшие мудрецы, как это обычно водится в Пентагоне, расселись вдоль длинного стола из прекрасно сымитированного палисандрового дерева. У каждого — чистый блокнот и новенький карандаш, специально по такому поводу заточенный. Кого там только не было: фрейдисты, юнгианцы, адлерианцы, приверженцы теории «крысолова» — называй сам, кого вспомнишь. И каждый из этих ублюдков в глубине души знал, что пришло время разыграть козырную карту, причем для всей профессии, а не для разрозненных группировок. Вот она — западная психиатрия во плоти. И ничегошеньки не произошло! Трасса по-прежнему выбрасывает трупы, вернувшиеся бредят или распевают детские песенки. А те, кто в себе, выдерживают не более трех дней, не говорят, черт побери, ничего, потом стреляются или впадают в кататонию. — Она сняла с пояса маленький фонарик, раскрыла пластмассовый корпус и извлекла оттуда параболический рефлектор. — Кремль заходится от крика. ЦРУ стоит на ушах. И хуже всего то, что транснациональным корпорациям, которые хотят за свои денежки музыку, надоедает ждать. «Мертвые космонавты? Никаких данных? Так не пойдет, ребята». Они начинают нервничать, все эти суперпсихоаналитики, пока какой-нибудь придурок, какой-нибудь ухмыляющийся полоумный из, например, Беркли не заявляет вдруг… — растягивая слова, она спародировала добродушный самоуверенный говорок: — «Эй, послушайте, почему бы нам просто не отправить этих людей в действительно приятное местечко, где много хорошего кайфа и есть кто-то, с кем они могли бы покалякать, а?»

Рассмеявшись, она покачала головой. Затем повертела в руках рефлектор, пытаясь поймать солнечный луч. Спичек нам с собой не дают, поскольку огонь нарушает равновесие кислорода и углекислого газа. Когда она поднесла сигарету к добела раскаленной фокусной точке, потянулась струйка сизого дыма.

— О'кей, — послышался голос Хиро. — Твоя минута прошла.

Я глянул на часы. Скорее три, чем одна.

— Удачи тебе, дружок, — мягко сказала Шармейн, делая вид, что поглощена сигаретой. — Бог в помощь.

Обещание боли. Она всегда поджидает здесь. Ты знаешь, что случится, но не знаешь, когда или в точности как. Пытаешься

удержать вернувшихся, вытянуть их из тьмы. Но если заслонить себя от боли, то не сможешь работать. Хиро все время цитирует какие-то японские вирши: «Научи нас испытывать желание и научи не испытывать его».

Мы похожи на комнатных мух, настолько умных, что сумели забраться в международный аэропорт. Некоторым действительно удается случайно проникнуть на рейс до Лондона или Рио, может быть, даже выжить во время перелета и вернуться назад. «Эге, — говорят тогда остальные мухи, — ну что там по ту сторону двери? Что такого знают они, что неизвестно нам?» На обочине Трассы любой человеческий язык теряет свою тайну, за исключением, быть может, языка шамана, или каббалиста, или мистика, вознамерившегося проклассифицировать иерархию демонов, ангелов и святых.

Но Трасса живет по своим собственным правилам, и некоторые из них мы уже заучили. Это дает нам хоть какую-то зацепку.

Правило первое. В путь отправляются только в одиночку; никаких экипажей, никаких пар.

Правило второе. Никакого искусственного интеллекта; что бы ни двигалось по Трассе, оно не притормозит ради умной машины — во всяком случае, таких, какие делаем мы.

Правило третье. Регистрирующее оборудование — ненужный балласт; приборы всегда возвращаются пустыми.

Десятки новых физических школ возникли в русле учения Святой Ольги, не говоря уж о сотнях еще более причудливых и элегантных ересей — и все они стремились протолкнуться внутрь колеи. И все пали — одна за другой. В полной шорохов и шепотов тишине ночей Рая нетрудно представить себе, что слышишь, как рушатся парадигмы, позвякивают, рассыпаясь в алмазную пыль, обломки теорий, когда дело всей жизни какого-нибудь крупного института низводится до незначительной запятой в истории науки. А Трасса тем временем возвращает искалеченных путников, чтобы во тьме они пробормотали нам какие-то обрывки.

Мухи в аэропорту, путешествующие автостопом. Мухам советуют не задавать лишних вопросов. Мухам советуют не пытаться увидеть Картинку-в-Целом. Повторные попытки без вариантов приводят к медленному, неумолимому огню паранойи. Разум проецирует на стены ночи гигантские темные чертежи, схемы, которые, обретя плоть, превращаются в безумие — и в религию. Мудрые мухи цепляются за теорию «черного ящика». «Черный ящик» — разрешенная метафора, Трасса же остается величиной *«х»* во всех разумных уравнениях. Считается, что нам

не следует задумываться о том, что есть Трасса и кто ее сюда протянул. Вместо этого мы сосредотачиваем свое внимание на том, что мы помещаем в ящик, и том, что мы вытаскиваем из него. Есть то, что мы посылаем по Трассе (женщина по имени Ольга, ее корабль и многие-многие другие, последовавшие за ней), и то, что приходит назад (сошедшая с ума женщина, морская раковина, артефакты, фрагменты чужих технологий). Приверженцы теории «черного ящика» заверяют, что главнейшая наша задача — оптимизировать этот обмен. Мы здесь для того, чтобы позаботиться о том, чтобы род человеческий на вложенные деньги получил свой дивиденд. Но все более очевидными становятся некоторые вещи. Например: мы не единственные мухи, отыскавшие дорогу в аэропорт. Слишком много артефактов собрано, и не меньше полудюжины из них происходят из резко отличающихся друг от друга культур — тоже «стопщиков», как называет их Шармейн. Мы как крысы в трюме сухогруза, обменивающиеся милыми безделушками с крысами из других портов. Мечтая о ярких огнях, о большом городе.

Будь проще, ограничься Входом-Выходом.

Лени Гофмансталь: Выход.

Мы срежиссировали возвращение Лени Гофмансталь так, чтобы оно пришлось на Поляну-3, известную также как Элизиум. Сидя на корточках возле беседки, образованной переплетением ветвей искусно воспроизведенных молодых кленов, я изучал ее корабль. Изначально он выглядел как бескрылая стрекоза, стройное десятиметровое брюшко прятало в себе ядерный двигатель. Теперь, когда двигатель удалили, он напоминал белую матовую куколку с выпуклым глазом, напичканным традиционно бесполезными сенсорами и зондами. Корабль лежал на пологом склоне поляны, на искусственном бугре, специально сконструированном так, чтобы удобно разместить суда самых разных размеров. Новые корабли — поменьше, они похожи скорее на обтекаемые машины гонок «Гран-При». Их минималистские коконы даже не пытаются изображать из себя разведывательные суда. Модули для пушечного мяса.

— Не нравится мне это, — раздался голос Хиро. — Корабль этот мне не нравится. Что-то в нем не так….

Он сказал это как бы про себя, будто размышляя вслух. Но точно так же и то же самое мог сказать себе и я сам, а это означало, что гештальт «суррогат-обработчик» в почти оперативном состоянии. Войдя в роль, я перестаю быть посредником при голодном ухе Рая, неким специфичным зондом, связанным по радио с еще более специфичным психиатром. Когда

щелкает, вставая на место, гештальт, мы с Хиро сливаемся в нечто, в существовании чего мы никогда не сможем друг другу признаться, — во всяком случае, ни до, ни после самой работы. Наши взаимоотношения любого классического фрейдиста довели бы до ночных кошмаров. Но я знал, что Хиро прав: на сей раз было что-то ужасающе не так.

Поляна казалась неровно округлой. Что ж, функциональность превыше всего. На самом деле, она представляла собой круглую вставку в полу Рая пятнадцати метров в диаметре, подъемник, замаскированный под альпийскую мини-лужайку. С корабля Лени отпилили двигатель, втянули его во внешний цилиндр, потом поляну опустили на шлюзовую палубу и вместе с кораблем подняли ее в Рай. Там она оказалась на верхушке гигантского пирога, украшенного вполне убедительными цукатами в виде травы и полевых цветов. Сенсоры заглушили вещанием станции, порты и люк корабля опечатали: предполагается, что Рай станет для новоприбывших сюрпризом.

Я осознал, что спрашиваю себя, вернулась ли Шармейн к Хорхе. Быть может, она готовит ему еду, одну из тех рыбин, которых мы называем «улов», когда их выпускают нам в руки из клеток на дне озер. Я почти почувствовал запах жарящейся рыбы, закрыл глаза, представляя себе, как Шармейн бредет по мелководью и прозрачные капли бусинами покрывают ее бедра. Длинноногая девушка в пруду с рыбами в Раю.

— Давай, Тоби! Внутрь!

В черепе еще гулом отдавался приказ, а тренинг и гештальт-рефлекс уже погнали меня через поляну.

— Черт побери, черт побери, черт побери… — традиционная мантра Хиро.

И тут я понял, что все каким-то образом пошло наперекосяк. Голос переводчицы Хиллари доносился визгливыми полутонами, защитный лед Би-би-си трещал, а она все тараторила что-то на высшей скорости об анатомических диаграммах. Чтобы распечатать люк, Хиро, должно быть, воспользовался дистанционным управлением, но не стал ждать, пока колесо раскрутится само собой. Он просто взорвал шесть встроенных в обшивку зарядов, разом вырвав шлюз. Меня едва не задело обломками, от которых я инстинктивно увернулся. Затем я вскарабкался по гладкому боку корабля, ухватился за ячеистые распорки у самого входного отверстия: вместе с механизмом люка рухнул и стальной трап.

И вдруг замер, скорчившись и зажимая нос от вони пластиковой взрывчатки, потому что именно тогда меня накрыл Страх. Впервые накрыл по-настоящему.

Я сталкивался с ним и раньше, с этим Страхом, но тогда это был лишь край огромного покрывала. Теперь же он был бездонным, как бездна, он нес в себе пустоту вечной ночи, холодную и неумолимую. В нем — последние слова, глубина космоса, каждое долгое «прощай» в истории нашей расы. Он заставил меня съежиться и заскулить. Я трясся, пресмыкался, рыдал. Нам читают лекции, предостерегают, пытаются списать этот страх на временную боязнь открытого пространства, свойственную нашей работе. Но мы знаем, что это; суррогаты знают, а обработчикам этого не дано. Ни одно объяснение не способно ухватить сути.

Это — Страх. Это — длинный палец Великой Ночи, тьмы, которая скармливает бормочущих безумцев мягкой белой утробе Палат. Ольга познала его первой, Святая Ольга. Она пыталась спрятать нас от него, крушила радиооборудование корабля, молясь, чтобы Земля потеряла ее, дала ей умереть.

Хиро неистовствовал, но потом, похоже, понял, что со мной происходит, и принял единственно верное решение.

Он ударил меня, задействовав переключатель боли. Жестоко. Раз, еще раз — как стрекалом для скота. Он заставил меня войти внутрь. Пинками прогнал сквозь Страх.

Там, за стеной Страха, была комната. Тишина, молчание и незнакомый запах. Запах женщины.

Захламленный модуль выглядел изношенным, почти домашним, усталый пластик антиперегрузочной кушетки был заклеен отстающими полосками серебристой пленки. Но все, казалось, было отмечено печатью заброшенности. Обитательницы здесь не было. Затем я увидел безумную щетину росчерков шариковой ручкой: похожие на крабов символы, тысячи крохотных корявых продолговатых фигур смыкались, накладывались одна на другую. Размазанные пальцами, жалкие, они покрывали почти всю переднюю переборку.

Хиро — из статики — шептал, молил: «Найди ее, Тоби, сейчас же, пожалуйста, Тоби, найди ее, найди ее, найди…»

Я нашел ее в хирургической нише, узком алькове в дальнем конце центрального коридора. Над ней — Schqene Maschine, сверкающий хирургический манипулятор, его острые длинные руки-клешни были подняты. Хромированные члены ракопаука оканчивались несколькими гемостатами, пинцетом, лазерным скальпелем. Хиллари билась в истерике, почти затерявшись на каком-то далеком канале, захлебывалась рыданиями: что-то об анатомии человеческой руки, сухожилиях, артериях, основах тахономии.

Крови совсем не было. Манипулятор — чистоплотная машина, способная аккуратно делать свое дело в условиях нулевой гравитации, отсасывая жидкость при помощи вакуума. Лени умерла за минуту до того, как Хиро взорвал люк. Ее правая рука, разложенная на рабочей поверхности, казалась копией какого-то средневекового рисунка. И эта рука была очищена до кости, наколотые на белый пластик препараторскими иглами из нержавеющей стали мускулы и ткани были разложены тщательно и симметрично. Она истекла кровью. Любой хирургический манипулятор тщательно запрограммирован против самоубийства, но он может использоваться как робот-препаратор, готовящий биологические материалы для хранения.

Физхимик нашла способ его одурачить. Если на это есть время, с машинами такое, как правило, проходит. А у нее было восемь лет.

Лени лежала на расставленном прозекторском столе. Ее тело напоминало скелет какого-то ископаемого в зубоврачебном кресле. Нити вышивки на спине ее комбинезона — орнамент с торговой маркой западногерманского концерна электроники — давно потускнели.

Я попытался объяснить ей… Я говорил:

— Пожалуйста, ты ведь уже мертвая. Прости нас, мы с Хиро… мы пришли, чтобы попытаться помочь. Понимаешь? Видишь ли, Хиро тебя знает. Он сейчас прямо у меня в голове. Он читал твое досье, твой сексуальный профиль, видел твои любимые цвета. Он наизусть знает твои детские страхи, знает, как звали твою первую любовь, имя учителя, который тебе так нравился. А у меня — подобранные ради тебя феромоны, и сам я — ходячий арсенал наркотиков, всего того, что обязательно тебе понравится. И мы умеем лгать, Хиро и я, мы ведь просто асы лжи. Пожалуйста. Ты должна понять. Мы с Хиро совершенно чужие тебе люди, но для тебя мы разыграем совершеннейшего незнакомца… правда, Лени.

Она была худенькой светловолосой женщиной. Прямые волосы припорошены преждевременной сединой. Мягко коснувшись этих волос, я вышел на поляну. На моих глазах заколыхалась высокая трава, закачались полевые цветы, и началось нисхождение. Корабль все время оставался в центре рельефного круга лифта. Поляна скользнула прочь из Рая, и солнечный свет потерялся в сиянии огромных неоновых дуг, отбрасывающих резкие тени на просторную палубу воздушного шлюза. Забегали фигуры в красных комбинезонах. Красный паровозик, описав полукруг, уступая нам дорогу, развернулся на толстых резиновых колесах.

Невский, серфингист из КГБ, ожидал у подножия трапа,

который подкатили к краю поляны. Я его даже не видел, пока не спустился.

— Мне теперь нужно забрать наркотики, мистер Холперт.

Я стоял, покачиваясь, смаргивая наворачивающиеся на глаза слезы. Он протянул руку, чтобы меня поддержать. Я подумал: а знает ли он, что он вообще делает здесь, на нижней палубе, желтый костюм на красной территории. Вероятно, ему все равно; казалось, ему ни до чего, в сущности, нет дела. Свой блокнот он держал наготове.

— Я должен их забрать, мистер Холперт.

Стащив с себя комбинезон, я протянул ему мятый ком. Он сложил его в пластиковый пакет на молнии, убрал пакет в кейс, прикованный наручниками к его левому запястью, и ввел комбинацию шифра.

— Не принимай их все разом, малыш, — сказал я. И потерял сознание.

Этой ночью Шармейн принесла в мою келью некую особую тьму — индивидуальные дозы, запаянные в плотную пленку. Эта тьма ничем не походила на тьму Великой Ночи, ту охотящуюся черноту, что поджидает, чтобы утащить автостопщиков в Палату, ту тьму, что взращивает Страх. Эта темнота напоминала тени, движущиеся на заднем сиденье родительской машины дождливой ночью, когда тебе пять лет… тебе тепло… ты в безопасности. Шармейн гораздо хитрее меня, когда надо обмануть контролеров вроде Невского.

Я не стал ее спрашивать, почему она вернулась из Рая или что сталось с Хорхе. И она ничего не спросила о Лени.

Хиро исчез, отключился от эфира. Я видел его сегодня вечером во время совещания; как всегда, нашим взглядам никак не удавалось встретиться. Не страшно. Я знал, что он вернется. Все это, в сущности, — наша работа, все — как обычно. Очередной трудный день в Раю, но там никогда не бывает просто. Тяжело, когда впервые испытываешь Страх, но я всегда знал, что он поджидает меня там. На совещании говорили о формулах Лени и о ее зарисовках шариковой ручкой. Насколько я понял, это были молекулярные цепи, способные смещаться по команде. Молекулы, функционирующие как переключатели, логические элементы, и даже как нечто вроде линий электропередач — и все это слоями встроено в одну-единственную очень большую макромолекулу, крохотный компьютер. По-видимому, мы никогда не узнаем, с чем Лени столкнулась там, в космосе. И подробностей ее сделки нам тоже, вероятно, никогда не узнать. Возможно, мы очень пожалеем, узнай мы когда-нибудь об этом.

Мы ведь не единственное отсталое племя из тех, что подбирают обрывки.

Черт бы побрал эту Лени, этого француза, черт бы побрал всех тех, кто привозит домой странные вещи, кто привозит панацею от рака, морские ракушки, предметы без названий, — всех тех, кто заставляет нас сидеть здесь и ждать, кто наполняет Палаты, кто приносит нам Страх. Но — цепляйся за эту темноту, тепло и близость, за чуть слышное дыхание Шармейн, мерный ритм моря. На этом можно и отлететь… Ты услышишь море, там, далеко внизу, за непрестанным тараканьим шорохом статики костефона. Это то, что мы несем в себе, как бы далеко нас ни заносило от дома.

Рядом со мной шевельнулась во сне Шармейн, пробормотала незнакомое имя, возможно, имя какого-то сломленного путника, давно сгинувшего в Палатах. Она помнит их всех. Однажды она две недели не давала умереть одному парню, пока тот не выдавил себе глаза большими пальцами. Шармейн кричала все время, пока ее опускали вниз, сломала ногти о пластиковую крышку подъемника. Потом ее накачали транквилизаторами.

Однако в нас обоих живет особый голод, неугомонная одержимость, которая позволяет нам снова и снова возвращаться в Рай. И получили мы ее одним и тем же образом: неделями болтались в космосе на своих маленьких суденышках в надежде, что и нас примет Трасса. А когда иссякли водородные заряды, нас отбуксировали назад. Некоторых просто не берут, и никто не знает почему. И второго шанса у тебя никогда не будет. Они говорят, что это слишком дорого, но на самом деле, глядя на твои перетянутые бинтами запястья, думают о том, что ты теперь слишком ценен, слишком полезен для них как потенциальный суррогат. «Неважно, что ты пытался покончить жизнь самоубийством, — говорят они, — это случается сплошь и рядом. Это вполне понятно — когда чувствуешь себя отвергнутым». Но я хотел умереть, очень хотел. И Шармейн тоже. Она попыталась отравиться таблетками. Но нас подготовили, одержимость «подправили», вживили костефоны, спарили с обработчиками.

Ольга, должно быть, знала, должно быть, все это как-то предвидела. Она пыталась не позволить нам выйти на дорогу, туда, где побывала сама. Она понимала, что если люди найдут ее, у них не останется выбора, им придется идти. Даже теперь, зная то, что я знаю, я все равно хочу пойти по Трассе. Я никогда туда не попаду. Но можно качаться во тьме, что громоздится над нами, мысленно держа за руку Шармейн. Между нашими ладонями — разорванная обертка наркотика. И улыбается Святая Ольга — ее присутствие почти осязаемо — улыбается нам со всех своих

отпечатков, сделанных с одной и той же официальной фотографии, вырванных и приклеенных на стены ночи. Ее белая улыбка. Навсегда.

Красная звезда, орбита зимы

Полковник Королёв тяжело ворочался в ремнях спального места, ему снились зима и гравитация. Вновь молоденький курсант, он погоняет коня по заснеженной казахстанской степи куда-то в сухую рыжую перспективу марсианского заката.

«Что-то здесь не так», – подумал он…

И проснулся – в «Музее Советских Достижений в Космосе» – под звуки, производимые Романенко и женой кагэбэшника. Они опять занимались любовью за экраном в кормовой части «Салюта». Ритмично поскрипывают ремни и обитые войлоком переборки, слышны глухие удары… Подковы на снегу.

Высвободившись из ремней, Королёв привычным натренированным движением оттолкнулся от стены, что крутануло его прямо в кабинку туалета. Он выпутался из потёртого комбинезона, защёлкнул вокруг чресел стульчак и стёр со стального зеркала сконденсировавшуюся влагу. Во сне артритные руки снова отекли; запястье из-за потери кальция напоминало птичью лапку. С тех пор как он в последний раз испытывал силу тяготения, прошло двадцать лет, он состарился на орбите.

Он побрился вакуумной бритвой, хотя с годами это причиняло всё больше хлопот. Левую щёку и висок покрывала сетка лопнувших сосудов – ещё одно наследство оставившей его инвалидом декомпрессии.

Выйдя, он обнаружил, что прелюбодеи уже закончили. Романенко оправлял форму. Жена политрука Валентина закатала рукава коричневого комбинезона. Её белые руки блестели от пота. Пепельно-русые волосы развевал ветерок от вентилятора. Близко посаженные глаза были чистейшего василькового цвета, и выражение их сейчас было отчасти извиняющееся, отчасти заговорщическое.

– Взгляните, что мы принесли вам, полковник… – Она протягивала ему крохотную бутылочку коньяка. Королёв, ошеломлённо моргая, взглянул на пластмассовую крышку: «Эр Франс». – Это привезли на последнем «Союзе». Муж сказал, в огурцах. – Валентина захихикала. – Он подарил её мне.

– Мы решили, что она достанется вам, полковник, – ухмыляясь до ушей, сказал Романенко. – В конце концов, мы ведь всегда можем слетать в отпуск.

Королёв проигнорировал взгляд, который мальчишка бросил на его усохшие ноги и бледные обвисшие ступни.

Он открыл бутылочку, и от богатого аромата к его щекам

прихлынула кровь. Осторожно подняв бутылочку ко рту, Королёв сделал несколько крохотных глотков. Алкоголь жёг, как кислота.

– Господи, – выдохнул он, – сколько лет! Я совсем тут окаменел! – добавил он смеясь. Слёзы застилали ему глаза.

– Отец рассказывал, в былые времена вы, полковник, пили просто геройски.

– Да, – Королёв отхлебнул ещё глоток. – Пил.

Коньяк жидким золотом растекался по телу. Старик недолюбливал Романенко. И отца парня он никогда не любил – вкрадчивый партийный функционер, давно уже подыскавший себе синекуру в виде лекционных туров; дача на Чёрном море, американские ликёры, французские костюмы, итальянская обувь… Мальчишка похож на отца, те же ясные серые глаза, не омрачённые никаким сомнением.

Алкоголь волнами прокатывался по телу, будоража жидкую кровь.

– Вы слишком щедры, – сказал Королёв. Он мягко оттолкнулся от стены и проплыл к пульту. – Возьмите-ка самиздаты[1]. Американское кабельное вещание, свежий перехват. Пикантные плёнки! Просто грех тратить это на старую развалину вроде меня. – Он вставил чистую кассету и набрал код материала.

– Отдам её расчёту, – ухмыльнулся Романенко. – Смогут прокрутить на мониторах наведения в арсенале.

«Арсеналом» традиционно называли станцию управления протонным лучом дезинтегратора. Обслуживающие её солдаты всегда были падки на подобные плёнки. Королёв запустил вторую копию для Валентины.

– Это порнуха? – Вид у красавицы был встревоженный и заинтригованный. – Можно, мы ещё придём, полковник? Во вторник в полночь?

Королёв ответил ей улыбкой. До того как её отобрали для космической программы, она была простой фабричной работницей. Красота сделала Валентину полезной для пропагандистских целей, превратив её в модель для пролетариата.

Теперь, когда в крови циркулировал коньяк, полковнику было жаль женщину; показалось невозможным отказать ей в небольшом счастье.

– Полуночное свидание в музее, Валентина? Как романтично!

Качнувшись в невесомости, она поцеловала его в щёчку.

– Благодарю вас, мой полковник!

– Вы – просто властитель душ, полковник, – сказал Романенко, как можно мягче хлопнув Королёва по хрупкому плечу. После бесконечных часов в качалке руки у мальчишки

были как у кузнеца.

Старик глядел, как любовники осторожно пробираются в центральную стыковочную сферу, к перекрёстку трёх ветшающих «Салютов» и ещё двух коридоров. Романенко свернул в «северный» коридор, к арсеналу, Валентина направилась в противоположную сторону – к следующей стыковочной сфере и «Салюту», где мирно спал её муж.

В «Космограде» таких стыковочных сфер было пять, к каждой из них было пристыковано по три «Салюта». На противоположных концах комплекса располагались военные отсеки и установки для запуска спутников. Станция непрерывно постукивала, потрескивала, дышала с присвистом, так что казалось, что находишься в метро или в трюме грузового парохода.

Королёв снова приложился к бутылке, теперь уже наполовину пустой. Он спрятал её в одном из экспонатов музея, фотокамере НАСА системы «Хассельблад», найденной на месте посадки «Аполлона». Ему не случалось выпивать с той самой увольнительной на Землю перед декомпрессией. Голова кружилась болезненно приятной пьяной ностальгией.

Проплыв назад к своему пульту, он вошёл в ту секцию памяти, откуда когда-то стёр тайком собрание речей Алексея Косыгина, чтобы освободить место для своей личной коллекции самиздата: оцифрованных записей поп-музыки, той самой, которую он так любил в детстве, в восьмидесятые годы. Тут были английские группы, записанные с западногерманского радио, хеви-металл стран Варшавского Договора, американский импорт с чёрного рынка. Надев наушники, он набрал код ченстоховского регги-бэнда «Бригада Кризис».

После всех этих лет он уже не столько слушал саму музыку, сколько всматривался в образы, мучительно отчётливо наплывавшие из глубины памяти. В восьмидесятые он был длинноволосым парнишкой, отпрыском советской элиты. Положение отца надёжно защищало его от московской милиции. Он вспоминал, как выл усиленный динамиками реверс в жаркой темноте подвального клуба, видел перед собой шахматную толпу в джинсе и с перекрашенными волосами. Он курил тогда «Мальборо», смешанный с перетёртым афганским хашем. Помнил губы дочери американского дипломата на заднем сиденье чёрного «линкольна». Имена и лица возвращались, накатывали на Королёва в горячей дымке коньяка. Вот Нина, восточная немка, показывает ему размноженные на мимеографе переводы из польских диссидентских информ-листков… В кофейне Нина появлялась лишь поздно ночью. Шёпотом передавались слухи о

паразитизме, антисоветской деятельности, ужасах химической обработки в психушке…

Королёва стала бить дрожь. Он провёл рукой по лицу, обнаружил, что оно залито потом. Снял наушники.

Уже полвека прошло, а он вдруг чуть ли не до обморока перепугался. Он не помнил, чтобы ранее испытывал подобный ужас, не боялся так даже во время декомпрессии, когда ему раздробило бедро. Его отчаянно трясло. Лампы. Свет на «Салюте» был слишком ярок, но ему не хотелось приближаться к выключателю. Такое простое действие, он его совершает регулярно, и всё же… Переключатели и их обмотанные изоляцией кабели таили в себе неведомую угрозу. Королёв растерянно поморгал. Маленькая заводная модель лунохода с сетчатыми колёсами, цепляющимися за округлую стену, показалась вдруг разумной, враждебной, ждущей момента, чтобы напасть. Глаза советских первопроходцев космоса с презрением уставились на него с официальных портретов.

Коньяк. Годы, проведённые в невесомости, явно изменили метаболизм Королёва. Он уже совсем не тот, каким был раньше. Нет, он останется спокоен и попытается с достоинством перенести это. Если его вырвет, он станет всеобщим посмешищем.

В дверь музея постучали, и в люк великолепным нырком проскользнул Никита-Сантехник, главный мастер на все руки «Космограда». Вид у молодого инженера был разъярённый, и Королёв съёжился от страха.

– Рано поднялся, Сантехник, – сказал он в надежде сохранить хотя бы видимость нормальности.

– Точечная утечка в Дельте-Три. – Никита нахмурился. – Вы понимаете по-японски?

На Сантехнике были застиранные джинсы «ливайс» и рваные кроссовки «адидас». По всей заляпанной рабочей жилетке в самых неожиданных местах были нашиты карманы. Из внутреннего кармана Никита выудил кассету.

– Мы записали это прошлой ночью.

Королёв отпрянул, будто кассета была каким-то оружием.

– Нет, только не по-японски, – ответил он, сам удивившись кротости в собственном голосе. – Только по-английски и по-польски.

Он почувствовал, что краснеет. Сантехник был его другом. Он хорошо знал Никиту и доверял ему, но всё же…

– С вами всё в порядке, полковник? – Сантехник запустил кассету и ловкими мозолистыми пальцами набрал код программы-переводчика. – Вид у вас такой, будто вы жука проглотили. Мне бы хотелось, чтобы вы это послушали.

Королёв с неприязнью смотрел, как на экране вспыхнула реклама рукавиц для бейсбола. Маниакально забормотал голос японского диктора, и по экрану побежали кириллические субтитры словаря.

– Сейчас пойдут новости, – сказал Сантехник, покусывая костяшку большого пальца.

Королёв озабоченно покосился на экран. По лицу японского диктора заскользил перевод:

«АМЕРИКАНСКАЯ ГРУППА ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ЗАЯВЛЯЕТ… ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР… СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О ТОМ, ЧТО РУССКИЕ НАКОНЕЦ ГОТОВЫ… ДЕМОНТИРОВАТЬ ВООРУЖЁННУЮ БАЗУ КОМИЧЕСКОГО ГОРОДА…»

– Космического, – пробормотал себе под нос Сантехник, – сбой в словаре.

«ПОСТРОЕННЫЙ НА РУБЕЖЕ ВЕКА КАК ТРАМПЛИН В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО… АМБИЦИОЗНЫЙ ПРОЕКТ ПОДОРВАН ПРОВАЛОМ ЛУННЫХ РУДНИКОВЫХ РАЗРАБОТОК… ДОРОГОСТОЯЩАЯ СТАНЦИЯ УСТУПАЕТ НАШИМ БЕСПИЛОТНЫМ ОРБИТАЛЬНЫМ ФАБРИКАМ… КРИСТАЛЛЫ, ПОЛУПРОВОДНИКИ И ЧИСТЫЕ ЛЕКАРСТВА…»

– Самодовольные ублюдки, – фыркнул Сантехник. – Говорю вам, это всё проклятый кагэбэшник Ефремов. Кто, как не он, приложил к этому руку!

«ЗАТЯЖНОЙ ДЕФИЦИТ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ… ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕДОВОЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ… ПОСЛЕДНИЕ РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА…»

– Нас закрывают! – Лицо Сантехника перекосилось от ярости.

Не в силах сдержать дрожь, Королёв отшатнулся от экрана. С его ресниц сорвались и невесомыми каплями поплыли по воздуху слёзы.

– Оставь меня в покое! Я ничего не могу поделать!

– Что с вами, полковник? – Никита схватил его за плечи. – Посмотрите мне в лицо. Кто-то дал вам дозу «Страха»!

– Уходи, – взмолился Королёв.

– Этот маленький засранец! Что он вам дал? Таблетки? Инъекцию?

Королёв трясся всем телом.

– Я выпил…

– Он дал вам «Страх»! Вам, больному старику. Да я ему морду набью!

Сантехник резко подтянул колени, сделал сальто назад и, оттолкнувшись от потолка, катапультировался из комнаты.

– Подожди! Сантехник!

Но Никита, белкой проскользнув стыковочную сферу, исчез в коридоре, и Королёв почувствовал теперь, что не вынесет одиночества. Издалека до него донеслись искажённые металлическим эхом гневные выкрики.

Дрожа, старик закрыл глаза и стал ждать, что кто-нибудь придёт и поможет ему.

Он попросил военного психиатра Бычкова помочь ему одеться в старый мундир с привинченной над левым нагрудным карманом звездой ордена Циолковского. Форменные ботинки из тяжёлого чёрного нейлона с подошвами на присосках отказались налезать на искорёженные артритом ноги, поэтому он остался босиком.

Укол Бычкова в течение часа привёл полковника в чувство, депрессия постепенно сменилась яростным гневом. Теперь Королёв ждал в музее Ефремова, который должен был явиться по его вызову. Его дом обитатели станции называли «Музеем Советских Достижений в Космосе». И по мере того как, уступая место застарелому, как и сама станция, безразличию, стихала ярость, он всё более чувствовал себя всего лишь ещё одним экспонатом.

Полковник мрачно смотрел на портреты великих провидцев космоса, заключённые в золотые рамы, на лица Циолковского, Рынина, Туполева. Под ними, в несколько менее богатых рамах, красовались Жюль Верн, Годдар, О'Нил.

В минуты глубочайшей подавленности он иногда считал, что замечает в их взглядах, особенно в глазах двух американцев, некую общую странность. Было ли это заурядным безумием, как иногда думал он в приступе цинизма? Или ему удалось уловить едва заметное проявление какой-то жуткой, неуправляемой силы, в которой он частенько подозревал движущую силу эволюции человеческой расы?

Однажды, лишь один-единственный раз, Королёв видел это выражение и в своих собственных глазах – в тот день, когда он ступил на землю Каньона Копрат. Марсианское солнце, превратившее в зеркало лицевой щиток шлема, вдруг показало ему отражение двух совершенно чужих немигающих глаз бесстрашных и полных отчаянной решимости. Тихий затаённый шок от увиденного, как он осознавал теперь, был самым запомнившимся, самым трансцендентальным мгновением его жизни.

Поверх всех портретов, масляных и мёртвенных, висела картина, изображавшая высадку на Марс. Краски неизменно напоминали полковнику о борще и мясной подливе. Марсианский

ландшафт был низведён здесь до китча советского социалистического реализма. Рядом с посадочным модулем художник со всей глубоко искренней вульгарностью официального стиля поместил фигуру в скафандре.

Чувствуя себя опозоренным, полковник ожидал прибытия Ефремова, кагэбэшника, политрука «Космограда».

Когда Ефремов наконец появился в «Салюте», Королёв заметил, что у него разбита губа, а на шее – свежие синяки. Политрук был одет в синий комбинезон из японского шёлка фирмы «Кансаи», на ногах – стильные итальянские туфли.

– Доброе утро, товарищ полковник.

Королёв смотрел на него, намеренно выдерживая паузу.

– Ефремов, – с нажимом произнёс он, – вы меня не радуете.

Ефремов покраснел, но взгляда не отвёл.

– Давайте говорить начистоту, полковник, как русский с русским. Естественно, это предназначалось не для вас.

– Что? «Страх», Ефремов?

– Да, бета-карболин. Если бы вы не потакали их антиобщественным поступкам, если бы вы не приняли от них взятку, ничего бы не случилось.

– Так, значит, я сводник, Ефремов? Сводник и пьяница? Тогда вы контрабандист и стукач рогатый. Я говорю это, – добавил он, – как русский русскому.

Теперь лицо кагэбэшника превратилось в официальную пустую маску с выражением ничем не омрачённого сознания собственной правоты.

– Но скажите мне, Ефремов: что вы на самом деле затеваете? Что вы делали здесь с момента вашего появления на «Космограде»? Мы знаем, что комплекс будет демонтирован. Что же ожидает гражданский экипаж, когда люди вернутся на Байконур? Разбирательства по обвинению в коррупции?

– Безусловно, будет произведено расследование. В определённых случаях возможна госпитализация. Или вы осмелитесь предположить, полковник Королёв, что в провале «Космограда» повинен Советский Союз?

Королёв молчал.

– «Космоград» был мечтой, полковник. Мечтой, потерпевшей крах. Как и весь космос. У нас нет необходимости оставаться здесь. Предстоит навести порядок на целой планете. Москва – величайшая сила в истории. Нам нельзя терять глобальность мышления.

– Вы думаете, нас так просто сбросить со счетов? Мы – элита, высокообразованная техническая элита.

– Меньшинство, полковник. Назойливое меньшинство. Какой

вклад в общее дело вы вносите, если не считать кип ядовитой американской макулатуры? Предполагалось, что экипаж станции будет состоять из рабочих, а не зарвавшихся спекулянтов, переправляющих к нам джаз и порнографию. – Спокойное и пустое лицо Ефремова ничего не выражало. – Экипаж вернётся на Байконур. Боевыми установками можно управлять и с Земли. Вы, конечно, останетесь, и здесь появятся гости: африканцы, латиноамериканцы. Для этих народов космос ещё сохраняет хоть какую-то долю престижа.

– Что вы сделали с мальчиком? – оскалился Королёв.

– С вашим Сантехником? – Политрук нахмурился. – Он напал на офицера Комитета государственной безопасности и останется под стражей до тех пор, пока не появится возможность отправить его на Байконур.

Королёв попытался издать неприятный смешок.

– Отпустите его. Вам хватит своих собственных неприятностей, чтобы ещё возбуждать против кого-либо дело. Я свяжусь лично с маршалом Губаревым. Пусть моё звание и исключительно почётное, но я сохранил ещё определённое влияние.

Кагэбэшник пожал плечами:

– Боевой расчёт подчиняется приказам с Байконура, а именно – держать коммуникационный модуль под замком. На карту поставлена их карьера.

– Значит, военное положение?

– Здесь не Кабул, полковник. Сейчас тяжёлые времена. За вами сила авторитета, вам следовало бы подавать пример.

– Посмотрим, – ответил Королёв.

«Космоград» выплыл из тени Земли на резкий солнечный свет. Стены «Салюта» Королёва потрескивали и скрежетали, как ящик со стеклянными бутылками. «Иллюминаторы всегда сдают первыми», – рассеянно подумал Королёв, проводя пальцами по вздувшимся венам на виске.

Похоже, молодой Гришкин думал то же самое. Вытащив из наколенного кармана тюбик замазки, он принялся осматривать изоляцию вокруг иллюминатора. Гришкин был помощником Сантехника и ближайшим его другом.

– Теперь нам нужно проголосовать, – устало сказал Королёв. Одиннадцать из двадцати четырёх членов гражданского экипажа «Космограда» согласились присутствовать на собрании – двенадцать, если считать его самого. Оставалось ещё тринадцать человек, которые или не хотели оказаться замешанными, или отнеслись к идее забастовки с нескрываемой враждебностью. С

Ефремовым и шестью солдатами боевого расчёта число отсутствующих доходило до двадцати.

– Мы обсудили наши требования. Все те, кто за данный список… – Он поднял здоровую руку.

Поднялись ещё три руки. Гришкин, занятый иллюминатором, вытянул ногу.

Королёв вздохнул.

– Нас и без того не так уж много. Лучше бы нам проявить единодушие. Давайте выслушаем возражения.

– Выражение «военный переворот», – начал биолог Коровкин, – может быть воспринято как намёк на то, что все военные, а не только преступник Ефремов, несут ответственность за сложившуюся ситуацию. – Биолог явно чувствовал себя неловко. – Во всём остальном мы вам симпатизируем, но подписываться не станем. Мы члены партии. – Казалось, он хотел добавить ещё что-то, но сдержался.

– Моя мать, – тихо произнесла его жена, – была еврейкой.

Королёв кивнул, но ничего не сказал.

– Всё это – преступная глупость, – высказался ботаник Глушко. Ни он, ни его жена не голосовали. – Безумие. С «Космоградом» покончено, мы все это знаем, и чем скорее домой, тем лучше. Чем ещё была эта станция, как не тюрьмой?

Метаболизм ботаника оказался несовместим с невесомостью, это заставляло кровь застаиваться у него в лице и шее, делая его похожим на одну из его экспериментальных тыкв.

– Ты же ботаник, Василий, – одёрнула его жена, – в то время как я, если ты помнишь, пилот «Союза». Речь идёт не о твоей карьере.

– Я не стану поддерживать этот идиотизм!

Глушко резко оттолкнулся от переборки, что выбросило его прочь из комнаты. За ним последовала жена, горько жалуясь приглушённым полушёпотом, к которому члены экипажа научились прибегать в личных спорах.

– Готовы поставить свои подписи пятеро, – сказал Королёв, – из гражданского экипажа в двадцать четыре человека.

– Шестеро, – отозвалась Татьяна, второй пилот «Союза». Её тёмные волосы были убраны под плетёный ремешок из зелёного нейлона. – Вы забыли про Сантехника.

– Солнечные шары! – воскликнул Гришкин, указывая на Землю. – Смотрите!

«Космоград» находился теперь над побережьем Калифорнии, под станцией проплывали чёткие очертания береговой линии, бескрайние, приходящие в упадок города, чьи названия звучали как странные магические заклинания. Светились яркой

интенсивной зеленью поля. Высоко над барашками стратосферных облаков плавали пять солнечных баллонов – зеркальные геодезические сферы, опутанные сетями энергетических линий. Баллоны были дешёвой альтернативой грандиозному американскому плану по созданию спутников, работающих на солнечной энергии. По мнению Королёва, они со своей задачей справлялись, поскольку в последнее десятилетие эти пузырьки множились прямо у него на глазах.

– Правду ли говорят, что там живут люди? – Стойко, отвечающий на станции за системы обеспечения, приник к иллюминатору рядом с Гришкиным.

Королёву припомнилась лихорадочная – и такая трогательная – суета американцев вокруг совершенно эксцентричных энергетических проектов, начавшаяся после заключения Венского договора. Советский Союз контролировал мировые поставки нефти, и американцы, похоже, были готовы испробовать всё что угодно. Особенно после того, как взрыв атомной электростанции в Канзасе раз и навсегда отбил у них охоту пользоваться реакторами. Уже более трёх десятилетий они постепенно соскальзывали к промышленному упадку и изоляции. «Космос, – с сожалением подумал полковник, – им нужно было выходить в космос». Он никогда не понимал того странного паралича воли, который свёл на нет все их блистательные первые успехи. А может быть, всё дело в недостатке воображения, в неумении видеть перспективу? «Вот так-то, господа американцы, – проговорил он про себя, – вам и вправду стоило присоединиться к нам здесь – в нашем славном будущем, в «Космограде».

– Да кому захочется жить в такой-то штуковине? – спросил Гришкин, хлопнув Стойко по плечу и рассмеявшись – тихо, безнадёжно, отчаянно.

– Вы, конечно, шутите, – сказал Ефремов. – Ведь у нас и без того хватает неприятностей.

– Мы не шутим, политрук Ефремов, и вот наши требования.

На «Салюте», который кагэбэшник делил с Валентиной, сгрудились пятеро диссидентов, прижав политрука к кормовому экрану. Экран украшала искусно отретушированная фотография премьера, машущего в объектив из кабины трактора. Валентина, насколько Королёву было известно, находилась сейчас в музее с Романенко, заставляя скрипеть переборки. Полковник в который раз спросил себя, как Романенко удаётся так регулярно прогуливать свои вахты в арсенале.

Ефремов пожал плечами. Опустил взгляд на список требований.

– Сантехник останется под арестом. У меня прямой приказ. Что касается остального…

– Вы виновны в несанкционированном применении психиатрических препаратов! – выкрикнул Гришкин.

– Это было целиком и полностью личное дело, – спокойно возразил Ефремов.

– Преступление, – поправила Татьяна.

– Пилот Татьяна, мы оба знаем, что присутствующий здесь Гришкин самый активный распространитель пиратской самиздаты на станции! Разве вы не понимаете, что все мы преступники? В этом-то и заключается вся прелесть нашей системы, не так ли? – Его внезапная кривая улыбка была шокирующе цинична. – «Космоград» не «Потёмкин», и вы не революционеры. Вы требуете связи с маршалом Губаревым? Он под арестом на Байконуре. Вы требуете связи с министром по технологиям? Он проводит чистку.

Решительным жестом он разорвал распечатку на части. Жёлтые обрывки папиросной бумаги медлительными бабочками запорхали в невесомости.

На девятый день забастовки Королёв встретился с Гришкиным и Стойко в «Салюте», который Гришкин обычно занимал на пару с Сантехником.

Уже сорок лет обитатели «Космограда» вели антисептическую войну с грибком и плесенью. Пыль, копоть и испарения не оседали в невесомости на предметы, и споры кишели повсюду: в обшивке, в одежде, в шахтах вентиляции. В тёплой влажной атмосфере этой огромной чашки Петри они распространялись, как растекаются по воде нефтяные пятна. Сейчас в воздухе стоял запах сухого гниения, перекрывавшийся зловещей вонью тлеющей изоляции.

Сон Королёва оборвал гулкий раскат отбывающего «Союза». Глушко и его жена, решил он. Последние сорок восемь часов Ефремов занимался эвакуацией членов экипажа, отказавшихся присоединиться к забастовке. Солдаты не показывались из арсенала и казарменного отсека, где по-прежнему держали под арестом Никиту-Сантехника.

«Салют» Гришкина стал штаб-квартирой забастовки. Никто из забастовщиков не брился, а Стойко к тому же подцепил какую-то кожную инфекцию, которая пятнами расползалась по его рукам. Среди развешанных по стенам сенсационных снимков, переснятых с американского телевидения, они напоминали трио каких-нибудь порнографов-дегенератов. Освещение было слабым: «Космоград» работал на половинном напряжении.

– Когда остальные уйдут, – сказал Стойко, – это только укрепит наше дело.

Гришкин застонал. Из его ноздрей фестонами торчали белые тампоны хирургической ваты. Он был уверен, что Ефремов попытается сломить забастовщиков бета-карболинными аэрозолями. Ватные фильтры были просто показателем общего уровня напряжения и паранойи. Пока с Байконура не пришёл приказ об эвакуации, один из техников с оглушительной громкостью часами проигрывал «Увертюру 1812 года» Чайковского. И Глушко гонялся вверх-вниз по всему «Космограду» за своей голой, вопящей, избитой в кровь женой.

Стойко вошёл в файлы кагэбэшника и психиатрические записи Бычкова; метры жёлтой распечатки спиралями клубились по коридорам, колыхаясь в токах воздуха от вентиляторов.

– Подумайте только, что их показания сделают с нами на Земле, пробормотал Гришкин. – На суд и надеяться нечего. Прямо в психушку.

Зловещее прозвище политических госпиталей, казалось, гальванизировало парнишку ужасом. Королёв апатично ковырял клейкий хлорелловый пудинг.

Схватив проплывавший мимо рулон распечатки, Стойко зачитал вслух:

– Паранойя со склонностью к навязчивым идеям! Ревизионистские фантазии, враждебные общественному строю! – Он скомкал бумагу. – Если бы нам удалось захватить коммуникационный модуль, мы могли бы подключиться к американскому комсату и вывалить им это всё на колени. Может, это показало бы Москве, какие из нас враги!

Королёв выковырял из своего пудинга дохлую муху. Две дополнительные пары крыльев и поросшая шёрсткой грудная клетка насекомого наглядно свидетельствовали об уровне радиации на «Космограде». Насекомые сбежали с какого-то давно всеми позабытого эксперимента, и десятилетиями их поколения наводняли станцию.

– Американцам нет до нас никакого дела, – сказал Королёв. – И Москву больше не смутишь подобными откровениями.

– За исключением того, что на носу поставки зерна, – возразил Гришкин.

– Америке так же отчаянно требуется продавать, как нам покупать. Королёв мрачно забросил в рот ещё несколько ложек хлореллы и, механически прожевав, проглотил. – Да и американцы не смогли бы выйти на нас, даже если бы захотели. Мыс Канаверал в развалинах.

– У нас кончается топливо, – сказал Стойко.

– Можем забрать с оставшихся кораблей, – ответил Королёв.

– Тогда как, чёрт побери, мы вернёмся на Землю? – Сжатые в кулаки руки Гришкина дрожали. – Даже в Сибири – там деревья. Деревья! Небо! К чёрту всё это! Пусть всё разваливается на части! Пусть рухнет, пусть сгорит!

Пудинг Королёва размазался по переборке.

– О господи, – сказал Гришкин, – простите, полковник. Я знаю, что вы не можете вернуться.

У себя в музее Королёв застал пилота Татьяну. Девушка висела перед той самой отвратительной картиной с изображением высадки на Марс, щёки её блестели от слёз.

– Вы знаете, полковник, что на Байконуре стоит ваш бюст? Бронзовый. Я обычно проходила мимо него, когда шла на занятия.

– Там полно бюстов. Академики их обожают. – Улыбнувшись, старик взял её за руку.

– Как это всё происходило? Тогда? – Она всё ещё не отводила глаз от картины.

– Я едва помню. Я так часто смотрел видеозаписи, что теперь помню только их. У меня такие же воспоминания о Марсе, как и у любого школьника. – Он снова улыбнулся ей. – Но всё было совсем не так, как на этой дурацкой картине. В чём-чём, а в этом я уверен.

– Почему всё так вышло, полковник? Почему теперь всё кончается? Когда я была маленькой, я смотрела телевизор… наше космическое будущее казалось таким светлым…

– Возможно, американцы были правы. Японцы, чтобы строить свои орбитальные фабрики, посылали в космос вместо людей машины. Роботов. Лунные разработки потерпели крах, но мы надеялись, что хотя бы здесь останется постоянная исследовательская база. Думаю, всё дело в тех, кто сидит за столом и принимает решения.

– Вот их окончательное решение относительно «Космограда». – Она протянула ему сложенный листок папиросной бумаги. – Я нашла его в распечатках приказов, полученных Ефремовым из Москвы. Они позволят станции сойти с орбиты в течение трёх ближайших месяцев.

Королёв понял, что теперь и он не может оторвать глаз от столь ненавистной ему картины.

– Едва ли это имеет теперь значение, – услышал он свой охрипший голос.

И тут девушка горько разрыдалась, припав лицом к его искалеченному плечу.

– У меня есть план, Татьяна, – сказал он, поглаживая её по голове. – Ты должна меня выслушать.

Полковник взглянул на свой старенький «Ролекс». Сейчас они над Восточной Сибирью. Он вспомнил, как швейцарский посол подарил ему эти часы в огромном сводчатом зале Большого Кремлёвского дворца.

Пора начинать.

Отмахнувшись от ленты распечатки, норовившей обвиться вокруг головы, Королёв выплыл из своего «Салюта» в стыковочную сферу.

Он ещё способен быстро и эффективно действовать здоровой рукой. Старик усмехнулся, высвобождая из ремней настенного крепления баллон с кислородом. Опершись о поручень, он изо всех сил швырнул баллон через всю сферу. С резким лязгом баллон безрезультатно отскочил от стены. Королёв нырнул за ним, поймал и снова кинул. Потом нажал на кнопку декомпрессионной тревоги.

Завыли сирены, и из динамиков полетела пыль. Включилась антиаварийная программа, стыковочные шлюзы под воздействием гидравлики со скрежетом закрылись. У Королёва начало звенеть в ушах. Шмыгнув носом, он снова потянулся за баллоном.

Огни вспыхнули до максимальной яркости, потом погасли. Старик улыбнулся в темноте, на ощупь отыскивая пластмассовый баллон. Стойко спровоцировал аварию всех основных систем жизнеобеспечения. Это было несложно. Тем более что память системы и без того была до предела перегружена пиратским телевещанием.

– Вот вам ваши крутые фильмы! – пробормотал он, колотя баллоном о стену.

Огни слабо замигали – это подключились аварийные батареи.

У него начинало болеть плечо, но старик стоически продолжал колотить, вспоминая грохот, вызванный настоящей декомпрессией. Побольше шума. Он должен одурачить Ефремова и его солдат.

Со скрежетом завертелся ручной штурвал одного из люков. Наконец люк распахнулся, и, неуверенно улыбаясь, из него выглянула Татьяна.

– Освободили Сантехника? – спросил старик, отпуская баллон.

– Стойко и Уманский урезонивают охрану. – Она ударила кулаком в раскрытую ладонь. – Гришкин готовит спускаемые аппараты.

Они отправились в следующую стыковочную сферу – где

Стойко как раз помогал Сантехнику выбраться через люк, ведущий из казарм. Никита был босиком, его лицо под колючей щетиной имело зеленоватый оттенок. За ними следовал метеоролог Уманский, таща за собой обмякшее тело конвоира.

– Как ты, Сантехник? – спросил Королёв.

– Колотит. Они держали меня на «Страхе». Дозы хотя и небольшие, но всё-таки… К тому же я решил, что это и впрямь декомпрессия!

Из ближайшего к Королёву «Союза» выскользнул Гришкин, за ним выплыла связка инструментов и развернувшийся моток нейлонового троса.

– Все, как один, проверены. В результате нашей аварии управление в кораблях переключилось на собственную автоматику. Ну и я прошёлся гаечным ключом по дистанционному управлению, так что с Земли нас не перехватят. Как твои дела, друг Никита? – обратился он к Сантехнику. – Тебе выпала честь первым ступить на землю Центрального Китая.

Сантехник скривился, затем покачал головой:

– Я не говорю по-китайски.

Стойко протянул ему лист распечатки.

– Это – транскрибированный разговорный китайский. «Я ЖЕЛАЮ ДАТЬ ПОКАЗАНИЯ. ОТВЕДИТЕ МЕНЯ В БЛИЖАЙШЕЕ ЯПОНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО».

Ухмыльнувшись, Сантехник запустил руку в гриву жёстких от пота волос.

– А как насчёт остальных? – спросил он.

– Ты думаешь, мы затеяли всё это ради тебя одного? – скорчила гримаску Татьяна. – Убедись, чтобы китайские службы новостей получили все документы из этого пакета, Никита. А уж мы позаботимся о том, чтобы весь мир узнал о том, как Советский Союз намеревается отплатить за службу полковнику Юрию Васильевичу Королёву, первому человеку на Марсе! – Она послала Сантехнику воздушный поцелуй.

– А как насчёт Филипченко? – спросил Уманский. Вокруг лица неподвижного солдата плавали несколько капель свернувшейся крови.

– Почему бы тебе не забрать этого дурака несчастного с собой? – сказал Королёв.

– Пошли, дубина. – Ухватив Филипченко за форменный ремень, Сантехник утащил его за собой в люк «Союза». – Я, Никита по прозвищу Сантехник, оказываю тебе величайшую услугу в твоей презренной жизни.

Королёв смотрел, как Стойко с Уманским задраивают за ними люк.

– А где Романенко с Валентиной? – спросил он, снова сверяясь с часами.

– Здесь, мой полковник. – В люке другого «Союза» появилось лицо Валентины, вокруг него колыхались её светлые волосы. – Мы просто проверяли корабль, – хихикнула она.

– На это у вас хватит времени и в Токио, – одёрнул её Королёв. – Ещё несколько минут, и во Владивостоке с Ханоем начнут поднимать перехватчики.

В люке появилась обнажённая мускулистая рука Романенко и рывком утянула Валентину внутрь. Стойко и Гришкин задраили люк.

– Пейзане в космосе, – фыркнула Татьяна.

По «Космограду» прокатился гулкий удар – это стартовал Сантехник со всё ещё не пришедшим в себя Филипченко. Ещё удар – и любовники тоже отбыли.

– Идём, друг Уманский, – сказал Стойко. – И прощайте, полковник! – Парочка направилась вниз по коридору.

– А я с тобой, – ухмыльнувшись, сказал Гришкин Татьяне, – в конце концов, ты ведь пилот.

– Ну нет, – отозвалась она. – Полетишь один. Разделим шансы. За тобой присмотрит автоматика. Только, ради бога, не трогай ничего на панели управления.

Королёв глядел, как она помогает ему устроиться в последнем «Союзе».

– В Токио я поведу тебя на танцы. – Это были последние слова Гришкина.

Она задраила люк. Ещё один гулкий раскат, и из соседней стыковочной сферы стартовали Стойко с Уманским.

– Поторапливайся, девочка, – сказал Королёв. – Мне бы очень не хотелось, чтобы тебя сбили над нейтральными водами.

– Но ведь вы остаётесь здесь один, полковник, один на один с врагами…

– Когда здесь не будет вас, уйдут и они. Надеюсь, вы поднимете достаточно шума, чтобы заставить Кремль сделать хоть что-нибудь, что не дало бы мне умереть.

– А что мне сказать в Токио, полковник? У вас есть какое-нибудь последнее слово миру?

– Скажи им…

…и тут на него нахлынули все штампы, какие только порождает осознание собственной правоты. От мысли об этом ему захотелось истерически рассмеяться: «Один небольшой шаг…», «Мы пришли сюда с миром…», «Трудящиеся всей земли…»

– …скажи им, что мне это просто нужно, – сказал он, больно сжав исхудавшее запястье, – нужно до самых костей.

Коротко обняв его напоследок, Татьяна исчезла.

Старик остался ждать в опустевшей стыковочной сфере. Тишина царапала по нервам. Авария жизнеобеспечения корабля не пощадила и вентиляционные системы, под жужжание которых он привык просыпаться последние двадцать лет. Наконец он услышал, как отстыковался «Союз» Татьяны.

Кто-то шёл по коридору. Это был Ефремов, неловко передвигающийся в вакуумном скафандре. Королёв улыбнулся.

Под лексановым лицевым щитком виднелась всё та же пустая официальная маска, но офицер избегал встречаться с Королёвым взглядом. Он направлялся в арсенал.

– Нет! – выкрикнул Королёв.

Завывание сирен означало, что станция находится в состоянии полной боевой готовности.

Когда старик добрался до арсенала, люк в помещение был распахнут. Солдаты, повинуясь вбитому постоянной муштрой рефлексу, двигались как марионетки в руках неумелого кукловода, устраивались в креслах у пультов и застёгивали широкие ремни на груди громоздких скафандров.

– Не делайте этого!

Он вцепился пальцами в жёсткую, растягивающуюся гармошкой ткань ефремовского скафандра. Оглушительным стаккато взвыл запущенный ускоритель протонного луча. На экране наведения зелёное перекрестье наползло на красное пятнышко.

Ефремов снял шлем. Спокойно, не меняя выражения лица, он наотмашь ударил им Королёва.

– Заставьте их остановиться! – задыхался от рыданий полковник. Стены вздрогнули, когда со звуком щёлкающего хлыста на волю вырвался луч дезинтегратора. – Ваша жена, Ефремов! Она там!

– Подите вон, полковник.

Ефремов схватил артритную руку Королёва и сжал её. Королёв вскрикнул от боли.

– Вон! – Кулак в тяжёлой перчатке ударил его в грудь. Вылетев в коридор, Королёв беспомощно рухнул на валявшийся у стены вакуумный скафандр.

– Даже я, полковник, не посмею встать между Красной Армией и полученным ею приказом. – Вид у Ефремова сейчас был такой, будто его вот-вот вырвет. Официальная маска осыпалась. – Отличная практика, – пробормотал он. – Подождите здесь, пока мы не закончим.

И тут произошло нечто невероятное: «Союз» Татьяны

развернулся и на полной скорости врезался в установку дезинтегратора и казарменные отсеки. В дагеротипе резкого солнечного света Королёв лишь на долю секунды увидел, как вспыхнул и сплющился арсенал, словно раздавленная сапогом пивная жестянка. Он увидел, как от пульта закрутило прочь обезглавленный труп солдата. Он увидел, что Ефремов пытается что-то сказать, но его волосы встают дыбом – это вакуум вырвал воздух из скафандра через незакрытое отверстие для шлема. Две тоненькие струйки крови дугами потянулись из ноздрей Королёва, а свист уносящегося воздуха сменился ещё более глубоким гудением в голове.

Последним звуком, который запомнил Королёв, был грохот захлопывающегося люка.

Когда он очнулся, его встретили темнота, пульсирующая агония боли в глазах и воспоминания о давних лекциях. Шок – столь же серьёзная опасность, как и сама декомпрессия: когда кровь вскипает, пузырьки водорода несутся по венам, чтобы ударить в мозг раскалённой добела, калечащей болью…

Но всё это было таким отдалённым, таким академичным… Повинуясь лишь какому-то странному ощущению «честь обязывает» и ничему более, старик закрутил ручные штурвалы люков. Даже эта работа оказалась для него слишком утомительной, и ему захотелось вернуться в музей и спать, спать, спать.

Ему удалось залепить замазкой все мелкие протечки, но в целом масштабы катастрофы намного превосходили его возможности. Оставался, правда, глушковский сад. На овощах и сине-зелёных водорослях он с голоду не умрёт и не задохнётся. Коммуникационный модуль пропал вместе с арсеналом и казармой, оторванный от станции самоубийственным ударом «Союза». Королёв предположил, что столкновение изменило орбиту «Космограда», но не видел никакого способа предсказать, в котором часу произойдёт неизбежная горячая встреча с верхними слоями атмосферы. Теперь он часто бывал болен и думал, что может умереть до того, как сгорит сама станция, и это его сильно беспокоило.

Он проводил бесчисленные часы за просмотром плёнок, хранившихся в библиотеке музея. Подходящее занятие для Последнего Человека в Космосе, который некогда был Первым Человеком на Марсе.

Он стал одержим иконой Гагарина, бесконечно прокручивая крупнозернистые телевизионные изображения шестидесятых годов и киножурналы, неизменно подводившие его к моменту

гибели космонавта. Спёртый воздух «Космограда» кишел призраками мучеников космоса. Гагарин, экипаж первого «Салюта», американцы, сгоревшие заживо в своём «Аполлоне»…

Часто ему снилась Татьяна, выражение глаз у неё было такое же, какое чудилось ему на портретах в музее. А однажды он проснулся или подумал, что проснулся, в её «Салюте» и обнаружил, что одет в свой старый мундир, а на лбу у него – работающий от батарей фонарь. И откуда-то издали, как будто просматривая хронику на музейном мониторе, он увидел, как отвинчивает со своего кармана звезду ордена Циолковского и прикалывает её на диплом пилота Татьяны.

Потом в дверь раздался стук, и он понял, что это тоже сон.

В голубоватом мигающем свете старого кинофильма возникла вдруг чернокожая женщина. Длинные косички матовых волос кобрами качались вокруг её головы. На ней были авиационные очки-«консервы»; шёлковый шарф авиатора начала века как змея выгнулся за её спиной.

– Энди, – окликнула она кого-то по-английски, – пойди-ка сюда. Тебе стоит на это взглянуть!

Невысокий мускулистый мужчина, почти лысый и одетый только в спортивный бандаж, поверх которого был застёгнут пояс с инструментами монтёра, выплыл из-за её плеча и заглянул внутрь.

– Интересно, он жив?

– Конечно, я жив, – тоже по-английски, но с заметным акцентом ответил Королёв.

Человек по имени Энди проплыл над головой своей подруги.

– С тобой всё в порядке, приятель?

На правом бицепсе у него красовалась татуировка в виде геодезической сферы над скрещенными молниями, под которой шла крупная, горделивая надпись: «СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ 15, ЮТА».

– Мы не надеялись здесь кого-то застать.

– Я тоже. – Королёв сморгнул.

– Мы пришли сюда жить, – сказала женщина, подплывая поближе.

– Мы – с солнечных шаров. А здесь, так сказать, незаконные жильцы. Скваттеры. Прослышали, что это место пустует. Ты знаешь, что станция сходит с орбиты? – Человек произвёл в воздухе неуклюжее сальто, на поясе у него загремели инструменты. – Невесомость – это что-то потрясающее!

– Господи, – воскликнула женщина, – я просто не могу к ней привыкнуть! Здесь чудесно. Это – как те несколько километров, когда летишь без парашюта, только тут нет ветра.

Королёв во все глаза глядел на мужчину, беззаботного,

небрежного, выглядевшего так, словно он с самого рождения привык допьяна напиваться свободой.

– Но ведь у вас нет даже стартовой площадки, – недоумённо произнёс он.

– Стартовой площадки? – рассмеялся Энди. – Хочешь знать, что мы сделали? Подтянули по кабелям к шарам ракетные ускорители, отвязали их и запустили прямо в воздухе.

– Но это же безумие, – отозвался Королёв.

– Но ведь оно доставило нас сюда, так?

Королёв кивнул. Если это сон, то очень странный.

– Я – полковник Юрий Васильевич Королёв.

– Марс! – Женщина захлопала в ладоши. – Подождите, вот обрадуются дети, когда узнают.

Сняв с переборки маленький луноход, она принялась его заводить.

– Эй, – сказал мужчина, – у меня работы по горло. У нас ещё целая связка ускорителей снаружи. Их нужно поднять на борт, прежде чем они вздумают загореться.

Что-то резко звякнуло об обшивку. По «Космограду» прошёл гул столкновения.

– Это, должно быть, Тулза, – сказал Энди, сверившись с наручными часами. – Вовремя!

– Но почему? – Королёв в растерянности покачал головой. – Почему вы сюда пришли?

– Мы же тебе сказали. Чтобы жить здесь. Мы можем расширить это место, может быть, построим ещё одно. Все говорили, что на шарах, дескать, невозможно выжить, но мы оказались единственными, кому удалось заставить их работать. Это был наш единственный шанс самостоятельно выбраться на орбиту. Кому охота жить ради какого-то правительства, ради армейской меди или своры бумагомарак? Нужно просто стремиться к фронтиту, стремиться всем своим существом, верно?

Королёв улыбнулся. Энди улыбнулся в ответ.

– Мы уцепились за силовые кабели и просто вскарабкались по ним наверх. А когда ты взбираешься на вершину, тебе остаётся либо прыгать дальше, либо гнить там. – Голос его набрал силу. – Но не оглядываться назад, нет, сэр! Мы совершили этот прыжок, и вот мы здесь, чтобы остаться!

Женщина поставила модель сетчатыми колёсиками на закругляющуюся к потолку стену и отпустила игрушку. Луноход, весело постукивая, пошёл карабкаться у них над головами.

– Ну разве не прелесть? Дети просто влюбятся в него, вот увидите.

Королёв смотрел Энди в глаза.

«Космоград» снова завибрировал, сбив маленький луноход на новый курс.

– Восточный Лос-Анджелес, – сказала женщина. – Это тот, в котором дети.

Она сняла авиационные очки, и Королёв увидел её глаза, светящиеся чудесным, святым безумством.

– Ну, – сказал Энди, встряхнув пояс с инструментами, – как вы насчёт того, чтобы показать нам наш новый дом?

William Ford Gibson, Bruce Sterling. Red Star, Winter Orbit. 1983.

Перевод с английского Анна Комаринец

Отель «Новая роза»

Семь ночей в этом гробу, Сенди, семь взятых взаймы у времени ночей.

Отель «Новая роза». Как я хочу тебя сейчас. Было несколько случаев, когда я ударил тебя. Проигрывая это в памяти, медленно – жестоко и сладко, – я едва ли не ощущаю это. Иногда я вынимаю из сумки твой маленький автоматический пистолет, провожу большим пальцем по гладкому дешёвому гробу. Китайский, 22-й калибр, дуло не шире расширившихся зрачков твоих исчезнувших глаз.

Фокс теперь мёртв, Сенди.

Он сказал, чтобы я забыл о тебе.

Помню, Фокс стоит, облокотившись об обитую плюшем стойку в полутёмном баре какой-то сингапурской гостиницы, кажется, на Бенкулен-стрит. Его руки рисуют в воздухе различные сферы влияния, расставляют на невидимой доске внутренних соперников. Взмах левой обозначает кривую графика чьей-то карьеры, а указательный палец правой утыкается в меня будто в уязвимое место, которое он обнаружил в броне какого-нибудь танка мысли. Фокс – снайпер в войне мозгов, посредник на перекрёстках большого бизнеса.

Он – разведчик в тайных вылазках «дзайбацу», контролирующих мировую экономику транснациональных корпораций.

Я вижу, как Фокс ухмыляется, тараторит. Он встряхивает головой, отметая мои экскурсы в промышленный шпионаж. Грань, говорит он, всегда ищи Грань. Он произносит это слово с нажимом, так и слышится заглавная буква в начале. Грань для Фокса – Чаша Грааля, – необходимая составляющая выдающегося человеческого таланта, не подлежащая передаче, запертая в мозгу самых крутых учёных мира. Грань не записать на бумагу, говорил Фокс, не набить на дискету.

Деньги делаются на отступниках, предающих свои корпорации.

Фокс был вкрадчив и ловок, как лис. Солидность его тёмных французских костюмов уравновешивалась мальчишеским вихром, не желавшим оставаться на своём месте. Меня всегда расстраивало то, как пропадала видимость изящества, когда он отходил от стойки бара, левое плечо вывернуто под таким углом, что не скрыть никакому парижскому портному. В Берне кто-то переехал Фокса такси, и ни один хирург так и не додумался, как выправить ему позвоночник.

Думаю, я пошёл за ним, потому что он сказал, что охотится за Гранью.

И где-то там, на пути к Грани, я и нашёл тебя, Сенди.

Отель с громким названием «Новая роза» – это всего лишь нагромождение гробов на обшарпанной окраине международного аэропорта Нарита. Пластиковые капсулы в метр высотой и три длиной, похожие на выпавшие зубы Годзиллы, подвешены над бетонным основанием у дороги в аэропорт. В потолок каждой капсулы вмонтирован телевизор. Я целые дни проводил за японскими викторинами и старыми фильмами. Временами я держал в руке твой пистолет.

Иногда мне слышно, как через равные промежутки времени в Нарите поднимаются самолёты. Закрыв глаза, я представляю, как чёткий белый хвост выхлопов расплывается, теряет форму.

Впервые я увидел тебя в дверном проёме обшарпанного бара в Йокогаме. Евразийка, полугайдзин. Длинные ноги и сногсшибательный струящийся наряд, китайская копия с оригинала какого-то известного японского кутюрье. Тёмные европейские глаза, азиатские скулы. Я помню, как потом, в номере, ты вытряхнула сумочку на постель, выискивая что-то среди косметики. Мятый свёрток новых иен, ветхая записная книжка, перетянутая резинкой, банковский чип «Мицубиси», японский паспорт с тиснёной золотой хризантемой на обложке и китайский пистолет 22-го калибра.

Ты рассказала мне недлинную историю своей жизни.

Твой отец был служащим в Токио, но теперь он опозорен, лишён состояния и выброшен на улицу «Хосакой», самой могущественной среди дзайбацу. Той ночью твоя мать была голландкой, и ты разворачивала передо мной, пока я слушал, бесконечные летние дни амстердамских каникул, где голуби покрывают площадь Дамм мягким коричневым ковром.

Я никогда не спрашивал, что сделал твой отец, чтобы заслужить такой позор. Наблюдал за тобой, когда ты одевалась, смотрел, как ты встряхиваешь тёмными прямыми волосами, как они прорезают воздух.

Теперь «Хосака» охотится за мной.

Гробы «Новой розы» подвешены на изношенных лесах – стальные трубы под яркой эмалью. Когда я карабкаюсь по лестнице, снежинки облупившейся краски, кружась, летят вниз, осыпаются с каждым моим шагом по шаткому настилу. Левая рука отсчитывает люки гробов. Надписи на нескольких языках предупреждают о штрафах за потерю ключа.

Я поднимаю глаза – взглянуть, как из Нариты взлетают самолёты, возвращаясь к дому, далёкому теперь, как луна.

Фокс моментально сообразил, как тебя использовать, но у него не хватило прозорливости понять, что и у тебя могут быть амбиции. Но ведь он не лежал с тобой рядом на пляже Камакуры, вслушиваясь в твои ночные кошмары, никогда не слышал полностью придуманного детства, неуловимого и изменчивого под равнодушными звёздами. Детский рот открывается, чтобы поведать новую версию недавнего прошлого. И всякий раз ты клялась, что этот вариант – истинная и окончательная правда. Мне было всё равно, я обнимал твои бёдра, а под локтем остывал колючий песок.

Однажды ты оставила меня, убежала на пляж, сказав, что потеряла ключ. Я обнаружил его в двери, спустился к морю – и нашёл тебя по колено в прибое. Гибкая спина напряжена, глаза устремлены куда-то вдаль. Ты не могла говорить. Тебя била дрожь. Трясло во имя иных будущих и лучших прошлых.

Сенди, ты оставила меня там.

Как оставила мне все свои вещи.

Этот пистолет. Твоя косметика: тени и румяна, запечатанные в пластик. Подаренный Фоксом мини-компьютер «Крей», а в нём – список покупок, который ты, очевидно, вводила сама. Иногда я прокручиваю этот список, глядя, как изящно скользит по серебристому экранчику каждая запись.

Морозильная камера. Ферментёр. Инкубатор. Система электрофореза с интегрированной камерой «агар-агар» и транслюминатором. Прибор для вживления тканей. Высокочастотный жидкостной хроматограф. Поточный цитометр. Спектрофотометр. Четыре дюжины пузырьков боросиликатной сциенциляции. Микроцентрифуга. И синтезатор ДНК со встроенным компьютером. Плюс необходимый софт.

Недёшево, Сенди; но тогда по нашим счетам платила «Хосака». Месяц спустя ты заставила их заплатить гораздо дороже, впрочем, к тому времени тебя было уже не найти.

Этот список тебе явно составлял Хироси. Наверное, в постели. Хироси Йомиури. Он был собственностью «Маас-Биолабс. Лтд». «Хосака» хотела прибрать его к рукам. Он был крут. Грань, притом острая. Фокс следил за генными инженерами с одержимостью фаната, не отрывающего глаз от игроков любимой команды. Фоксу так хотелось заполучить Хироси, что он разве что во рту не ощущал вкус этого желания. До твоего появления он трижды посылал меня во Франкфурт – просто взглянуть на генетика. Не для того, чтобы закинуть удочку или даже просто кивнуть или подмигнуть ему. Только посмотреть.

Судя по всему, Хироси прочно осел на немецкой земле. Наш японец отыскал себе немочку с пристрастием к консервативным

ценностям и к ботинкам для верховой езды, начищенным до блеска свежего грецкого ореха. Купил отреставрированный дом на престижной площади. Стал брать уроки фехтования и забросил кендо.

И повсюду «маасовская» охрана, слаженная команда профессионалов – светлый тягучий сироп наблюдения.

Вернувшись, я сказал Фоксу, что дело гиблое, что нам никогда до него не добраться.

Ты сделала это за нас, Сенди. Единственно возможным способом.

Связники «Хосаки» играли роль особых клеток, защищающих материнский организм. Мы же были мутагенами, Фокс и я, сомнительными агентами, свободно дрейфующими в мутных водах внутренней среды корпорации.

После того как ты прибыла в Вену, мы предложили им Хироси. Люди дзайбацу и глазом не моргнули. Мёртвая тишина в номере лос-анджелесского отеля. Они сказали, им нужно подумать.

Фокс произнёс вслух имя главного конкурента «Хосаки» в состязании умов. Как гулко оно отдалось в мёртвой тишине. Фокс нарушил неписаное правило, запрещающее называть настоящие имена.

Нужно подумать, сказали они.

Фокс дал им три дня.

Перед Веной я повёз тебя на неделю в Барселону. Я помню твои волосы, забранные под серый берет, отражение высоких монгольских скул в витринах антикварных лавок. Ты шагала вниз по Рамблас к Гавани Феникса, мимо стеклянных крыш торговых рядов Меркадо… апельсины из Африки…

Старый «Риц»: в нашей комнате тепло, темно, мягкая тяжесть Европы укрывает нас ватным одеялом. Я мог войти в тебя, когда ты спала. Ты всегда была готова. Видеть, как твои губы складываются в мягкое округлое «о» удивления. Твоё лицо готово утонуть в пухлой белой подушке… архаичные простыни «Рица».

Внутри тебя я воображал, что вижу буйство неона, толпы людей, снующих вокруг вокзала в Синьдзюку, бредовую электрическую ночь. Ты и двигалась как бы в ритме нового века, сонная и чуждая душе любого народа.

В Вене я поселил тебя в любимом отеле жены Хироси. Тихая дрёма солидного вестибюля, пол выложен плиткой наподобие шахматной доски. В начищенных медных лифтах пахло лимонным маслом и маленькими сигарами. Так легко было представить себе эту немочку здесь – заклёпки ботинок отражаются в полированном мраморе, – но мы знали, что на этот

раз она не приедет.

Она отправилась на курорт куда-то в Рейнланд, а Хироси – в Вену на конференцию. Когда отель наводнила служба безопасности «Мааса», тебя нигде не было видно.

Хироси прибыл час спустя – один.

– Представь себе, – сказал как-то Фокс, – инопланетянина, который прибыл, чтобы определить доминирующую форму разума на планете. Инопланетянин осматривается, потом делает выбор. Как ты думаешь, кого он выберет?

Я, вероятно, пожал плечами.

– Дзайбацу, – ответил на свой вопрос Фокс, – транснационалов. Плоть и кровь дзайбацу – это информация, а не люди. Сама структура совершенно независима от составляющих её отдельных личностей. Корпорация как форма существования.

– Только не начинай опять о Грани, – взмолился я.

– «Маас» не такой, – не унимался Фокс, не обращая на меня внимания. – «Маас»… маленький, быстрый, беспощадный… Атавизм. «Маас» – воплощённая Грань.

Мне вспоминается, как Фокс распространялся о сути Грани Хироси. Радиоактивные протонные ядра, моноклонные антитела, что-то связанное с утечкой протеинов, нуклеидов… Бешеные, называл их Фокс, бешеные протеины. Скоростные передачи внутри цепей.

Он говорил, что Хироси – настоящий монстр, что он из тех, кто сметает устоявшиеся парадигмы, изобретает новые отрасли науки, несёт в себе радикальную переоценку целой области знаний. Структурная основа, говорил Фокс, и горло у него перехватывало от неземного богатства этих двух слов с высоким, едким запахом прилипших к ним трёх беспошлинных миллионов.

«Хосака» желала заполучить Хироси, но и для них его Грань тоже была слишком остра. Они хотели, чтобы он работал в изоляции.

Я отправился в Марракеш, в древний город Медину.

Отыскал там лабораторию, переоборудованную под производство вытяжки из феромонов. Препарат закупался на деньги «Хосаки».

Потом мы с потным португальским бизнесменом шли через рынок Джемаха-эль-Фна, обсуждая флуоресцентное освещение и установку вытяжных шкафов. За стенами города – высокие хребты гор Атласа. Джемаха-эль-Фна запружена фокусниками, танцорами, сказителями, мальчишками, ногами вращающими гончарный круг, безногими нищими с деревянными плошками под мультипликационными голограммами с рекламой французских софтов.

Мы шагали мимо тюков сырой шерсти и пластмассовых пробирок с китайскими микрочипами. Я намекнул, что мои работодатели планируют производить синтетический бета-эндорфин. Всегда подбрасывайте подручным что-нибудь доступное их пониманию.

Сенди, иногда я вспоминаю тебя в Хараюку. Закрываю глаза здесь, в этом гробу, и мысленно вижу тебя… Блеск хрустального лабиринта бутиков, запах новой одежды. Я вижу, как твои скулы скользят вдоль хромированных прилавков с парижской кожей. Временами я держал тебя за руку.

Мы думали, наши поиски увенчались успехом, но на самом деле – это ты нашла нас, Сенди. Теперь я понимаю: ты сама настойчиво искала нас или таких, как мы. Фокс был вне себя от радости, обдумывая, как лучше использовать этот новый инструмент, яркий и острый, будто скальпель. Этот-то инструмент и поможет нам отсечь неподатливую Грань Хироси от ревнивого материнского организма «Маас-Биолабс». Ты, наверное, долго искала, металась в безысходности твоих ночей в Синьдзюку. Ночей, которые ты тщательно удалила из разрозненной колоды своего прошлого.

Моё же собственное давным-давно кануло в никуда.

Кому, как не мне, знать, откуда берутся такие привычки, как у Фокса, – опустошать по ночам бумажник, перетасовывать документы. Он раскладывал удостоверения на чужие имена в различном порядке, перекладывал их с места на место, ждал возникновения картинки. Я знал, что он ищет. Ты проделывала со своим детством то же самое.

Сегодня ночью в «Новой розе» я вытягиваю карту из колоды твоих прошлых. Выбираю исходную версию, знаменитый «текст отеля в Йокогаме», продекламированный в ту первую ночь в постели. Выбираю опозоренного отца, служащего «Хосаки». «Хосака»… Подумать только, какое великолепие!

И мать-голландку, и лето в Амстердаме… мягкое покрывало голубей на площади Дамм.

Из зноя Марракеша – в кондиционированные залы «Хилтона». Пока я читал твоё сообщение, переданное через Фокса, влажная рубашка холодным компрессом липла к пояснице. Вся игра строилась на тебе, и ты была в ударе: Хироси оставит жену. Ты без малейшего труда связывалась с нами даже сквозь прозрачную плотную плёнку службы безопасности «Мааса».

Кто, как не ты, показала Хироси распрекрасное местечко, где подают великолепный кофе и чудные булочки по-венски. Твой любимый официант был седоволос, добр, хромал на правую ногу и работал на нас. Шифрованные записки он забирал вместе с

льняной салфеткой.

Весь сегодняшний день я слежу за маленьким вертолётом, вычерчивающим концентрические круги над моей крохотной страной, землёй моего изгнания – отелем «Новая роза». Наблюдаю в отверстие люка за тем, как его терпеливая тень пересекает заляпанный жирной грязью бетон. Близко, совсем близко.

Из Марракеша я вылетел в Берлин. Встретился в баре с уроженцем Уэльса и начал подготовку к исчезновению Хироси.

Механика его была сложной, изощрённой, как медные приспособления и скользящие зеркала театральной магии викторианских времён. Желаемый эффект должен быть предельно прост. Хироси зайдёт за «мерседес», работающий от водородного генератора, и исчезнет. Дюжина агентов «Мааса», постоянно за ним наблюдающих, окружит грузовичок, как встревоженные муравьи. Вся служба безопасности «Мааса» эпоксидной смолой стянется к месту отбытия генетика.

В Берлине умеют быстро улаживать дела. Мне даже удалось устроить последнюю ночь с тобой. Я скрыл это от Фокса: он бы ворчал, что это излишний риск. Теперь мне уже не вспомнить название городка, где ты ждала меня. Я помнил его не больше часа, пока гнал машину по автобану под сероватым рейнским небом, и забыл в твоих объятиях.

Ближе к утру начался дождь. В нашем номере было одно окно, высокое и узкое, у которого я стоял и смотрел, как дождь серебряным гребнем расчёсывает реку.

Шорох твоего дыхания. Река текла под низкими каменными арками. Улица была пуста. Европа казалась мёртвым музеем.

Я уже заказал тебе билет на самолёт на новое имя, в Марракеш через Орли. Ты будешь уже в пути, когда я потяну за последнюю ниточку, и Хироси исчезнет из виду.

Ты оставила свою сумочку на тёмной столешнице старого бюро. Пока ты спала, я перебирал твои вещи и откладывал в сторону всё шедшее вразрез с прикрытием, которое я купил тебе в Берлине. Я забрал китайский пистолет 22-го калибра, твой мини-компьютер и банковский чип. Вынул из портмоне новый голландский паспорт, чип швейцарского банка на то же имя, засунул в твою сумку.

Моя рука скользнула по чему-то плоскому. Вытащил. Подержал в руке дискету. Неказистая, никаких наклеек.

Она лежала у меня на ладони – эта смерть, – выжидая случая, чтобы ужалить, дремала, свернувшись кольцами кодов.

Так я и стоял, следил за твоим дыханием, смотрел, как поднимается я опадает твоя грудь. Видел полуоткрытые губы и –

в припухлости нижней – лёгкий намёк на синяк.

Дискету я кинул в твою сумку. Когда я наконец лёг, ты, проснувшись, перекатилась поближе ко мне. В твоём дыхании – электрическая ночь Новой Азии, будущее, которое поднимается в тебе прозрачным ликёром, смывая всё, кроме наступившего мгновения. В этом заключалась тайна твоего колдовства – в том, что ты жила вне истории, вся в настоящем.

И знала, как увести меня туда.

Тогда ты взяла меня с собой в настоящее в последний раз.

Бреясь, я слышал, как ты высыпаешь в мою сумку косметику. Я теперь голландка, сказала ты, хочу соответствовать.

Доктора Хироси Йомиури хватились в Вене, в тихом переулке неподалёку от Зингер-штрассе, в двух кварталах от любимого отеля его жены. Ясным октябрьским утром, на глазах десятка квалифицированных свидетелей, доктор Йомиури исчез.

Он ступил в Зазеркалье. Где-то за сценой – смазанная игра викторианского часового механизма.

В женевской гостинице я ответил на звонок уэльсца.

Дело сделано. Хироси провалился в кроличью нору и направляется в Марракеш.

Наливая себе виски, я думал о твоих ногах.

Через день мы с Фоксом встретились в Нарите, в баре аэровокзала «Джапан Эйр Лайнс», где подают суши. Он только что сошёл с самолёта «Эйр Марокко», измотанный и торжествующий. Естественно, ни о чём, кроме Хироси, он говорить не мог.

Понравилось, сказал он, имея в виду лабораторию.

Любит, сказал он, имея в виду тебя.

Я улыбнулся. Ты ведь обещала через месяц встретиться со мной в Синьдзюку.

Твой дешёвый пистолетик в отеле «Новая роза». Хром уже пошёл трещинами. Механизм топорный, грубая китайская штамповка в дешёвом металле. На обеих сторонах рукояти свернулся красный пластмассовый дракон.

Скорее детская игрушка, чем оружие.

Фокс ел суши на аэровокзале «Джей-Эй-Эль», пребывая в эйфории от ловкости той операции, какую мы провернули. У него болело плечо, но он сказал: плевать. Теперь есть деньги на лучших докторов. На всё что угодно.

Почему-то для меня деньги «Хосаки» не имели особого значения. Нет, я не сомневался в нашем новом богатстве. Оно казалось само собой разумеющимся, как будто пришло к нам вместе с новым порядком вещей, как признак того, кем и чем мы стали.

Бедняга Фокс. Со своими синими оксфордскими рубашками, накрахмаленными до небывалого хруста, с парижскими костюмами из самой дорогой и мягкой ткани. Он сидел в «Джей-Эй-Эль», макая суши в правильный прямоугольник зелёного хрена, и дни его уже были сочтены.

Стемнело. Ряды гробов «Новой розы» освещены прожекторами с верхушек стальных раскрашенных мачт.

Ничто здесь, похоже, не используется по своему прямому назначению. Всё – бывшее в употреблении, всё – отжившее свой век, даже гробы. Сорок лет назад эти капсулы размещались, наверное, в Токио или Йокогаме, современное удобство для путешествующих бизнесменов. Быть может, в таком спал твой отец. Когда-то и леса были новыми, и возвышались они, наверное, вокруг раковины какой-нибудь зеркальной башни в Гинзе, а на них суетились бригады строителей.

Вечерний бриз принёс гомон из салона игры в латаны и запах тушёных овощей с тележек через дорогу.

Я намазываю креветочную пасту на оранжевые рисовые крекеры. Слышен гул самолётов.

В последние несколько дней в Токио мы с Фоксом занимали смежные номера на тридцать третьем этаже отеля «Хайот». Никаких контактов с «Хосакой». Нам заплатили – и тут же стёрли все данные о сделке из официальной памяти корпорации.

Но Фокс не унимался. Хироси был его детищем, его любимым проектом. У моего компаньона появился собственнический, почти отеческий интерес к Хироси. Грань была для него всем. Так что Фокс потребовал, чтобы я не терял связи с португальцем из Марракеша, который согласился по дружбе присмотреть за лабораторией Хироси.

Он звонил нам с автостоянок в Джемаха-эль-Фна, в трубке фоном звучали завывания разносчиков и волынки Атласа. В Марракеше идёт какая-то тайная игра, сказал он в первом же разговоре. Фокс кивнул: «Хосака».

Десяток звонков, и я заметил перемену в поведении Фокса – какое-то напряжение, рассеянность. Часто я заставал его у окна. Он глядел с тридцать третьего этажа вниз на Императорские сады, погруженный в мысли, которыми не желал делиться.

Потребуй с него более подробное описание, сказал он через неделю. Ему показалось, что человек, которого наш связник видел выходящим из лаборатории Хироси, похож на Мэннера, ведущего специалиста лабораторий генной инженерии «Хосаки».

Это он, сказал Фокс после следующего звонка. Ещё звонок, и ему показалось, что он опознал Шеданна, руководителя группы, занимающейся протеинами. Ни того ни другого уже более двух

лет не видели за пределами научного городка корпорации.

К тому времени стало очевидно, что в Медину потихоньку стягивают ведущих учёных «Хосаки», в аэропорту Марракеша тихонько шуршали своими крыльями из углеродистого волокна чёрные служебные «лиры». Фокс качал головой. Уж он-то был профессионалом, и во внезапном скоплении всех лучших умов корпорации в Медине ему виделся крупный провал дзайбацу.

Господи, говорил он, наливая себе «Чёрного ярлыка», сейчас они свезли туда весь свой отдел биологии. Всего одна бомба. Он покачал головой. Одна граната в нужном месте в нужное время.

Я напомнил ему о технике насыщения агентурой, к которой, судя по всему, прибегла служба безопасности «Хосаки». У «Хосаки» есть свои люди в самой верхушке Дивана, и массированное проникновение её агентов в Марракеш возможно только с согласия и при содействии марокканского правительства.

– Брось, – сказал я, – дело прошлое. Всё кончено. Ты продал им Хироси, теперь забудь об этом.

– Я знаю, что происходит, – ответил он. – Знаю. Я уже такое видел.

Он сказал, что в работе всякой лаборатории есть неуправляемый фактор неожиданности. Край Грани, так он это называл. Иногда, когда один исследователь вплотную подходит к прорыву, другим бывает трудно, почти невозможно повторить его результаты. Это более чем вероятно в случае Хироси, чьи идеи противоречат основным концепциям в области генной инженерии. В результате каждого такого вундеркинда перебрасывают из его родной лаборатории в корпоративную – покажи, мол, на что ты способен. Несколько на первый взгляд бессмысленных настроек: повернул один рычажок, другой – и процесс идёт. Бред какой-то, говорил Фокс, никто не знает почему, но ведь работает. И он усмехнулся.

Но они крупно рискуют, продолжал он. Эти ублюдки сказали нам, что изолируют Хироси, будут держать его подальше от русла основных исследований. Дерьмо. Готов поспорить на свою задницу, в научных кругах «Хосаки» идёт борьба за власть. Какая-то шишка в надежде на прорыв проталкивает своих людей, притирает их к Хироси. Когда Хироси выбьет стул из-под генной инженерии, ребятишки из Медины будут уже готовы.

Он допил своё виски и пожал плечами.

Иди спать, сказал он. Ты прав, всё кончено.

Я и в самом деле пошёл спать, но меня разбудил телефон. Снова Марракеш, белая статика спутниковой связи, наплыв перепуганного португальского.

«Хосака» не заморозила наш кредит, он просто испарился, как по мановению волшебной палочки. Мифическое золото. Только что мы были миллионерами в самой твёрдой в мире валюте – и вот мы нищие. Я разбудил Фокса.

Сенди, сказал он. Она продала. Агенты «Мааса» перевербовали её в Вене. Господи, помилуй.

Я отстранённо смотрел, как он вспарывает свой потрёпанный чемодан швейцарским армейским ножом. Там между картоном и обивкой были клейкой лентой прикреплены три золотых слитка. Гибкие пластины, каждая заверена печатью казны какого-то испустившего дух африканского правительства.

Мне надо было бы разглядеть это раньше, – его голос звучал безжизненно.

Я сказал: «Нет». Кажется, я произнёс твоё имя.

Забудь её, сказал он. На нас уже объявлена охота.

«Хосака» же решит, что это мы их подставили. Берись за телефон и проверь наши счета.

Наш кредит исчез. В банке отрицали, что у нас вообще был счёт.

Рвём когти, сказал Фокс.

И мы побежали. Через служебный вход прямо в суматоху уличного движения, по улицам Токио и вниз в Синьдзюку. Именно тогда я впервые осознал, как длинны руки «Хосаки».

Все двери заперты. Люди, с которыми мы два года вели дела, встречали нас пустыми лицами, и я видел, как у них во взгляде с грохотом захлопываются железные ставни. Мы выскакивали, прежде чем они успевали добраться до телефона. Напряжение на поверхности дна утроилось, повсюду мы натыкались на отбрасывающую нас назад глухую мембрану. Никаких шансов лечь на дно, скрыться из виду.

«Хосака» позволила нам побегать большую часть первого дня. А потом они послали своих людей во второй раз сломать Фоксу спину.

Не знаю, что там произошло, но я видел, как он падал. Мы оказались в универмаге в Гинзе за час до закрытия, бежали по переходам… вдруг Фокс по широкой дуге летит вниз с полированного балкончика, в гущу всех этих товаров из Новой Азии.

Почему-то они пропустили меня, и по инерции я продолжал бежать. Вместе с Фоксом пропало золото, но у меня в кармане завалялась сотня новых иен. Я бежал.

Всю дорогу до отеля «Новая роза».

А теперь пришло моё время.

Пойдём со мной, Сенди. Слышишь, как бормочет неон вдоль

трассы в международный аэропорт Нарита?

Несколько запоздалых мотыльков безостановочно кружат над прожекторами «Новой розы».

Знаешь, что самое смешное, Сенди? Иногда мне кажется, что тебя просто не было. Фокс как-то сказал, что ты – эктоплазма, призрак, вызванный кризисами экономики. Призрак нового века, сгущающийся на тысячах постелей в мирах «Хайяттов», в мирах «Хилтонов».

Сейчас я сжимаю в кармане куртки твой пистолет, и с ним рука кажется такой далёкой.

Я помню, как мой связник-португалец, забыв свой английский, пытался передать это на четырёх языках, которые я едва понимал. Мне показалось, что Медина горит. Нет, не Медина. Мозги лучших учёных «Хосаки».

Чума, задыхаясь, шептал он, мой бизнесмен, чума, и лихорадка, и смерть.

Умница Фокс, он всё вычислил, пока мы бежали.

Мне не пришлось даже упоминать о дискете в твоей сумочке.

Кто-то перепрограммировал синтезатор ДНК, сказал он. Эта игрушка только на то и годилась, чтобы создать какую-то макромолекулу за одну ночь. К чему ещё этот встроенный компьютер и весь этот пользовательский софт? Дороговато, Сенди. Впрочем, сущая безделица по сравнению с тем, во что ты обошлась «Хосаке».

Надеюсь, «Маас» хорошо тебе заплатил.

Дискета у меня на ладони. Дождь над рекой. Я ведь всё знал, но не смог взглянуть фактам в лицо. Я сам положил код этого вирусного менингита на место и лёг рядом с тобой.

Так что Мэннер умер, а с ним и все остальные учёные «Хосаки». Включая Хироси. Шеданн остался жив, отделался неизлечимым повреждением мозга – едва ли это можно назвать жизнью.

Хироси и в голову не пришло подумать о последствиях рутинного эксперимента. Протеины, программу которых он вводил, были совершенно безвредны. Так что синтезатор щёлкал себе всю ночь, выстраивая вирус по инструкциям «Маас-Биолабс Лтд».

«Маас»… Маленький, быстрый, беспощадный… Воплощённая Грань.

Длинной стрелой дорога на аэропорт.

Держись тени.

А я кричал что-то этому португальскому голосу, заставил его сказать мне, что сталось с девушкой, с женщиной Хироси. Исчезла, сказал он. Скрежет викторианского часового механизма.

Так что Фоксу пришлось упасть с четвёртого яруса универмага, упасть вместе с тремя такими трогательными золотыми слитками и в последний раз сломать себе спину. На первом этаже универмага в Гинзе все покупатели, прежде чем закричать, мгновение смотрели на него в полном молчании.

Я просто не в силах ненавидеть тебя, девочка.

А вертолёт «Хосаки» вернулся. Огни погашены: он охотится в инфракрасных лучах, нащупывая тёплую плоть. Приглушённый вой – это он разворачивается в нескольких сотнях метров, поворачивает к нам, к «Новой розе». Молниеносная тень на фоне свечения Нариты.

Всё в порядке, девочка. Только, пожалуйста, приди.

Возьми меня за руку.

Перевод с английского Анна Комаринец

Зимний рынок

Здесь часты дожди, а зимой случаются дни, когда света не бывает вовсе, только унифицированная серая хмарь. А бывает такое, что какой-нибудь луч пронзает завесу, и недолгие три минуты видишь залитую солнцем, зависшую в вышине гору, словно логотип, знаменующий начало Божьего фильма. Так же было и в тот день, когда позвонили её агенты — звонок пришёл из самого сердца их зеркальной пирамиды на бульваре Беверли, чтобы сообщить — она растворилась в сети, ушла навсегда, а «Короли сна» отправились на тройную платину. Я редактировал почти всех «Королей», готовил ментальную схему и сводил всё это фаствайпом[1], так что некоторая часть отчислений перепадала мне.

Нет, сказал я, нет. Затем да, да. И распрощался с ними. Накинул пиджак и, минуя три ступеньки за раз, направился в ближайший бар… Восьмичасовое помутнение закончилось на бетонном козырьке в двух метрах над полночью. Фолкрикская вода, городские огни и серая чаша небосклона, только чуть меньше, чем раньше, расцвеченная неоном и ртутными дугами-лампами. Падал снег, большие, но редкие, хлопья оседали на водной глади, чтобы раствориться без следа. Бросив взгляд вниз, я увидел тёмную воду между своими, выступающими за край бетонного полотна ступнями. Я носил японские туфли, новые и дорогие, мягкой кожи с резиновыми носками — Гинзовские «мартышки»[2]. Так я простоял, застыв, достаточно долго, прежде

чем сделал шаг назад. Потому что она мертва, и я отпустил её. Потому что теперь она бессмертна, и я помог ей в этом. И потому что знал — она позвонит утром.

Мой отец был главным звукорежиссёром, он начинал, когда никакой «цифры» ещё не было. Процессы, которыми он занимался, были отчасти механические, со всей этой квазивикторианской тяжестью, свойственной технологиями 20-го века. По-существу, он был обычным токарем. Люди приносили ему аудиозаписи, и он прожигал их на дорожках лакового диска. Затем диск гальванировали и использовали для создания пресса, который должен штамповать, собственно, пластинки, те чёрные штуки, что можно найти в антикварных магазинах. Помню, он рассказывал однажды, за пять месяцев до смерти, что определённые частоты — «транзиэнты» он их называл — запросто могут сжечь головку главного станка, нарезающую дорожки. Головки эти стоили немерено, и чтобы избежать выгораний использовали нечто под названием акселометр. Вот об этом я и думал, застыв над водой: головка всё-таки сгорела.

Именно то, что они с ней сделали.
Именно то, чего она и хотела.
И не нашлось никакого акселометра для Лизы.

Я отключил телефон, пробираясь к кровати. В этом мне помог трёхногий штатив от «Вест Джерман студио», чья починка обойдётся теперь недельным заработком.

Проснулся какое-то время спустя и взял такси обратно в Грэнвилл Айленд, к Рубину.

В некотором смысле Рубин для меня и мастер, и учитель, или, как это называется у японцев, — сэнсей. Хотя на самом деле он скорее мастер мусора, хлама, отбросов, и того моря выброшенных вещей, на волнах которого покачивается наш век. Гоми но сэнсей. Повелитель мусора.

На этот раз, я нашёл его присевшим между двух устрашающего вида ударных установок, которых я раньше не видел. Ржавые паучьи лапы, сложенные в центре зазубренных созвездий из жестянок, выловленных где-то на Ричмондских свалках. Он никогда не называет это место студией, никогда не относился к себе как к художнику. «Дурачусь», характеризует он то, чем здесь занимается, и, похоже, считает это каким-то

продолжением мальчишеских, совершенно скучных послеобеденных часов на заднем дворе. Рубин бродит по этой заваленной, беспорядочной берлоге, напоминающей мини-ангар, пристроившийся кое-как к береговой части Рынка. Бродит, сопровождаемый наиболее умными и проворными своими созданиями, словно странноватый добряк-Сатана, обдумывающий какие-то скрытые от посторонних глаз процессы, происходящие в его мусорном Аду. Рубин программировал часть этих устройств так, чтобы те могли распознать и обматерить зануд, закутанных в шмотки от модных по-сезону дизайнеров; другие сопровождающие вообще занимаются непонятно чем, а некоторые, похоже, созданы лишь для того, чтобы саморазрушиться, производя как можно больше шума. Он как ребёнок, это Рубин, но получает неплохие деньги за свои работы, выставленные в галереях Токио и Парижа.

Так вот, я рассказал ему о Лизе. Он позволил мне выговориться, потом кивнул. «Я знаю», сказал он. «Какой-то СиБиЭс-кий жополиз звонил раз восемь». Он отхлебнул что-то из слегка помятой кружки. «„Wild Turkey“, не желаешь?».

— Почему он звонил? — спросил Рубин.

— Потому, что моё имя на задней стороне «Королей сна». Посвящение.

— Я их ещё не видел.

— Она ещё не пыталась тебе позвонить?

— Позвонит…

— Рубин, она мертва, уже кремировали.

— Знаю, — сказал он, — И она должна тебе позвонить.

Гоми.

Где кончается мусор и начинается мир? Японцы уже лет сто, как завалили отходами окрестности Токио, так они дошли до того, что стали создавать жизненное пространство из этого самого «гоми». К 1969 самолично создали в Токийском Заливе небольшой островок, целиком состоящий из гоми, и окрестили «Островом Мечты». Но город всё так же выплёскивал свои девять тонн в день, и они продолжили постройкой «Нового Острова Мечты», так что теперь вполне контролируют весь этот процесс, и новая Япония поднимается из тихоокеанских волн. Рубин видел это в новостях, но никак не откомментировал.

Ему нечего сказать про гоми. Это его среда, воздух, которым он дышит, нечто, в чём он барахтается всю жизнь. Он объезжает

Большой Ван на развалюшном грузовике, переделанном из древнего аэродромного Мерседеса, крыша которого затерялась под перекатывающейся, наполовину полной газом запаской. Он высматривает разные штуки, удовлетворяющие странный план, словно нацарапанный со внутренней стороны его лба тем нечто, что служит ему Музой. Притаскивает домой всё больше и больше гоми. Часть из этого всё ещё действует. Часть, как и Лиза, — люди.

Я встретил Лизу на одной из Рубинских вечеринок. Рубин устраивает множество вечеринок. Не похоже, что они нравятся ему самому, но они неизменно круты. Я уже и счёт потерял, сколько раз за эту осень просыпался на пенопластовой панели под рёв античной Рубиновой кофеварки, поблёкшего чудища, увенчанного большим хромированным орлом. Звук отражается от гофрированных металлических стен Рубинской берлоги и неплохо успокаивает: есть кофе, значит, жизнь продолжается.

Впервые я увидел её в Кухонной Зоне. Трудно, вообще-то, назвать это кухней, просто три холодильника, мощная плита и сломанная конвекторная печь, появившаяся вместе с остальным гоми. Впервые я увидел Лизу так: она открыла «пивной» холодильник, из которого падал свет, и я разглядел её скулы и волевую складку рта, но так же заметил блик полиуглерода на её запястье и блестящее, словно отполированное пятно, натёртое экзоскелетом. Слишком пьяный, чтобы осознать всё это, понял лишь — что-то не так, я сделал то, что люди и делают обычно, завидев Лизу, — переключился на «другое кино». Направился к вину, что стояло на стойке рядом с печью. Ни разу не оглянулся.

Но она нашла меня сама. Подошла ко мне два часа спустя, будто протекла мимо тел и холмиков хлама с эдакой жутковатой грацией, заложенной в экзоскелете. Я понял это, глядя на её приближение, слишком смущённый, чтобы избежать встречи, чтобы смыться, пробормотав невнятные извинения. Так и стоял, словно прибитый, обняв за талию какую-то незнакомую девицу, пока Лиза не подошла (а вернее — её поднесло с этой фальшивой грацией), и не уставилась прямо на меня. В глазах Лизы играло пламя магика[3], и девица выскользнула из объятий в тихом коммуникативном ужасе, растворилась, а Лиза застыла прямиком напротив меня, поддерживаемая своим, будто тонким карандашом вычерченным протезом. Взглянул ей в глаза, и словно бы услышал плачь её синапсов. Невыносимо высокий визг, будто магик приоткрыл каждый закоулок её мозга.

«Забери меня отсюда», — сказала она, и слова упали, как удар хлыста. Кажется, я кивнул. «Забери меня к себе», и в этом звучала какая-то спокойная боль, и нежность, и поразительная жестокость. И я понял, что никто и никогда не ненавидел меня столь глубоко и всепоглощающе, как ненавидит эта худая маленькая девочка. Ненавидит за то, как я отвернулся, единожды взглянув, у того Рубинского «пивного» холодильника.

И я, если можно так выразиться, сделал одну из тех вещей, объяснить которые невозможно, просто что-то подсказывает тебе — поступить по-другому нельзя:

Пригласил её к себе.

У меня две комнаты в ветхом общежитии на углу Четвёртой и МакДональд, десятый этаж. Лифты обычно работают, и если усесться на ограждение балкона и откинуться назад, держась за угол соседнего здания, можно увидеть вертикальный срез моря и гор.

По дороге от Рубина она не произнесла ни слова, а я протрезвел достаточно, чтобы чувствовать себя довольно неудобно, открывая перед ней дверь.

Первым, что она увидела, был портативный фаствайп, который я притащил из Пилота прошлой ночью. Экзоскелет перенёс её через пропылённый ковёр: это напоминало походку какой-нибудь модели на подиуме. Теперь, вне шума рубинской вечеринки, я смог расслышать тихие пощёлкивания, сопровождающие её движения. Она застыла, разглядывая фаствайп, и мне стали заметны искусственные рёбра, проступающие под поверхностью обтягивающей куртки. Одна из этих болезней, порождений внешней среды, — подумал я, — старых, с которыми так и не научились достаточно эффективно бороться, или новых, у которых и названий то ещё нет. Она не может двигаться без этого дополнительного скелета, подключённого к миоэлектрическому интерфейсу непосредственно в мозгу. Ломкие на вид полиуглеродные крепежи двигают её руками и ногами, а пальцами управляет более тонкая система из гальванических накладок, напоминающих мозаику. Мне почему-то вспомнилась дёргающая лапами лягушка в университетской лаборатории, но я тут же устыдился такого сравнения.

«Это фаствайп», сказала она совершенно новым и каким-то далёким голосом. Я подумал, что действие магика, видимо, постепенно сходит на нет. «Что он здесь делает?»

— Редактирую, — ответил я, закрывая входную дверь.

— Да неужели! — рассмеялась она, — Редактируешь… Ну и где же?

— На Острове. В местечке, прозванном Автопилот.

Обернулась, затем, уперев руку в бедро, приблизилась, её перенесло ко мне: смесью магика, ненависти и какой-то жуткой пародии на желание кольнули её блёкло-серые глаза. «Хочешь этого, редактор?».

Я снова почувствовал удар хлыста, но меня уже так просто не возьмёшь. Я бросил холодный взгляд, словно бы из какого-то впавшего в пивное оцепенение центра моего ходячего, говорящего, подвижного и совершенно обычного тела, слова вышли плевком: «А ты почувствуешь что-нибудь?»

Бац. Может, она моргнула, но на лице не отразилось ничего.

— Нет, — сказала она, — Но иногда люблю смотреть.

***

Два дня спустя после её смерти в Лос-Анджелесе Рубин стоит у окна, наблюдая, как снег опускается в воду Фол Крик. «Так ты с ней ни разу не спал?»

Одно из его созданий, маленькая, словно сошедшая с полотна Эшера ящерица-тянитолкай на роликах, носилось по столу передо мной туда-сюда, подняв обе, уставившиеся в разные стороны головы.

— Нет, — сказал я, и это была правда. Затем рассмеялся. — Но мы подключились напрямую той первой ночью.

— Да ты сбрендил, — сказал Рубин, хотя в голосе слышно некое одобрение. — Тебя могло убить. Сердце могло остановиться, или дыхание…

Он отвернулся к окну вновь:

— Она тебе ещё не звонила?

***

Мы подключились напрямую.

Ни разу этого не делал. Если бы вы спросили — почему, я бы ответил — «я редактор, а такое соединение непрофессионально».

Однако, всё не совсем так.

Как профессионал, имею в виду — легальный профессионал, я никогда не занимался той порнотой, сырым материалом, что ещё зовут сухими снами. Сухие сны — это нейро-продукт, запись с уровней сознания, доступная большинству людей лишь во сне. Но художники, такие, как те, с кем я работаю в «Автопилоте», способны преодолеть поверхностное натяжение, нырнуть гораздо глубже, добраться к морю Юнга, и добыть оттуда ну, скажем, настоящие сновидения. Не будем усложнять. Думаю, и раньше некоторые художники могли добиться такого, должно быть, в некоем помутнении, но нейроэлектроника открыла доступ к их впечатлениям, а сеть позволила распространять это по всем мировым закоулкам. Так что, теперь мы можем записывать сны, продавать их, наблюдать за колебаниями рынка. Всё меняется — эту фразу любил повторять мой отец.

Обычно, работая в студии, я получаю сырой материал, пропущенный через семимиллионные фильтры, и мне даже не нужно видеть автора. Сами понимаете, то, что получает потребитель, уже структурировано, сбалансировано, обращено в искусство. Но до сих пор ещё встречаются люди, достаточно навивные для того, чтобы полагать — будет здорово, если подключиться к кому-то, кого они, к примеру, любят, напрямую. Думаю, большинство подростков пробовали это хоть единожды. Это, конечно же, не сложно. В «Рэдио Шек»[4] найдутся корпус, разъёмы и провода. Но я…. я никогда этого не делал. Теперь же, думая об этом, вряд ли смогу объяснить — почему. Даже если захочу объяснять.

Я не знаю, почему всё-таки сделал это с Лизой — уселся рядом с ней на мексиканском хлопковом матрасе и тукнул опто-проводник в гнездо на её позвоночнике — гладком выступе экзоскелета. Он находился довольно высоко — у основания шеи, скрытый её тёмными волосами.

Сделал это, потому что она назвала себя художником, и потому что мы каким-то образом оказались по разные стороны баррикад, а мне не хотелось проигрывать. Это может для вас ничего не значить, но ведь вы и не знали её, разве что по «Королям сна». Но это не одно и то же. Не чувствовали её голода, сократившегося потом до иссушающего желания, отвратительного в своей целеустремлённости. Люди, точно знающие, чего хотят, всегда меня пугали, а Лиза давным-давно знала — чего хочет, и ничего другого ей нужно не было. Я был напуган тогда, хотя и не хотел себе в этом признаться. К тому же, в микшерной Автопилота я повидал достаточно чужих снов, чтобы понять — большинство людских «внутренних монстров» на самом деле — совершенно обыденные штуки, нелепые в свете их собственного незамутнённого сознания. К тому же, я всё ещё был пьян.

Я подключил троды и потянулся к фаставайпу. Отключил все студийные функции, на время превратив японскую электронику (стоимостью 84 тысячи долларов) в эквивалент всем тем маленьким коробкам из «Рэдио Шек». «Готово», сказал я, щёлкнув тумблером.

Слова. Слова бессильны. Возможно, от них был бы какой-то прок, если бы я знал — как описать то, что вырвалось из неё, то, что она сделала…

Такой фрагмент есть в Королях: словно мчишься на мотоцикле по полуночному отрезку шоссе прямо над высоким прибрежным обрывом; огней нет, но ты будто бы в них и не нуждаешься. Скорость такова, что кажется — висишь в каком-то беззвучном невидимом конусе — рёв мотоцикла теряется где-то позади. Это лишь жалкий момент Королей, но один из тысячи фрагментов, которые вспоминаешь, вернувшись в реальность, тех, к которым возвращаешься снова и снова. Потрясающе. Свобода и смерть прямо здесь и сейчас, бег по бесконечной режущей кромке.

Я же получил сырой образ: грубый напор, взрыв, словно

порождающий восемь дорог, протянувшихся от воскресенья куда-то в пустоту, наполненную нищетой, нелюбовью и темнотой. Это было её тщеславие, увиденное изнутри. Какие-то жалкие четыре секунды…

Ну конечно она победила. Я снял троды и уставился заплаканными глазами в стену: мозаичные постеры на ней были размыты. Я не мог смотреть на Лизу, слышал лишь, как она отсоединила проводник, и ещё скрип экзоскелета, когда тот оторвал её от матраса. Слышал его приглушённое щёлканье, когда он понёс её на кухню за стаканом воды.

А потом я заплакал снова.

***

Рубин вставляет тонкий щуп в брюхо отключённого «тяни-толкая» и сквозь увеличительные стёкла изучает начинку, подсвечивая миниатюрными височными фонариками.

— Ну, и это тебя зацепило? — он пожал плечами и поднял взгляд на меня. Уже темно, и спаренные лучи-тензоры впиваются мне в лицо. В Рубинском ангаре зябко и сыро, а откуда-то с другого берега летит над водой унылый вой сирены. «Ну?»

Моё время пожать плечами:

— Так уж вышло… у меня не было особого выбора…

Световые векторы ныряют обратно в кремниевую утробу его дефектной игрушки.

— Значит, всё нормально. Ты сделал верный выбор. Я хочу сказать, она давно всё для себя решила. И к тому, что с ней теперь, ты причастен не больше того фаствайпа. Если бы она не нашла тебя, ей бы попался бы кто-нибудь ещё.

***

Я договорился с Барри, главным редактором, и выпросил у него двадцать минут студийного времени в пять часов холодного сентябрьского утра. Лиза пришла, и вновь рубанула меня тем же набором переживаний, но я подготовился. Отгороженный фильтром и ментальной схемой, я на этот раз ничего не почувствовал. Две недели я выкраивал свободные минуты в редакторской, чтобы нарезать из её эмоций нечто, что можно было бы показать Максу Бэллу, владельцу Пилота. Бэл не очень то обрадовался, когда я объяснил ему суть работы, совсем даже не обрадовался. Редактор-индивидуалист может стать большой проблемой, большинство таких вот редакторов рано или поздно приходят к мысли, что нашли кого-то, претендующего на роль уродца-идола, и тут начинается слив денег и времени. Когда я закончил нахваливать Лизу, он кивнул, а затем почесал нос колпачком своего красного фломастера.

— Ага, ясно. Типа самый крутой хит с тех пор, как рыбы отрастили ноги?

Но он таки подключился к софту[5], к мною нарезанной демке. И когда софт выщелкнулся из слота на рабочей столешнице Braun, Бэл просто глядел в стену, с лица его исчезло всякое выражение.

— Макс?
— Ы?
— Что думаешь?
— Ну… Как, ты сказал, её зовут? — он моргнул. — Лиза? С кем там у неё контракт?
— Лиза. Ни с кем, Макс. У неё нет контракта ни с кем, кроме нас.
— Господи-иисусе, — его лицо всё так же ничего не выражало.

***

— А знаешь, как я её нашёл? — спросил Рубин, обшаривая потрёпанные картонные коробки в поисках выключателя. Коробки полнит тщательно отсортированный гоми: литиевые аккумуляторы, танталовые конденсаторы, радиочастотные переходники, хлебные доски, лента для ограждений,

феррорезонансные трансформаторы, катушки проволоки… Одна из коробок наполнена оторванными головами кукол Барби, их там сотни, другая — защитными промышленными перчатками, напоминающими часть космического скафандра. Свет затапливает помещение, и богомол, раскрашенный в манере Кандинского лоскутками цветастого олова, поворачивает свою голову, размером с мяч для гольфа, в сторону самой яркой лампочки.

— Я был в Грэнвилле, искал гоми. Свернул в какой-то переулок, и вижу — сидит. Разглядел её экзоскелет, да и на вид она была не очень… Спрашиваю — с тобой всё нормально? И ничего. Только глаза закрыла. «Не моё дело», подумал. Но четыре часа спустя я возвращался тем же путём — она сидела всё так же, с места не сдвинулась. «Послушай, милая», — сказал я, — «Может, твоя железяка поизносилась, так я могу помочь». Никакой реакции. «Сколько ты уже здесь торчишь?». Снова ничего. Я и свалил оттуда.

Рубин следует к своему рабочему месту, водит бледным указательным пальцем по тонким металлическим конечностям богомола. За его столом, подвешенные на фоне раздутых от влаги листов древних перфокарт, висят плоскогубцы, отвёртки, пистолеты с клейкой лентой, ржавое духовое ружьё «Дэйзи», скребок для изоляции, обжимные щипцы, паяльная лампа, карманный осциллограф. Кажется, здесь вообще все инструменты, когда-либо созданные руками людей, и не похоже, что кто-то вообще занимался их рассортировкой, но я ещё ни разу не видел, чтобы рука Рубина ошиблась, выбирая один из них.

— Ну, так вот, я вернулся, — сказал Рубин, — Спустя, наверное, час. Она уже была в отключке, без сознания, я приволок её сюда и осмотрел экзоскелет. Батареи сдохли. Она доползла туда на остатках энергии и решила, думаю, помереть с голода.

— Когда это было?

— Примерно за неделю до того, как ты отвёл её к себе.

— А что, если бы она умерла? Если бы ты её не нашёл?

— Кто-нибудь всё равно бы её обнаружил. Она не могла просить о помощи, понимаешь? Только принять. Не хотела быть в долгу.

***

Макс нашёл для неё агентов, и троица до рвоты гладеньких помошничков прилетела на следующий день. Лиза не снизошла до того, чтобы встретится с ними, настояв, чтобы мы привезли их к Рубину, где она прохлаждалась всё это время.

— Добро пожаловать в Кувервилль, — сказал Рубин, когда они пересекли порог. Его вытянутое лицо было перемазано машинным маслом, а ширинка измочаленных рабочих штанов кое-как держалась на скрепке. Парни автоматически ухмыльнулись, но улыбка девицы оказалась чуточку более аутентичной.

— Мистер Старк. На прошлой неделе я была в Лондоне и видела вашу инсталляцию в Тэйт.

— «Марчеллова фабрика батареек». Они посчитали её копрологической, эти британцы… — он пожал плечами, — Может, так оно и есть, кто знает?

— Верно. Но она также очень забавна.

Парни в этих своих костюмчиках сияли, как два отутюженных маяка. Демо-запись уже добралась до Лос-Анджелеса, они был в курсе.

— Так ты Лиза? — девица прокладывала путь между холмиками рубинского мусора, — Скоро ты будешь очень популярной, Лиза. Нам есть, что обсудить.

Лиза замерла на своих полиуглеродных подпорках и глядела на девицу с тем лицом, которое я уже однажды видел — у себя дома, той ночью, когда Лиза спросила — хочу ли я с ней переспать. Но если агентша и заметила что-то, то виду не подала. Профессионал.

Я пытался убедить себя в том, что тоже профессионал. Старался успокоиться.

***

На улицах вокруг рынка чахло горят металлические бочки с мусором. Снег ещё идёт, и подростки жмутся к огню, словно

артритные вороны, переминаются, запахивая то и дело свои тёмные пальто. Наверху, в путанице претензионных трущоб Фэйрвью, насмерть примёрзло к верёвке чьё-то бельё: розовые квадраты простыней отчаянно контрастируют с тусклым фоном — мешаниной спутниковых тарелок и солнечных батарей. Крутится и крутится без конца ветряк-генератор какого-то эколога, словно средний палец показывает налоговой гидре.

Рубин шлёпает рядом в своих забрызганных красной краской галошах L. L. Bean, здоровая голова его втянута за воротник слишком большой армейской куртки. То и дело кто-нибудь из сгорбленных подростков тычет ему вслед со словами — вот парень, что делает разные бредовые штуки, роботов и прочее дерьмо.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — спрашивает он, когда мы проходим под мостом, направляясь к Четвёртой, — Ты из тех типов, что всегда читают инструкции. Что бы люди ни создали, любую технологию, она всегда служит какой-то цели. Типа делает что-то, всем понятное и доступное. Но с новой технологией появляются новые горизонты, о которых раньше никто и не думал. Чувак, ты читал мануал и ты не хочешь экспериментировать, да ни в жизнь… И ты бесишься, когда кто-то другой использует технологию для чего-то, о чём ты никогда и не помышлял. Как Лиза.

— Но она же не была первой… — над нами с грохотом проносится транспорт.

— Нет, но она точно первый человек из тех, кого ты знал, что переписал себя в ПЗУ. Тебя ведь кошмары не мучили, когда этот, как его там, сделал то же самое три-четыре года назад? Ну, парень из Франции, писатель типа?

— Я как-то об этом тогда не думал. Решил — уловка, пиар…

— А он продолжает писать. И стрёмно тут то, что он так и будет писать дальше, пока кто-нибудь не взорвёт, к примеру, мэйнфрейм…

Я вздрагиваю, трясу головой.

— Но это же уже не он? Только программа.

— Интересная мысль. Трудно сказать. Но с Лизой всё разу станет ясно, она не писатель…

Короли жили в её голове уже давно, взаперти, подобно тому, как её тело было заперто в экзоскелете.

Агенты выбили для неё контракт с известной студией и привезли рабочую группу из Токио. Она сказала, что редактором ей нужен я. Я же сказал — нет. Макс затащил меня к себе в кабинет и пригрозил уволить с позором к чертям. Без меня им не было смысла работать в Пилоте. Ванкувер не тянет на пуп Земли, и агенты хотели заманить её в Лос-Анджелес. Максу эта запись сулила большие деньги, а Пилоту возможность крупно засветится. Я не мог объяснить своего отказа. Слишком это шизофренично, слишком это личное: с моим согласием конечная победа досталась бы ей целиком. Так я полагал тогда. Но Макс не шутил, он действительно не дал мне никакого выбора. Мы оба знали, что никакая другая работа сама в мои руки не прыгнет. Мы вышли вместе и сообщили агентам, что всё обсудили: я в команде.

В ответ агентики продемонстрировали чёртову уйму своих зубов.

Лиза же достала полный магиком ингалятор и тут же вкатила огромную дозу. Кажется, агентша приподняла одну из своих прекрасненьких бровок, да и только. После подписания бумажек Лиза могла заниматься практически чем угодно. А Лиза знала, чего хотела.

Мы создавали Королей три недели, то есть — основную запись. Я находил множество причин, чтобы не бывать у Рубина, и даже в какие-то из них верил сам. А Лиза так у него и оставалась, хотя агентов это, в свете увиденного там, не очень то радовало. Они полагали, что в этой берлоге не очень то безопасно. Рубин позже рассказал, что ему пришлось заставить своего агента позвонить им и навести бучу, но после этого они успокоились. До того момента я и не думал даже, что у Рубина тоже есть собственный агент. Просто, зная его, очень легко позабыть, что Рубин Старк на самом деле гораздо известней, чем, полагаю, Лиза могла бы когда-нибудь стать.

Я знал, что мы работаем над чем-то крутым, но никогда ведь не угадаешь — насколько популярной вещь станет в дальнейшем.

Но всё то время, проведённое в Пилоте, я был полностью погружён в работу. Лиза была потрясающа. Казалось, она рождена для этого искусства, несмотря даже на то, что когда она родилась,

никакой подобной технологии ещё не было и в помине. И видя воочию что-то подобное, невольно думаешь — сколько же тысяч, может — миллионов, феноменальных художников так и сгинуло безвестно во тьме веков. Тех, что не стали живописцами, поэтами, саксофонистами, но носили всё внутри, эти нейро-колебания, ожидающие лишь необходимую для записи микросхему.

За время совместной работы я узнал о жизни Лизы кое-какие малозначительные факты: что родилась она в Винсдоре; что её отец был американец, служил в Перу, и что домой он вернулся полуслепым психом; что все неполадки её тела — врождённые; и что язвы на её коже от того, что она вынуждена носить экзоскелет не снимая, потому что начинает задыхаться и чахнуть от одной мысли о полной своей, без него, беспомощности; и что она подсела на магик, и ежедневно вдыхает столько, что хватит подсадить целую футбольную команду.

Агентики притащили наёмных медиков, те подложили пористые прокладки под прутья её скелета и наложили микропорные бинты поверх нарывов. Они накачали её витаминами и пробовали посадить на диету, но никто даже не пытался забрать у неё ингалятор.

Он выцепили также парикмахеров и визажистов, костюмеров и имидж-мейкеров, а заодно шустрых пиар-хомячков. И она перенесла всё это с чем-то, очень похожим на улыбку.

Все эти три недели мы почти не общались. Только студийные, сугубо профессиональные разговоры, такой совершенно узкопрофильный слэнг. Образы, ею рождённые, были так сильны и чётки, что как-то объяснять их эффект и смысл, в общем-то, не было. Я записывал то, что из неё шло, и работал над ним, после же — транслировал материал ей. Она говорила «да», либо «нет», но обычно — «да». Агентики взяли это на заметку, одобрили, и, похлопав Макса по спине, пригласили пообедать, ну а моё жалованье, соответственно, выросло.

Я был профессионалом всё-таки. Полезным, всесторонним и вежливым. И я полагал, что теперь уже не сломаюсь, и не вспоминал больше о той ночи, когда разрыдался. И я также понимал, что лучше Королей ничего ещё не делал, а это ценно уже само по себе.

Но одним утром, около шести, после долгого-предолгого сеанса, когда она впервые выдала тот зловещий эпизод с

котильоном, который один парнишка позже назовёт Танцем Призраков, она заговорила со мной. Один агентишка крутился здесь же, в студии, сверкал зубами, но к утру смылся, и Пилот окутала мёртвая тишина, только со стороны Максовского кабинета долетал глухой шум кондиционера.

— Кейси, — сказала она охрипшим от магика голосом, — Прости, что так тебе врезала.

Я сначала подумал, что она имеет в виду только что законченную запись. Я поднял взгляд, увидел её, и тут меня прошибло: мы одни, и одни впервые с тех пор, как мы записали то демо для Макса. Я не знал, что сказать. Не мог даже разобрать — что чувствую. Поддерживаемая экзоскелетом, она сечас выглядела гораздо хуже, чем в вечер нашей, у Рубина, встречи. Магик пожирал её, там, под слоем грима, размазанного визажистами. Временами казалось, будто изображение «мёртвой головы» проступает под её не очень-то красивым подростковым лицом. Я же был без понятия о её реальном возрасте. Ни стара, ни молода.

— Эффект наклонной плоскости, — буркнул я, сматывая кабель.

— Это что такое?

— Способ природы донести до тебя, что пора менять образ жизни. Своего рода математический закон, гласящий, что ты можешь получать кайф от стимуляторов только «х» раз, даже если увеличишь дозу. Но тебя никогда уже так не вставит, как в первые несколько заходов. Ну или ты уже не будешь на это вообще способна. Это общая беда всех моделируемых наркотиков — слишком они все хитрые. Та штука, на которой ты сидишь, у одной из её молекул есть хитрый такой хвостик, который не позволяет разложившемуся адреналину перейти в адренохром. Если бы не он, ты бы давно стала шизофреничкой. У тебя нет каких-нибудь проблем с дыханием, ну вроде апноэ? Не задыхаешься во сне?

Но я не был уверен, что действительно чувствую злость, сквозившую в моём голосе.

Она поглядела на меня выцветшими серыми глазами. Модельеры избавились от сэкондхэндной куртки маслянисто-тёмной масти, заменив её чёрной ветровкой, гораздо лучше скрывающей полиуглеродный каркас. Лиза носила её застёгнутой

до подбородка, несмотря на то, что в студии бывало довольно жарко. Похоже, вчера парикмахеры придумали что-то новое с её причёской, но получилось не очень: непослушные чёрные волосы торчали неровной вспышкой над вытянутым, треугольным лицом.

— А я не сплю, Кейси.

Только позже, гораздо позже, я осознал, что тогда она извинялась. Больше такого не повторялось, это был единственный раз, когда я слышал от неё что-то, столь для неё не характерное.

***

Рубинова диета состоит из сэндвичей, что продаются в автоматах, пакистанской еды «на вынос» и эспрессо. Я ни разу не видел, чтобы он питался чем-то другим. Мы уплетаем самосы, устроившись за единственным, втиснутым между стойкой и дверью в сортир, пластиковым столиком маленькой забегаловки на Четвёртой. Рубин полностью сосредоточился на поедании своей порции самос — шесть с мясом и шесть овощных — и заглатывает их одну за другой, не заботясь даже вытереть подбородок. Привязался он к этому месту: люто ненавидит грека-торговца, неприязнь их сильна и взаимна. Если бы грек вдруг исчез, Рубин, наверное, здесь и не появлялся бы. Грек таращится на крошки, осевшие на подбородке и куртке Рубина. Тот же, в перерывах между самосами, косит взглядом вправо и назад, щуря глаза за грязными линзами очков в стальной оправе.

Самосы — обед. Завтраком был яичный салат на чёрством белом хлебе, запакованный в один из тех треугольников молочно-белого пластика, что покоятся на шести маленьких пластиковых чашках чертовски отвратного эспрессо.

— Ты не мог этого предвидеть, Кейси, — он разглядывает меня откуда-то из недр своих залапанных очков, — Потому что ты не силён в латеральном мышлении. Ты читаешь инструкции. Чего ей, по-твоему, надо было? Секса? Ещё больше успеха? Мировое турне? Она перешагнула через это. Вот, что сделало её такой сильной. Она оставила всё позади. Вот почему Короли Сна так популярны, почему подростки его скупают и почему они им, Королям, верят. Они просто знают… Эти парни на задворках

Рынка, греющие зады у огня и радующиеся, если удалось найти где-нибудь ночлег, они ей верят. Да это самый крутой софт за последние восемь лет. Парень из Гренвилльского магазина сказал мне — эти штуки улетают быстрей, чем он что-то ещё успевает продать. Говорит, задолбались уже их заказывать… Она так популярна, потому что была такой же, как они, пацаны эти, даже ещё более «такой же». Она это знала, чувак. Ни мечты, ни надежды. Ты не видишь на этих мальчишках никаких клеток, Кейси, но они в них врастают всё больше и больше, и никуда они отсюда не денутся, не уедут.

Он пытается стряхнуть жирный кусочек мяса с подбородка, но только добавляет к нему ещё три, выскочившие из пирога.

— Она пропела об этом для них, расписала это так, как они никогда и представить не могли. И она потратила деньги, чтобы сбежать. Вот и всё.

Я глядел, как по той стороне стекла катятся вниз сконденсировавшиеся из тумана капли. За окном можно было разглядеть «полураздетую» и бесколёсую Ладу, упирающуюся в тротуар голыми осями.

— Сколько людей это с собой сделали? Не в курсе?

— Да не так много. Но сказать сложно, потому что большинство из них, скорее всего, — политики, про которых нам удобней думать, что они мертвы всерьёз и надолго, — и он как-то странно на меня поглядел. — Не очень-то милая мысль. В любом случае, они опробовали технологию первыми. Она и сейчас стоит многовато для орды обычных миллионерчиков, но я слышал по крайней мере о семи. Говорят, Мицубиси раскошелилась для Вайнберга, чтобы успеть до того, как его иммунная система окончательно пойдёт в расход. Он был главой гибридомной лаборатории на Окаяве. Их «моноклонные» акции всё ещё в цене, так что — может оно и правда. И Ланглуа, французик-новеллист…

Он пожал плечами.

— У Лизы не хватило бы на это денег, даже сейчас. Но она пронюхала нужное место и время. Ей не долго оставалось, и она была в Голливуде, а тамошние ребята уже поняли — сколько Короли наделают шума.

В день, когда мы закончили работу, из Лондона челночным рейсом «Джей-эй-эль» прибыла четвёрка специалистов. Четверо поджарых парней с гипертрофированным чутьём стиля, действующих вместе, будто хорошо смазанный механизм, и притом начисто лишённых эмоций. Я усадил их рядом, на идентичные офисные стулья от Икеи, смазал соляной пастой их виски, подключил троды и прогнал необработанную версию того, что должно было в дальнейшем стать Королями Сна. Вернувшись в реальность, они разом, полностью меня игнорируя, затараторили между собой, используя британский вариант того тайного языка, на котором общаются все студийные музыканты. Четыре пары бледных рук вспарывали и рубили воздух. Но я разобрал достаточно, чтобы понять — они впечатлены. Что они сочли запись крутой. Я же, прихватив свой пиджак, благополучно смылся. Пасту и сами сотрут.

Этой ночью я видел Лизу в последний раз, хотя и не планировал.

***

Мы возвращаемся обратно на Рынок. Рубин шумно переваривает обед. Красные габаритные огни отражаются в мокрых булыжниках мостовой. Город вокруг Рынка — словно тонкая скульптура, сотканная из света, муляж. Здесь, брошенные и потерянные, изгои зарываются в гоми, гумусом нарастающий у подножий стеклянных башен.

— Завтра я отправляюсь во Франкфурт, собирать инсталляцию. Хочешь со мной? Могу записать тебя как техника, — он ежится и глубже кутается в свою армейскую куртку, — Денег платить не могу, но авиабилет обеспечу, пойдёт?

Нехарактерное для Рубина предложение, но я знаю — это просто потому, что он за меня беспокоится. Думает, я слишком не в себе из-за Лизы, малость того, и это единственный путь, каким он может меня выманить из города.

— Во Франкфурте сейчас холоднее, чем здесь.
— Ну не знаю, Кейси, думаю, тебе нужна смена обстановки.
— Спасибо, но у Макса запланировано до черта работы.

Пилот теперь — известная студия, люди прилетают отовсюду…

— Ну ладно…

***

Оставив разношёрстную команду в Пилоте, я отправился домой. Дошёл пешком до Четвёртой и сел на троллейбус. Я ехал мимо витрин, которые вижу каждый день, подсвеченных безвкусно и ярко: одежда, обувь и софт, японские мотоциклы, припавшие к полу эмалированными скорпионами, итальянская мебель. Витрины меняются сезонно — магазины появляются и исчезают. Сейчас они окутаны предпраздничной горячкой — на тротуарах полно людей, множество парочек, вышагивающих быстро и целеустремлённо мимо ярких витражей, собираясь прикупить «то миленькое что-то там из чего-то там». Добрая половина девушек носит высокие, до бедра, подбитые нейлоновые сапоги — мода пришла сюда из Нью-Йорка прошлой зимой, это, как считает Рубин, делает их похожими на слоних. Я ухмыльнулся, и внезапно до меня дошло, что всё кончено, что я расквитался с Лизой и что теперь немыслимое притяжение Больших Денег засосёт её в Голливуд не хуже, чем если бы она сунул ногу в чёрную дыру. Что сделано, то сделано, подумал я, и словно бы отпустил какую-то внутреннюю завесу, почувствовал самый краешек моей к ней жалости. Но только самую малость, потому что не хотел портить себе вечер какой-то мутотенью. А хотел я веселится, чего со мной давно уже не было.

Я вышел на своей остановке, и лифт поднял меня наверх с первой попытки. Хороший знак, подумалось мне. Наверху, приняв душ и переодевшись в свежую рубашку, я разморозил в микроволновке буррито. Приходи в норму, посоветовал я своему отражению, когда брился. Ты слишком много работал. Кредитки чересчур растолстели, пора это подправить.

Буррито были вкуса картона, но я решил — это мне тоже по душе, их агрессивная нормальность. Машина моя на ремонте в Бёрнаби — надо залатать подтекающий водородный бак, и водить мне не придётся. Так что, я мог отправиться тусить, а утром позвонить в Пилот и сказать Максу, что приболел. Теперь ему меня не выгнать, я теперь звезда, и Макс мой должник.

Должничок ты мой, Макс, обратился я к замёрзшей бутылке Московской, выуженной из холодильника. Да ты мне по гроб обязан. Я провёл три недели, редактируя мечты и кошмары одной не слабо шизанутой особы, Макс. Твоё здоровье. Так что, теперь можешь расти и процветать в своё удовольствие. Я плеснул в пластиковый стаканчик, оставшийся с какой-то прошлогодней вечеринки, на три пальца водки и вернулся в гостиную

Порой мне кажется, что здесь никто особо и не живёт. Но не из-за бардака; я убираю автоматически, как робот, и никогда не забываю вытереть пыль с постеров и полок. Но бывают моменты, когда внезапно охватывает холодный озноб — это же обычный набор самых обывательских вещей. Не то, чтобы мне хотелось завести кошку, обставить всё растениями или чем-то ещё, но иногда кажется — кто-то другой вполне мог бы жить здесь, среди этих вещей, и всё это будто взаимозаменяемо… Моя это жизнь или твоя, а может вообще — кого-то другого…

Думаю, у Рубина схожие взгляды, но для него это источник сил, вдохновения. Он живёт в чужом мусоре, и все вещи, что он тащит домой, были когда-то новы и уникальны, что-то для кого-то, пусть и не долго, значили. Он просто сгребает вещи в шизоидного вида грузовик и отвозит в свою берлогу, ну и оставляет выдерживаться компостными кучами до тех пор, пока не придумает, что с ними сделать. Однажды он показывал мне свою любимую книгу по искусству двадцатого века: там было фото автоматической скульптуры под названием «Мёртвые Птицы Снова Летят». Штука вроде ворота раз за разом прокручивала подвешенные на лесках мёртвые птичьи тушки. Рубин улыбался и одобрительно кивал, и мне стало ясно, что он ощущает автора этой работы своим, в некотором роде, духовным наставником. Но что бы Рубин сделал с моими разрозненными постерами, с мексиканским матрасом из Бэй и темперлоновой икейской кроватью? Ну, подумал я, отхлёбывая первый обжигающий глоток, он бы что-нибудь придумал, потому-то он известный художник, а я нет.

Я подошёл к окну и прислонился лбом к зеркальному стеклу, столь же холодному, как стакан в моей руке. Пора идти, сказал сам себе, а то все симптомы боязни городского одиночества налицо. Но от этого есть лечение. Давай, надо выпить.

Особо нажраться той ночью так и не удалось. Но и мудрого благоразумия я не проявил — надо было просто пойти домой,

поглядеть какое-нибудь древнее кинцо, и завалиться спать. Но напряжение этих трёх недель, скопившееся внутри, гнало меня, словно пружина толкает тикающую стрелку старых часов, через ночной город. Роль же смазки играла выпивка, поглощаемая мною там и тут на пути. Это была одна из тех ночей, когда будто проскальзываешь в какую-то альтернативную реальность: город, выглядит ну совсем как тот, который ты знаешь, с одним лишь отличием — нет в нём никого, кого бы ты раньше любил, знал или хотя бы встречал. В такую ночь можно зайти в знакомый бар и заметить, что вся обстановка поменялась. Потом понимаешь, единственной причиной посещения этого места было желание просто увидеть знакомое лицо — официантку, бармена, да кого угодно… Подобные мысли веселью не очень способствуют.

Я продолжал двигаться, сменив шесть или семь заведений, в конце концов завалился в клуб Вест Энд, который, похоже, не ремонтировали годов с девяностых. Повсюду отслаивающийся хром, обнажающий пластик, размытые голограммы, от которых, стоит лишь попытаться рассмотреть картинку, начинает раскалываться голова. Кажется, Барри рассказывал мне об этом месте, но вот по какому поводу… Я огляделся и ухмыльнулся. Если я специально искал какую-то унылую дыру, то, похоже, её нашёл. Есть, сказал я себе и уселся на угловой стул у стойки, — действительно дыра, самая настоящая. Тут достаточно паршиво, чтобы остановить инерцию этого дерьмового вечера, и это, несомненно, хорошо. Вот приму ещё стаканчик на дорожку, полюбуюсь этой пещерой и возьму такси до дома.

Ну а затем я увидел Лизу.

Она меня не заметила, пока что, а я ещё не снял куртку и твидовый её воротник был поднят — вынужденная мера в борьбе с непогодой. Она сидела за угловым столиком в глубине бара, отгородившись парой глубоких пустых фужеров, тех, что подают с маленькими гонконгскими зонтиками или пластиковыми русалками. И когда она взглянула на парня, сидящего напротив, в глазах её плясали язычки магика, стало ясно, что выпитые ею коктейли — безалкогольные, потому что, накачанная наркотой, она бы не выдержала подобной смеси. Чувак же, похоже, был уже готов, прибитый выпивкой, кажется, сейчас съедет со стула на пол. Он продолжал что-то бубнить, пытаясь сфокусировать взгляд на Лизе, сидящей перед ним во всё той же, модельерами выбранной чёрной ветровке, застёгнутой по самое горло, и череп её просвечивал сквозь кожу лица тысячеватной лампой. И увидев

её такой, я понял очень и очень многое. Например, что она и правду умирает, от магика или своей болезни, а может и от их комбинации, и что она понимает это чертовски хорошо. Парень был слишком пьян, чтобы разглядеть экзоскелет, но не достаточно пьян, чтобы не заметить её дорогой одёжки и того, как она сорит деньгами. И что происходит именно то, на что это и похоже.

Но я не мог и не хотел всё это осознать и связать воедино. Что-то внутри меня будто съёжилось. А она улыбалась, во всяком изображала что-то, по её мнению на улыбку похожее, такое подходящее под ситуацию выражение, и кивала, когда парень выдавливал порцию бессмысленной туфты. И как-то сами собой всплыли в памяти её слова про то, что она любит смотреть…

Теперь я понимаю, не очутись я тогда в этом баре, не встреть её с этим парнем, мне было бы гораздо проще принять то, что позднее случилось. Возможно, нашёл бы в себе силы порадоваться за неё, или смог бы доверять тому, во что она потом превратилась, созданному по её образу, той программе, претворяющейся Лизой, чтобы убедить себя же, что она и есть Лиза. Я бы мог верить, как Рубин, что она просто всё перешагнула, эдакая хайтэчная Святая Жанна, сплавившаяся воедино с тем Голливудским хардвэрным божеством, и что в час своего перехода ни о чём она не жалела. Что со слёзами радости отринула она своё бренное тело, освободившись от полиуглеродных пут и ненавистной плоти. Ну, может так оно и было на самом деле. Как-то так. Думаю, так она себе всё и представляла.

Но, увидев её там, держащей своей нечувствительной дланью руку этого парня, я понял, раз и навсегда, что мотивы человеческого поведения простыми не бывают. Даже Лиза, с её разрушающей, безумной тягой к славе и кибер-бессмертию, имела свои слабости. Была человеком в самом ненавистном мне смысле.

Той ночью она собралась поцеловать саму себя на прощание, и нашла кого-то, достаточно пьяного, чтобы сделать это за неё. Я был уверен: она правда любит смотреть.

Думаю, она заметила, как я, почти бегом, смылся. Если так, то, полагаю, возненавидела меня ещё сильней, чем прежде. Возненавидела за ужас и жалость, проступившие на моём лице.

Больше я её не видел.

***

Я как-то спросил, почему «Wild Turkey» — единственное пойло, которое Рубин умеет смешивать. Железобетонной крепости пойло. Рубин передал мне помятую алюминиевую кружку. Вокруг же нас тихо жужжали и копошились его мелкие создания.

— Ты, всё таки, должен съездить во Франкфурт, — сказал Рубин.

— Но почему?

— Потому что очень скоро она тебе позвонит. Я думаю, может ты не вполне к этому готов. Тебя всё ещё пугает это, ведь оно будет говорить как Лиза и думать как Лиза, и ты совсем съедешь. Съездишь со мной во Франкфурт и чуть отдышишься. Там она тебя не найдёт.

— Я же тебе говорил, — выдавил я, а сам вспомнил её в том баре, — Работа… Макс…

— Забей на Макса. Он только что разбогател, так что — пусть не дёргается. Да и ты хороший кусок с Королей урвал. Лениво что ли счёт проверить? Можешь позволить себе отпуск.

Я гляжу на него, думая, расскажу ли ему когда-нибудь о нашей с Лизой последней встрече.

— Я признателен тебе, мужик, но просто я…

Он вздохнул и отхлебнул из кружки.

— Ты что?

— Рубин, если она мне позвонит, это будет она?

Он поглядел на меня долгим взглядом.

— А бог его знает… — и шмякнул кружку на стол, — Я хочу сказать, Кейси, технология то обкатана, но кто скажет наверняка?

— И ты думаешь, мне надо с тобой во Франкфурт?

И он снял свои очки в стальной оправе и немного нервно

протёр их краешком своей фланелевой рубашки-шотландки.

— Да. Тебе нужен отдых. Может, не прямо сейчас, но потом точно понадобится.

— Это почему же?

— Ну, когда отредактируешь следующий альбом. А он сто пудово скоро будет писаться, потому что ей понадобятся деньги, и быстро. Она ведь занимает до черта места в каком-то там корпоративном мэйнфрейме, а прибыли от Королей не хватит, чтобы покрыть затраты на её размещение. А ты, всё ж таки, её редактор. В смысле, кто же, если не ты?

Я глядел на то, как он водружает очки обратно, и не мог оторвать глаз.

— Кто ж ещё, мужик?

И когда одно из его созданий издаёт тихий, но отчётливый щелчок, до меня доходит, что Рубин прав.

Поединок

Уильям Гибсон, Майкл Суэнвик
Перевод: В. Ахметьева, Е. Летов

Он собирался ехать и ехать, не останавливаясь, прямиком во Флориду. Завербоваться на шхуну контрабандистов оружием; глядишь, и прибьет ветром к армии каких-нибудь вонючих повстанцев из очередной горячей точки. С таким билетом, как у него, он был как вечный скиталец, прикованный к своему кораблю - "Летучему Голландцу" от компании "Грейхаунд", В холодном засаленном стекле, на фоне огней деловой части Норфолка, угрюмо скалилось его слабое отражение. Водитель лихо завернул за последний угол, автобус устало закачался на продавленных рессорах и, отчаянно дребезжа, остановился на сером бетоне привокзальной площади, унылой, как тюремный двор. Однако Дейк, прижавшись щекой к стеклу, видел совсем другое: как его, голодного, окончательно замораживает налетевший откуда-нибудь из Освего буран - и на следующей остановке ворчливый старик-уборщик в замызганной спецовке выметает из салона задубевшие останки. Ладно, решил Дейк, так или иначе переживу. Вот если бы только не ноги, которые, казалось, уже умерли. Водитель тем временем объявил двадцатиминутную остановку: "Станция Тайдуотер, Вирджиния". Автовокзал, будто перенесенный из прошлого века, представлял собой старое шлакоблочное строение с двумя входами в каждый зал ожидания.

На деревянных ногах Дейк с трудом выполз из автобуса и привидением завис близ галантерейного прилавка, но чернокожая девчонка бдительно, словно собственную задницу, защищала жалкое содержимое старой стеклянной витрины. Вероятно, так оно и есть, подумал Дейк и отвернулся. Напротив туалетов была открытая дверь в заведение, предлагавшее посетителям "ИГРЫ", - вывеска была сделана из биофлюоресцентной пластмассы и слабо мерцала. Внутри Дейк заметил толпу местных бездельников, сгрудившихся вокруг бильярдного стола. Бесцельно, окутанный скукой словно облаком, он сунулся в дверь. И сразу увидел крошечный биплан с крыльями не длиннее пальца, охваченный ярко-оранжевым пламенем. Кувыркаясь в "штопоре", оставляя длинный хвост дыма, он падал на стол, а затем, коснувшись зеленого сукна стола, мгновенно исчез.

- Так его, Крошка! - взревел один из болельщиков. - Уделай этого сукина сына!

- Эй! - позвал Дейк.- Что происходит?

- Крошка защищает свой "Макс", - сказал, не отводя глаз от стола, ближайший болельщик - тощий, как жердь, в черной сетчатой кепке с надписью "Питербилт".

- Да? Ну и что? - но, спрашивая, Дейк уже знал ответ - голубой эмалированный мальтийский крест с круговой надписью "Pour le Merite".

"Голубой Макс" лежал на краю стола - прямо перед громадной, совершенно неподвижной тушей, втиснутой в хрупкое на вид кресло из хромированных трубок. Исполинская рубашка цвета хаки обтягивала могучий торс так плотно, что пуговицы, казалось, вот-вот с треском полетят в разные стороны. "Полицейский с Юга, - подумал Дейк, - вроде тех, на кого постоянно натыкаешься по дороге". Крошка был из той странной тяжеловесной породы людей, чьи тонкие ноги, казалось, принадлежат чужому телу. Если бы он встал, то его джинсы пятидесятого размера только со стальным ремнем удержали бы эти фунты расползшегося жира. Но это если бы он мог подняться Дейк увидел, что блестящее сооружение, на котором сидит Крошка, кресло-каталка, На лице этого человека сохранилось беспокойно-детское выражение; отталкивающе юные и даже красивые черты были похоронены в складках одутловатых щек и подбородка. Дейк смущенно отвел глаза. Боец с другого края бильярдного стола - тонкогубый, с густыми баками - непрерывно щурился и, гримасничая, как будто вымаргивал соринку из глаза...

- Тебе чего, деревня? - мужик в кепке повернулся и, сверкнув для начала медными браслетами, схватил Дейка за лацканы куртки. - Здесь не нужны болваны вроде тебя. - Он опять уставился на сражение.

Заключались обычные в таких случаях пари, делались ставки. Болельщики вытаскивали заначки - старые добрые рузвельтовские даймы и доллары с изображением статуи Свободы, некоторые, поосторожнее, выкладывали на стол антикварные бумажные купюры, заклеенные в пластик. Вдруг в дымке появилось ровно летящее трио крошечных красных самолетиков. "Фоккеры Д-VII". Комната мгновенно затихла. "Фоккеры" величественно совершили вираж под двухсотваттным электрическим солнцем.

Словно ниоткуда вынырнул голубой "спад". От скрытого дымным сумраком потолка отделились еще два. Болельщики возбужденно загалдели, один дико заржал. Строй красных аэропланов в беспорядке распался. Один "фоккер" нырнул прямо к зеленому сукну стола, но "спад" цепко висел у него "на хвосте". Красный "фоккер" носился возле самой поверхности

сумасшедшими зигзагами, но безуспешно - "спад" не отставал. Наконец "фоккер" ринулся вверх, противник бросился за ним, но не рассчитал, взял слишком круто и потерял скорость; высота была слишком маленькой, чтобы не упасть.

Кто-то получил кучу звонких серебряных монет.

"Фоккеры" получили преимущество. У одного из них "на хвосте" держались два "спада". Мимо аэропланчика пронеслась тончайшая цепочка трассирующих пуль. "Фоккер" скользнул вправо, сделал "иммельман", оказался позади одного из своих преследователей, тут же открыл огонь - и голубой биплан, кувыркаясь, пошел вниз.

- Так держать, Крошка! - болельщики возбужденно придвинулись прямо к столу. Дейк замер в восхищении. Он чувствовал, что рождается заново.

"Мелочная торговля Фрэнка" была на платном грузовом шоссе всего в двух милях от города, Дейк узнал это, когда, по своей любознательности, отстал от автобуса. Теперь он возвращался пешком мимо машин и бетонных ограждений. С грохотом проносились огромные восьмиосные грузовики с прицепами и обдавали его вихрем, грозящим разорвать в клочья. Придорожные магазинчики были устроены просто. Кругом не было ни души, и Дейк, не торопясь, стал потрошить лавочку.

Интересовавший его стеллаж с компьютерными играми находился между корейскими ковбойками и витриной с грязевыми щитками "Фазз Бастер". Над проволочным стеллажом в воздухе медленно кружилась парочка то ли дерущихся, то ли спаривающихся восточных дракончиков. Наконец Дейк увидел нужную упаковку с надписью "СПАДЫ И ФОККЕРЫ". Чтобы выудить ее, ему понадобилось три секунды. А чтобы отключить сигнализацию с помощью магнита, который фараоны из округа Колумбия даже не подумали конфисковать, - еще меньше.

Перед уходом Дейк прихватил пару программаторов и вспомогательное устройство дистанционного управления фирмы "Батанг", похожее на старинный слуховой аппарат.

В наобум выбранном доходном доме Дейк для начала подмазал управляющего. Он всегда так делал с тех пор, как оказался не в ладах с законом. Впрочем, обычно жильцами никто не интересовался, государство волновало только количество занятых помещений и внесенная арендная плата.

В отведенной ему комнатенке воняло мочой, а стены были сплошь исцарапаны лозунгами экстремистского анархического Фронта Освобождения. Дейк выгреб из угла хлам, сел, прислонившись к стене, и разорвал упаковку игры.

Там были: инструкция с диаграммами "мертвых петель",

"бочек" и "иммельманов", тюбик с проводящей пастой и список управляющих команд для компьютера. С одной стороны белой пластиковой дискеты была картинка с голубым бипланом, с другой - с красным. Дейк повертел ее в руках: "СПАДЫ И ФОККЕРЫ", "ФОККЕРЫ И СПАДЫ". Красное и голубое.

Дейк укрепил за ухом "Батанг", смазал поверхность индуктора пастой, подсоединил к программатору оптоволоконный провод, включил программатор в стенную розетку. Потом вставил в программатор дискету. Аппарат был дешевый, индонезийский, и при запуске программы в затылке неприятно зажужжало. Но когда все было сделано, в нескольких дюймах от лица беспокойно заметался небесно-голубой "спад". Он сверкал почти как настоящий. Подобно большинству тщательно проработанных музейных моделей, аэроплан обладал таинственной внутренней достоверностью, но удержать его в поле зрения можно было, лишь максимально концентрируясь. Как только внимание рассеивалось, настройка сбивалась, нарушалась передача образа, и крохотный биплан расплывался в туманное пятно.

Дейк тренировался, пока в "Батанге" не села батарейка, затем откинулся к стене и мгновенно уснул. Ему снилось, что он летит в безбрежно-голубом небе среди белых облаков, вдали от земных забот, недоступный превратностям судьбы.

Он проснулся от сильного запаха жареных лепешек с крилем - и его затрясло от голода. Денег больше не было. Впрочем, в доме наверняка жило много студентов. Кто-нибудь обязательно заинтересуется программатором. Дейк с надеждой направился в холл. Неподалеку он увидел дверь с транспарантом: "А ОТЛИЧНАЯ ЖЕ ВСЕЛЕННАЯ ПО СОСЕДСТВУ!" Ниже, поверх вдохновенного плаката "космической колонии", которую начали строить, когда он еще только родился, был наклеен постер звездной россыпью разноцветных пилюль - реклама какой-то фармацевтической компании. "ИДЕМ!" - приглашала надпись над завораживающим коллажом.

Он постучал. Дверь слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой, и в двухдюймовую щель выглянуло девичье лицо.

- Да?

- Вы, видно, думаете, что эта штука ворованная, - он перекладывал программатор с ладони на ладонь. - Наверное, потому, что она, этакая виртуальная вишенка, совсем новенькая, даже упаковка не распечатана. Послушайте. Я не стану спорить. Нет. Я просто хочу сказать, что она стоит вполовину дешевле, чем где-либо еще.

- Да ну? Неужели? Без дураков? - на губах девушки заиграла

странная улыбка. Она медленно протянула руку ладонью вверх. Прямо к его носу.

- Глянь-ка!

В ладони была дыра, черный туннель, уходящий вверх по руке. Два маленьких красных мерцающих огонька. Крысиные глазки! Они бросились к нему, по пути вырастая. Что-то серое мелькнуло и прыгнуло ему прямо в лицо.

Дейк в испуге закричал, пытаясь заслониться руками, поскользнулся и упал прямо на программатор.

Сжимая голову руками, он забился в судорогах - и во все стороны брызнули кремниевые осколки. Ему было больно, так больно...

- Ах, боже ты мой! - цепочка звякнула, и девушка воспарила над ним. Эй! Послушай, давай вставай! - она взмахнула голубым полотенцем. - Хватайся за него, я тебя подниму.

Дейк смотрел на нее сквозь пелену слез. Студентка. Взгляд этакой зануды, не по размеру большой свитер, зубы такие ровные и белые, что могли бы служить вместо справки о кредите. Тонкая золотая цепочка на одной из лодыжек, покрытой (он увидел) по-детски мягкими волосками. Изысканная японская стрижка. Да, тут водились деньжата.

- Эта штуковина могла стать моим обедом, - удрученно сказал Дейк. Он схватился за полотенце, и девушка помогла ему подняться.

Она улыбнулась ему, но настороженно отодвинулась.

- Разреши мне исправиться. Хочешь есть? Это же был учебный проект, только и всего. Понял?

Напряженно, словно зверь, входящий в клетку, Дейк последовал за ней.

- Ни хрена себе! - восхищенно произнес Дейк. - Это же натуральный сыр...

Он сидел на продавленном диване, втиснувшись между четырехфутовым плюшевым медведем и кучей дискет. Комната была по щиколотку завалена книгами, одеждой и бумагами. А еда, над которой колдовала девушка, явилась прямо из "Тысячи и одной ночи" - сыр "Гауда", консервированная говядина, и - честное слово! - потрясающе вкусные вафли из настоящей пшеницы.

- Ну как, - спросила она, - мы можем угодить рабочему парню?

Ее звали Нэнси Беттендорф. Ей было семнадцать. Ее предки - жадные пердуны - вкалывали день и ночь, чтобы она, единственная цель всех усилий Уильяма и Мэри, ни в чем не нуждалась. Она училась на инженера в колледже, по всем

предметам на "отлично", кроме английского.

- У тебя, наверное, пунктик такой - крысы? Нечто вроде фобии? спросила Нэнси.

Дейк мельком взглянул на кровать - очень-очень низкую, едва возвышавшуюся над полом.

- Да нет, в общем-то. Это кое-что мне напомнило, только и всего.

- Что напомнило? - она присела на корточки, свитер задрался, открывая гладкое матовое бедро.

- Ну... ты когда-нибудь видела... - голос его невольно повысился, он комкал концы фраз, - памятник Вашингтону? Ночью? Там наверху есть два маленьких... красных огонька... вроде авиационных маяков, и я... и я... неожиданно его затрясло.

- Ты боишься памятника Вашингтону?

Нэнси взвизгнула, повалилась на спину и залилась хохотом, дрыгая длинными загорелыми ногами. На ней были малиновые трусики.

- Я лучше умру, чем еще раз на него посмотрю, - медленно произнес Дейк.

Нэнси перестала смеяться, села и принялась изучать его лицо. Она побледнела и стала напряженно покусывать нижнюю губу. Похоже, она выкопала что-то такое, о чем думать не хотела. Наконец Нэнси отважилась на вопрос:

- Ты закодирован?

- Да, - горько сказал Дейк. - Они сказали, я никогда не смогу вернуться в округ Колумбия. И еще эти сволочи смеялись...

- За что они тебя?

- Я вор. - Он не стал уточнять, что специализировался на магазинных кражах.

- Куча старых компьютерщиков угробила жизнь на программирование машин. И знаешь? Оказалось, человеческий мозг ничем не похож на эти чертовы машины. Его нельзя так же программировать.

По сотням холодных и пустых ночей, проведенных в незнакомых компаниях, Дейк знал этот безумный истерический треп, бесконечную болтовню, которую одиночество навязывает своему редкому слушателю. Нэнси несло, а Дейк, зевая и поклевывая носом, гадал, сможет ли он не уснуть сразу, когда, в конце концов, они окажутся на ее кровати.

- Я сама сделала эту игрушку, которая так тебя испугала, - сказала девушка, подтягивая колени к подбородку. - Это для простаков. Она как раз оказалась со мной, и я сунула ее тебе под нос. Мне стало так смешно, когда ты старался всучить мне этот фиговый индонезийский программатор. - Она наклонилась и

опять вытянула руку. - Смотри.

Дейк инстинктивно съежился.

- Да нет, это не страшно! Ей-богу, это совсем другое! - она раскрыла ладонь.

На ладони переливался совершенный, идеальной формы, цветок голубого пламени.

- Взгляни на это, - восхищалась девушка. - Ты только взгляни. Я сама его запрограммировала. Это не какой-нибудь пустячок, использующий семь образов. Программа длится два часа, семь тысяч двести секунд, и за этот период ни один образ не повторяется дважды, каждое мгновение индивидуально, как снежинка!

В глубине пламени сверкал прозрачный кристалл. Его грани вспыхивали, плыли, пропадали, переходя в яркие, режущие глаза образы. Дейк недовольно поморщился. По большей части люди. Хорошенькие голенькие человечки, занимающиеся любовью.

- Черт подери, как ты это сделала?

Девушка встала, переступая босыми ногами между кип глянцевых журналов, подошла к грубой фанерной полке и картинным жестом смела оттуда кипу распечаток. Дейк увидел ряд аккуратных маленьких консолей, выглядевших очень дорого. Штучная работа, спецзаказ!

- У меня здесь собрано неплохое оборудование. Визуализатор образов. Модуль быстрой очистки памяти. А это анализатор, полностью имитирующий человеческий мозг. - Нэнси выпевала сложные названия, как литанию. Квантовый импульсный стабилизатор. Коммутатор программ. Генератор образов...

- И тебе нужно все это, чтобы сделать одно маленькое пламя?

- А как же! Все это - самый совершенный комплекс для ветвэр-программирования. Он на несколько лет опережает все, что ты когда-нибудь видел.

- Эй, - сказал Дейк. - А знаешь ли ты что-нибудь о "Спадах и фоккерах"?

Она засмеялась. Он понял, что время подходящее, и взял ее за руку.

- Не прикасайся ко мне, твою мать, никогда меня не трогай! неожиданно закричала Нэнси и так сильно откинулась назад, что ударилась головой о стену. Она была бледна и тряслась от ужаса.

- О'кей! - Он поднял руки вверх. - О'кей! Я к тебе не подхожу. Теперь все в порядке?

Нэнси снова от него шарахнулась. Из округленных немигающих глаз по бледным щекам потекли слезы. Наконец она покачала головой:

- Эй, Дейк! Извини! Мне надо было тебе сразу сказать.

- Что? - у него появилось смутное чувство... он догадывался. Она так обхватывала голову. Судорожно сжимала и разжимала ладони... - Ты тоже закодирована?

- Да. - Она закрыла глаза. - Замок девственности. Эти жопы - мои предки - заплатили и за это. Теперь я не выношу, когда кто-нибудь прикасается ко мне или даже подходит слишком близко. - Она открыла глаза: в них пылала слепая ненависть. - Я даже ничего не делала. Ничего такого. Но они так вкалывают, так мечтают, чтобы я сделала карьеру в деле, в котором они ни черта не смыслят. Они, видите ли, боятся, что секс и наркотики отвлекут меня от учебы. Но в тот самый день, когда закончится кодирование, я трахнусь с самым грязным, вонючим, лохматым...

Девушка опять судорожно обхватила руками голову. Дейк бросился к аптечке. Там он нашел банку с витамином В, прикарманил гореть, а две таблетки и стакан воды принес Нэнси.

- На. - Дейк старался сохранять дистанцию. - Это тебе поможет.

- Да, да, - ответила она. Затем едва слышно добавила: - Ты, конечно, считаешь меня дурочкой.

Игровой зал на автобусной станции "Грейхаунд" был почти пуст. Одинокий четырнадцатилетний подросток, открыв рот, склонился над консолью, маневрируя радужными флотилиями подводных лодок в сумрачных глубинах Северной Атлантики.

Неторопливо вошел Дейк и прислонился к зеленой кафельной стене. Он был одет соответственно моменту: отмыл краску от своей робы, раздобыл в благотворительной конторе джинсы и футболку и позаимствовал в раздевалке при сауне пару крепких башмаков.

- Не видел Крошку, приятель?

Подводные лодки метались, как неоновые гуппи.

- Смотря кто его спрашивает.

Дейк коснулся "Батанга" за левым ухом. Прямо над консолью скользнул быстрый и изящный, как стрекоза, "спад". Самолетик был прекрасен: такой совершенный, такой реальный, что комната казалась иллюзией. Дейк приподнял аэроплан и провел его в миллиметре от стекла.

Парень даже бровью не повел.

- Он в "Джекмане", - сказал он. - Это на Ричмондском шоссе, над "излишками".

Дейк позволил "спаду" растаять прямо во время набора высоты.

"Джекман" занимал почти весь третий этаж старого кирпичного дома. Сначала Дейк нашел "Дешевую распродажу армейских излишков", а затем побитую неоновую вывеску над

неосвещенным коридором. Тротуар перед фасадом заполняли излишки совсем иного рода - изувеченные ветераны. Некоторые воевали еще в Индокитае. Старики, потерявшие глаза под азиатским солнцем, сидели бок о бок с трясущимися мальчишками, которые нанюхались микотоксинов в Чили. Дейк почувствовал сильное облегчение, когда за ним мягко закрылись двери лифта.

Пыльные часы "Доктор Пеппер" в дальнем конце длинной призрачной комнаты показывали четверть восьмого. "Джекман", подернутый желтоватым налетом никотина, пропитанный запахами политуры и бриолина, оставался таким же, как и за двадцать лет до рождения Дейка. Прямо под часами висела любительская фотография - с нее смотрели тусклые глаза оленя, подстреленного чьим-то дедушкой. Раздавались удары, стук бильярдных шаров и шарканье ботинок по линолеуму - это кто-то из игроков наклонялся для удара. Откуда-то сверху, из-за зеленых абажуров, на тонкой нити, усеянной бумажными рождественскими колокольчиками, свешивалась мертвая роза. Дейк оглядел захламленную комнату. Никакого визуализатора.

- Еще кого-то принесло, - раздался чей-то голос.

Дейк обернулся и встретился со спокойным взглядом лысого человека в стальных очках.

- Меня зовут Клайн. Бобби Граф. Ты не похож на любителя погонять шары, мистер.

Ни в позе, ни в голосе Бобби Графа не было ничего угрожающего. Он снял с носа очки и протер толстые линзы. Он напоминал продавца, который когда-то пытался научить Дейка пользоваться устаревшей биокомпьютерной установкой.

- Я играю на деньги, - улыбаясь, продолжал Бобби. У него были белые пластмассовые зубы. - Я знаю, что не очень-то похож.

- Я ищу Крошку, - сказал Дейк,

- А-а, - Граф водрузил на нос очки. - Его здесь нет. Он отправился к себе, чтобы ему почистили гальюн. Но он все равно не стал бы с тобой летать.

- Почему?

- Да потому, что ты не из нашей компании, иначе я бы знал тебя в лицо. Кто-нибудь другой подойдет? - Дейк кивнул, и Бобби Граф крикнул кому-то в глубине зала: - Эй! Кларенс! Выноси визуализатор! К нам пришел летун.

Двадцать минут спустя, потеряв не только наличность, но и "Батанг", Дейк шагал мимо изувеченных солдат из "Дешевой распродажи".

- А теперь я скажу тебе кое-что, парень, - отечески произнес Бобби Граф, когда, обнимая Дейка за плечи, провожал его к

лифту. - Тебе не выиграть у настоящих ветеранов, слышишь? Я не особенно хорош всего-навсего старый морпех, побывавший в переделках пятнадцать, может, двадцать раз. А старина Крошка, он - пилот. Он всю службу провел в боях. У него водянка, ему по-настоящему плохо... И не старайся его победить.

Была прохладная ночь. Но Дейк пылал от гнева и унижения.

- Господи, примитив какой, - заметила Нэнси, когда "спад" обстрелял груды розового белья. Дейк закашлялся от злости и сорвал с головы ее шикарное устройство дистанционного управления фирмы "Браун".

- Так, может, ты разберешься и с моим делом, мисс богатая сучка, которая-собирается-получить-работенку...

- Послушай! Это не от тебя зависит: просто твоя игрушка - обычная штамповка. У тебя совершенно примитивная дискета. Может, на улице такой уровень и сойдет. Но по сравнению с моей работой - это тьфу. Давай я ее тебе перепишу.

- Что перепишешь?

- Твою программу. Эти дешевки пишут шестнадцатеричным кодом, потому что промышленные программисты - смирившиеся компьютерные неудачники. Они так думают. Дай мне дискету, я ее проанализирую, отредактирую, внесу изменения и переведу на современный язык. Уберу все лишние переходы. Это подгонит систему и уменьшит цикл вдвое. Поэтому ты сможешь летать быстрее и лучше. Я сделаю из тебя настоящего профессионала. Аса!

Нэнси схватила ведро и ударила в него, как в барабан. Расхохоталась, а потом закашлялась.

- Это можно? - не веря своим ушам, поинтересовался Дейк.

- Как, по-твоему, почему люди покупают устройства с золотыми контактами? Ради престижа? Черта с два! Высокая проводимость на несколько наносекунд ускоряет реакцию. Скорость реакции - вот правильное название игры, дружок!

- Нет, - упорствовал Дейк. - Если бы все было так просто, то у всех давно уже были бы такие фиговины. И у Крошки Монтгомери была бы. У него давно все самое лучшее.

- Ты будешь слушать? - Нэнси резко поставила помойное ведро, грязная вода выплеснулась на пол. - Оборудование, на котором я работаю, на три года обогнало все, что можно найти на улице.

- Не заливай, - сказал Дейк после длительной паузы. - Ты действительно можешь это сделать?

Новая программа отличалась от предыдущей, примерно, как "форд" двадцатых годов от девяносто третьего "лотоса". "Спад" повиновался, как во сне, слушаясь тончайших мозговых

импульсов. За несколько недель Дейк научился лихо выполнять фигуры высшего пилотажа. Он летал с местными подростками - и одиночными самолетами, и тройками, и каждый раз неизменно побеждал. Дейк испытывал судьбу. А аэропланы все кружились в воздухе...

Однажды, когда Дейк прятал очередной выигрыш, от стены отделился долговязый негр. Он поглядел на бумажки в руках Дейка и презрительно ухмыльнулся. Сверкнул рубиновый зуб.

- Знаешь, - сказал негр, - услышал я, что здесь завелся некий умник, который умеет летать, но забавляется с детишками...

- Господи, - произнес Дейк, намазывая масло на кусок хлеба из водорослей, - я пол вытер этими гавриками. А они тоже хорошие пилоты.

- Чудно-чудно, дорогуша, - пробормотала Нэнси. Она работала над дипломом и как раз вводила данные в машину.

- Знаешь, я думаю, что у меня настоящий талант на подобное дерьмо. Я имею в виду, программа действительно расширила мои возможности, но ведь я и сам парень не промах. Я и вправду здорово напрактиковался, понимаешь?

Машинальным движением Дейк включил радио. Наглой медью завыл диксиленд.

- Эй, - запротестовала Нэнси. - Ты соображаешь? Я же работаю.

- Да я только... - Он повертел ручку, и из приемника полилась какая-то медленная романтическая гадость. - Вот. Ну, вставай. Давай потанцуем.

- Ты же знаешь, я не могу...

- Конечно, можешь, солнышко.

Он бросил ей огромного плюшевого медведя, а сам подхватил с пола платье, пошитое из лоскутов. Зажал воротник под подбородком и взял платье за пояс и за рукав. Платье пахло пачули и - чуть-чуть - потом.

- Смотри. Я стою здесь - ты стоишь там. Мы танцуем. Идет?

Смущенно моргая, Нэнси встала и крепко прижала к себе медведя. А потом они медленно танцевали, глядя друг другу в глаза. Вскоре она заплакала. Но при этом улыбалась.

Дейк грезил наяву, воображая себя Крошкой Монтгомери, проводами связанным с истребителем вертикального взлета. Малейшие нервные импульсы передавались машине, рефлексы ускорились и изменились, а по сосудам растекался стимулятор.

Пол в комнате Нэнси стал джунглями, кровать - плато в Андском нагорье. Дейк форсировал скорость "спада", как будто это была начиненная электроникой боевая машина.

Компьютеризованное чудо управляется слабыми сигналами,

идущими от мощного усилителя, который связан с системой кровообращения пилота. Датчики вживлены прямо в голову - и, закладывая виражи в зелено-голубых небесах над тропическими лесами Боливии, Крошка будто чувствует воздушный поток, который обтекает управляющие плоскости истребителя.

Внизу сквозь джунгли продирается пехота. У солдат над локтем укреплены инъекторы - для того чтобы придать им в бою ярость обреченных, - жидкий ад в голубом пластмассовом пузырьке. Вероятно, за десять минут они получили недельную дозу "дряни". Полет над самыми верхушками деревьев требует неимоверного нервного напряжения, зато наземные войска могут подстрелить тебя только прямо над собой. Но тогда уже поздно, сбрасываются фосгеновые бомбы, и самолет улетает еще до того, как его успевают взять на мушку... конечно, поэтому требуется постоянный приток стимулятора в организм. Да и прямой нейронный интерфейс с самолетом работает в обе стороны. Не только вы управляете самолетом, но и бортовые компьютеры вмешиваются в биохимические процессы, отслеживая, когда необходимо включить человеческий компонент в убийственное напряжение боя.

А такие дозы проедают в тебе дыры. Медленно, непрерывно... наверняка... Гравируют извилины мозга, стирая межклеточные мембраны. И если тебя вовремя не сдернут с небес, то кончишь разжижением мозгов. Только вот реакции останутся слишком быстрыми, чтобы тело могло с ними управляться, а рефлекс "стреляй-беги" вбит в тебя слишком прочно...

- Эй, работяга, мне повезло!

- А? Что? - Дейк вздрогнул.

Громко хлопнув дверью, вошла Нэнси и швырнула сумку на ближайшую кучу.

- Мой проект. Меня освободили от экзаменов. Проф сказал, что никогда не видел ничего подобного. Ох, убери яркость, а? Эти краски глаза режут.

Дейк подчинился.

- Ну, покажи. Продемонстрируй свое творение.

- Ладно. - Девушка взяла у него "Браун", освободила место на кровати и приготовилась. Внутри голубого пламени, спокойно мерцавшего на ее ладони, вспыхнула яркая искра и выросла в змейку с треугольной головой и беспрерывно высовывающимся язычком. Змейка серебристой молнией метнулась по руке, обвилась вокруг шеи, переливаясь красным и оранжевым, а затем заскользила между грудей.

- Я назвала ее "огненная змейка", - гордо сказала Нэнси. Дейк приблизился, она отпрянула.

- Извини. Она вроде твоего пламени, да? То есть она тоже из крошечных человечков?

- Вроде того. - "Огненная змейка" перетекла на живот. - В следующем месяце я собираюсь свести в единую программу двести подпрограмм типа пламени. Потом я сделаю их самофокусирующимися. Поэтому они смогут крутиться вокруг тебя сами по себе. С ними можно будет справиться даже в танце.

- Может, я болван, но если ты еще не сделала работу, как я могу ее видеть?

Нэнси захихикала:

- Это лучшая часть - полработы еще не готово. У меня не было времени собрать куски в одну программу. Включи радио, а? Я хочу потанцевать.

Она сбросила туфли. Дейк врубил какую-то попсу. Нэнси запротестовала, и он убавил громкость почти до шепота.

- Я раздобыла две дозы "дряни". Смотри. - Она вскочила на кровать и сплела руки, как балийская танцовщица. - Ты когда-нибудь это пробовал? Невероятно! Дает ощущение полной концентрации. Смотри. - Она встала на пуанты. - Никогда раньше такого не делала!

- "Дрянь", - произнес Дейк. - Последний человек, от которого я слышал это слово, провел три года в пехоте. Где ты ее взяла?

- Помогала одной ветеранше из выпускного класса. Но ее вытурили в прошлом месяце. Это активизировало мое воображение. Я могу с закрытыми глазами представить проект во всех деталях. И полностью достроить программу в голове.

- На двух дозах, да?

- На одной. Другую я берегу. На профа это произвело такое впечатление, что он хочет организовать мне собеседование с работодателем. Через две недели в колледж приедет представитель "ИГ Фойхтварен". И этот друг собирается запродать ему программу вместе со мной Я, таким образом, закончу колледж на два года раньше, сразу получу работу, не буду ходить в эту тюрьму и сэкономлю двести долларов.

Змейка свернулась на ее голове в огненную корону. У Дейка появилось предчувствие, что он теряет Нэнси.

- Я ведьма, - распевала Нэнси,- ведьма программирования.

Она стянула рубашку через голову и откинула прочь. Красивая высокая грудь двигалась вольно и изящно.

- Я пойду-у-у... - теперь она распевала очередной хит, - к верши-и-не!

Соски были маленькие, розовые и твердые. Огненная змейка касалась их и отползала в сторону.

- Эй, Нэнси, - смущенно сказал Дейк. - Поостынь-ка, а?

- У меня праздник! - она сунула большой палец в блестящие золотые трусики. Огонь завертелся вокруг руки.

- Я богиня-девственница, у меня си-и-ила! - снова запела она.

Дейк отвернулся.

- Я домой,- смущенно пробормотал он. Домой и сваливать, да побыстрее. Он гадал, где она могла спрятать вторую дозу.

Да где угодно.

В их компании существовали свои церемониальные правила - точь-в-точь как при дворе китайского императора, - и своя система иерархии. Неважно, что Дейк стал крутым, что слава его разнеслась как пожар. Одного лишь звания летуна не хватало, чтобы сразиться с тем, с кем он хотел. Ему было необходимо постепенно поднимать свой рейтинг. Но если летать каждый вечер, если летать со всеми подряд. И если летать хорошо... можно быстро достичь успеха.

У Дейка был перевес в один самолет. Обычный турнирный бой, трое на трое. Зрителей было немного, может, дюжина, но бой был хорош, и зрители шумели. Дейком овладело маниакальное спокойствие бойца - и вдруг он понял, что в зале наступила тишина. Он заметил, что болельщики засуетились и стали перемигиваться. Они смотрели не на него. Дейк хладнокровно разделался со вторым аэропланом противника, а затем рискнул быстро взглянуть через плечо.

В "Джекмане" появился Крошка Монтгомери. Каталка, направлявшаяся слабыми движениями почти парализованной руки, прошуршала по бурому линолеуму. Лицо Крошки оставалось строгим, невозмутимым, спокойным. В этот момент Дейк потерял два аэроплана. Один по рассеянности - как только ослабло внимание, аэроплан мгновенно расплылся в мутное пятно и визуализатор его потерял, а второй потому, что его противник был настоящим бойцом. Чтобы погасить скорость и уйти в сторону, парень сделал "бочку" и, когда преследовавший самолет пронесся мимо, расстрелял вражеский биплан. Самолет упал, объятый пламенем. Оставшиеся два аэроплана начали терять высоту и скорость. Стараясь занять выгодную позицию, они начали выделывать фигуры высшего пилотажа.

Болельщики расступились, и Крошка подъехал к столу. За коляской притащился долговязый Бобби Граф Клайн. Дейк и его противник, обменявшись быстрыми взглядами, увели самолеты подальше, чтобы выслушать Крошку. Тот улыбался. Его маленькие глазки, нос и рот теснились посреди бледного рыхлого лица. Палец слабо постукивал по хромированному подлокотнику.

- Я слышал о тебе. - Он смотрел прямо на Дейка. У него был нежный и потрясающе приятный голос маленькой девочки. - Я

слышал, ты хороший боец.

Дейк медленно кивнул. С лица Крошки исчезла улыбка. Его мягкие пухлые губы сложились в трубочку, будто ожидали поцелуя. Маленькие яркие глазки беззлобно изучали Дейка.

- Что ж, давай посмотрим, что ты умеешь.

Дейк отдался холодному духу войны. А когда враг, охваченный огнем и дымом, взорвался над столом и исчез, Крошка безмолвно развернулся, вкатил кресло в лифт и уехал.

Когда Дейк собирал свой выигрыш, к нему подошел Бобби Граф и сказал:

- Он хочет с тобой сыграть.

- Да? - среди местных летунов Дейка еще не считали настолько хорошим пилотом, чтобы сражаться с Крошкой. - Что за треп?

- Завтра с Крошкой должен был сразиться человек из Атланты, но он не приехал. А старина Крошка хочет сыграть с кем-нибудь новеньким. Получается, что тебе завтра предстоит побороться за "Макс".

- Завтра? В среду? Даже времени мне на подготовку не дает!

Бобби Граф снисходительно улыбнулся:

- Не думаю, что есть какая-то разница.

- Как так, мистер Граф?

- Парень, ты просто не сечешь. Слышишь? Ты же ничего нового не выкинешь. Ты летаешь как новичок, только быстрее и глаже. Догадываешься, что я хочу сказать?

- Правду сказать, не очень. Вы хотите на этом подзаработать?

- Точно, - сказал Клайн. - Надеюсь.

Он вытащил из кармана черную записную книжечку и послюнявил карандаш.

- Даю тебе пять к одному. Все равно никто не даст тебе больше.

Он смотрел на Дейка почти с жалостью.

- А Крошка, он по природе лучше, чем ты, а против природы не попрешь, мальчик. Крошка живет только благодаря этой чертовой игре. Он же не может встать с этой проклятой каталки. И если ты думаешь, что можешь победить человека, борющегося за жизнь, - ты лжешь самому себе.

"Портрет полковника" работы Нормана Рокуэлла бесстрастно взирал на Дейка из "Кентукки Фреда" с противоположной стороны улицы. Дейк сидел в кафе и трясущимися холодными руками держал чашку. Голова гудела от усталости. "Клайн прав, - сказал он полковнику, - я могу сразиться с Крошкой, но не смогу выиграть". Полковник смотрел спокойно, ровно и не особенно добродушно, охватывая взглядом и кафе, и "Дешевую

распродажу", и все это засранное королевство Ричмондского шоссе. Полковник ждал, когда Дейк примирится с ужасной вещью, которую вынужден будет сделать.

- Все равно эта сучка меня бросит, - громко произнес Дейк. Чернокожая продавщица кинула на него веселый взгляд и отвернулась.

- Звонил папочка! - Нэнси, танцуя, вошла в комнату и захлопнула за собой дверь. - Знаешь что? Он сказал, что, если я получу работу и проработаю полгода, меня раскодируют. Представляешь, Дейк? - Она запнулась. - Ты чего?

Дейк встал. Теперь, когда настал нужный момент, он чувствовал, что все вокруг нереально, как на киноэкране.

- Как это вышло, что ты не пришел вчера домой? - спросила Нэнси.

Кожа на его лице натянулась неестественно, как пергаментная маска.

- Где ты заначила "дрянь", Нэнси? Она мне нужна.

- Дейк, - она искательно улыбнулась, но улыбка мгновенно исчезла. Дейк, это мое. Моя доза. Мне надо. Для собеседования.

Он презрительно улыбнулся:

- У тебя есть деньги. Еще надыбаешь.

- Не к пятнице! Слушай, Дейк, это, правда, важно. Моя жизнь зависит от этого собеседования. Мне страшно нужна "дрянь". Это все, что я смогла достать!

- Детка, это блядский мир, в котором ты живешь! Взгляни вокруг: шесть унций светлого ливанского хаша! Консервированные анчоусы. А если приперло полная медицинская страховка. - Она пятилась от него, спотыкаясь о неподвижные волны грязного белья и мятых журналов, которые вздымались в футе от кровати. - А я всего этого и в глаза не видел. Мне всегда не хватало злости, чтобы жить среди вас. А на этот раз все будет по-моему. Через два часа игра, и я его по стенке размажу.

Дейк вгонял себя в ярость. Это было хорошо. Ему нужна была ярость.

Нэнси выбросила руку ладонью вперед, но Дейк был готов к этому - он отбил ладонь, стараясь даже мельком не глянуть в темный туннель с маленькими красными глазками. Они оба упали, Дейк оказался над девушкой. Он чувствовал на лице горячее торопливое дыхание.

- Дейк! Дейк! Мне очень нужно! Дейк!.. Мое собеседование... это только... я должна... должна... - она отвернулась и заплакала в стенку. Пожалуйста... Господи, пожалуйста... не надо...

- Куда ты ее спрятала?

Прижатая к кровати его телом, Нэнси забилась в судороге. Все ее тело тряслось от боли и страха.

- Где она?

Ее обескровленное лицо стало серой плотью трупа, в глазах застыл ужас. Губы тряслись в безумном страхе. Он преступил грань, слишком поздно отступать. Дейк чувствовал отвращение и тошноту, тем более что на неожиданном и нежеланном уровне все это ему нравилось.

- Где она, Нэнси? - и он медленно, очень нежно, стал гладить ее лицо.

Палец Дейка взметнулся стремительно, как оса, и изящной бабочкой опустился на кнопку лифта в "Джекмане". Дейка переполняла упругая энергия, и эта энергия была под контролем. В лифте он стянул темные очки и порадовался своему отражению в захватанной хромированной поверхности. Зрачки стали, как булавочные уколы, почти невидимыми, но мир оставался неоново-ярким.

Крошка уже ждал. Он увидел радужки Дейка, преувеличенное спокойствие движений, безуспешные попытки подражать трезвой неуклюжести. Губы инвалида сложились в сладкую улыбочку.

- Ну, - сказал Крошка своим девчоночьим голосом, - похоже, меня ждет угощенье.

"Макс" висел на одной из трубок кресла. Дейк занял свое место и поклонился - чуть-чуть насмешливо.

- Полетели!

Как претендент, он защищался. Дейк материализовал аэропланы на безопасной высоте: достаточно высоко, чтобы спикировать, и достаточно низко, чтобы спастись от атак Крошки. Он выжидал.

Его окружила толпа. Толстяк с набриолиненными волосами уставился на него с испугом, работяга с ввалившимися глазами пытался улыбнуться. Шепот усиливался. Заторможенный взгляд медленно скользил по головам зрителей. Примерно три наносекунды, чтобы определить источник атаки. Дейк вскинул голову и...

Сукин сын! Дейк ослеп. "Фоккеры" пикировали прямо от двухсотваттной лампы. Крошка обвел его вокруг пальца, заставив глядеть прямо на нее. В глазах побелело. Дейк зажмурился, сдерживая хлынувшие слезы, и неистово продолжал бой. Он разделил свое звено, развернув два биплана направо, а один налево. Все аэропланы резко завалились на крыло, но выровнялись. Дейку приходилось уворачиваться наугад - он не знал, где находятся боевые птицы врага.

Крошка захихикал, Дейк слышал его сквозь шум толпы.

Синкопы одобрений, проклятий, звона монет, казалось, вздымались волнами независимо от приливов и отливов дуэли.

Спустя мгновение к нему вернулось зрение, но объятый пламенем "спад" падал. Два "фоккера" преследовали один из уцелевших аэропланов, а третий гнался за другим. Всего три секунды боя, а он уже потерял один самолет.

Уворачиваясь от игольчатых трассеров, Дейк вогнал один аэроплан в мертвую петлю, а другой направил к слепому пятну между Крошкой и лампой.

Лицо Крошки стало бесстрастным. Легкая тень разочарования, даже презрения, растворилась в напряженном спокойствии. Он неторопливо вел самолеты, выжидая, когда Дейк развернется.

"Спад" Дейка вынырнул из слепого пятна и кинулся в атаку; отстреливаясь, "фоккеры" бросились в отчаянные виражи и закрутились, пытаясь восстановить позиции.

"Спад" спикировал на третий "фоккер" и вытолкнул его под огонь другого аэроплана Дейка. Пламя лизнуло крылья и пурпурный фюзеляж. Ничего не случилось, и на какое-то мгновение Дейк даже подумал, что промахнулся. Но маленькая красная стрекоза крутанулась влево и, оставляя черный хвост жирного дыма, пошла вниз.

Крошка нахмурился, вокруг его рта появились чуть заметные морщинки неудовольствия. Дейк улыбнулся. Он сбил самолет, несмотря на превосходящие силы Крошки.

Но у "спадов" "на хвосте" висели противники, Дейк развел свои аэропланы по разные стороны стола и развернул. Он направил их навстречу друг другу, нейтрализуя Крошкино преимущество... но никто не мог стрелять, не рискуя собственными самолетами. Направляя машины нос к носу, Дейк разогнал их до предела.

За миг до катастрофы он послал аэропланы один выше другого, уворачиваясь и одновременно открывая по "фоккерам" огонь. Но Крошка был готов к маневру. Воздух наполнили трассы очередей, Два аэроплана - голубой и красный - свободно разлетелись в разные стороны. Позади них высоко в воздухе сплелись два других. Они столкнулись крыльями, завертелись и почти отвесно упали на зеленый войлок.

Десять секунд и четыре сбитых самолета. Негр-ветеран поджал губы и тихонько присвистнул. Кто-то с недоверием покачал головой.

Крошка, выпрямившись и чуть подавшись вперед, сидел в кресле-каталке напряженный немигающий взгляд, дряблые руки слабо ухватились за поручни. Для него не существовало больше

это забавляющееся и безразличное дерьмо, его внимание приковала к себе игра. Болельщики, стол, даже "Джекман" - для него это не существовало. Бобби Граф положил Крошке руку на плечо, но тот не заметил. Аэропланы разошлись в противоположные стороны и упорно набирали высоту. Дейк прижимал свою машину к потолку, почти неразличимому в туманной дымке. Он быстро глянул на Крошку. Их взгляды встретились. Холод против холода.

- Покажи, на что ты способен,- процедил Дейк сквозь зубы.

Самолеты бросились в атаку одновременно.

Действие наркотика ослабло, и Дейк увидел рассекающие воздух трассеры вражеского самолета. Надо было вывести "спад" на линию огня, дать очередь, сразу же развернуться и сделать вираж, чтобы уклониться от огня "фоккера". Крошка так разошелся, что, уклоняясь от выстрелов Дейка, едва не задел шасси "спада".

Галлюцинации начались, когда Дейк вел свой "спад" в очень рискованном вираже. Зеленый войлок стола задрожал, завертелся - и стал зеленым адом боливийской сельвы, над которой воевал Крошка. Стены отступили в серую бесконечность, он почувствовал сомкнувшуюся вокруг тесную металлическую скорлупу истребителя.

Но Дейк все это предвидел. Он ждал галлюцинаций и знал, что с ними нужно делать. Военные никогда не пропустят наркотик, лишающий боеспособности. "Спад" и "фоккер" разворачивались для следующей атаки. Дейк читал в лице Крошки Монтгомери напряжение - эхо давних сражений в высоком небе над джунглями. Они одновременно повели самолеты, чувствуя динамические перегрузки корпуса, что передавались сенсорами прямо в затылочную часть мозга, адреналиновый инъектор, прикрепленный над локтем, холодную, быструю свободу воздушного потока вокруг плоскостей истребителей, пахнущих горячим металлом, потом и страхом. Мимо лица Дейка пронеслись трассеры, он отпрянул, глядя, как его "спад" взмыл свечкой, едва не столкнувшись с "фоккером". Болельщики взбесились, они махали шапками и топали ногами как одержимые. Дейк снова поймал взгляд Крошки.

Он почувствовал, как на него накатывает подлая волна. И хотя каждый нерв был натянут, как усики из кристаллического углерода, которые не давали истребителю развалиться на части в суперменских виражах над Андами, он выдал небрежную улыбку и подмигнул, чуть дернув головой в сторону, будто говоря: "Глянь-ка сюда".

Крошка отвел глаза.

Он отвлекся всего на долю секунды, но этого хватило. На пределе теоретического допуска Дейк совершил такой короткий и стремительный "иммельман", который вряд ли видели окрестные пилоты, и повис у Крошки на хвосте.

Посмотрим, как ты выпутаешься, простофиля.

Крошка рванул аэроплан вниз, прямо к зелени, но Дейк от него не отставал. Он не торопился открывать огонь. Он мог прикончить Крошку везде, где вздумается.

Погоня. Точно такая же, как в бою. Погоня пугала, хотя, возможно, и была веселым и захватывающим занятием. Аэропланы снизились над войлоком, как над верхушками деревьев. "Разобьемся", - подумал Дейк и сбавил скорость. Краем глаза он заметил Бобби Клайна, забавное выражение его лица. Умоляющее. Спокойствие Крошки было сломлено. Его дергающееся лицо было искажено мучением.

Теперь Крошка запаниковал и направил самолет в толпу. Бипланы петляли и вились среди болельщиков. Одни невольно отшатывались, а другие со смехом прихлопывали их ладонями. В глазах Крошки отражался безумный ужас, говорящий о преисподней страха и безысходности, двух лезвиях, бесконечно распиливающих друг друга...

Страх в полете был смертью, безысходность - заключением в металл, сначала в кабине самолета, а потом в инвалидном кресле. По лицу Крошки Дейк читал, что бой - единственное, что еще у него оставалось, но он уже использовал все свои шансы. С тех пор как какой-то безымянный герильеро с древней ракетной установкой на плече сбросил его с сине-зеленого боливийского неба прямо на Ричмондское шоссе, в "Джекман", к мальчишке-убийце, улыбающемуся над вытертым сукном - и эта улыбка будет последним видением в его жизни.

Дейк привстал на цыпочки. На его лице сияла улыбка в миллион долларов. Эта улыбка была торговой маркой наркотика, который сжег Крошку еще до того, как кто-нибудь побеспокоился бы превратить его в горячее месиво из металла и изувеченной плоти. Все сошлось. Дейк увидел, что полет был всем, что держало Крошку. Ежедневно касаниями пальцев он боролся со смертью, восставал из металлического гроба... снова живым... Крошка избегал гибели только силой воли. Сломай эту волю - смерть выльется и затопит его. Калека страстно желал наклониться и вырваться из своего круга...

И Дейк довел это желание до конца...

Когда последний аэроплан Крошки исчез во вспышке света, наступила оглушительная тишина.

- Я выиграл, - прошептал Дейк. И громче: - Сукин сын! Я

выиграл!

С другой стороны стола в своем кресле извивался Крошка: руки судорожно хватали воздух, голова свесилась на плечо. Из-за его спины на Дейка горящими углями глаз смотрел Бобби Граф.

Рефери сорвал "Макс" и обернул его лентой кучу бумажек. Без предупреждения бросил пачку в лицо Дейку. Тот легко и небрежно поймал ее на лету.

Мгновение казалось, что Клайн бросится на Дейка, прямо через стол. Его остановило подергивание за рукав.

- Бобби Граф,- прерывисто от унижения прошептал Крошка, - увези меня... отсюда...

Зло задыхаясь, Клайн развернул друга и покатил из зала... во тьму...

Дейк откинул голову и засмеялся. Ей-богу, он отлично себя чувствовал! Холодный "Макс" приятно оттягивал карман рубашки. Деньги он сунул в джинсы. Он готов был прыгать от счастья. Радость вырывалась из него, как прекрасный и сильный зверь, которого он видел как-то раз из окна автобуса. Из-за этого на мгновенье показалось, что боль и страдания, через которые он прошел, стоили последней победы.

Но "Джекман" затих. Никто не аплодировал. Никто не окружал, чтобы поздравить его с победой. Дейк умолк и настороженно повел глазами: вокруг были одни враждебные лица. Никто из болельщиков не был на его стороне. Они излучали презрение, даже ненависть. Бесконечно долгий миг воздух дрожал от возможного насилия... затем кто-то отвернулся, откашлялся и сплюнул на пол. Толпа распалась. Переговариваясь, один за другим, они растворились в темноте.

Дейк не шевелился. На ноге стала дергаться мышца - предвестник "ломки". Онемела макушка, во рту появился мерзкий привкус. На секунду Дейк обеими руками вцепился в стол, чтобы не упасть навеки вниз, в живую тень, копошащуюся под ним, когда его насквозь пронзил мертвый взгляд оленя с фотографии под часами.

Немножко адреналина - это его вытащит. Ему нужен праздник. Напиться до бесчувствия и рассказывать друзьям о своей победе, противоречить самому себе, выдумывать подробности, смеяться и хвастать. Такая звездная ночь, как эта, требовала долгой беседы.

Но, стоя среди безмолвия и безбрежной пустоты "Джекмана", Дейк вдруг осознал, что не осталось никого, кому он мог бы все это рассказать.

Совсем никого.

Сожжение Хром

Той ночью, когда мы сожгли Хром, стояла жара. Снаружи, на улицах и площадях, было светло как днем, вьющиеся вокруг неоновых ламп мотыльки бились насмерть об их горячие стекла. А на чердаке у Бобби царил полумрак, светился лишь экран монитора да зеленые и красные индикаторы на панели матричного симулятора. Каждый чип в симуляторе Бобби я чувствую сердцем: с виду это самый обыкновенный «Оно-Сендай VII», а попросту «Киберспейс-семерка», но я столько раз его переделывал, что вам пришлось бы порядочно попотеть, чтобы найти хоть каплю фабричной работы во всей этой груде кремния.

Мы сидели перед панелью симулятора и ждали, наблюдая, как в нижнем левом углу экрана таймер отсчитывает секунды.

— Давай, — выдохнул я, когда подошло время. Но Бобби был уже наготове, он весь подался вперед, чтобы резким движением ладони ввести русскую программу в паз. Он проделал это легко и изящно, с уверенностью мальчишки, загоняющего в игровой автомат монеты, который знает — победа будет за ним и бесплатная игра обеспечена.

В глазах закипела серебряная струя фосфенов и, словно трехмерная шахматная доска, в голове у меня стала разворачиваться матрица бесконечная и абсолютно прозрачная. Когда мы вошли в сеть, русская программа как будто слегка подпрыгнула. Если бы кто-то другой мог сейчас подключиться к этой части матрицы, он увидел бы, как из маленькой желтой пирамиды, представляющей наш компьютер, выкатился пенистый вал, сотканный из дрожащей тени. Программа была оружием-хамелеоном, она подстраивалась под локальные изменения цвета и тем самым прокладывала себе дорогу в любой встречающейся на ее пути среде.

— Поздравляю, — услышал я голос Бобби. — Только что мы стали служебным запросом по линии Ядерной Комиссии Восточного Побережья…

Если образно — мы, как пожарная машина с ревущей вовсю сиреной, неслись по волоконно-оптическим линиям-магистралям, пронизывающим кибернетическое пространство; а по сути — для нас, вошедших в компьютерную матрицу, открывался прямой путь к базе данных Хром. Я еще не мог разглядеть самой этой базы, но уже чувствовал, как замерли в ожидании стены, которые ее окружали. Стены из тени. Стены из льда.

Хром: кукольное лицо ребенка, гладкое, словно отлитое из стали, и глаза, которым место разве что на дне глубоководной Атлантической впадины, — серые холодные глаза, посаженные будто под страшным давлением.

Поговаривали, что всякому, кто перебегал ей дорогу, она в лучших средневековых традициях готовила смертельный отвар — отведавший его умирал не сразу, а лишь годы и годы спустя. Вообще, о Хром много чего болтали, и во всех этих рассказах приятного было мало.

Поэтому я погнал ее из сознания вон и представил перед собой Рикки.

Рикки, склонившуюся в луче дымного солнечного света, искаженного сеткой из стали и стекла, в выгоревшей защитной куртке военного образца, в розовых прозрачных сандалиях. Представил, как она изгибает обнаженную спину, когда роется в своей спортивной сумке из нейлона. Вот она поднимает глаза, и белокурый локон, падая, щекочет ей нос. Улыбаясь, она застегивает на пуговицы старую рубашку Бобби — землистый выцветший хлопок, едва прикрывающий ее грудь.

Она улыбается.

— Сукин сын, — пробормотал Бобби. — Мы только что сообщили Хром, что мы — ревизоры Службы Налоговой Инспекции, и выдали ей три повестки из Верховного Суда… Пускай подотрется, Джек…

«Прощай, Рикки. Быть может, больше мы никогда не увидимся».

И темнота, одна темнота в ледяной крепости Хром.

***

Он был ковбоем, мой Бобби, ковбоем, оседлавшим компьютер. Он не мыслил свою жизнь без игры, той опасной игры со льдом, которым Электронная Защита Против Вторжения укрывает источники информации. Матрица по сути абстрактное представление взаимоотношений различных информационных систем.

Для законного программиста, когда он подключается к сектору своего хозяина, информация корпорации представляется в виде сверкающих геометрических построений, которые его окружают.

Башни ее и поля, разбросанные в бесцветном псевдопространстве симуляционной матрицы — всего лишь электронная видимость, облегчающая процесс управления и обмен огромными объемами данных. Законным программистам

дела нет до тех стен из льда, позади которых они работают, стен тьмы, которые скрывают их операции от других — артистов индустриального шпионажа и деловых ребят вроде Бобби Квинна.

Бобби был ковбоем. Он был хакером, вором-взломщиком, потрошившим разветвленную электронную нервную систему человечества. Он присваивал информацию и кредиты в переполненной матрице, монохромном псевдопространстве, где, как редкие звезды во тьме, светились плотные сгустки данных, мерцали галактики корпораций и отсвечивали холодным блеском спирали военных систем.

Бобби был одним из тех потерявшихся во времени лиц, которых всегда застанешь за выпивкой в «Джентльмене-Неудачнике», популярном в городе баре, пристанище для электронных ковбоев, дельцов и прочих ребят, хоть каким-то боком связанных с кибернетикой.

Мы были партнерами.

Бобби Квинн и Автомат-Джек. Бобби — вечно в темных очках, худощавый, бледный красавчик, и Джек — зловещего вида парень, да еще в придачу и с нейроэлектрической рукой. Бобби — обеспечивает программу, Джек — «железо».

Бобби шлепает по консоли пульта, Джек устраивает все эти маленькие штучки, без которых не обскачешь других. Так или почти так услышали бы вы все это от зрителей в «Джентльмене-Неудачнике», если бы вам случилось туда заглянуть в ту пору, когда Бобби и не думал о Хром. Они бы не преминули добавить, что Бобби уже не тот, темпы падают и найдется кое-кто из ребят, за которыми ему не угнаться. Ему было уже двадцать восемь — для электронного ковбоя это почти что старость.

В своем деле мы были мастерами. Но почему-то по-настоящему большая удача — та, которая приходит лишь раз, — обходила нас стороной. Я знал, куда сунуться, чтобы достать нужное оборудование, и Бобби всегда был в ударе. Он мог сидеть, откинувшись, перед пультом — белая бархатная полоска пересекает лоб — и, пробивая себе дорогу сквозь самый крутейший лед, какой только бывает в бизнесе, выстреливать клавишами быстрее, чем мог уследить глаз. Но чтобы такое случилось, должно было произойти нечто, что только одно и могло заставить его выложиться на полную. А такое бывало не часто.

По совести говоря, мы с Бобби — ребята неприхотливые. Уплаченная вовремя рента, чистая рубашка на теле — большего мы от жизни не требовали. А что до высоких материй, то нам до них дела не было.

Лично для Бобби единственной в жизни картой, к которой он

относился всерьез, — была очередная любовь. Впрочем, на эту тему мы с ним не разговаривали никогда. И тем летом, когда наши дела, похоже, пошли на спад, он все чаще и чаще стал засиживаться в «Джентльмене-Неудачнике». Он мог часами сидеть за столиком неподалеку от раскрытых дверей и следить за проходящими толпами. И так из вечера в вечер, когда вокруг неоновых ламп кружатся безумные мотыльки, а воздух пропитан запахами духов и жратвы из уличных забегаловок. Его скрытые за очками глаза вглядывались в лица прохожих, и, когда появилась Рикки, он уже нисколько не сомневался, что она и была той единственной верной картой, которую он так ждал.

***

В тот раз я решил смотаться в Нью-Йорк, чтобы проверить рынок, и заодно присмотреть чего-нибудь «горяченького» из программного обеспечения.

В лавке Финна, в окне, над пейзажем из дохлых мух, укутанных в шубки из пыли, светилась попорченная реклама «Метро Голографикс». Внутри было по пояс всякого хлама. Кучи его волнами взбирались на стены, и сами стены были едва видны за сваленной в беспорядке рухлядью и низко провисшими полками, заставленными старыми изорванными журналами и пожелтевшими от времени годовыми комплектами «Нэшнл Джиогрэфик».

— Тебе нужна пушка, — с ходу заявил Финн. Более всего он напоминал человека, на котором отрабатывали программу по искусственному замещению генов, чтобы вывести породу людей, приспособленных для рытья нор высокоскоростным способом. — Тебе повезло. Я как раз получил новенький «Смит и Вессон». Тактический образец, калибр — четыре и восемь. Под дулом у него закреплен ксеноновый излучатель, батарейки в прикладе, позволяет ночью, когда ни черта не видно, за пятьдесят шагов от тебя создать круг двенадцати дюймов, в котором светло, как днем. Источник света так узок, что его почти невозможно засечь. Это вроде, как колдуну ввязаться в ночную драку.

Я позволил своей руке с лязгом опуститься на стол и принялся выстукивать дробь. Скрытые сервомоторы загудели, как рой москитов. Я знал, что Финн терпеть не может этой моей музыки.

— Ты соберешься ее когда-нибудь починить? — Обгрызенной шариковой ручкой он потыркал в мою дюралевую клешню. — Может, придумаешь себе чего-нибудь потише?

— Мне не нужно никаких пушек, Финн, — я продолжал

испытывать его слух, как будто не расслышал вопроса.

— Ладно, — вздохнул он, — как хочешь.

Я перестал барабанить.

— Имеется одна вещь для тебя. Но что это — хоть убей, не знаю. — Он сделал несчастный вид. — Я получил ее на прошлой неделе от малышей из Джерси, которые орудуют при мостах и тоннелях.

— Значит, взял неизвестно что? Как это тебя угораздило? А, Финн?

— А я жопой чувствую.

Он передал мне прозрачный почтовый пакет с чем-то похожим на кассету для магнитофона, насколько можно было увидеть сквозь рифленую пузырчатую оболочку.

— Еще был паспорт, — сказал Финн, — и кредитные карточки с часами.

Ну, и это.

— Я так понимаю, что ты приобрел содержимое чьих-то карманов.

Он кивнул.

— Паспорт был бельгийский. Подделка, я его сжег. А с часами полный порядок. Фирма Порше, часики — первый сорт.

Ясно — это была какая-то разновидность военной программы вторжения.

Вынутая из пакета, она походила на магазин к винтовке ближнего боя с покрытием из непрозрачного пластика. По углам и краям металл вытерся и светился — похоже, за последнее время кому-то частенько приходилось ей пользоваться.

— Я сделаю тебе на ней скидку, Джек. Как постоянному покупателю.

Я улыбнулся. Получить скидку у Финна — все равно, что упросить Господа Бога отменить закон всемирного тяготения на то время, пока тебе нужно переть тяжеленный ручной багаж на десяток секций через залы аэропорта.

— Похоже на что-то русское, — заметил я равнодушно. — Скорее всего, аварийное управление канализацией для какого-нибудь Ленинградского пригорода. Как раз для меня.

— Сдается мне, — сказал Финн, — ты такой же умный, как мои старые башмаки, и мозгов у тебя не больше, чем у тех сосунков из Джерси. А ты думал, я продаю тебе ключи от Кремля? Сам с ней разбирайся. Мое дело продать.

И я купил.

***

Словно души, оторванные от тел, мы сворачиваем в ледяной замок Хром.

Мы летим, не сбавляя скорости. Ощущение такое, будто мчишься на волне программы вторжения и, зависая над водоворотами перестраивающихся глитч-систем, пытаешься удерживаться на гребне. Кто мы сейчас? Разумные пятна масла, скользящие в беспросветности льда.

Где-то в тесноте чердака, под потолком из стекла и стали, далеко-далеко от нас остались наши тела. И времени, чтобы успеть проскочить, остается меньше и меньше.

Мы сломали ее ворота. Блеф с повестками из суда и маскировка под налоговую инспекцию сделали свое дело. Но Хром есть Хром. И наиболее прочный лед, который входит в ее средства защиты, именно для того и служит, чтобы расплевываться со всякими казенными штучками, вроде повесток, предписаний и ордеров. Когда мы сломали первый пояс защиты, вся база ее данных исчезла под основными слоями льда. Стены льда, разрастаясь перед глазами, превращались в многомильные коридоры, в лабиринты, полные тени. Пять ее контрольных систем выдали сигналы «Мэйдэй» нескольким адвокатским конторам. Поздно. Вирус, проникнув внутрь, уже принялся перестраивать структуры ледовой защиты. Глитч-системы глушат сигналы тревоги, а тем временем множащиеся субпрограммы выискивают любую щель, которую не успел затянуть лед.

Русская программа извлекает из незащищенных данных номер телефона в Токио, вычислив его по частоте разговоров, средней их продолжительности, и скорости, с которой Хром отвечала на эти вызовы.

— О'кэй, — говорит Бобби. — Теперь мы прокатимся на звоночке от этого ее дружка из Японии. Кажется, то, что нам нужно.

Вперед! Погоняй, ковбой!

***

Бобби читал свое будущее по женщинам. Они были, как знаки судьбы, предсказывающие перемену погоды. Он мог ночами просиживать в «Джентльмене-Неудачнике», ожидая, когда кончится невезение, и судьба, как карту в игре, подарит ему новую встречу.

Как-то вечером я допоздна заработался на своем чердаке, «распутывая» один чип. Рука моя была снята, и манипулятор небольшого размера был вставлен прямо в сустав.

Бобби пришел с подружкой, которую я прежде не видел. Мне

обычно бывает не по себе, если кто-нибудь незнакомый застает меня работающим вот так — со всеми этими проводами, зажатыми в штифтах из графита, что торчат из моей культи. Она сразу же подошла ко мне и взглянула на увеличенное изображение на экране. Потом увидела манипулятор, двигающийся под вакуумным покрытием. Она ничего не сказала, стояла и просто смотрела. И уже от одного этого мне сделалось хорошо.

— Знакомься, Рикки. Автомат-Джек, мой коллега.

Он рассмеялся и обнял Рикки за талию, и что-то в его тоне дало понять, что ночевать мне придется в загаженном номере отеля.

— Привет, — сказала она. Высокая, ей не было и двадцати, она выглядела что надо. В меру веснушчатый носик, глаза, по цвету напоминающие янтарь, но с темным, кофейным отливом. Узкие черные джинсы, закатанные по щиколотку, и простенький поясок из пластика в тон ее розоватым сандалиям.

До сих пор ночами, когда не идет сон, она стоит перед моими глазами.

Я вижу ее где-то там, за руинами городов, за дымами, и видение это подобно живой картинке, прилипшей к изнанке глаз. В светлом платье, которое едва прикрывает колени, — она была в нем в тот раз, когда мы остались вдвоем.

Длинные стройные ноги. Каштановые волосы вперемешку с белыми прядями взметнулись, будто в порыве ветра, прилетевшего неизвестно откуда. Они оплетают ее лицо, и после я вижу, как она машет мне на прощанье рукой.

Бобби устроил целое представление, пока копался в стопке магнитофонных кассет.

— Уже ухожу, ковбой, — сказал я, отсоединяя манипулятор. Она внимательно за мной наблюдала, пока я вновь надевал руку.

— А всякие мелочи ты умеешь чинить? — спросила она вдруг.

— О! Для вас — что угодно. Автомат-Джек все может. — И для пущего авторитета я прищелкнул дюралюминиевыми пальцами.

Она отстегнула от пояса миниатюрную симстим-деку и показала на крышку кассеты, у которой был сломан шарнир.

— Никаких проблем, — сказал я. — Завтра будет готово.

«О-хо-хо, — подумал я про себя. Сон уже вовсю тянул меня с шестого этажа вниз. — Интересно, и надолго ли хватит Бобби с таким лакомым кусочком, как этот? Если дело пойдет на лад, то, считай, что уже сейчас, в любую из ближайших ночей, мы могли бы прикоснуться к богатству.»

На улице я усмехнулся, зевнул и остановил рукой подвернувшееся такси.

***

Твердыня Хром растворяется. Завесы из ледяных теней мерцают и исчезают, пожираемые глитч-системами, разворачивающимися из русской программы. Глитч-системы охватывают все, что лежит в стороне от направления нашего основного логического удара и заражают структуру льда.

Для компьютеров они, словно вирус, саморазмножающийся и прожорливый. Они постоянно меняются, каждая в лад со всеми, подчиняя и поглощая защиту Хром.

Обезвредили мы ее, или где-то уже прозвенел тревожный звоночек и помигивают красные огоньки? И Хром — знает ли об этом она?

***

Рикки-Дикарка — так прозвал ее Бобби. Уже в первые недели их встреч ей, должно быть, казалось, что теперь она обладает всем. Бестолковая сцена жизни развернулась перед ней целиком, четко, резко и ясно высвеченная неоновыми огнями. На ней она была новичком, но уже считала своими все эти бесконечные мили прилавков, суету площадей, клубы и магазины. А еще у нее был Бобби, который мог рассказать дикарке обо всех хитроумных проволочках, на которых держится изнанка вещей. Про всех актеров на сцене, назвать их имена и спектакли, в которых они играют. Он дал ей почувствовать, что она среди них не чужая.

— Что у тебя с рукой? — спросила она как-то вечером, когда мы, Бобби, я и она, сидели и выпивали за маленьким столиком в Джентльмене-Неудачнике.

— Дельтапланеризм, — сказал я. Потом добавил:

— Случайность.

— Дельтапланеризм над пшеничным полем, — вмешался Бобби, — неподалеку от одного городка, который называется Киев. Всего-то делов — наш Джек висел там в темноте под дельтапланом «Ночное крыло», да еще запихал между ног пятьдесят килограммов радарной аппаратуры. И какая-то русская жопа отрезала ему лазером руку. Случайность.

Не помню уж как я переменил тему, но все-таки мне это удалось.

Я каждый раз себя убеждал, что Рикки не сама ко мне напросилась, а во всем виноват Бобби. Я знал его довольно давно,

еще с конца войны. И, конечно, мне было известно, что женщины для него лишь точки отсчета в игре, которая называлась: Бобби Квинн против судьбы, времени и темноты городов. И Рикки ему подвернулась как раз кстати. Ему позарез нужна была какая-то цель, чтобы прийти в себя. Потому-то он ее и вознес, как символ всего, что желал и не мог получить, всего, что имел и не мог удержать в руках.

Мне не нравилось слушать его болтовню о том, как сильно он ее любит, а от того, что он сам во все это верил, становилось еще противней. Он был хозяином своего прошлого со всеми его стремительными падениями и такими же стремительными подъемами. И все, что случилось сейчас, я видел, по крайней мере, дюжину раз. На его солнцезащитных очках вполне можно было бы написать большими печатными буквами слово «Очередная», и оно бы читалось всегда, когда мимо столика в «Джентльмене-Неудачнике» проплывало новое смазливое личико.

Я знал, что он с ними делал. У него они становились эмблемами, печатями на карте его деловой жизни. Они были навигационными маяками, на которые он шагал сквозь разливы неона и баров. А что же, как не они, могло им двигать еще? Деньги он не любил ни внешне, ни, тем более, внутренне.

Они были слишком тусклы, чтобы следовать на их свет. Власть над людьми? Он не терпел ответственности, на которую такая власть обрекает. И хотя у него и была какая-то изначальная гордость за свое мастерство, ее никогда не хватало, чтобы удерживать себя в боевом режиме.

Потому он и остановился на женщинах.

Когда появилась Рикки, потребность в новом знакомстве достигла последней черты. Он все чаще бывал понурым, а неуловимые денежки лукаво нашептывали на ушко, что игра для него потеряна. Так что большая удача была ему просто необходима, и, чем скорее, тем лучше. О какой-то другой жизни он просто понятия не имел, его внутренние часы были поставлены на время ковбоев-компьютерщиков и откалиброваны на риск и адреналин. И еще на блаженство утреннего покоя, которое приходит, когда каждый твой ход верен, и сладкий пирог чьего-нибудь чужого кредита перекочевывает на твой собственный счет.

Но чем дольше он находился с ней, тем более убеждался, что дело зашло слишком уж далеко, и пора собирать пожитки и убираться прочь. Потому что Рикки была совсем не такой, как другие, — в ней чувствовалось какая-то высота, какие-то непостижимые дали. И все-таки — я это сердцем чувствовал, и сердце кричало Бобби — она была здесь, рядом, живая,

совершенно реальная. Просто человек — с обыкновенным человеческим голодом, податливая, зевающая от скуки, красивая, возбужденная, словом, такая, как все.

Однажды днем он ушел, это было за неделю до того, как я уехал в Нью-Йорк, чтобы увидеться с Финном. Мы с Рикки остались на чердаке одни.

Собиралась гроза. Половина неба была скрыта от глаз куполом соседнего дома, который так и не успели достроить. Все остальное затянули черно-синие тучи. Когда она прикоснулась ко мне, я стоял у стола и смотрел на небо, одуревший от полдневной жары и влаги, переполнявшей воздух. Она притронулась к моему плечу в том месте, где розовел небольшой затянувшийся шрам, выглядывающий из-под протеза. Все, кто когда-нибудь касался этого места, вели руку вверх по плечу.

Рикки поступила иначе. Ее узкие, покрытые черным лаком ногти были ровными и продолговатыми. Лак был немногим темнее, чем слой углеродного пластика, который покрывал мою руку. Ее рука продолжала двигаться по моей, ногти черного цвета скользили вниз по сварному шву. Ниже, ниже, до локтевого сочленения из черного анодированного металла и далее, пока не достигли кисти. Рука ее была маленькой, как у ребенка, пальцы накрыли мои, а ладошка легла на просверленный дюралюминий.

Ее другая ладонь, взметнувшись, задела прокладки обратной связи, а потом весь полдень лил долгий дождь, капли ударяли по стали и перепачканному сажей стеклу над постелью Бобби.

***

Стены льда уносятся прочь, словно бабочки, сотканные из тени, летящие быстрее, чем звук. А за ними — иллюзия матрицы в пространстве, которое не имеет границ. Что-то подобное видишь, когда перед тобой на экране мелькают контуры проектируемого здания. Только проект прокручивается от конца к началу, и у здания вместо стен — разорванные крылья.

Я все время напоминаю себе, что место, где мы находимся, и бездны, которые его окружают, — иллюзия и не более. Что на самом деле мы не «внутри» компьютера Хром, а всего лишь подключены к нему через интерфейс, в то время как матричный симулятор на чердаке у Бобби поддерживает эту иллюзию… Появляется ядро данных, беззащитное, открытое для атаки… Это уже по ту сторону льда, матрицы подобного вида я еще никогда не видел, хотя пятнадцать миллионов законных операторов Хром видят ее ежедневно и принимают как само собой разумеющееся.

Мы в башне ядра ее данных, вокруг, подобно огням

несущихся по вертикали товарняков, мелькают разноцветные ленты — цветовые коды для допуска. Яркие главенствующие цвета, слишком яркие в этой призрачной пустоте, пересекаются бесчисленными горизонталями, окрашенными, словно стены в детской, в розовое и голубое.

Но остается еще что-то спрятанное за тенью льда в самом центре слепящего фейерверка: сердце всей этой недешево обходящейся для нее тьмы, самое сердце Хром…

***

Было уже далеко за полдень, когда я вернулся из своей нью-йоркской экспедиции за покупками. Солнце скрывалось за облаками, а на мониторе Бобби светилась структура льда — двумерное изображение чьей-то электронной защиты. Неоновые линии переплетались подобно коврику для молитв, расписанному в декоративном стиле. Я выключил пульт, и экран стал совершенно темным.

Весь мой рабочий стол был завален вещами Рикки. Косметика и одежда, засунутая в пакеты из нейлона, по соседству лежала пара ярко-красных ковбойских сапог, магнитофонные кассеты, глянцевые японские журналы с рассказами о звездах симстима. Я свалил все это под столик и, когда отцепил руку, вспомнил, что программа, которую я купил у Финна, осталась в правом кармане куртки. Мне пришлось повозиться, вытаскивая ее левой рукой и затем вставляя между прокладок в зажимы ювелирных тисочков.

Уолдо <термин, придуманное Хайнлайном и обозначающий специальный протез> походил на старый проигрыватель, на каких когда-то прокручивали записи на пластинках, а тисочки были прикрыты прозрачным пылезащитным колпаком. Сам манипулятор, чуть больше сантиметра в длину, перемещался на том, что раньше было на таких проигрывателях тонармом. На него я даже не посмотрел, когда прикреплял провода к культе. Я вглядывался в окуляр микроскопа, там в черно-белом цвете виднелась моя рука при сорокакратном увеличении.

Я проверил набор инструментов и взял лазер. Он показался мне немного тяжеловат. Тогда я подстроил сенсорный регулятор массы до четверти килограмма на грамм и принялся за работу. При сорокакратном увеличении сторона программной кассеты была похожа на грузовик.

На то, чтобы «расколоть» программу, у меня ушло восемь часов. Три часа — на работу с уолдо, возню с лазером и четыре зажима. Еще два часа на телефонный разговор с Колорадо, и три — на перезапись словарного диска, способного перевести на

английский технический русский восьмилетней давности.

Наконец, числовые ряды и буквы славянского алфавита замелькали передо мной на экране, где-то на половине пути превращаясь в английский текст.

Виднелось множество пропусков, там, где купленная у своего человека из Колорадо программа натыкалась при переводе на специальные военные термины.

Но какое-то представление о том, что я купил у Финна, мне все-таки получить удалось.

Я почувствовал себя кем-то вроде уличного хулигана, который пошел покупать пружинный нож, а вернулся домой с портативной нейтронной бомбой.

«Опять наебали, — подумал я. — На кой черт в уличной драке нужна нейтронная бомба?» Эта штука под пылезащитным кожухом была явно не для такой игры, как моя. Я даже представить не мог, куда бы ее спихнуть, и где найти покупателя. По-видимому, для кого-то это не составляло проблемы, но этот кто-то, ходивший с часами Порше и фальшивым бельгийским паспортом, отсутствовал по причине смерти. Сам же я подобного рода деятельностью заниматься не собирался. Да уж, действительно, у бедняги, которого замочили на окраине приятели Финна, были довольно необычные связи.

Программа, зажатая в моих ювелирных тисочках, оказалась не просто программой. Это был русский военный ледоруб, компьютерный вирус-убийца.

Бобби вернулся один, когда наступило утро. Я спал, сжимая в горсти пакетик приготовленных сэндвичей.

— Будешь? — спросил я его и вытащил из пакета сэндвич. Я еще не проснулся по-настоящему. Мне снилась моя программа, волны ее изголодавшихся глитч-систем и подпрограммы-хамелеоны. Во сне она представлялась каким-то невиданным зверем, бесформенным, снующим по всем направлениям.

Подходя к пульту, он отбросил попавшийся под ноги мешок и нажал функциональную клавишу. На экране засветился тот самый хитроумный узор, что я видел перед тем накануне. Прогоняя остатки сна, я протер глаза левой рукой, потому что правая на такую вещь была давно уже не способна. Когда я засыпал, то все пытался решить, стоит ли ему рассказывать о программе.

Может, имеет смысл попытаться ее продать, оставить себе все деньги, а после уговорить Рикки и махнуть с ней куда подальше.

— Чье это? — спросил я.

— Хром, — Бобби стоял перед экраном в черном хлопчатобумажном трико и старой кожаной куртке, наброшенной на плечи, как плащ. Уже который день он не брился, и лицо его

казалось еще более осунувшимся, чем всегда.

Руку свело от судороги и она начала пощелкивать — по углеродным прокладкам через мою нейроэлектронику страх передался и ей. Сэндвичи вывалились из руки, и по давно не метенному деревянному полу рассыпались пожухлые листики брюссельской капусты и подсохшие ломти промасленного ярко-желтого сыра.

— Ты, точно, свихнулся.

— Нет, — сказал Бобби. — Думаешь она нас выследила? Ничего подобного.

Мы были бы уже трупами. Я подключился к ней через арендную систему в Момбасе с тройной слепой защитой и через алжирский спутник связи. Она, конечно, узнала, что кто-то пробовал подсмотреть, но так и не догадалась, кто.

Если бы Хром удалось отыскать подход, который сделал Бобби к ее льду, мы бы, наверняка, считались уже мертвецами. В этом Бобби был прав. И она уничтожила бы меня еще на пути из Нью-Йорка.

— Но почему непременно она, Бобби? Приведи хотя бы один здравый довод…

Хром. Я видел ее не более дюжины раз в «Джентльмене-Неудачнике».

Может быть она просто наведывалась в трущобы. Или же проверяла, как обстоят дела в человеческом обществе, к которому ее тянуло по старой привычке. Маленькое приторное лицо, похожее по очертаниям на сердце, с парой глаз, злее которых вам вряд ли где доводилось встречать. На вид ей было не больше четырнадцати, и никто не помнил, чтобы она когда-нибудь выглядела по-другому. Такой она сделалась в результате нарушения обмена веществ от усиленного накачивания себя сыворотками и гормонами. Подобной уродины улица еще не рождала, но она больше не принадлежала улице. Хром водила дела с Мальчиками, и в их местной Банде пользовалась сильным влиянием. Ходили слухи, что начинала она, как поставщик, в те времена, когда искусственные гипофизные гормоны были еще под запретом. Но с торговлей гормонами она давно уже завязала. Сейчас ей принадлежал Дом Голубых Огней.

— Ты законченный идиот, Квинн. Хоть что-нибудь ты можешь сказать, чтобы оправдать это? — Я показал на экран. — Кончай с этим, ты понял?

Немедленно, прямо сейчас…

— Я слышал, как в «Неудачнике» трепались Черный Майрон и Корова Джейн, — он передернул плечами, сбрасывая кожаную куртку. — Джейн послеживает за всеми секс-линиями. Она

говорит, что знает куда уходят настоящие денежки. Так вот, она поспорила с Майроном, что у Хром контрольный пакет в Голубых Огнях. И она — не просто очередная подставка Мальчиков.

— «Мальчиков», вот именно, Бобби, — сказал я. — Или как они там еще себя называют. Хоть это ты можешь понять? Или ты забыл, что мы не вмешиваемся в их дела? Только поэтому мы еще ползаем по земле.

— Поэтому мы с тобой бедняки, коллега, — он откинулся перед пультом на вращающемся стуле и, расстегнув трико, почесал свою бледную костлявую грудь. — Но, кажется, осталось не долго.

— Кажется, что коллегами мы с тобой тоже уже никогда не будем.

На это он усмехнулся. Усмешка его была, действительно, как у психа, звериная и какая-то вымученная. В этот момент я понял, что ему и вправду насрать на смерть.

— Послушай, — сказал я, — у меня еще остались кое-какие деньги, ты же знаешь. Взял бы ты их себе да смотался на метро до Майами. А там перехватишь вагон до бухты Монтего. Тебе нужен отдых, приятель. Тебе обязательно надо набраться сил.

— Мои силы, Джек, — сказал он, набирая что-то на клавиатуре, — еще никогда не были такими собранными, как сейчас.

Неоновый молитвенный коврик на экране задрожал и стал оживать, когда включилась анимационная программа. Структурные линии льда переплетались с завораживающей частотой, словно живая мандала. Бобби продолжал ввод команд, и движение сделалось медленнее. Стала очерчиваться некоторая определенная структура, уже не такая сложная, как была, и вскоре она распалась на две отдельных фигуры, изображения которых появлялись и исчезали, попеременно чередуясь друг с другом. Работа была проделана на отлично, я не думал, что он еще на такое способен.

— Минуту! — воскликнул он. — Вон там, видишь? Подождика. Вон там. И еще там. И там. Легко ошибиться. Вот оно. Подключение через каждые час и двадцать минут с помощью сжатой передачи на их спутник связи. Мы могли бы жить целый год на том, что она выплачивает им раз в неделю по отрицательным процентным ставкам.

— Чей спутник?

— Цюрих. Ее банкиры. Там у нее банковский счет, Джек. Вот куда стекаются денежки. Корова Джейн была права.

Я просто стоял, не двигаясь. Даже рука примолкла.

— Ну, и как ты провел время в Нью-Йорке, коллега? Что-

нибудь удалось достать? Что-нибудь такое, чем мне прорубить лед? Неважно что, все бы сгодилось.

Я, не отрываясь смотрел в глаза Бобби, заставляя себя не оглядываться в сторону Уолдо и ювелирных тисочков. Русская программа все еще оставалась там, прикрытая пылезащитным кожухом.

Случайные карты, повелители судьбы.

— А где Рикки? — Я подошел к пульту и сделал вид, что изучаю чередующиеся на экране структуры.

— Где-то с приятелями, — Бобби пожал плечами. — Дети, все они помешаны на симстиме. — Он задумчиво улыбнулся. — Дружище, я собираюсь это сделать ради нее.

— Мне надо хорошенько надо всем этим подумать, Бобби. Но, если хочешь, чтобы я вернулся, держи руки подальше от клавишей.

— Я делаю это для нее, — повторил он, когда я закрывал за собой дверь. — Ты это знаешь.

***

И сразу же вниз, вниз — программа, словно сорвавшаяся с горы лавина, продирается сквозь лабиринт, обнесенный стенами тени, несется в серых кафедральных пространствах между ярко освещенными башнями. Скорость просто безумная.

Черный лед. Не надо об этом думать. Черный лед.

Каких только легендарных историй неуслышишь в «Джентльмене-Неудачнике». И рассказы про Черный лед — тоже из их числа.

Это лед, созданный убивать. Он действует незаконно, ну а кто из нас может сказать про себя другое? По сути, это какая-то новая система оружия, основанного на принципе нейронной обратной связи, с которым ты вступаешь в контакт всего только раз, но и этого раза хватает. Что-то вроде страшного заклинания, которое разъедает твой мозг изнутри. Словно приступ эпилепсии, который все длится и длится, пока от тебя не остается уже совсем ничего…

И вот мы ныряем туда, где скрыто самое главное, — то, на чем держится замок теней Хром.

Я пытаюсь владеть собой, когда внезапно перехватывает дыхание и по телу разливается слабость, — я чувствую, что нахожусь на грани нервного срыва. Это все страх — страх ожидания того ледяного заклятия, которое ждет нас где-то внизу, во тьме.

***

Я ушел и принялся разыскивать Рикки. Она сидела в кафе с пареньком, носившим глаза от Сендай. Полузажившие линии швов веером расходились от его опухших глазных впадин. На столике перед ней лежала раскрытая, отсвечивающая глянцем брошюра, и оттуда с дюжины фотографий смотрела улыбающаяся Тэлли Ишэм — Девушка-с-Глазами-Иконами-от-Самого-Цейсса.

Ее портативная симстим-дека тоже валялась среди той кучи вещей, которую я прошлым вечером отправил к себе под стол, та же самая, что я починил на следующий день после нашей первой с ней встречи. Целые часы проводила она, развлекаясь с этой игрушкой. Контактный обруч охватывал ее лоб, словно серая пластиковая тиара. От Тэлли Ишэм Рикки была без ума, и, коронованная контактным обручем, она витала где-то там, в вышине, на крыльях записей переживаний величайшей звезды симстима. Симулированный стимул — симстим: весь мир, во всем его блеске, — глазами и чувствами Тэлли Ишэм. Тэлли участвует в гонках на своем черном Фоккер-экраноплане над вершинами холмов Аризоны. Тэлли на подводной прогулке в заповедных владениях острова Трук. Тэлли на приемах с мультимиллионерами на частных Греческих островках — дух захватывает от одного вида этих белых маленьких бухточек, омытых на рассвете зарей.

Она и вправду во многом напоминала Тэлли. Такой же оттенок кожи, одинаковый разлет скул. А вот рот у Рикки, пожалуй, привлекал даже больше.

Непонятно чем — дерзостью своей, что ли. Да Рикки и сама не хотела быть копией Тэлли Ишэм, она просто мечтала заполучить эту работу. Она была на этом повернута — сделаться звездою симстима. Бобби, по обыкновению отшутившись, просто отбросил такую идею прочь. С ней же мы обсуждали это дело серьезно. — Как бы я смотрелась с такой вот парочкой? — спрашивала она меня, держа в руках фотопортрет Тэлли Ишэм размером во всю страницу.

Голубые глаза Цейсс Икон находились точно на уровне с ее янтарно-коричневыми. Она уже дважды переделывала свои роговицы, но заветного индекса 20-20 по-прежнему достичь не могла. Поэтому ей так хотелось приобрести Иконы от Цейсса. Марку звезд. Стоимости безумной.

— Как всегда, пялилась у витрин на глаза? — спросил я, подсев к их столику.

— Тигр раздобыл себе кое-что, — сказала она. Я подумал, что выглядит она что-то уж очень устало.

Тигр, видно, так обалдел от своих Сендай, что просто сиял от улыбки.

Однако я сомневался, стоило ли ему вообще улыбаться. Он старался придать себе вид вполне респектабельного человека, который, наверное, бывает после этак седьмого похода в хирургический кабинет. Обычно, такие, как он, проводят остаток жизни, гоняясь вслед за толпой за очередным баловнем моды, популярным в последнем сезоне. Они довольны средненькой копией, об оригинальности здесь говорить не приходиться.

— Сендай, не так ли? — я ему улыбнулся.

Он ответил кивком. Я видел, как он пытается изобразить у себя на лице взгляд, соответствующий по его представлениям профессиональному взгляду звезды симстима. Он, должно быть, воображал, что все, на что он не посмотрит, мгновенно передается на запись. Я заметил, что его взгляд что-то уж слишком долго задерживается на моей руке.

— В провинции им цены не будет, вот только заживут мышцы, — сказал Тигр. Я видел, как неуверенно он потянулся за своим двойным эспрессо.

Глаза Сендай всюду славятся дефектами глубины восприятия и накладками по части гарантий, не говоря уже про все остальное.

— Тигр завтра уезжает в Голливуд.

— А оттуда прямиком в Чиба-сити, верно? — я ему опять улыбнулся. На этот раз он улыбаться не стал.

— Получил предложение, Тигр? Должно быть, познакомился с кем-нибудь из агентов?

— Пока еще только присматриваю, — негромко ответил Тигр. После этого он встал и ушел, на ходу бросив быстрое до свидания Рикки. На меня он даже не посмотрел.

— Зрительные нервы у этого паренька скорее всего начнут выходить из строя месяцев через шесть. Ты знаешь про это, Рикки? Эти Сендай почти всюду запрещены — в Англии, в Дании… Свои нервы ничем не заменишь.

— Эй, Джек, может обойдемся без лекций? — Она стащила одну из моих французских булочек, которые я заказал перед этим, и сидела, посасывая ее островерхий край.

— Малыш, а ведь я считал, что могу быть твоим советчиком.

— Можешь-можешь. А что касается Тигра, он и вправду сейчас не слишком быстр на глаза, зато о Сендай знают все. Просто других он себе пока не может позволить. Пойми ты — это его попытка выкарабкаться. Если он получит работу, то найдет, чем их заменить.

— Этими? — я постучал пальцами по брошюре с рекламой

Цейсса. — Каких они стоят денег, Рикки? Впрочем, разве тебя убедишь? Тебе же нравятся всякие рискованные затеи.

Она кивнула.

— Я очень хочу такие.

— Если ты идешь к Бобби, скажи ему, чтобы он сидел тихо, пока не услышит вестей от меня.

— Хорошо. Это что, бизнес?

— Бизнес, — сказал я. Хотя это было обыкновенное сумасшествие.

Я допил кофе, она прикончила обе моих французских булочки. После этого я проводил ее до квартиры Бобби. А потом сделал пятнадцать телефонных звонков, меняя после каждого таксофоны.

Бизнес. Это куда страшнее, чем сумасшествие.

На то, чтобы подготовить сожжение, у нас ушло шесть недель. И все эти шесть недель Бобби не уставал повторять, как сильно он ее любит.

Приходилось выкладываться в работе, чтобы как-то с этим справляться.

В основном я проводил время на телефонах. Из тех первых пятнадцати звонков, с которых я начинал прощупывать почву, в свою очередь каждый породил еще не меньше пятнадцати. Я искал определенную службу, которая, как мы с Бобби считали, должна, во-первых, быть неотделима от мировой экономики в целом. И, второе, чтобы она обслуживала не более пяти клиентов одновременно. То есть, служба должна быть из тех, которые предпочитают держаться в тени.

Одним словом, мы занимались поисками перекупщика краденого с крепко налаженными контактами по всему миру. Чтобы это была не просто отмывка денег, а полное перераспределение многомиллиардодолларового банкового капитала, причем об этом не должен был догадываться никто.

Все мои звонки оказались пустой тратой времени, и вот тут-то опять подвернулся Финн, который и подсказал мне путь, по которому следовало идти. Я отправился в Нью-Йорк для покупки устройства типа черного ящика, потому что с оплатой всей этой прорвы телефонных звонков мы могли запросто разориться.

Я как можно туманней обрисовал ему нашу задачу.

— Макао, — предложил он.

— Макао?

— Семья Лонг Хам. Биржевые маклеры.

У него даже оказался их телефонный номер. Правильно говорят: если хочешь найти одного перекупщика краденого — спрашивай у другого.

Эти ребята Лонг Хама оказались такими тертыми, что даже мои робкие попытки сближения воспринимали, как нечто вроде тактического ядерного удара. Бобби пришлось дважды слетать в Гонконг, чтобы все четко с ними обговорить. Наши денежки таяли, и довольно быстрыми темпами. Я по-прежнему сам не знал, почему сразу не отказался от участия в этом предприятии. Хром я боялся, а к богатству был всегда равнодушен.

Я пытался себя убедить, что сжечь Дом Голубых Огней, не такая уж и плохая идея. Место было уж больно гнилое, как вспомнишь — прямо мороз по коже. И все-таки принять это, как что-то само собой разумеющееся, я не мог. Я не любил Голубые Огни, потому что в один из тамошних вечеров довел себя до полной потери сил. Но это не было причиной охоты на Хром.

По-совести говоря, уже где-то на половине пути, когда мы к ней подбирались, я решил, что эта попытка закончится нашей гибелью. Даже обладая программой-убийцей, шансов на выигрыш у нас не было практически никаких.

Бобби ушел с головой в составление меню команд, которые мы рассчитывали ввести в сердцевину компьютера Хром. Вся эта возня со вводом целиком лежала на мне, потому что, когда дело завертится, руки у Бобби будут полностью заняты тем, чтобы не дать русской программе перейти к прямому разрушению системы. Переписать мы ее не могли, слишком она была для этого сложной. И поэтому он собирался попробовать удержать ее хотя бы в течение двух секунд, которые мне понадобятся для ввода.

Я договорился с одним уличным мордоворотом по фамилии Майлс. Он должен был в ночь сожжения повсюду сопровождать Рикки и глаз с нее не спускать, а в определенное время позвонить мне по телефону. Если бы меня вдруг не оказалось на месте, или же мой ответ был не таким, как мы договорились заранее, я наказал ему сразу же хватать Рикки и сажать ее в первую попавшуюся подземку, следующую как можно дальше от района, в котором мы жили. Я дал ему в руки конверт с деньгами и запиской с условием, что он все это передаст ей.

Бобби даже в голову не приходило подумать о том, что может случится с Рикки, если наша затея провалится. Как заведенный, он твердил и твердил мне про то, как сильно он ее любит, и куда они отсюда уедут, и как бы они там тратили деньги.

— Дружище, первым делом купи для нее пару Икон. Больше ей ничего не надо. Для нее все это кино с симстимом, похоже, всерьез и надолго.

— Брось, — сказал он, оторвавшись от клавиатуры. — Работа ей теперь не нужна. Мы устроим для нее это, Джек. Она — мое счастье. Ей никогда в жизни не придется больше работать.

— Твое счастье, — повторил я чуть слышно. Сам я не был счастливым. Я даже не мог припомнить, бывал ли я счастлив вообще. — А когда ты в последний раз виделся со своим счастьем?

Он ее не видел давно, я тоже. Мы были слишком заняты.

Мне не доставало ее. Эта тоска напомнила мне одну ночь проведенную в Доме Голубых Огней. Я и отправился-то туда в тот раз потому, что пребывал в безнадежной тоске после очередной потери. Для начала, как водится, я напился, а потом стал усиленно в себя вкачивать вазопрессиновые ингаляторы. Если ваша постоянная женщина вдруг решает объявить забастовку, ничего не может быть лучше приличной выпивки и порции вазопрессина — он, пожалуй, самое убойное из всего, что придумала мазохистская фармакология.

Выпивка приводит вас в чувство, а вазопрессин — ничего не дает забыть. Вот именно, вы помните все, что было. Это средство используют в клиниках для борьбы со старческой амнезией. Но улица любой вещи находит собственное применение. Потому я и выложил денежки за ускоренное, так сказать, воспроизведение того, что случилось со мной плохого. Вся незадача в этом деле состоит в том, что наравне получаешь и хорошее и плохое. Хочется тебе чего-нибудь вроде звериного экстаза — пожалуйста, получи. А в придачу и то, что она тебе на это ответила, и еще, как она ушла, так ни разу и не оглянувшись назад.

Я не помню, что меня толкнуло податься в Голубые Огни, и как вообще я оказался в этих тихих, заглушающих шаги коридорах. И, правда ли, я там видел бурлящую струю водопада или это всего лишь была декорация, наклеенная на стену, а, может быть, обыкновенная голограмма. В тот вечер у меня не было недостатка в деньгах. Один из наших клиентов перечислил Бобби приличную сумму за прорубку трехсекундного окна в чьем-то льду.

Я не думаю, чтобы вышибалам, которые стояли при входе, понравилось, как я выгляжу, но с моими деньгами это не имело значения.

Когда с делом, ради которого я здесь оказался, было покончено, мне опять захотелось выпить. После этого я, помнится, отпустил что-то вроде остроты бармену по поводу некрофилов за стойкой, и ему это, по-моему, не понравилось. Во всяком случае, этот приличных размеров тип стал упорно называть меня Героем войны, что мне, естественно, не понравилось тоже. Я думаю, мне удалось успеть показать ему несколько превращений с рукой, пока я полностью не отключился и не проснулся двумя днями позже в каком-то типовом спальном

модуле, неизвестно где. Дешевле место и захочешь, да не найдешь, там даже негде было повеситься. И я сидел на узком, покрытом мыльной пеной настиле и плакал.

Одиночество — это еще не самое страшное, что бывает в жизни. Но то, на чем они делают деньги в Доме Голубых Огней, — пользуется, не смотря ни на что, такой популярностью, что стало почти легальным.

***

В сердце тьмы, в ее замершем в неподвижности центре, глитч-системы вспарывают темноту водоворотами света. Они подобны полупрозрачным бритвам, раскручивающимся от нас во все стороны. Мы зависаем в центре безмолвного, словно снятого замедленной съемкой, взрыва. Осколки льда разлетаются и падают вокруг целую вечность, и голос Бобби неожиданно прорывается сквозь световые годы всей этой обманчивой электронной пустоты.

— Давай, жги ее, суку. Я не могу больше удерживать программу…

Русская программа, прокладывает себе дорогу наверх, пронзая насквозь башни данных и окрашивая все, что вокруг, в цвета игровой комнаты. Я ввожу пакет подготовленных Бобби команд прямо в центр холодного сердца Хром. В него врезается струя передачи — импульс сконцентрированной информации, и выстреливается прямо вверх, мимо сгущающейся стены тьмы, мимо русской программы, в то время, как Бобби силится удержать под контролем ту единственную секунду, которая для нас сейчас важнее, чем жизнь. Не до конца оформившееся щупальце тьмы делает судорожную попытку наброситься с высоты мрака, но слишком поздно.

Мы сделали это.

Матрица складывается вокруг меня сама по себе с волшебной легкостью оригами.

Чердак пропах потом и запахами горелой электроники.

В какой-то момент мне послышался резкий металлический звук, я подумал — это визжит Хром, потом понял, что просто не мог ее слышать.

***

Бобби смеялся так, что слезы выступили на глазах. Цифры в углу монитора показывали 07:24:05. Сожжение заняло чуть меньше восьми минут.

А я смотрел и не мог оторваться от русской программы, расплавившейся в своем пазу.

Основную сумму Цюрихского счета Хром мы перечислили дюжине различных благотворительных организаций мира. Но слишком там много было всего, что нужно было куда-то девать. Мы знали, что ничего другого не остается, как просто-напросто переломить ей хребет, сжечь ее полностью, без остатка.

Иначе — она непременно начнет за нами охоту. Лично себе мы взяли что-то около десяти процентов и отправили их через организацию Лонг Хамов в Макао. Из этого шестьдесят процентов они прибрали себе, а то, что осталось, перекинули нам обратно через самый глухой и запутанный сектор Гонконгской биржи. Прошел час, прежде чем наши деньги стали поступать на счета, которые мы открыли в Цюрихе.

Я молча наблюдал, как нули горкой набирались позади ничего не значащей цифры на мониторе. Я был богат.

Потом зазвонил телефон. Это был Майлс. Я чуть не забыл про нашу условную фразу.

— Джек, старик, я не знаю — что там получилось с этой твоей девчонкой. Какая-то странная штука, фиг поймешь…

— Что? Давай попонятнее.

— Я шел за ней, как договаривались, вплотную, но на глаза не высовывался. Она двинула к Неудачнику, немного там поторчала, а после села в метро. Она отправилась в Дом Голубых Огней…

— Она — что?

— Дверь сзади. Где только для персонала. Я не смог пробраться мимо службы их безопасности.

— И она сейчас там?

— Да нет, старик, просто я ее потерял. Здесь внизу все как будто с ума посходили. Похоже, что Голубым Огням крышка. По мне так — так им и надо. Представляешь, сработали сразу семь систем тревоги в разных местах, все чего-то бегают, охрана в полной выкладке, будто ждут беспорядков… А сейчас, и вообще — такое творится… Проходу нет от всех этих деятелей из страховых контор, торговцев недвижимостью, фургонов с муниципальными номерами…

— Майлс, куда она могла деться?

— Джек, так получилось…

— Послушай, Майлс. Оставь деньги, те, что в конверте, себе. Хорошо?

— Ты серьезно? Не думай, мне самому обидно. Я…

Я положил трубку.

— Подожди. Когда она об этом узнает… — заговорил Бобби,

обтирая себе грудь полотенцем.

— Вот ты сам ей все и расскажешь, ковбой. А я пошел прошвырнуться.

И я окунулся в ночь, в неоновые огни, позволив толпе увлечь меня за собой, шел и ничего не видел, желая лишь одного — почувствовать себя малой клеточкой всего этого гигантского человеческого организма. Всего лишь еще одним чипом сознания, дрейфующим под геодезическими куполами. Я ни о чем не думал, просто переставлял ноги, но через какое-то время мысли сами полезли в голову. И вдруг все стало ясно. Просто ей нужны были деньги.

Еще я думал о Хром. О том, что мы убили, уничтожили ее так же верно, как если бы перерезали ей горло ножом. И ночь, которая вела меня сейчас своими гульбищами и площадями, уже объявила охоту и на нее. И ей некуда было деться. И еще я подумал о том, как много у нее врагов в одной только этой толпе, и что они теперь станут делать, когда ее деньги им уже не страшны. Мы забрали у нее все, что было. Она снова оказалась на улице. Я сомневался, что она проживет хотя бы до рассвета.

Потом я вспомнил про то кафе, в котором я повстречал Тигра.

Ее очки против солнца, и длинные черные тени, падавшие от них на лицо, и грязное пятно от румян — цвета плоти — в углу на одной из линз рассказали мне обо всем.

— Привет, Рикки, — сказал я, как ни в чем не бывало, а сам уже наверняка знал, что увижу, когда она снимет очки.

Синева. Синева Тэлли Ишэм. Ничем не замутненная синева — что-то вроде торговой марки, по которой их узнают везде. И по кругу на каждом зрачке крошечными заглавными буквами выведено — Иконы Цейсса. Буковки словно парят, они мерцают, как золотые блестки.

— Красиво, — сказал я. Румяна скрывали лишь несколько едва заметных царапин. И ни одного шрама, настолько все было хорошо исполнено. — Ты где-то подзаработала денег?

— Да, заработала, — она поежилась, когда это сказала. — Но больше так зарабатывать не хочу. Во всяком случае — не на этом.

— Я думаю, эта контора бизнесом больше заниматься не будет.

— О-о-о, — только и сказала она. При этом ее лицо ни сколько не изменилось. Новые голубые глаза оставались глубоки и неподвижны.

— Впрочем, это уже не имеет значения. Тебя дожидается Бобби. Мы только что отхватили приличный кусок.

— Нет. Я должна уехать. Я думаю, он этого не поймет, но мне, правда, нужно ехать.

Я кивнул головой и тупо смотрел, как моя рука протянулась, чтобы взять ее руку. Рука моя была словно чужая и жила от меня отдельно.

Наверно, так оно и было на самом деле, хотя она и оперлась на нее по привычке.

— У меня билет в один конец, в Голливуд. У Тигра там есть знакомые, у которых можно остановиться. Может быть, мне даже повезет попасть в Чиба-сити.

Насчет Бобби она оказалась права. Назад мы вернулись вместе. Бобби ее не понял. Но она уже сделала для него все, что могла сделать. Я пытался ей намекнуть, что сейчас она причиняет ему только боль. Уж мне-то хорошо было видно, как ему от нее больно. Он даже не захотел проводить ее в коридор, когда были упакованы сумки. Я поставил их на пол и поцеловал ее, при этом смазав помаду. И что-то такое поднялось у меня внутри, подобно программе-убийце, когда мы сжигали Хром. Дыхание мое оборвалось, и я неожиданно понял — что бы я ей сейчас ни сказал, все слова будут лишними.

Ей нужно было торопиться на самолет.

Бобби, как всегда, развалясь, сидел во вращающемся кресле перед своим монитором и смотрел на вереницу нулей. Глаза его были прикрыты зеркалками, и я был более, чем уверен, что к ночи он уже будет сидеть в Джентльмене-Неудачнике и интересоваться погодой. Он не мог жить спокойно без знака, любого, хоть какого-нибудь, который бы ему подсказал, на что же будет похожа теперешняя его жизнь. Но я-то наверняка мог сказать, что вряд ли она будет чем-нибудь отличаться от прежней. И комфортабельней она никогда не станет, но несмотря на это, он всегда будет ждать свою новую, уже какую по счету, карту.

Я даже представить себе не мог ее в Доме Голубых Огней, как она отрабатывает свою трехчасовую норму в приближении REM сна, а этим временем тело ее и цепочки рефлексов проявляют заботу о бизнесе. Клиентам не приходилось жаловаться на подделку, потому что оргазмы эти были самые настоящие. Для нее самой они промелькивали от чувств вдалеке, на самой границе сна, неуловимыми серебряными всполохами. Да, это было так популярно, что про незаконность как-то забыли. Посетители прямо-таки разрываются между жаждой кого-нибудь поиметь и желанием быть в одиночестве, и все это одновременно. И, наверное, такое всегда было в природе этой прихотливой игры, задолго до того, как в это дело стали впутывать нейроэлектронику, которая и позволила совместить две несовместимые вещи.

Я снял телефонную трубку и набрал номер ее авиалинии.

Потом назвал ее настоящее имя и номер рейса.

— Она хочет поменять направление, — сказал я. — На Чиба-сити. Да-да.

Япония. — Я вставил в паз кредитную карточку и набрал свой идентификационный код. — Первым классом. — Я вслушивался в далекий шум, пока они проверяли записи о моих кредитах. — И, пожалуйста, сделайте ей билет с возвратом.

Я все же думаю, что она вернула деньги за этот билет в оба конца, он просто ей оказался не нужен. Обратно она уже не вернулась. И иногда, поздно ночью, останавливаясь у витрин с плакатами звезд симстима и вглядываясь в эти прекрасные, как две капли воды, похожие друг на друга, глаза, которые смотрят на меня с таких же одинаковых лиц, я вижу — эти глаза ее. Но ни одно из лиц, ни одно — никогда не принадлежит ей. И вдруг мне начинает казаться, что где-то далеко-далеко, за гранью расползшейся во все стороны ночи, в стороне от всех городов, она машет мне на прощанье рукой.

Нейромант

Деб, которая сделала это возможным, посвящается

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТИБА–СИТИ БЛЮЗ

1

Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал.

— Разве же я употребляю? — услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». — Просто у моего организма острая алкогольно–наркотическая недостаточность.

И голос рожденного в Муравейнике, и шуточка муравьиная. В «Тацубо», где собирались, как правило, профессиональные экспатриаты, можно просидеть неделю и слова не услышать по–японски.

Размеренными движениями протезированной руки бармен Рац выставлял на поднос кружки бочкового «Кирина». При виде Кейса он осклабился восточно–европейской сталью и коричневой гнилью. Тот нашел себе место у стойки между невероятно загорелой шлюхой из команды Лонни Зоуна и высоким африканцем в отглаженной морской форме с аккуратными рядами племенных шрамов на щеках.

— Утром заходил Уэйдж с двумя своими. — Здоровой рукой Рац пододвинул Кейсу кружку. — Не за тобой?

Тот молча пожал плечами. Девица справа игриво хихикнула и толкнула его локтем.

Улыбка бармена стала еще шире. Его безобразие вошло в поговорку. Нынче, когда красота доступна каждому — и за вполне умеренную плату, — отсутствие оной воспринимается как своего рода доблесть. Допотопная механическая рука при каждом движении жалобно завывала. Это был русский военный протез — семифункциональный манипулятор с механической обратной связью, заключенный в веселенький грязно–розовый пластик.

— В вас слишком много от артиста, герр Кейс. — Рац издал хрюкающий звук, заменявший ему смех. Почесал розовой клешней свисающее через ремень брюхо. — Вот только все больше на комедийных ролях.

— А то, — ответил Кейс и отхлебнул пива. — Должен же кто–то в этой тошниловке ломать комедию. У тебя ведь — хрен получится.

Шлюха захихикала октавой выше.

— И у тебя, цыпа, тоже не выйдет. И вообще, вали–ка ты отсюда. Мистер Зоун — мой лучший друг.

Девица в упор взглянула на Кейса и беззвучно ощерилась. Но все–таки ушла.

— Боже, — закатил глаза Кейс. — Ну что за бордель ты здесь развел? Выпить спокойно нельзя.

— Выпить ему захотелось! — Рац усердно тер тряпкой шершавое дерево стойки. — Зоун отстегивает процент. А тебя я пускаю только в качестве аттракциона.

Кейс поднес кружку к губам, и вдруг наступила странная тишина, когда множество собеседников в разных концах зала замолчали одновременно. В следующее мгновение раздалось истерическое хихиканье шлюхи.

— Ангел пролетел, — буркнул Рац.

— Китайцы, — взревел пьяный австралиец. — Блядские китаёзы изобрели сращивание нервов. На этом, мать его, материке нервы так тебе заштопают, что и шва не заметишь, носи до гроба.

— А вот это, — сказал Кейс, глядя в стакан и чувствуя поднимающуюся откуда–то изнутри желчную горечь, — дерьмо собачье.

И впрямь дерьмо. В области нейрохирургии японцы забыли, за ненадобностью, гораздо больше того, что китайцы когда–либо знали. Подпольные клиники Тибы — передовой рубеж медицины, целые массивы техники обновляются здесь ежемесячно, но даже местные врачи оказались не в силах совладать с увечьем, нанесенным Кейсу в Мемфисе.

Он проторчал здесь целый уж год, но о киберпространстве только мечтал, — и надежда угасала с каждой ночью. Он глотал стимулянты горстями, облазил весь Ночной Город до последней его дыры — и по–прежнему видел во сне матрицу — ее яркие логические решетки, развертывавшиеся в бесцветной пустоте… Муравейник где–то там, за Тихим океаном, а он больше ни оператор, ни кибер–ковбой. Заурядный прохиндей, пытающийся выбраться из задницы. Но в японских ночах приходили сны — колдовские, острые, как удар высоким напряжением, и тогда Кейс плакал, просыпался в темноте и корчился в гробу дешевой гостиницы, руки тянулись к несуществующей клавиатуре, впивались в лежанку, и темперлон пузырями вылезал между пальцами.

— Видел вчера твою девицу, — сказал Рац, пододвигая Кейсу вторую кружку.

— Нет у меня никакой девицы, — помотал головой Кейс.

— Мисс Линду Ли.

Кейс снова помотал головой.

— Нет девушки? Совсем? Весь в делах, дружище артист? Полностью посвятил себя коммерции? — Маленькие карие глазки бармена тонули среди морщин. — С Линдой ты мне нравился

больше. Чаще смеялся. А теперь ты как–нибудь так заиграешься, что окажешься в больнице. В колбах, разобранный по кусочку.

— Не говори об этом, Рац, а то я разрыдаюсь.

Кейс допил пиво, встал и вышел, ссутулив узкие плечи, обтянутые все еще мокрой от дождя нейлоновой штормовкой цвета хаки.

Проталкиваясь в толпе, затопившей улицу Нинсеи, он чувствовал запах собственного, давно не мытого тела.

Кейсу шел двадцать пятый год. В двадцать два он уже был ковбоем, одним из лучших взломщиков Муравейника. Обучали его тоже лучшие специалисты, легендарные Маккой Поли и Бобби Куайн. В состоянии почти постоянного адреналинового возбуждения, присущего молодости и профессионализму, Кейс подключался к изготовленной по спецзаказу киберпространственной деке, которая переносила его освобожденное сознание в консенсуальную галлюцинацию матрицы. Будучи вором, он работал на других, более состоятельных воров, на заказчиков, которые и снабжали его экзотическим софтом, необходимым для проникновения сквозь сияющие стены, окружавшие информационные крепости корпораций. Софтом, чтобы открывать окна в богатые поля данных.

Кейс совершил классическую ошибку, ту самую, которую клялся никогда не совершать. Он обокрал заказчика. Утаил кое–что для себя и пытался толкнуть это кое–что через одного амстердамского барыгу. Он до сих пор не понимал, как его вычислили, хотя сейчас это было совершенно неважно. Кейс думал, что умрет, но они только улыбались. Деньги, говорили они, ну конечно же, кто же не хочет заработать. И деньги ему здорово понадобятся. Потому что — ослепительная улыбка — мы сделаем так, что ты никогда уже не сможешь работать.

И они врезали ему по нервной системе русским боевым микотоксином.

В мемфисской гостинице, привязанный к кровати, Кейс галлюцинировал тридцать часов кряду, пока выгорал, микрон за микроном, его талант.

Увечье было мельчайшее, едва ощутимое и, вместе с тем, крайне эффективное.

Для Кейса, который жил лишь ради восторга бестелесных странствий в киберпространстве, это означало полный крах. В барах, куда он ходил прежде, элитарное положение удачливого ковбоя подразумевало несколько отстраненное презрение к плоти. Ведь что такое тело? Просто кусок мяса. И вот теперь Кейс

стал пленником собственного мяса.

Бывший ковбой незамедлительно превратил все свои активы в пухлую пачку новых иен — старинной бумажной валюты, которая, подобно морским ракушкам папуасов с тихоокеанских атоллов, беспрерывно циркулировала по замкнутому кругу мировых черных рынков. В Муравейнике с большим трудом, но все же удавалось вести легальный бизнес на наличные деньги, однако в Японии подобные операции были уже почти полностью противозаконными.

И все же — Кейс был уверен: в Японии ему помогут. В Тибе. Либо в обычной клинике, либо в сумеречном царстве подпольной медицины. Тиба ассоциировалась с имплантацией, сращиванием нервов, микробионикой и, как магнит, притягивала к себе техно–криминальные элементы Муравейника.

В Тибе все его новые иены исчезли за два месяца анализов и консультаций. Его последняя надежда — врачи подпольных клиник поражались изощренности увечья и медленно качали головами.

Теперь он спал в припортовых, самых дешевых гробах, под прожекторами, которые всю ночь, как необъятную сцену, освещали доки; где из–за сияния телевизионного неба не были видны не только огни Токио, но даже огромный голографический знак «Фудзи Электрик», а Токийский залив представлялся обширной черной гладью, где чайки кружатся над дрейфующими островками белого пенопласта. Дальше за портом лежал город — купола заводов, над которыми возвышались прямоугольные очертания административных зданий корпораций. Порт и город разделяла узкая безымянная полоска старых улочек. Ночной Город с улицей Нинсеи в сердце. Днем бары вдоль Нинсеи закрывались и выглядели невзрачно: неон мертв, а неподвижные голограммы терпеливо ожидали, когда же под отравленное серебристое небо придет ночь.

В чайной под названием «Жарр де Тэ», в двух кварталах от «Таца», Кейс запил первое ночное «колесо» крепким двойным эспрессо. Эту плоскую розовую восьмиугольную таблетку — сильнодействующую разновидность бразильского декса — он купил у одной из зоуновских девиц.

Стены здесь были зеркальные, каждая панель — в обрамлении из красных неоновых трубок.

Оставшись почти без денег и без надежды вылечиться, Кейс пришел в какое–то исступление и принялся добывать свежий капитал с холодной энергией, как будто принадлежащей другому

человеку. В первый же месяц он пришил двух мужчин и одну женщину из–за сумм, которые еще год назад показались бы ему смехотворными. Нинсеи изнуряла его и скоро стала казаться внешней проекцией его внутреннего стремления к смерти, таинственного яда, который постепенно переполнял тело.

Ночной Город похож на сумасшедший эксперимент в области социального дарвинизма, все время подстегиваемый клавишей «ввод», которую давит зевающий от скуки исследователь. Перестань шустрить — и тут же бесследно утонешь, но чуть переусердствуй — и нарушится хрупкое поверхностное натяжение черного рынка; и так, и сяк — тебя нет, ничего не осталось, кроме смутных воспоминаний о тебе у старожилов вроде Раца, ну да еще сердце, легкие или почки в больничных колбах, которые еще могут послужить какому–нибудь засранцу с пачкой новых иен.

Бизнес требовал постоянной интуиции, и смерть воспринималась как естественное наказание за лень, беззаботность, отсутствие такта, за неумение приспособиться к запутанному этикету черного рынка.

Однако, сидя за столиком «Жарр де Тэ» и чувствуя, как под действием дексамина потеют ладони, вздрагивают волоски на руках и груди, Кейс вдруг понял, что в какой–то момент начал играть сам с собой в очень древнюю игру, не имеющую названия, — в последний пасьянс. Он больше не носил оружия и не предпринимал никаких предосторожностей. Он заключал поспешные необдуманные сделки прямо на улице и приобрел репутацию человека, способного достать все что угодно. Какая–то часть его сознания понимала, что ослепительный блеск самоуничтожения не может не броситься в глаза заказчикам, которых, кстати, становилось все меньше и меньше. Однако та же самая часть буквально млела в предвкушении близкого конца. И эту же самую часть, в тепле и уюте ожидавшую смерти, особенно раздражали любые мысли о Линде Ли.

Он познакомился с ней одним дождливым вечером, в аркаде[1].

Под яркими призраками, сияющими в голубом сигаретном тумане, среди голограмм «Замка колдуна», «Танковой войны в Европе», «Полета над Нью–Йорком»… Кейс вспомнил, как ее лицо омывалось беспокойным лазерным светом, и черты его превращались в код: скулы вспыхивали алым, когда пылал замок колдуна, лоб высвечивался лазурью, когда в Мюнхен входили танки, и рот озарялся жарким золотом, когда скользящий курсор высекал искры в каньоне небоскребов. В тот вечер он чувствовал себя богачом: кетаминовый брикет Уэйджа отправлен в Йокогаму, капуста уже в кармане. Кейс спрятался от теплого дождя, который

хлестал по тротуарам Нинсеи, и как–то сразу из множества посетителей выделил девушку, которая самозабвенно играла. Несколькими часами позже, в припортовом гробу, он опять рассматривал то же самое восторженное выражение ее сонного лица и губы, похожие на птичку, какую рисуют дети.

Тогда же, гордый от заключенной сделки, Кейс направился к девушке и вдруг поймал на себе ее взгляд. Серые глаза, густо обведенные черным карандашом. Взгляд животного, парализованного светом приближающегося автомобиля.

Их совместная ночь перешла в утро, в билеты на паром и его первую поездку на ту сторону залива. Дождь шел не переставая, хлестал по Хараюку, скатывался каплями по ее пластиковой курточке, обдавал водяной пылью токийских подростков в белых кроссовках и блестящих накидках, шумными группками бродивших мимо знаменитых бутиков, а к полуночи Кейс с Линдой стояли в шумном зале для игры в патинко и она держалась за его руку, словно ребенок.

Через месяц из–за злоупотребления наркотиками и чрезмерного напряжения эти постоянно пугливые глаза превратились в бездонные колодцы наркотической жажды. Кейс наблюдал, как, словно айсберг, разваливается на куски ее личность; в конце концов, осталась только нездоровая страсть, голый остов пагубной привычки. Она тянулась к очередной дозе с упорством насекомого и напоминала ему богомолов, которые продавались в киосках на улице Сига рядом с голубыми карпами–мутантами и сверчками в бамбуковых клетках.

Кейс посмотрел в пустую чашку на черное колечко кофейной гущи. Оно дрожало — мало удивительного, после всех–то проглоченных сегодня «колес». Коричневую столешницу покрывала тусклая патина крошечных царапинок. Чувствуя дексаминовую волну, вздымающуюся вдоль позвоночника, Кейс думал о том, какое бесчисленное количество случайных ударов потребовалось, чтобы создать такую поверхность. «Жарр» был обставлен в почтенной, безымянной манере прошлого века, представлявшей собой странную смесь традиционного японского стиля и блеклого миланского пластика, — однако все здесь казалось покрытым тончайшей пленкой, как будто расшатанные нервы миллионов посетителей каким–то образом подействовали на зеркала и блестящую прежде пластмассу, оставив на каждой поверхности свой неизгладимый след.

— Привет, Кейс!

Он поднял голову и увидел серые глаза, густо обведенные карандашом. На девушке были поношенный французский орбитальный комбинезон и новехонькие белые кроссовки.

— А я все тебя ищу. — Девушка села напротив и положила локти на стол. Исчерканные «молниями» голубые рукава зияли прорехами, и Кейс привычно поискал признаки дермов или инъекции на ее руках.

— Курить будешь?

Она вытащила из подколенного кармана мятую пачку ихэюаньских сигарет с фильтром. Кейс взял одну и прикурил от поднесенной красной пластиковой зажигалки.

— Хорошо спишь, Кейс? А то вид у тебя усталый.

Судя по акценту, она происходила из южной части Муравейника — откуда–нибудь близ Атланты. Ее щеки имели бледный нездоровый цвет, хотя тело все еще выглядело гладким и крепким. Ей было двадцать. В уголках губ появились первые морщинки. Темные волосы стягивала шелковая ленточка с узором. Рисунок изображал то ли микросхему, то ли карту какого–то города.

— Совсем не сплю, если, конечно, не забываю про пилюли, — ответил Кейс и вдруг ощутил прилив сильного желания — вожделение и одиночество оседлали амфетаминовую волну. Он вспомнил запах ее кожи в жаркой темноте припортового гроба, пальцы, сплетенные у него на пояснице.

Мясо, подумал Кейс, и хочет мяса.

— Уэйдж… — сказала девушка, сузив глаза. — Он жаждет увидеть тебя с дыркой во лбу.

Она закурила.

— Кто сказал? Рац? Ты говорила с Рацем?

— Нет. Мона. Ее новый хахаль из Уэйджевых парней.

— Не так уж много я ему и должен, — пожал плечами Кейс. — А если он меня прикончит, то вообще не получит ничего.

— Слишком многие нынче ему задолжали. И поэтому тебя, должно быть, наметили на роль примера. Лучше отнесись к этому серьезно.

— Ладно. Ну а как ты, Линда? У тебя есть где переночевать?

— Переночевать? — Она утвердительно тряхнула головой: — Ну конечно, Кейс.

Девушка дернулась и чуть не упала со стула. Ее лицо покрылось потом.

— Вот, — сказал Кейс и полез в карман штормовки за мятой полусотней. Не глядя разгладив бумажку под столом, он сложил ее вчетверо и протянул девушке.

— Они тебе потребуются самому, сладкий мой. Отдай их лучше Уэйджу. В ее серых глазах светилось что–то неведомое, чего он раньше не видел.

— Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. Тем более скоро

мне еще приплатят, — солгал Кейс, глядя, как его деньги исчезают в кармане с «молнией».

— Как только получишь, сразу ищи Уэйджа.

— Увидимся, — сказал Кейс и встал из–за стола.

— Конечно. — В глазах девушки виднелись крохотные белые точечки. Первые признаки катаракты. — Так что ты поосторожнее.

Он кивнул и почувствовал сильнейшее желание оказаться как можно дальше отсюда.

Закрывая пластиковую дверь, Кейс оглянулся и увидел отражение ее глаз, обрамленное красным неоном.

Пятница, вечер, улица Нинсеи.

Кейс шел мимо лотков с якитори, мимо массажных кабинетов, мимо фирменной кофейни «Прекрасная девушка», мимо электронного грохота аркады. В одном месте он уступил дорогу смуглому сараримену, попутно заметив у того фирменный знак «Мицубиси–Генотех», вытатуированный на тыльной стороне правой ладони.

Настоящий знак или картинка, для хвастовства? Так или иначе, подумал Кейс, мужик этот прямо напрашивается на крупные неприятности. А если знак липовый — то поделом. Служащим «М–Г», достигшим определенного уровня, имплантируют новейшие микропроцессоры, которые замеряют содержание мутагенов в крови. Такой прибор — прекрасный пропуск в Ночной Город, прямо в подпольную клинику.

Сараримен был японцем, но, по большей части, толпа на Нинсеи состояла из «гайдзинов» — пришлых. Шли из порта группки моряков, озабоченные одинокие туристы искали удовольствий, не указанных в путеводителях, шустрили из Муравейника демонстрировали органы для пересадок и имплантанты, сновали всевозможные мошенники — все двигалось в сложном танце желаний и коммерции.

И хотя бесчисленные теории объясняли, почему в Тиба–сити терпели район Нинсеи, Кейс склонялся к мысли, что якудзы, вероятно, сберегли это места в качестве исторического заповедника — как памятник скромному истоку своей деятельности. Не лишенным смысла казалось и утверждение, что бурно развивающимся технологиям нужны зоны беззакония и Ночной Город существует не как среда обитания, а как намеренно ничем не ограниченный производственный полигон.

Кейс смотрел на уличные огни и думал: права ли Линда? Способен ли Уэйдж убить его в назидание остальным? Смысла как–то мало, однако, с другой стороны, Уэйдж торговал в

основном запрещенными биопрепаратами, а для этого нужно быть полным психом.

Итак, Линда утверждает, что Уэйдж хочет его смерти. Основное открытие Кейса в динамике уличной торговли состояло в том, что на самом деле ни покупатель, ни продавец в нем не нуждаются. Посредник — неизбежное зло, в этом, собственно, и состоит его бизнес. Сомнительная ниша, которую Кейс создал в криминальной экологии Ночного Города, выдалбливалась обманом и еженощно углублялась предательством. И теперь, услышав, что стены этой ниши трещат, он чувствовал себя на гребне странной эйфории.

Неделю тому назад, стараясь снять большую, чем обычно, маржу, Кейс задержал продажу синтетического гландулярного экстракта. Вряд ли Уэйджу это понравилось. Уэйдж — его главный поставщик, он провел в Тибе девять лет и был одним из немногих дельцов–гайдзинов, кому удалось наладить связь с замкнутым, строго иерархичным преступным истеблишментом за пределами Ночного Города. Генетические материалы и гормоны проникали на Нинсеи по таинственной цепочке связных. Однажды Уэйджу каким–то образом удалось выяснить, откуда поступает товар, и теперь у него были прочные связи с дюжиной городов.

Кейс очнулся от размышлений у витрины магазина. Здесь продавали морякам маленькие блестящие штучки: часы, пружинные ножи, зажигалки, карманные видеодвойки, симстим–деки, массивные цепочки–манрики и сюрикены. Эти стальные звездочки с острыми, как бритва, лучами всегда его восхищали. Одни — хромированные, другие — черные, третьи — с радужными, как масло на воде, разводами. Хромированные — просто загляденье. Лежат на алой ультразамше, прикрепленные едва заметной нейлоновой леской, в центре каждой — выдавленный значок Инь–Ян или дракончик. Сюрикены переливались уличным неоном, и Кейсу на мгновение показалось, что это и есть его путеводные звезды, что его судьба читается в созвездии грошовых хромированных железок.

— Джули, — сказал им Кейс. — Пора навестить старину Джули. Он все знает.

Джулиусу Дину было сто тридцать пять лет, и он упорно замедлял свой метаболизм еженедельным приемом сывороток и гормонов. Но его главным оружием против старения было ежегодное паломничество в Токио, где хирурги–генетики совершали недоступную в Тибе операцию — восстанавливали генетический код. После омоложения Дин летел в Гонконг, где

заказывал годовой запас костюмов и рубашек. В жизни этого бесполого, нечеловечески спокойного человека была одна–единственная страсть: он исповедовал наиболее эзотерические разновидности шмоткопоклонства. И хотя его гардероб чуть ли не целиком состоял из тщательных реконструкций прошлого столетия, Кейс ни разу не видел, чтобы Джулиус надел один и тот же костюм дважды. Дин носил очки в тончайшей золотой оправе с линзами, вырезанными из пластинок розового синтетического кварца и обточенными наподобие зеркал викторианского кукольного домика.

Его контора помещалась неподалеку от Нинсеи, в складском помещении, много лет назад частично обставленном разношерстной европейской мебелью, словно Дин и вправду собирался здесь жить. В комнате, где находился сейчас Кейс, вдоль стены пылились громоздкие книжные шкафы в новоацтекском стиле. На низком, а–ля Кандинский, кофейном столике, изготовленном из окрашенной в ярко–алый цвет стали, неуклюже примостились две пузатые настольные лампы в стиле Диснея. На стене, между книжными шкафами, висели часы в манере Сальвадора Дали, их искаженный циферблат стекал прямо на бетонный пол. Голографические стрелки в точности повторяли мельчайшие изгибы причудливого циферблата, но почему–то всегда показывали неправильное время. Повсюду стояли белые упаковки из фибергласса, источавшие резкий запах имбиря.

— Хвоста за тобой вроде нет, — раздался из ниоткуда голос Дина. — Ну, давай, сынок, входи.

Слева от книжных шкафов щелкнули магнитные запоры массивной, отделанной под розовое дерево двери. К полированному пластику были приклеены — и почти уже отклеились — большие буквы: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ–ЭКСПОРТ», И если в импровизированной приемной обстановка воспроизводила конец прошлого века, то в самом кабинете она соответствовала его началу.

Из светового пятна, созданного старинной медной лампой с темно–зеленым прямоугольным абажуром, на Кейса смотрело гладкое розовое лицо. Импортер восседал за огромным металлическим письменным столом, с обеих сторон его окружали шкафы из светлого дерева с многочисленными ящичками. Кейс предполагал, что в них, вероятно, раньше хранились какие–то записи. Столешницу заваливали разбросанные кассеты, рулоны пожелтевших распечаток и детали допотопной механической пишущей машинки, до которой у Дина никогда не доходили руки.

— Так чем же обязан честью? — спросил импортер, в руке его

появилась тоненькая конфетка в бело–голубом клетчатом фантике. — Попробуй. «Тинг–Тинг–Дьяхе», самые лучшие.

Кейс отрицательно мотнул головой, сел на гнутый деревянный стул и провел большим пальцем по едва заметному рубчику черных джинсов.

— Джули, я слышал, что Уэйдж хочет меня убить.

— А–а–а… Ну, тогда… А от кого ты это слышал, позволено будет узнать?

— От людей.

— От людей, — повторил Дин, посасывая конфетку. — Что же это за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

— Не всегда ведь и поймешь, кто твой друг, верно?

— Я немного задолжал Уэйджу. Он ничего тебе не говорил?

— В последнее время я с ним не общался, — вздохнул Дин. — Но и знай я что–нибудь, все равно ничего бы тебе не сказал. Исходя из положения вещей, сам понимаешь.

— Положения вещей?

— Уэйдж — важное звено, Кейс.

— Он действительно хочет меня убить?

— Этого я не знаю. — Дин равнодушно пожал плечами. Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что они обсуждают цены на имбирь. — Если слух не подтвердится, возвращайся, сынок, где–нибудь через недельку, я подкину тебе малость сингапурского товару.

— Из отеля «Нан–Хай», что на Бенкулен–стрит?

— Болтай поменьше! — ухмыльнулся Дин.

Металлический стол был под завязку забит оборудованием, исключающим прослушивание.

— Ладно, до встречи, Джули. Пойду поприветствую Уэйджа.

Пальцы Дина поправили идеальный узел светлого шелкового галстука.

Кейс не прошел и квартала, как внезапно, прямо–таки на клеточном уровне, почувствовал, что кто–то плотно сел ему на хвост.

Мания преследования была для Кейса нормальным профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров; он давно воспринимал эту слабость как нечто само собой разумеющееся. Хитрость состояла в том, чтобы не позволить ей выйти из–под контроля, но сегодня это было довольно затруднительно из–за большого количества закаченных «колес». Кейс справился с приливом адреналина и, придав своему узкому лицу выражение скучающей рассеянности, притворился праздным

гулякой. Через некоторое время он увидел затемненную витрину и остановился рядом. Это был хирургический бутик, закрытый на ремонт. Сунув руки в карманы, Кейс разглядывал плоский шмат искусственной плоти, лежащий на резной, поддельного нефрита, подставке. Кожа образца напомнила ему «загар» шлюх Зоуна, на ней тускло, как татуировка, мерцал цифровой дисплей, управляемый подкожным чипом. «Зачем, — подумал Кейс, чувствуя, как пот струится по ребрам, — нужно вживлять микросхему, если ее можно просто носить в кармане?»

Не поворачивая головы, одними глазами, он изучал отражение проходящей мимо толпы.

Вот.

За моряками в рубашках хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный…

Исчез.

Низко пригнувшись, петляя между прохожими, Кейс побежал по улице.

— Одолжи мне ствол.

Шин улыбнулся:

— Через два часа.

Окруженные запахами свежевыловленной морской живности, они стояли в подсобке павильона, торгующего суси на улице Сига.

— Ты вернуться через два часа.

— Мне нужно сейчас. Поищи, может, есть что–нибудь.

Шин пошарил за пустыми двухлитровыми банками из–под тертого хрена и извлек на свет божий продолговатый, завернутый в серую клеенку пакет.

— Тазер. Один час, двадцать нью–иен. Залог тридцать.

— На хрена он мне? Мне нужен пистолет. А то пойду я вот сейчас гулять, и захочется мне кого–нибудь шлепнуть. Ну и куда же я тогда без пистолета?

Официант пожал плечами и водворил тазер на прежнее место:

— Через два часа.

Кейс вошел в магазин, даже не взглянув на выставку сюрикенов. Он не метал их ни разу в жизни.

С помощью кредитного чипа Мицубиси–банка на имя Чарльза Дерека Мея он купил две пачки «Ихэюаня»; чип этот служил Кейсу вместо паспорта.

Продавщица–японка за кассовым терминалом выглядела на несколько лет старше старины Дина, *правда,* свои годы она

прожила без помощи достижений науки. Кейс вынул из кармана тощую стопку новых иен:

— Я хочу купить оружие.

Продавщица показала на витрину с ножами.

— Нет, — сказал Кейс, — я не люблю ножи.

Тогда женщина вытащила из–под прилавка продолговатую коробку. На желтом картоне крышки грозно раздувала капюшон аляповатая, свернувшаяся кольцами кобра. Под крышкой лежали восемь одинаковых цилиндров в бумажной упаковке. Кейс молча наблюдал, как коричневые, в старческих желтых пятнах пальцы разворачивают обертку. Женщина показала ему матовую стальную трубочку с кожаной петлей на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, зажала пирамидку между большим и указательным пальцами другой, затем потянула за петлю. Наружу вылетели и застыли три промасленных телескопических сегмента туго навитой пружины, заканчивающиеся острым наконечником.

— Кобра, — произнесла продавщица.

Небо над неоновыми конвульсиями Нинсеи приобрело сероватый оттенок. Сегодня воздух обдирал легкие, словно наждачная шкурка; на многих прохожих были фильтрующие маски. Кейс провел в уборной целых десять минут, пытаясь пристроить «кобру» поудобнее, но в конце концов попросту заткнул ее за пояс. Прикрытый штормовкой пирамидальный конец тыкался под ребра. При каждом шаге эта штуковина грозила грохнуться на землю, но все же с ней было как–то спокойнее.

На самом деле «Тац» не очень–то процветал и в будние вечера привлекал в основном постоянную клиентуру. Зато по пятницам и субботам он выглядел совсем иначе. И хотя в эти дни многие завсегдатаи приходили тоже, они как–то терялись среди массы подвыпивших моряков и профессиональных воришек, охотившихся за их кошельками. Войдя в бар, Кейс поискал глазами Раца, но тот куда–то исчез. Местный сутенер Лонни Зоун остекленевшим взором подвыпившего папаши наблюдал, как одна из его девочек обрабатывает юного моряка. Сводник употреблял балду, которую японцы называют «облачные танцовщицы». Поймав на себе его взгляд, Кейс помахал рукой. Лонни неторопливо переместился к нему сквозь толпу, его анемичное продолговатое лицо выражало безмятежное спокойствие.

— Лонни, ты видел сегодня Уэйджа?

Зоун посмотрел на Кейса и медленно покачал головой.

— Зуб даешь?

— А может, и видел. В «Намбане». Часа два назад.

— С ним были ребята? Один такой стройный, с темными волосами, наверное, в черной куртке?

— Нет, — сказал Зоун после длительных раздумий; морщины на его лбу должны были свидетельствовать о мучительных усилиях, необходимых, чтобы вспомнить столь мелкие подробности. — Здоровые такие ребята. С искусственными бицепсами.

Под прикрытыми веками Зоуна проглядывали крохотные белки, еще меньшие радужки и огромные расширенные зрачки. Он долго смотрел Кейсу в лицо, затем опустил взгляд. Заметил выпирающий стальной хлыст. Многозначительно поднял бровь и сказал:

— «Кобра». Ты хочешь кого–то замочить?

— Пока, Лонни.

И Кейс покинул бар.

Хвост вернулся. Кейс знал это наверняка. К обычному наркотическому возбуждению добавилось нечто новое, он почувствовал приступ восторга. А раз ты радуешься, подумал он, значит у тебя действительно едет крыша.

Каким–то непостижимым и слегка жутковатым образом обстановка напоминала матрицу. Устань, окажись в отчаянно неожиданном и неожиданно отчаянном положении, и ты увидишь Нинсеи в облике информационного поля, — примерно так же однажды матрица напомнила ему протеины, сцепляющиеся друг с другом, чтобы задать специализацию клетки. Затем ты можешь броситься в головокружительный, акробатический полет, отдаться ему целиком, ни на секунду не забывая о своей самостоятельности, пока вокруг тебя бушует привычный танец чисел и символов интерактивной деловой информации и ты видишь, как базы данных оживают во плоти лабиринтов черного рынка…

«Давай, Кейс, — говорил он сам себе. — Надери их. Вот уж чего они никак не ожидают».

Кейс находился в полуквартале от игровой аркады, где познакомился с Линдой Ли.

Расталкивая гуляющих матросов, он бросился через улицу. Ему вслед заорали по–испански. Кейс открыл дверь и оттуда рванулся грохот, похожий на рев прибоя, и мощный инфразвук отозвался даже не в ушах, а где–то в желудке. Кто–то нанес десятимегатонный удар в «Танковой войне в Европе», чудовищный огненный шар, имитирующий воздушный ядерный

взрыв, превращался в программный клубящийся дымный гриб, и вся аркада утонула в белом шуме. Кейс бросился вправо и побежал по некрашеным ступенькам вверх. Как–то он приходил сюда с Уэйджем, договариваться о запрещенных гормональных триггерах с человеком по имени Мацуга. Кейс припоминал этот коридор, грязную циновку, ряд одинаковых дверей, ведущих в крохотные кабинетики. Одна дверь была открыта. Из–за белого терминала на него смотрела молоденькая японочка в черной майке; за ее спиной виднелся постер, рекламирующий поездку в Грецию — голубизна Эгейского моря и, поверх нее, четкие строчки витиеватых иероглифов.

— Вызови охрану, — сказал ей Кейс.

И помчался дальше по коридору. Две последние двери были закрыты и, скорее всего, заперты. Он развернулся и припечатал нейлоновой подошвой кроссовки самую дальнюю по коридору дверь, сделанную из синего пластика. Раздался хруст, и слабые петли вырвало из хлипкого косяка. Темнота и белый изгиб компьютерного терминала. Кейс бросился направо к следующей двери, схватился за прозрачную пластмассовую ручку и навалился изо всех сил. Что–то щелкнуло, и он оказался в комнате. Именно здесь они с Уэйджем видели в тот раз Мацугу, но от фирмы, которая здесь размещалась, не осталось и следа… Ни терминалов, ничего. Только тусклый уличный свет, сочащийся сквозь закопченный пластик. Кейс заметил высовывающуюся из стенки змею световодного кабеля, кучу пустых пакетов из–под какой–то японской жратвы и электрический вентилятор без лопастей.

Окно было заделано куском дешевой, некогда прозрачной пластмассы. Кейс снял куртку, обмотал правую руку И ударил. Окно треснуло, еще два удара, и оно вылетело из рамы. То ли из–за разбитого окна, то ли благодаря девушке сквозь приглушенный хаос игры начала завывать тревожная сирена.

Кейс обернулся, накинул куртку и привел «кобру» в полную боевую готовность. Он ждал, что преследователь заметит выбитую дверь и бросится сначала туда. Бронзовая пирамидка на конце трубки начала мелко дрожать, упругий стальной хлыст вторил ударам пульса.

Время шло, однако ничего не происходило. Только завывала сирена, гремели игры, колотилось сердце. И тогда, как полузабытый друг, вернулся страх. Но не холодный, четкий механизм дексаминовой паранойи, а обыкновенный животный ужас. Кейс так долго прожил в постоянной тревоге, что почти забыл вкус настоящего страха.

Такая комнатушка — самое то, чтобы сдохнуть. И он может

здесь умереть. У них вполне могут быть пистолеты.

В дальнем конце коридора что–то грохнуло. Какой–то мужчина заорал по–японски. Дикий ужасный вопль. И снова грохот.

Неторопливые приближающиеся шаги.

Кто–то проходит мимо двери. Тишина, только три торопливых удара сердца. Возвращается. Раз! Два! Три! Скрипнула под каблуком циновка.

Остатки дексаминовой смелости рухнули. В слепом, нерассуждающем ужасе, чувствуя, как звенят от напряжения нервы, Кейс сложил «кобру» и подкрался к окну. Не отдавая отчета в своих действиях, он вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Столкновение с мостовой послало вдоль голеней острые клинья боли.

Узкая полоса света из полуоткрытого служебного люка падала на клубок проводов, разбитые платы и консоль древнего компьютера. Кейс лежал лицом вниз на сырой древесностружечной плите; придя в себя от удара, он сразу перекатился в тень. Окно, откуда он выпал, слабо светилось. Здесь завывание сирены слышалось громче, а шум игрового зала, отгороженного стеной, — тише.

В окне появилась и тут же исчезла чья–то голова. Опять появилась, но черты лица не разобрать. Только вместо глаз — серебряный блеск.

— Вот дерьмо! — произнес женский голос с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла и больше не появлялась. Лежа под консолью, Кейс сосчитал до двадцати и встал. Несколько секунд он тупо смотрел на собственную руку и зажатую в ней «кобру», а затем заковылял по улице, прихрамывая и стараясь меньше ступать на левую ногу.

Интересно, где это Шин откопал такую рухлядь, ведь пистолетику лет пятьдесят, никак не меньше. Вьетнамская копия с бразильской пародии на «Вальтер ППК», самовзвод с очень тугим спуском, приспособлен под винтовочный патрон двадцать второго калибра. Да и в патронах не настоящие разрывные пули, а китайская дешевка, свинцовые с пустотелым концом. И все–таки это пистолет, с восемью патронами в обойме и одним в стволе; выйдя из лавчонки Шина на улицу Сига, Кейс то и дело опускал руку в карман и поглаживал красную пластиковую рукоятку, украшенную рельефными драконами. Выйдя на Нинсеи, он выбросил «кобру» в мусорный ящик и проглотил, не запивая, очередной восьмиугольник.

Таблетка заметно подняла тонус, и он стремительно помчался по Нинсеи и далее по Байицу. Хвост, похоже, отстал, и это тоже радовало. Ему нужно позвонить, погоня погоней, но бизнес не ждет. Недалеко от порта на улице Байицу стоял безобразный десятиэтажный дом из желтого кирпича. Его окна уже погасли, но если задрать голову, можно было различить слабое свечение, идущее с крыши. Потухшая неоновая вывеска у главного входа гласила: «Дешевый отель»; далее шли иероглифы, понятные, естественно, одним японцам. Если гостиница и имела другое название, то Кейс его не знал, потому что ее везде назвали не иначе как «Дешевый отель». Свернув с Байицу в узкий проулок, вы оказываетесь у основания прозрачной шахты. Лифт к «Дешевому отелю» пристроили позднее, с помощью бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в кабину и вставил в щель свой индивидуальный ключ — обрезок жесткой магнитной ленты.

Кейс арендовал здесь гроб в первый же день по прибытии в Тибу и возобновлял договор еженедельно. Однако он ни разу здесь не спал. На ночь он перебирался в другие, еще более дешевые заведения.

Исцарапанные засаленные стенки кабины провоняли дешевыми духами и сигаретами. Когда лифт прошел пятый этаж, Кейс увидел уличные фонари Нинсеи. Постукивая пальцами по рукоятке пистолета, он дождался, пока лифт со змеиным шипением остановится. Как всегда, остановка сопровождалась сильным толчком, но он к этому привык. Выйдя из лифта, он очутился на зеленой лужайке, служившей одновременно гостиничным холлом. Посреди синтетического газона за полукруглой компьютерной консолью сидел мальчишка–японец; он читал какой–то учебник. Над пацаном возвышались строительные леса с фиберглассовыми гробами. Шесть ярусов, по десять гробов в каждом, с каждой из четырех сторон. Кейс кивнул мальчишке и пошкандыбал к ближайшей лестнице. И хотя все сооружение было покрыто листами дешевого слоистого пластика, которые трещали от сильного ветра и текли во время дождя, сами гробы были довольно прочными, забраться в такую капсулу без ключа было не так–то и просто.

Длинный решетчатый трап вибрировал под ногами, пока Кейс пробирался по третьему ярусу к своему 92–му номеру. Все гробы были три метра длиной и имели овальный люк в один метр шириной и чуть меньше полутора метров высотой. Кейс вставил магнитный ключ в щель и подождал, пока компьютер подтвердит его подлинность. Магнитные запоры громко щелкнули и, скрипя пружинами, люк поднялся вверх. Загорелись флюоресцентные лампы, он заполз внутрь, закрыл за собой люк и заперся на

механический засов.

В «номере» не было другой мебели, кроме маленького карманного компьютера «хитачи» и небольшого холодильника. В белом пенопластовом шкафчике лежало все, что осталось от трех десятикилограммовых брусков сухого льда, обернутых плотной бумагой, чтобы меньше испарялись, а также небольшая алюминиевая фляга. Присев на коричневом поролоновом мате, который служил одновременно и полом и кроватью, Кейс вынул из кармана пистолет и положил его на холодильник. Затем снял куртку. В одну из изогнутых стен гроба был встроен пульт бытового компьютера, а напротив висела табличка, сообщавшая домовые правила на семи языках. Кейс снял розовую телефонную трубку и набрал по памяти гонконгский номер. Прослушав пять длинных гудков, он повесил трубку. Покупатель трех мегабайт горячей информации, припрятанных сейчас в памяти его «хитачи», не отвечал.

Тогда он позвонил по токийскому номеру, в Синдзюку.

В трубке женский голос что–то сказал по–японски.

— Ловчила дома?

— Рад тебя слышать, — вступил в разговор Ловчила. — Я ждал твоего звонка.

— Я подыскал музыку, которую ты хотел. — Кейс посмотрел на холодильник.

— Очень рад. Но у нас проблемы с наличностью. Ты можешь подождать?

— Слушай, мне очень нужны деньги…

В трубке раздались короткие гудки.

— Ну и говно же ты, — произнес Кейс. Он с сомнением уставился на дешевый маленький пистолет.

— Странно это все, — сказал он. — И чем дальше, тем страньше.

Держа руки в карманах, причем одна рука сжимала пистолет, а другая — алюминиевую фляжку, Кейс вошел в «Тац». До рассвета оставался еще добрый час.

Прислонившись к стенке, взгромоздив все свои сто двадцать кило на скрипучий стул, Рац сидел за дальним столиком и пил из пивной кружки минералку «аполлонарис». За стойкой работал бразилец Курт, который присматривал за несколькими, в основном тихими, пьяницами. Рац поднял надсадно гудящим протезом кружку, сделал глоток и поставил ее на место.

— Плохо выглядишь, дружище артист, — сказал он, демонстрируя мерзостное содержимое своего рта.

— Наоборот, я чувствую себя отлично, — улыбнулся Кейс, и

его лицо стало похоже на оскаленный череп. — Сверхотлично.

Он плюхнулся на стул напротив Раца, по–прежнему держа руки в карманах.

— Ага, и ты шляешься с места на место в своем переносном бомбоубежище из водки и стимуляторов. Защита от неприятных эмоций, не так ли?

— Слушай, отстал бы ты от меня со своими шуточками. Уэйдж тут не пробегал?

— Защита от страха и одиночества, — продолжал бармен. — Прислушайся к своему страху. Может быть, он — твой друг.

— Ты ничего не слышал о потасовке в аркаде, Рац? Кого–нибудь ранили?

— Кто–то сильно порезал охранника. — Бармен равнодушно пожал плечами. — Вроде девица какая–то.

— Я хочу поговорить с Уэйджем, Рац. Я…

— Да? — Губы бармена неожиданно сжались в прямую линию. Он смотрел мимо Кейса на входную дверь. — Сейчас поговоришь.

Перед внутренним взором Кейса неожиданно сверкнул сюрикен. В голове звенел проглоченный за день декс. Пистолетная рукоятка стала скользкой от пота.

— Герр Уэйдж, — сказал Рац и медленно протянул вперед свой розовый манипулятор, как будто ожидая рукопожатия. — Какая огромная честь. Вы такой у нас редкий гость.

Кейс обернулся и посмотрел Уэйджу в лицо. Загорелая, ничем не приметная маска. Его глаза, искусственные, цвета морской волны (трансплантанты фирмы «Никон»), ничего не выражали. Уэйдж был одет в темно–серый шелковый костюм и на каждом запястье носил по простенькому платиновому браслету. Его сопровождали два почти одинаковых молодых парня, руки и плечи которых раздувались от искусственных мышц.

— Как поживаешь, Кейс?

— Джентльмены, — сказал Рац и взял со стола розовой клешней пепельницу, полную окурков. — Я не хочу здесь никаких неприятностей. — Толстая, из ударопрочной пластмассы пепельница рекламировала пиво «Циньтао». Она жалобно хрустнула в клешне Раца, на стол посыпались окурки и зеленые осколки. — Вы понимаете меня?

— Эй, папаша, — сказал один из парней, — уж не хочешь ли ты испытать эту штуковину на мне?

— Не старайся целиться в ноги, Курт, — негромко кинул Рац. Только теперь Кейс увидел, что стоящий за стойкой бразилец навел на троицу «усмирительное» ружье фирмы «Смит–и–Вессон». Ствол ружья, сделанный из тонкого, как бумага, сплава, плотно

обвивала длинная стеклянная нить, а калибр был столь велик, что в дульное отверстие свободно проходил сжатый кулак. В решетчатом открытом магазине виднелись пять толстых оранжевых патронов с «желейными» пулями.

— Теоретически несмертельно, — сказал бармен.

— Слушай, Рац, — заговорил наконец Кейс, — за мной должок.

Тот пожал печами.

— Ничего ты мне не должен. А этим, — он сверкнул глазами в сторону Уэйджа и его дружков, — следовало бы получше знать правила. В «Тацубо» никого не мочат.

Уэйдж примирительно кашлянул:

— Никто никого и не собирался мочить. Мы только хотели поговорить о деле. Мы с Кейсом партнеры.

Кейс вытащил пистолет и навел его Уэйджу в пах:

— Мне сказали, ты хочешь меня убить.

Розовая клешня обхватила пистолет, Кейс беспрекословно его выпустил.

— Слушай, Кейс, что с тобой, черт возьми, происходит, у тебя что, совсем крыша поехала? Что это за дерьмо, будто я собираюсь тебя убить? — Уэйдж повернулся к своим телохранителям: — Вы, двое, отправляйтесь в «Намбан». Ждите меня там.

Кейс наблюдал, как парочка проследовала к выходу, теперь, кроме них, в баре оставались только Курт за стойкой да пьяный матрос, свернувшийся калачиком на полу. Ствол «Смит–и–Вессона» проводил двоих к двери, а затем опять вернулся к Уэйджу. Магазин «Вальтера» со стуком упал на стол. Держа оружие клешней, Рац здоровой рукой вылущивал патрон из патронника.

— Кто тебе сказал, что я собираюсь тебя пришить, — спросил Уэйдж.

Линда.

— Кто тебе такого наговорил? Кто–то пытался тебя подставить.

Матрос застонал и изрыгнул фонтан блевотины.

— Вышвырни его отсюда, — приказал Рац Курту, который закуривал, сидя на краю стойки; ружье лежало у него на коленях.

Внезапно Кейс почувствовал, что ночь навалилась на него и как будто мокрый тяжелый песок надавил на глазные яблоки. Он вынул из кармана алюминиевую фляжку и протянул ее Уэйджу:

— Все, что у меня есть. Гипофизы. Если постараться, можно толкануть за пять сотен. Остальные мои деньги были вложены в кое–какие файлы, но с ними, похоже, полный прогар.

— Слушай, Кейс, ты не болен? — Фляжка исчезла во

внутреннем кармане темно–серого пиджака. — Я хотел сказать, ладно, мы в расчете, но у тебя нездоровый вид. Такое ощущение, словно об тебя вытирали ноги. Шел бы ты и поспал.

— Да, вот ещё. — Кейс встал, и бар закачался перед глазами. — У меня было еще пятьдесят. Но я их отдал одной подруге.

Он по–дурацки хихикнул. Затем взял со стола магазин, отдельный патрон, положил их в один карман, а пистолет засунул в другой.

— Пойду к Шину, заберу залог.

— Лучше иди домой, — как–то смутившись, произнес Рац и сел обратно на стул, который жалобно заскрипел под его огромным телом. — Артист. Иди–ка ты домой.

Проталкиваясь в дверь, Кейс спиной чувствовал, что они смотрят ему вслед.

— Вот же сука, — сказал Кейс, глядя, как небо над Сигой приобретало розовый оттенок. Голограммы Нинсеи, подобно ночным призракам, одна за другой исчезали перед наступающим рассветом, а неоновые вывески погасли уже почти все. Кейс отхлебнул из пластмассового стаканчика крепкий черный кофе, купленный у уличного торговца, и вновь посмотрел на восходящее солнце.

— Улетай–ка ты отсюда, милочка. Город вроде этого — для тех, кто предпочитает катиться по наклонной.

На самом деле все было гораздо сложнее, и едва ли стоило переживать по поводу ее предательства. Просто Линде был нужен билет домой, а содержимое памяти его «Хитачи» обеспечит ей необходимую сумму, если, конечно, она найдет покупателя. А как ловко она обошлась с пятидесяткой: ведь она чуть было ее не вернула — наверняка уже зная, что вскоре обчистит его до нитки.

Когда Кейс вышел из лифта «Дешевого отеля», за столом сидел все тот же мальчуган. Правда, уже с другим учебником.

— Эй, приятель, — крикнул ему Кейс, — можешь ничего не рассказывать. Я уже все знаю. Приходила хорошенькая дама и сказала, что я дал ей свой ключ. И предложила неплохие чаевые, скажем, пятьдесят новых?

Мальчик оторвался от книги и оторопело на него уставился.

— Женщина, — сказал Кейс и провел по лбу мальчишки большим пальцем. — Белая. — Он широко улыбнулся. Мальчишка заулыбался в ответ и закивал головой.

— Спасибо, задница, — бросил Кейс и направился к лестнице.

Замок долго не хотел открываться. «Наверное, испортила,

когда вскрывала, — подумал Кейс. — Начинающая». Сам–то он отлично знал, где взять «черный ящик», при помощи которого можно было открыть в «Дешевом отеле» любую дверь. Когда он наконец забрался внутрь, вспыхнули лампы.

— Ну–ка, дружок, не дергайся, закрой люк, только очень медленно. Та штука, которую ты взял у официанта, еще с тобой?

Опираясь спиной о стену, в дальнем конце гроба сидела незнакомка. Она целилась в него из игольника, держа его, для верности, обеими руками и положив запястья на согнутые колени. Ствол, похожий на головку перечницы, глядел ему прямо в лицо.

— Это ты буйствовала там, в аркаде? — Кейс закрыл люк. — А где Линда?

— Закрой дверь на задвижку.

Кейс повиновался.

— Линда? Это твоя девушка?

Он кивнул.

— Уехала. Прихватила с собой твою «хитачи». Очень нервный ребенок. Так как насчет пушки?

На девушке были зеркальные очки. И вся она была в черном, и каблуки черных ботинок глубоко вдавливались в темперлон.

— Я вернул его Шину и забрал залог. И патроны вернул, за полцены. Тебе что нужно, деньги?

— Нет.

— Тогда, может, сухой лед? Это все, что у меня осталось.

— Слушай, что сегодня с тобой происходит? Зачем ты устроил скандал в аркаде? В результате за мной увязался охранник с нунчаками, пришлось его резать.

— Линда сказала, что ты хочешь меня убить.

— Линда? Да я ее сегодня в первый раз увидела — здесь, в твоем гробу.

— Разве ты работаешь не на Уэйджа?

Девушка покачала головой. Кейс только сейчас заметил, что свои так называемые «очки», плотно закрывающие глазные впадины, она надела явно не без помощи умелого хирурга. Серебристые линзы, казалось, вросли в бледное лицо, обрамленное шапкой темных, небрежно подстриженных волос. Тонкие белые пальцы с бордовым маникюром сжимали игольник. Ногти, похоже, были искусственные.

— Ты, Кейс, сидишь в глубокой заднице. Я больше не собираюсь прятаться, так что вмонтируй меня, пожалуйста, в свою картину мира.

— Так что же вам от меня нужно, леди? — Кейс оперся спиной на люк.

— Ты. Одно живое тело — и при нем мозги, которые кое–как

еще фурычат. Молли, Кейс. Меня зовут Молли. Я отведу тебя к человеку, на которого работаю. Он хочет с тобой поговорить. Просто поговорить. Никто не собирается делать тебе больно.

— Что ж, это хорошо.

— Правда, вот я иногда делаю людям больно. Так уж я устроена.

На девушке были обтягивающие джинсы из замши и просторная черная куртка из какого–то матового материала, который, казалось, полностью поглощал свет.

— Если я спрячу этот самострел, ты не будешь создавать мне трудностей, Кейс? Ты не похож на человека, который любит глупый риск.

— Да что ты, не беспокойся, я буду паинькой, никаких проблем.

— Ну, что ж, прекрасно. — Игольник исчез под черной курткой. — Потому что, если ты попытаешься со мной выкобениваться, это будет самый глупый поступок в твоей глупой жизни.

Она вытянула руки ладонями вверх, слегка расставила пальцы, послышался едва слышный щелчок — и десять обоюдоострых четырехсантиметровых стальных лезвий выскочили из своих ножен под бордовыми ногтями.

Девушка улыбнулась. Лезвия медленно втянулись обратно.

2

После целого года жизни в гробах комната на двадцать пятом этаже «Тиба–Хилтона» казалась огромной. Восемь на десять метров, и это еще половина номера. Из белой кофеварки фирмы «Браун» шел пар, она стояла на столике возле раздвижных стеклянных панелей, которые открывались на узкий балкон.

— Влей–ка в себя малость кофе. Тебе совсем не помешает.

Девушка сняла черную куртку, игольник болтался у нее под мышкой на черных нейлоновых ремнях. Кроме того, на ней был серый жилет с металлическими «молниями» на плечах. «Пуленепробиваемый», — решил Кейс, наливая себе дымящегося кофе в ярко–красную кружку. Ноги его и руки были как деревянные.

— Кейс.

Кейс поднял голову. Этого человека он видел впервые.

— Меня зовут Армитидж.

Под темным распахнутым халатом виднелась мускулистая, совершенно безволосая грудь и плоский крепкий живот. Очень светлые, почти водянистые голубые глаза наводили на мысль об искусственном обесцвечивании.

— Солнце встало, Кейс. Солнце твоего счастливого дня.

Кейс бросил руку в сторону, но мужчина легко отклонился от обжигающе горячей струи. По обоям, имитирующим рисовую бумагу, растеклось коричневое пятно. На левой мочке мужчины висел золотой многоугольник. Спецназ. Армитидж улыбнулся.

— Налей кофе и пей, — равнодушно бросила Молли. — Бояться тебе нечего, но ты не выйдешь отсюда, пока Армитидж с тобой не поговорит.

Девица села по–турецки на атласный пуфик и стала не глядя разбирать свой игольник. Кейс вернулся к столу и налил себе еще кофе; два зеркала следили за каждым его шагом.

— Ты слишком молод, чтобы помнить войну, верно? — Армитидж провел громадной ладонью по коричневому ежику на голове. На запястье тускло блеснул золотой браслет. — Ленинград. Киев. Сибирь. Именно там, в Сибири, мы изобрели тебя, Кейс.

— И как это следует понимать?

— «Разящий Кулак», Кейс. Слышал когда–нибудь о таком?

— Какая–то диверсионная операция, так, что ли? Пытались сжечь компьютерный центр русских вирусными программами? Да, слышал. Никто не вернулся живым.

В комнате повисла напряженная тишина. Армитидж подошел

к окну и стал смотреть на Токийский залив.

— Не совсем так. Одна группа сумела–таки вернуться в Хельсинки.

Кейс молча пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Ты ведь компьютерный ковбой. Так вот, прототипы программ, которыми ты взламываешь промышленные банки данных, были разработаны для операции «Разящий кулак». Для нападения на компьютерный центр в Киренске. Каждая группа состояла из сверхлегкого самолетика «Ночное крыло», пилота, матричной деки и жокея. Мы пользовались вирусом, который получил название «Крот». Серия «Крот» стала первым поколением действительно мощных программ вторжения.

— Ледоколы, — кивнул Кейс, не отводя от губ красную кружку.

— Именно. Системы защиты компьютерных банков данных называют «ЛЕД». Такая простенькая аббревиатурка.

— Беда в том, мистер, что вы ошиблись адресом, или, лучше сказать, опоздали. Я больше не жокей. Так что нам остается только попрощаться и…

— Я был там, Кейс. Я присутствовал, когда изобрели тебя и тебе подобных.

— Ни хрена тебе, мужик, не обломится — ни с меня, ни с подобных мне. Ну, водятся у тебя крутые башли. Ну, нанял ты эту, ой как дорогую, девку с бритвами. Ну, взяла она меня за жопу и приволокла сюда, ну и что? Где сядешь, там и слезешь. Не буду я больше работать на деке, никогда. Ни для тебя, ни для кого другого. — Кейс подошел к окну и посмотрел вниз. — Вон где я теперь живу.

— Судя по психопрофилю, ты намеренно пытаешься спровоцировать улицу, чтобы она убила тебя — в тот момент, когда ты этого никак не ждешь.

— Психопрофиль?

— Мы создали подробную модель. Раздобыли маршруты твоих поездок под каждым из псевдонимов и обработали полученную информацию с помощью некой военной программы. Ты склонен к суициду, Кейс. Модель оставляет тебе всего месяц жизни. Да к тому же наш медицинский анализ говорит, что уже в этом году тебе понадобится новая поджелудочная железа.

— Мы… — Кейс посмотрел в выцветшие голубые глаза. — Кто это мы?

— А что бы ты сказал, узнав, что мы можем тебя вылечить? Отремонтировать твою нервную систему? — Теперь Армитидж казался глыбой металла — массивной, чудовищно тяжелой. Статуя. Кейс понял, что это только сон и он сейчас проснется.

Армитидж больше не заговорит. Сны всегда заканчивались стоп–кадром, вот и этот сейчас кончится. Тем же.

— Ну, так что ты на это скажешь?

Кейс перевел взгляд на залив и зябко поежился:

— А то и скажу; не засерай мне мозги.

Армитидж невозмутимо кивнул.

— А затем спрошу: на каких условиях?

— Примерно на тех же, на каких ты работал раньше.

— Дай человеку прийти в себя, Армитидж, — подала голос Молли; детали игольника лежали перед ней наподобие хитроумной головоломки. — Он же на куски разваливается.

— Точные условия, — упрямо мотнул головой Кейс, — и сейчас. Прямо сейчас.

Его била дрожь. И он не мог эту дрожь унять.

Безымянная клиника, расположенная в дорогом районе: новехонькие, блистающие чистотой павильоны, разделенные аккуратными, ухоженными садами. Кейс помнил это место, именно здесь он обследовался в первый месяц своего пребывания в Тибе.

— Ты напуган, Кейс. Напуган так, что поджилки дрожат.

Воскресным полднем он стоял вместе с Молли во внутреннем дворике. Белые валуны, островок зеленого бамбука, черная галька, отшлифованная морским прибоем. Робот–садовник, похожий на большого механического краба, ухаживает за бамбукам.

— Все будет хорошо, Кейс. Ты просто не знаешь, что задумал Армитидж. Он расплатится с этими нерводерами той самой программой, которая объяснит им, как тебя лечить. С этой программой они обойдут всех своих конкурентов года на три. Ты представляешь себе, сколько это стоит?

Она сунула большие пальцы за ремень кожаных джинсов и качнулась на лакированных каблуках своих вишнево–красных ковбойских сапог. Узкие носы окантовывало блестящее мексиканское серебро. Непроницаемые, отливающие ртутным блеском линзы казались глазами какого–то фантастического насекомого.

— Ты ведь уличный самурай, — сказал Кейс. — Как давно ты на него работаешь?

— Пару месяцев.

— А до этого?

— Работала на другого. Видишь ли, я сама зарабатываю себе на жизнь.

Он кивнул.

— Забавно, Кейс.

— Что забавно?

— Такое впечатление, что я знаю тебя как облупленного. Этот профиль, о котором он говорил. Я знаю, что у тебя внутри.

— Ничего ты, сестренка, не знаешь.

— Ты же в полном порядке. То, что с тобой случилось,. — просто непруха.

— Ну, а как Армитидж? Он как, в полном порядке?

Преодолевая волны черной гальки, к ним приближался робот–краб. Его бронзовый панцирь казался древним, словно был сделан тысячи лет назад. Примерно в метре от сапог Молли робот выплеснул из себя луч света и на мгновение застыл, анализируя полученные данные.

— Знаешь, Кейс, я никогда не ищу на свою драгоценную задницу никаких приключений.

Краб повернул в сторону, но Молли ловко ударила его ногой; окантованный серебром носок сапога лязгнул по бронзовому панцирю. Агрегат упал на спину, засучил бронзовыми лапами и быстро перевернулся обратно.

Кейс сел на валун и стал водить носком ботинка по гальке, разрушая идеальную симметрию черных волн. Порылся по карманам в поисках сигарет.

— В рубашке, — подсказала девушка.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Кейс выудил из пачки мятую «ихэюанину», и девушка щелкнула тонкой стальной зажигалкой немецкого производства, блестевшей, как хирургический инструмент.

— Ладно, скажу. Этому мужику подвернулось что–то серьезное. У него большие деньги, которых не было раньше, и он все время получает еще и еще. — Кейс заметил явное напряжение в уголках губ девушки. — А может быть, наоборот, это он кому–то удачно подвернулся… — Она пожала плечами.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю. Я знаю только то, что не знаю, на кого мы работаем.

Кейс посмотрел ей в глаза — в два круглых серебряных зеркальца. В субботу утром он вернулся из «Хилтона» в «Дешевый отель» и проспал десять часов. Затем он долго, без всякой цели, гулял вдоль портовой ограды, наблюдая, как кружатся чайки. Если она и следила за ним, то делала это очень незаметно. Он не пошел в Ночной Город, а вернулся в гроб и стал ждать звонка от Армитиджа. И вот в воскресный полдень он находился в тихом дворике, и рядом с ним — эта девушка с телом гимнастки и руками фокусника.

— Если угодно, сэр, анестезиолог ждет вас.

Санитар поклонился и, не дожидаясь Кейса, вернулся в клинику.

Пахло холодным металлом. Лед приятно холодил позвоночник.

Кейс, такой маленький, затерялся в огромной темноте, руки окоченели, его тело осталось где–то далеко внизу, а сам он летит по коридорам телевизионного неба.

Голоса.

И вдруг черный огонь пронесся по нервным сплетениям. Это была боль — боль, превосходящая все, что называют этим словом…

Лежи спокойно, не дергайся.

Рац и Линда Ли, Уэйдж и Лонни Зоун, моряки, жулики, шлюхи — сотни лиц среди неоновых джунглей под ядовито–серебристым небом — все где–то там, за тюремной оградой, за стенами черепной коробки…

Какого хрена, ты будешь наконец лежать спокойно!

Небо, бывшее прежде рябью статических помех, поблекло и превратились в бесцветье матрицы, а потом перед глазами замелькали сюрикены, его путеводные звездочки.

— Прекрати, Кейс, мне нужно попасть тебе в вену! Она склонилась над ним с голубым пластмассовым шприцем в руке.

— Если ты не будешь лежать спокойно, я проткну твое долбаное горло. В тебе еще полно эндорфинов.

Кейс проснулся в полной темноте и обнаружил, что девушка лежит рядом.

Шея казалась хрупкой, сплетенной из тонких хворостин. В самой середине позвоночника пульсировала боль. Перед глазами проносились смутные образы: то мерцающие коллажи из небоскребов Муравейника и дырявых фуллеровых куполов, то в тени каких–то мостов на него надвигались мрачные фигуры…

— Проснулся? Сегодня среда, Кейс.

Девушка села и, перегнувшись через него, начала что–то искать. Обнаженная грудь задела руку. Кейс услышал, как она открыла банку и стала пить.

— На. — Банка очутилась у него в руке. — Я вижу в темноте, Кейс. У меня в глазах миниатюрные фотоумножители.

— Спина болит.

— Это там, где брали спинномозговую жидкость. Тебе поменяли и ее, и всю кровь. Это из–за того, что у тебя теперь

новая поджелудочная. Еще тебе вшили новый кусок печени. Что делали с нервами, мне не известно. Знаю только, было множество инъекций. Все держалось в строжайшей тайне. — Девушка опять легла. — Сейчас ночь, Кейс, два часа сорок три минуты двенадцать секунд. У меня часы выведены прямо на зрительный нерв.

Кейс с трудом сел и попытался попить из банки. Поперхнулся, закашлялся, тепловатая вода полилась на грудь и бедра.

— Мне нужна дека. — Кейс почти не поверил, что это его собственные слова. Он стал нащупывать одежду. — Я должен знать…

Молли засмеялась. Маленькие сильные руки обхватили его за плечи.

— Очень сожалею, торопыга. Но тебе придется подождать восемь дней. Твои нервы выскочат наружу, если ты подключишься с ходу. Доктора велели тебе отдыхать. Они считают, что все прошло удачно. Через день–два пойдем на консультацию. — Она снова засмеялась.

Кейс лег на спину.

— Где мы?

— Дома. В «Дешевом отеле».

— А где Армитидж?

— В «Хилтоне», продает бусы туземцам или еще что–то в этом роде. Мы скоро уезжаем отсюда. Амстердам, Париж, а потом домой, в Муравейник. — Молли тронула его за плечо. — Ну–ка, перевернись. Я сделаю тебе массаж.

Кейс лег на живот и вытянул вперед руки, пальцы коснулись стенки гроба. Девушка встала над ним на колени, кожаные джинсы холодили ему поясницу. Ее пальцы погладили шею.

— А почему ты здесь, а не в «Хилтоне»?

Вместо ответа она отвела руку назад и стала легкими круговыми движениями поглаживать ему мошонку. Так продолжалось около минуты, и все это время другая рука продолжала растирать ему шею. Кожаные джинсы негромко поскрипывали в такт ее движениям. Чувствуя, как член твердеет и начинает упираться в поролон, Кейс немного повернулся.

Боль в голове пульсировала по–прежнему, но шея не была уже такой хрупкой. Кейс приподнялся на локте и перевернулся, затем притянул девушку к себе, стал ласкать языком груди, твердые влажные соски касались его щек. Он нащупал молнию на кожаных джинсах и потянул вниз.

— Я сама, — сказала она, — я же все вижу.

В темноте послышался шорох кожи. Лежа рядом, девушка

упорно брыкалась, пока наконец не избавилась от джинсов. Она перебросила через него ногу, и он коснулся в темноте ее лица. Почувствовал неожиданную твердость имплантированных линз.

— Не трогай, — остановила она, — будут следы от пальцев.

Затем она снова встала над ним на колени, взяла его ладонь и положила ее на себя — большой палец вдоль щели между ягодицами, а остальными накрыла влагалище. Когда она начала опускаться, перед его глазами снова пронеслись пульсирующие образы: какие–то лица, мигающие фрагменты неоновых реклам. Затем она опустилась совсем, и его спина судорожно выгнулась. Она стала двигаться вверх–вниз, все быстрее и быстрее, пока они оба не слились в едином оргазме и ее мокрые скользкие бедра изо всех сил не сдавили его ноги, и тогда перед его взором вспыхнула слепящая голубизна и время остановилось, как в безграничных просторах матрицы, где образы рвутся в клочья и уносятся ураганом вдаль.

На Нинсеи все так же танцевала толпа — только чуть менее плотная, как это и бывает в будни. Из аркад и салонов для игры в патинко выплескивались волны шума. Кейс заглянул в «Тац» и, как обычно, среди теплого, наполненного пивными парами полумрака увидел Зоуна, который присматривал за своими девочками. У стойки хлопотал Рац.

— Уэйджа не видел, Рац?

— Сегодня еще нет.

Увидев Молли, бармен демонстративно поднял бровь.

— Если увидишь, то передай, что я хочу отдать долг.

— Что, перемены к лучшему, артист?

— Рано еще говорить.

— Понимаешь, мне нужно увидеть этого человека. — Кейс смотрел на свое отражение в зеркалах Молли. — Я должен выйти из этого бизнеса.

— Армитиджу очень не понравится, если я отпущу тебя одного. — Молли стояла, подбоченясь, прямо под «тающими часами» Дина.

— При тебе он не станет со мной разговаривать. Насчет Дина я не беспокоюсь, он сам о себе позаботится. Но есть люди, которые от меня зависят, они разорятся, если я так вот просто возьму и уеду из Тибы, не покончив с делами. Они мои партнеры, понимаешь?

Губы Молли твердо сжались. Она отрицательно покачала головой.

— У меня партнеры в Сингапуре, в Токио, в Синдзюку и

Асакузе, они же крупно погорят, как ты не можешь понять? — соврал он, положив руку на затянутое в черную кожу плечо. — Пять. Пять минут. Время засечешь по своим часам, хорошо?

— Мне платят, и я должна выполнять инструкции.

— Ну да, тебе платят, и ты выполняешь инструкции. И тебе начхать, что в результате несколько моих лучших друзей сгорят, а может, и вообще сдохнут.

— Хрень собачья. Друзья у него, видите ли, выискались. Ты просто хочешь, чтобы этот старый прохиндей нас проверил.

Безо всякого уважения к пыльному кофейному столику а–ля Кандинский, Молли водрузила на него свой ковбойский сапог.

— Послушай, Кейс! Это что же такое получается, красавчик? Твоя напарница вооружена, не говоря уж обо всем этом кремнии в ее голове. В чем, собственно, дело? — Покашливание Дина словно повисло посреди комнаты.

— Подожди, Джули. Я зайду к тебе один.

— А как же еще, сынок? Ничего другого я и не позволю.

— Ну ладно, — сдалась наконец Молли. — Но только пять минут. Малейшая задержка, я войду и успокою твоего дружка навсегда. И пока ты будешь с ним, постарайся кое–что понять.

— Что еще такое?

— Какого черта я иду у тебя на поводу.

Она круто повернулась и пошла к выходу мимо белых тюков сушеного имбиря.

— Ну и знакомые же у тебя, Кейс, — заметил Дин. — Куда страньше, чем обычно.

— Все, Джули, она ушла. Теперь–то ты меня впустишь? Ну пожалуйста, Джули.

Щелкнули магнитные засовы.

— Включил бы ты, Джули, системы и все эти штуки, которые у тебя в столе, — сказал Кейс, садясь.

— Я их никогда не выключаю, — чуть улыбнулся Дин, выуживая среди разбросанных по столу деталей пишущей машинки револьвер и аккуратно прицеливаясь в Кейса. «Магнум» с обрезанным по самый барабан стволом, предохранительная скоба вокруг спуска тоже спилена, а рукоятка обмотана грязным скотчем. Оружие совершенно бесполезное на расстоянии свыше десяти метров, да и то целиться нужно в живот. Но уж если попасть в этот самый живот… В розовых, наманикюренных руках Дина этот типичный гангстерский «ствол» выглядел, по меньшей мере, странно.

— Пойми, это только предосторожность. Ничего личного. Ну а теперь говори, что тебе нужно.

— Дай мне урок истории, Джули. А также сведения об одном

человеке.

— А кому это нужно, сынок? — На Дине была веселенькая рубашка в белую и красную полоску с накрахмаленным, будто фарфоровым, воротничком.

— Мне, Джули. Я уезжаю. Считай, что уже уехал. Сделай мне одолжение, ладно?

— Кто тебя интересует?

— Один гайдзин, Армитидж, остановился в «Хилтоне».

Дин положил оружие на стол:

— Сиди спокойно, Кейс. — Затем быстро нажал несколько клавиш на клавиатуре портативного компьютера. — Похоже, мои информаторы знают не больше твоего, Кейс. Этот человек вроде бы заключил временное соглашение с якудза, а Сыны Неоновой Хризантемы хорошо прикрывают своих союзников от таких, как я. Я на их месте поступал бы точно так же. Ну а теперь об истории. Ты просил об уроке истории. — Он снова взял в руки револьвер, но не стал целиться в Кейса. — Какой именно истории?

— Война. Ты ведь был на войне, Джули?

— Война? А что там интересного? Она продолжалась три недели.

— «Разящий Кулак».

— О, это знаменитая операция. Неужели в школах не учат больше историю? Это был великий кровавый послевоенный политический футбол. Типичный уотергейт, от начала и до конца. Ваши начальнички, а в том числе, Кейс, и ваши муравьиные начальнички — где они были, Маклин? В бункерах, все до единого… на протяжении всей этой позорной истории. Извели уйму молодого, патриотически настроенного пушечного мяса только для того, чтобы опробовать какую–то там новую технологию. Как выяснилось позднее, генералы отлично знали о возможностях обороны русских. Знали и об эм–и — магнитно–импульсном оружии. И все–таки послали ребят: очень уж им хотелось посмотреть, что из этого получится. — Дин пожал плечами. — Устроили аттракцион «убей Ивана».

— Уцелевшие были?

— Да что ты, в такие кровавые годы… Хотя, кажется, кто–то вернулся. Один экипаж. Захватили советскую «вертушку». Ну, боевой вертолет. И вернулись в Финляндию. Они, конечно, не знали опознавательных кодов, а потому перебили по ходу дела уйму финских вояк. Спецназовцы. — Дин с отвращением фыркнул. — Одним словом, кровь мешками и полный бардак.

Кейс понимающе кивнул. Запах сушеного имбиря едва не валил с ног.

— Я провел войну в Лиссабоне, — продолжал Дин, опуская

револьвер на стол. — Хорошее это место, Лиссабон.

— Ты был в армии, Джули?

— Вот еще. Но и у меня были сражения, да еще какие. — Розовое лицо расплылось в улыбке. — Просто удивительно, насколько война меняет рыночную ситуацию!

— Спасибо, Джули. За мной должок.

— Не за что, Кейс. Счастливого пути.

Впоследствии Кейс будет не раз повторять себе, что вечер у «Сэмми» сразу начался как–то странно, что уже тогда, когда они с Молли только шли по коридору, пол которого устилало месиво из билетных корешков и пластмассовых стаканчиков, уже тогда он это предчувствовал. Словно заранее знал, что Линду убьют…

После визита к Дину они с Молли пошли в «Намбан» где он встретил Уэйджа и вернул долг пачкой полученных у Армитиджа новых иен. Уэйдж обрадовался, его ребята обрадовались не очень, а Молли стояла рядом с Кейсом и опасно улыбалась, явно мечтая, чтобы кто–нибудь из парнишек сделал неверное движение. Затем они направились в «Тац» выпить.

— Бесполезно, ковбой, — сказала Молли, когда Кейс привычно вытащил из кармана восьмиугольник.

— Как это? А ты не хочешь? — Он протянул ей таблетку.

— Ты забыл о своей новой поджелудочной и о новых тканях в печени. Армитидж специально придумал их, чтобы избавить тебя от этого дерьма. — Девушка слегка коснулась протянутой таблетки бордовым ногтем. — Ты теперь биохимически невосприимчив ни к амфетаминам, ни к кокаину.

— Вот же мать твою, — оторопел Кейс.

Он с сомнением посмотрел на таблетку, а затем на девушку.

— А ты попробуй. Съешь хоть дюжину. Ничего не почувствуешь.

Кейс так и сделал. И ничего не почувствовал.

После трех кружек пива Молли расспросила у Раца, где можно посмотреть бои.

— У «Сэмми», — коротко ответил тот.

— Пойдем, — сказал Кейс, — я слышал, они там друг друга даже убивают.

Спустя час Молли купила билеты у тощего тайца в белой футболке и мешковатых спортивных трусах.

«Сэмми» находился недалеко от порта за оптовым магазином, надутый серый купол с тонкой стальной сетью несущих тросов. Входом служил примитивный воздушный шлюз–коридор, с дверьми на каждой из сторон, чтобы сохранить избыточное давление, которое поддерживало купол. Помещение освещалось

флюоресцентными кольцами, привинченными к фанерному потолку на равных промежутках: правда, большинство из них было разбито. Сырой, затхлый воздух вонял потом и бетоном.

Кейс совершенно не ожидал, что за таким убожеством последуют ярко освещенная арена, многочисленная толпа зрителей, напряженная тишина и огромные, как бы сотканные из воздуха, светящиеся фигуры под куполом. Ровные ряды.широких бетонных ступеней возвышались над круглым помостом, окруженным тускло поблескивающими зарослями проекционного оборудования. Весь зал окутывал полумрак, только исполинские голограммы высоко под куполом, мерцая и переливаясь, повторяли каждое движение двух мужчин, напряженно кружащих по арене. Повсюду над зрительскими рядами поднимались плоские облака сигаретного дыма, которые медленно дрейфовали, пока не попадали в потоки воздуха от компрессоров, нагнетавших воздух под купол. В зале не раздавалось ни звука, только приглушенное урчание компрессоров да многократно усиленное дыхание бойцов.

Мужчины кружили по арене и отражались цветными бликами в «глазах» Молли. Голограммы увеличивали изображение в десять раз, и ножи в руках огромных призраков были почти метровой длины. Кейс вспомнил, что бойцовый нож держат как рапиру: четыре пальца согнуты, большой по лезвию. Оружие словно двигалось само по себе, совершая некую последовательность ритуальных движений, в ожидании, пока кто–нибудь из соперников не допустит ошибку. Задрав голову, Молли следила за перипетиями поединка, ее лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

— Пойду принесу чего–нибудь перекусить, — сказал Кейс; она молча кивнула, полностью поглощенная созерцанием танца смерти.

Кейсу здесь не понравилось.

Он встал и пошел по темному проходу. Слишком уж тут темно. И слишком тихо.

В зале сидели по большей части японцы. Они не были жителями Ночного Города. Техи из промзоны. Вероятно, посещение данного зрелища одобрил совет по культуре и отдыху какой–нибудь корпорации. Кейс на мгновение представил, что значит проработать всю жизнь в одном дзайбацу. Жилье компании, гимн компании, похороны, организованные компанией.

Кейс почти обогнул зал, прежде чем нашел лотки с едой. Он купил якитори на палочках и две высокие вощеные коробки пива. Кейс взглянул вверх и увидел, что грудь одного из

голографических гладиаторов окрасилась кровью. Он не замечал, как густой коричневый соус стекает с палочек ему на пальцы.

Еще семь дней, и он подключится к деке. Если сию секунду закрыть глаза, можно увидеть матрицу.

Тени в зале плясали в такт движениям голограмм.

И вдруг, совершенно неожиданно, затылком, Кейс почувствовал какой–то безотчетный страх. Холодный пот тонкой струйкой побежал по ребрам. Операция прошла неудачно. Ведь он все еще здесь, всего лишь жалкий кусок мяса, и нет никакой Молли, завороженно глядящей на замысловатые зигзаги, которые описывают ножи; нет в «Хилтоне» никакого Армитиджа с деньгами, новым паспортом и билетами. Все это лишь сон, жалкая фантазия. Слезы застлали ему глаза.

Из яремной вены одного из призраков хлестала ярко–алая кровь. Толпа взревела, зрители вскакивали, орали, размахивали руками… Творилось нечто совершенно невообразимое… А высоко вверху одна из фигур рухнула навзничь, замерцала и погасла.

В горле застыл сырой рвотный ком. Кейс закрыл глаза, сделал глубокий вздох, снова открыл и вдруг увидел, как мимо идет Линда Ли, в ее серых глазах застыл ужас. На ней был все тот же французский комбинезон.

Она скрылась во мраке зала.

Как–то машинально он бросил цыплят и пиво и помчался за девушкой. Потом он не мог вспомнить — кричал ли он ей вслед, окликал ли ее по имени.

Откуда–то сбоку и сзади — тончайший луч красного света, вспыхнул и погас. Под тонкими подошвами — грубый, неровный бетон.

Белые кроссовки мелькали где–то впереди, у самой стены зала, и снова резанул по глазам тонкий красный луч.

Кто–то подставил ему ножку. Бетон обжигающе разодрал ладони.

Кейс перекатился, ударил ногой, но не попал. Над ним склонился худощавый блондин с патлатой головой, окруженной радужным нимбом падающего сзади света. Высоко над сценой голографическая фигура повернулась, воздев нож над головой, к неистовствующей толпе. Белобрысый парень ухмыльнулся и вытащил из рукава какой–то предмет. И когда в третий раз блеснул луч лазера, в красном свете мелькнула бритва. Бритва замерла, прицеливаясь к его горлу.

Вдруг лицо нападающего распалось в жужжащее облачко микроскопических взрывов. Игольник Молли, двадцать выстрелов в секунду. Парень издал короткий судорожный хрип и рухнул Кейсу на ноги.

Кейс встал и медленно побрел в сторону лотков, в тень. Ожидая увидеть рубиновую точку лазерного прицела, он взглянул себе на грудь. Ничего. И тут он нашел Линду. Она лежала с закрытыми глазами у основания бетонной колонны. Пахло паленым мясом… Толпа скандировала имя победителя. Торговец пивом протирал свой краны темной тряпкой… Одна белая кроссовка, каким–то образом слетевшая с ноги, почему–то лежала рядом с головой…

Идти вдоль стены. Вдоль бетонного изгиба. Руки в карманы. Ни в коем случае нельзя останавливаться. Идти не останавливаясь. Мимо невидящих лиц — все глаза устремлены вверх, на изображение победителя. Вспыхнула спичка, осветив лицо европейца, губы сжимают короткий металлический чубук. Запах гашиша. Кейс прошел мимо.

— Кейс. — Из самой глубокой тени блеснули два зеркальца. — Ты в порядке?

За ее спиной в темноте что–то хлюпало и булькало.

Он покачал головой.

— Бой закончился, Кейс. Пора домой.

Кейс попытался пройти мимо нее в густую темноту, где кто–то умирал. Молли удержала его рукой:

— Это дружки твоего близкого друга. Они убили твою девушку. В этом городе тебе как–то не везет с друзьями. Мы, когда исследовали тебя, составили частичный профиль этого старого ублюдка. Он за пару новых иен маму родную прибьет и даже не поморщится. Тот, который валяется там, сказал, что она пыталась продать им файлы из твоего компьютера. Только они решили, что лучше просто убить ее и забрать товар даром. Небольшая, но все–таки экономия. Это рассказал мне тот — с лазером. На тебя они наткнулись совершенно случайно, но мне нужно было проверить. — Губы Молли сжались в тонкую линию.

Кейсу казалось, что в его голове трещат, все заглушая, какие–то помехи.

— Кто, — спросил он, — кто их послал?

Молли протянула ему окровавленный пакет сушеного имбиря. Ее руки тоже были в крови. А в густом полумраке кто–то еще раз булькнул и затих.

После того, как Кейс прошел в клинике заключительный осмотр, они с Молли направились в порт. Армитидж уже ждал. Он зафрахтовал судно на воздушной подушке. Кейс бросил на Тибу последний взгляд и увидел темные угловатые силуэты промзоны. А затем туман плотно окутал черную воду и дрейфующие косяки мусора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПОЕЗДКА ЗА ПОКУПКАМИ

3

Дома.

А дом — это Муравейник, Столичная Ось Бостон–Атланта, или, короче, СОБА.

Попробуйте запрограммировать карту скоростей обмена информации так, чтобы на очень большом экране каждому пикселу соответствовала тысяча мегабайт в секунду. Манхэттен и Атланта вспыхнут сплошным белым светом. Затем, когда скорость обмена перегрузит вашу модель, они начнут пульсировать. Ваша карта перегрелась и готова взорваться. Охладите ее. Возьмите масштаб побольше: одному пикселю — миллион мегабайт. При ста миллионах мегабайт в секунду вы начнете различать отдельные кварталы центральной части Манхэттена и существующие вот уже сто лет промышленные зоны, окружающие ядро старой Атланты.

Кейс проснулся; ему снились аэропорты, и черная кожанка Молли, и то, как он следовал за ней через бесконечные переходы Нариты, Скипола, Орли… И как в каком–то киоске за час до рассвета он купил плоскую пластмассовую бутылку датской водки.

Где–то глубоко в железобетонных корнях Муравейника поезд гнал по туннелю столб спертого воздуха. Состав двигался на магнитной подушке, бесшумно, но сам туннель под действием движущегося воздуха гудел низким, почти инфразвуковым, басом. Вибрация достигла комнаты, где лежал Кейс; из трещин рассохшегося паркета взвилась пыль.

Он открыл глаза и увидел нагую Молли; их разделял необъятный — не дотянуться рукой — простор новехонького ядовито–розового темперлона. Сверху через зарешеченное, покрытое копотью слуховое окошко просачивался солнечный свет. Часть слухового окошка была заколочена куском ДСП, и сквозь него почти до самого пола свисал толстый серый кабель. Лежа на боку, Кейс смотрел, как дышит Молли, смотрел на ее груди, на изгиб бедер, очерченных с функциональным изяществом, напоминающим фюзеляж военного самолета. И все тело было худощавым, стройным, мускулистым, как у танцовщицы.

Комната была громадна. Кейс сел. За исключением огромного розового ложа и двух новых, совершенно одинаковых нейлоновых сумок, здесь не было ровно ничего. Голые стены, никаких окон, за исключением слухового в потолке, стальная дверь, выкрашенная белой краской. Стены покрыты

бесчисленными слоями белой эмали. Рабочий район. Кейс и раньше знал такие здания и такие комнаты, обычно их обитатели зарабатывали себе на хлеб в «интерзоне»[2] — некой сумрачной, слабо определенной области, где искусство еще не совсем переходит грань преступления, а преступление не совсем дотягивает до искусства.

Он был дома.

Кейс опустил ноги на пол. Многие паркетины свободно шатались, а некоторые н вовсе отсутствовали. Голова раскалывалась от боли. Кейс вспомнил комнату, в которой они жили в центре Амстердама, в районе Старого Города, где возраст зданий исчисляется столетиями. Вспомнил, как Молли вернулась с набережной канала, принесла апельсиновый сок и яйца. Армитидж отсутствовал по каким–то своим тайным делам, и они с Молли отправились мимо площади Дамм в знакомый ей бар на улице Дамрак. Воспоминания о Париже сливались в какое–то мутное пятно. Ну, конечно, магазины. Молли взяла его в поход по магазинам.

Кейс встал, натянул мятые черные джинсы, лежавшие в ногах, и опустился на колени возле сумок. Первая принадлежала Молли, в ней оказались аккуратно сложенная одежда и какие–то миниатюрные, дорогие с виду приспособления. Во второй лежали книги, кассеты, симстим–дека, одежда с французскими и итальянскими ярлыками; Кейс не мог вспомнить, когда он все это купил. Под зеленой футболкой Кейс нашел плоский сверток сложной формы, напоминающей оригами, завернутый в рисовую бумагу.

Когда он взял пакет, бумага порвалась и в щель между паркетинами воткнулась блестящая девятиконечная звезда.

— Сувенир, — сказала Молли. — Я заметила, что ты всегда смотришь на них.

Кейс обернулся и увидел, что она сидит на кровати, скрестив ноги, и, сонно потягиваясь, почесывает живот бордовыми ногтями.

— Скоро придут ставить охранную сигнализацию, — сказал Армитидж. Он стоял на пороге со старомодным магнитным ключом в руке. Молли варила кофе на крохотной немецкой плитке, которую достала из своей сумки.

— Я и сама могу, — откликнулась она. — У меня все для этого есть. Инфрасканирующий периметр, сирены…

— Нет, — перебил ее Армитидж и закрыл дверь. — Я хочу, чтобы понадежнее.

— Была бы честь предложена.

На Молли была темная сетчатая футболка, заправленная в черные мешковатые хлопчатобумажные брюки.

— Вы служили когда–нибудь в полиции, мистер Армитидж? — спросил Кейс; он сидел на полу, прислонившись к стене.

Армитидж был одного с ним роста, но имел широченные плечи и военную выправку и казался не уже той двери, через которую вошел. Он носил темный итальянский костюм и держал в правой руке небольшой чемоданчик из мягкой телячьей кожи. Спецназовская серьга исчезла. Аккуратные, но невыразительные черты — стандартная красота из косметических бутиков, иными словами — некая амальгама лиц, чаще всего мелькавших на телевизионных экранах в прошедшем десятилетии. Холодный блеск бесцветных глаз только усиливал ощущение лица–маски. Кейс начал сожалеть о своем вопросе.

— Я хотел всего лишь спросить, многие ли из бывших спецназовцев подались в копы. Или в «секьюрити» корпораций, — добавил Кейс, чувствуя себя крайне неуютно. Молли протянула ему кружку дымящегося кофе. — Просто то, как вы переоборудовали мне поджелудочную железу, чем–то напоминает полицейскую процедуру.

Армитидж закрыл дверь, пересек комнату и остановился напротив Кейса.

— Ты счастливый парень, Кейс. Ты должен сказать мне спасибо.

— А за что? — Кейс шумно подул на свой кофе.

— Ты нуждался в новой поджелудочной. И мы достали тебе такую, которая освободила тебя от опасной зависимости.

— Благодарю, но мне нравилась такая зависимость.

— И прекрасно, потому что теперь у тебя новая.

— Это как? — Кейс перевел глаза с кофе на Армитиджа. Тот улыбался:

— В стенки нескольких главных артерий тебе заложили пятнадцать капсул с ядом. Их оболочки растворяются. Медленно, но верно. В каждой капсуле содержится некий микотоксин. Ты уже знаком с его действием. Именно эту отраву вкололи тебе в Мемфисе.

На Кейса смотрела ухмыляющаяся маска. Кейс недоуменно сморгнул.

— У тебя есть время, чтобы выполнить работу, для которой я тебя нанял, но не более. Выполнишь задание, и я введу тебе фермент, который отслоит капсулы, не разрушая их оболочек. Потом тебе сделают переливание крови. В противном случае, капсулы растворятся и ты вернешься в то же самое дерьмо, из

которого я тебя вытащил. Так что, Кейс, мы тебе нужны… Сейчас ты зависишь от нас не меньше, чем тогда, когда мы соскребли тебя со дна сточной канавы.

Кейс вопросительно посмотрел на Молли. Она пожала плечами.

— А теперь иди к грузовому лифту и принеси коробки, которые там лежат. — Армитидж вручил Кейсу магнитный ключ: — Действуй. Они тебе понравятся, Кейс. Как подарки на Рождество.

Летом в Муравейнике праздные толпы шумят и колышутся как трава на ветру — поля человеческой плоти, пронизываемые неожиданными вихрями желаний и счастья.

В тусклом солнечном свете Кейс сидел рядом с Молли на краю сухой бетонной чаши неработающего фонтана; бесконечный поток проплывающих мимо лиц напоминал ему этапы собственной жизни. Сначала прошел малолетка с козырьком над глазами — обыкновенный уличный мальчишка с расслабленными, но всегда готовыми к действию руками, затем подросток с лицом привлекательным и загадочным под красными стеклами очков. Кейс вспомнил, как в семнадцать лет он молча и ожесточенно дрался на крыше среди нежного розового сияния геодезиков, озаренных первыми лучами солнца.

Он чуть поерзал; через тонкую ткань брюк отчетливо ощущался холодный, шершавый бетон. Ничего похожего на электрический танец улицы Нинсеи. Здесь, среди запахов гамбургеров, духов и молодых загорелых тел, заключались совсем другие сделки и жизнь текла в ином ритме.

А там, на чердаке, его ждала дека — «Оно–Сендаи–Киберспейс–7». Пол усеивали куски белого упаковочного пенопласта, мятые обрывки клеящей ленты и сотни крошечных пенопластовых бусин. «Оно–Сендаи», а также самый дорогой в будущем году компьютер фирмы «Хосака», монитор «Сони», дюжина дисков со льдом корпоративной выделки и кофеварка «Браун». Армитидж, нетерпеливо дожидавшийся, пока Кейс не одобрит каждую из покупок, сразу же ушел.

— Где он остановился? — спросил Кейс у Молли.

— Он любит отели. Большие. По возможности, близ аэропорта. Слушай, давай пройдемся.

Молли надела старый, купленный явно на распродаже военных излишков, бронежилет с дюжиной странной формы карманов и огромные темные пластмассовые очки, полностью скрывавшие зеркальные линзы.

— Ты знала раньше про это блядство с токсином? — спросил

Кейс. Она отрицательно покачала головой. — Думаешь, это правда?

— Может, да, а может, нет. В любом случае, исключать этого нельзя.

— А нельзя ли как–нибудь проверить?

— Нет, — ответила девушка и одновременно правой рукой сотворила знак «молчи!». — Изменение слишком тонкое, чтобы выявиться при сканировании. — И снова ее рука сделала знак «подожди!». — Да и какая тебе разница? Видела я, как ты поглаживал свой «Сендаи», да это же чистая порнография. — Она расхохоталась.

— А что он всадил в тебя? Что заставляет работать на него деловую женщину?

— Только профессиональная гордость, малыш. — И снова она призвала его к тишине знаком. — Слушай, давай позавтракаем. Яичница, натуральный бекон. Отравишься, наверное, ведь ты так долго питался в Тибе одним лишь переработанным крилем. Давай сядем в «трубу», поедем на Манхэттен и устроим себе настоящий завтрак.

Потухшая, покрытая пылью неоновая вывеска, большие, согнутые из стеклянных трубок буквы: «МЕТРО ГОЛОГРЭФИКС». Кейс ковырял в зубах, пытаясь выудить застрявшие кусочки бекона. Он бросил бесполезные попытки узнать, куда и зачем они идут, так как на все вопросы получал только толчки под ребра и молчаливые призывы к тишине. Молли болтала о модах сезона, о спорте, о каком–то неизвестном ему политическом скандале в Калифорнии.

Кейс смотрел на безлюдный глухой тупик. По перекрестку катился мятый газетный лист. Из–за купольных перекрытий что–то происходит с конвекцией и в Ист–Сайде всегда дуют странные ветры. Кейс посмотрел сквозь окно на безжизненную вывеску. Ее Муравейник — совсем не его Муравейник, решил он. Молли провела его через дюжину баров и клубов, о которых он никогда не слыхивал, и везде какие–то дела, чаще ограничивающиеся многозначительными кивками. Манхэттенский транзит.

В тени за «МЕТРО ГОЛОГРЭФИКС» что–то двигалось.

Дверь представляла собой лист ржавой жести. Молли молча изобразила рукой запутанную последовательность значков, которую он почти не понял. Уловил только потирание большого и указательного пальцев, означавшее «наличные». Толкнув дверь, она ввела его в какое–то пыльное помещение. Они стояли в просвете среди плотных куч всякого хлама, которые тянулись до самых стен, увешанных полками с ветхими книжками в мягких

обложках. Казалось, что хлам этот прямо здесь и вырос, такая себе плесень из металла и пластмассы. Кейс начинал было различать отдельные предметы: внутренности телевизора, столь древнего, что из него торчали пеньки разбитых радиоламп; мятую тарелку спутниковой антенны; коричневую текстолитовую коробку с кусками каких–то ржавых трубок, — но затем снова все слилось в единую массу. Когда Кейс шел вслед за Молли по узкому каньону среди прессованного мусора — и материальные ценности ушедших лет беспорядочно топорщились вокруг, — огромная кипа старых журналов вдруг ссыпалась на свободный пятачок. За ними защелкнулась дверь. Кейс не обернулся.

В конце пути поперек туннеля висело ветхое армейское одеяло. И когда Молли поднырнула под него, в глаза ударил поток яркого света. Одеяло закрывало вход в помещение кубической формы со стенами и потолком, обитыми белым пластиком, пол был покрыт опять же белым кафелем с круглыми, шершавыми — чтобы не скользила нога — пупырышками. В центре комнаты стоял выкрашенный белой краской квадратный деревянный стол и четыре белых складных стула.

В дверях появился какой–то новый персонаж; одеяло спадало с его плеч на манер мантии, он стоял и щурился на яркий свет. Можно было подумать, что этого человека сконструировали специально для жизни в аэродинамической среде. Очень маленькие уши плотно прижимались к узкому черепу, а большие передние зубы, показавшиеся, когда его лицо изобразило нечто отдаленно напоминавшее улыбку, косо отклонялись внутрь. Он был одет в ветхую твидовую куртку и держал в левой руке некоторое подобие револьвера. Мужчина всмотрелся в посетителей и спрятал револьвер в карман. Жестом указал Кейсу на белую пластиковую плиту, прислоненную к стене возле входа. Кейс подошел и увидел, что плита, как сандвич, покрыта сантиметровым слоем каких–то электронных схем. Вдвоем с мужчиной они установили ее в дверном проеме.

Желтые от никотина пальцы быстро заклеили панель белым скотчем. Негромко заурчала вентиляция.

— Время, — выпрямляя спину, сказал мужчина, — отсчет пошел. Ты знаешь тариф, Молл.

— Финн, нам нужно сканирование. На предмет имплантантов.

— Так, встань–ка туда, между пилонами. Наступи на ленту. Распрямись, так. Повернись кругом, выдай–ка мне полные триста шестьдесят.

Кейс смотрел, как девушка вращается между хрупкими на вид стойками, утыканными датчиками. Мужчина вытащил из кармана

небольшой монитор и начал его изучать.

— Ага, кое–что новенькое в твоей головке. Кремний… Оболочка из пиролитического углерода… Часики, угадал? Очки те же — низкотемпературный изотропный углерод. Конечно, биосовместимость с пиролитами лучше, но дело твое. Когти в порядке.

— Теперь ты, Кейс. — На белом полу виднелся черный полустертый крест. — Повернись кругом. Медленно…

— Парень девственно чист. — Мужчина пожал плечами. — Дешевенькие зубные протезы — и все.

— А биопробу ты сделал? — Молли расстегнула «молнию» на зеленом жилете и сняла очки.

— Нахальная ты все–таки девица. С такими запросами шла бы ты в клинику братьев Майо. «Ложись, малыш, на операционный стол, мы сделаем тебе небольшую биопсийку». — Он засмеялся, оскалив желтые зубы. — Ничего нет. Слово Финна, красавчик, у тебя нет ни «жучков», ни мозговых «бомбочек». Хотите, я сниму защиту?

— Только для того, чтобы ты вышел, Финн. А потом нам нужна полная защита, на все время, пока мы здесь находимся.

— Что ж, Финна это устраивает, Молл. Ты же платишь по счетчику.

Они запечатали за Финном дверь, Молли развернула белый стул, села на него верхом и положила подбородок на скрещенные руки.

— А теперь поговорим. Это самое надежное место, которое мне по карману.

— О чем?

— О том, чем мы занимаемся.

— А чем мы занимаемся?

— Работаем на Армитиджа.

— Ты говоришь по его поручению?

— Нет. Я видела твой профиль. И однажды посмотрела список остальных наших покупок. Ты когда–нибудь работал с «покойниками»?

— Никогда. — Кейс посмотрел на свое отражение в зеркалах девушки. — Но думаю, смог бы. Я — вполне приличный оператор. — Последняя фраза, произнесенная в настоящем времени, заставила его поежиться.

— Ты знаешь, что Дикси Флэтлайн умер?

Кейс утвердительно кивнул головой:

— Сердце не выдержало.

— Ты будешь работать с его конструктом. — Девушка улыбнулась. — Кажется, это он тебя учил, а? С ним и с Куайном.

Кстати, Куайна я знаю. Тот еще говнюк.

— Значит, кто–то сделал копию с Маккоя Поли? Кто же? — Кейс сел и облокотился на стол. — Просто не верится. Ему бы не хватило терпения посидеть спокойно для такой процедуры.

— Это «Сенснет». Зуб даю, мегов ему отвалили что надо.

— Куайн тоже умер?

— Не угадал. Он — в Европе. Самого его в дело звать не стали.

— Ну что ж, если мы достанем Флэтлайна, то сможем жить спокойно. Он был лучшим. Ты знаешь, что он трижды переживал мозговой коллапс?

Девушка кивнула.

— На энцефалографе — ровная, как струна, линия, без малейшего всплеска[3]. Точно, он сам мне запись показывал: «Смотри, мальчик, я же был дох–х–хлый!»

— Слушай, Кейс, с тех пор, как я работаю на Армитиджа, все время пытаюсь разнюхать, кто стоит за ним. Но это ни какое–то дзайбацу, ни правительство и ни один из филиалов якудза. Армитиджем командуют. Скажем, кто–то приказывает ему вылететь в Тибу, найти еле живого наркомана и заплатить за его излечение программой. Господи, да если бы мы просто продали эту программу на рынке, то за вырученные деньги могли бы купить двадцать первоклассных ковбоев. Ты, конечно, хорош, но неужели *настолько*…

Она задумчиво почесала нос.

— Судя по всему, кто–то считает, что настолько, — пожал плечами Кейс. — Кто–то очень влиятельный.

— Ишь как обиделся, — ухмыльнулась Молли. — Да, кстати, вот еще что. Мы организуем наглый налет, с единственной целью — спереть конструкт Флэтлайна. Библиотечный сейф, куда спрятала его «Сенснет», крепче жопы носорога. Так вот, Кейс, в том же сейфе они держат и все свои новые материалы, приготовленные для осеннего сезона. Это такие деньги — охренеть можно. И вот нате вам — мы берем только Флэтлайна, а остальное не трогаем. Странно.

— Да, здесь все странно. Ты странная, эта дыра странная… да, а кто этот странный маленький суслик, который остался снаружи?

— Финн, мой старый знакомый. В основном, он занимается скупкой краденого. Софтом. Обеспечение секретности — это так, мелкий побочный промысел. Я уговорила Армитиджа взять его к нам техником, поэтому помни: когда тебя будут знакомить — ты его никогда раньше не видел. Усек?

— А что Армитидж засунул в твои вены?

— Со мной все просто. — Девушка улыбнулась. — Хорошо, когда каждый занимается своим делом, верно? Ты взламываешь компьютеры — я бью морды.

Кейс задумчиво посмотрел на Молли.

— А что ты знаешь про самого Армитиджа?

— Для начала — никто по имени Армитидж не принимал участия в «Разящем Кулаке». Я проверила. Но это ерунда.

— Он не похож ни на одного из тех парней, которые уцелели. — Молли пожала плечами. — Ну и что? И это все, что я знаю. Но *ты*… — Она побарабанила пальцами по спинке стула. — Ты же ковбой, верно? Я хочу сказать — может, ты сам немного пошустришь? — Она улыбнулась.

— Да он же пришьет меня, и дело с концом.

— Может, пришьет. А может, и не пришьет. Сдается мне, ты ему нужен, и здорово нужен. Кроме того, ты же у нас умница, верно? У тебя получится.

— А что еще в этом списке покупок?

— Игрушки. В основном, для тебя. И для одного психопата по имени Питер Ривьера. Вот уж кто гаденыш так гаденыш.

— Где он?

— Не знаю. Он точно больной. Я видела его профиль. — Молли состроила гримасу. — Ужас. — Она встала и по–кошачьи потянулась. — Ну что, заключаем союз? Работаем вместе? Как партнеры?

Кейс посмотрел на девушку.

— У меня есть возможность выбора?

Молли засмеялась:

— Верно сечешь, ковбой.

— Своими корнями матрица уходит в примитивные аркадные игры, — говорил диктор, — в ранние программы компьютерной графики и в эксперименты военных с черепными разъемами.

На экране монитора «Сони» двухмерная космическая война сменилась густыми зарослями математически генерируемых папоротников, демонстрирующих особые возможности логарифмических спиралей; далее следовала холодная синева армейской кинохроники: опутанные проводами лабораторные животные, армейские шлемы, соединенные с системами управления огнем танков и военных самолетов.

— Итак, киберпространство. Это консенсуальная галлюцинация, ежедневно переживаемая миллиардами легальных операторов по всему свету, школьниками, изучающими математические понятия… Графическое представление данных, хранящихся в памяти каждого компьютера, включенного в

общечеловеческую сеть. Невообразимая сложность. Световые лучи в псевдопространстве мозга, кластеры и созвездия данных. Подобно городским огням, удаляющимся…

— Что это было? — спросила Молли, когда Кейс включил селектор каналов.

— Детская программа.

Селектор перебирал канал за каналом, на экране мелькали бессвязные обрывки программ.

— Выключить, — скомандовал Кейс «Хосаке».

— Ты хочешь попробовать прямо сейчас?

Среда. Восемь дней назад он проснулся в «Дешевом отеле» рядом с Молли.

— Хочешь, я уйду, Кейс? Может, тебе легче одному…

— Да нет. Оставайся, мне все равно, — покачал головой Кейс.

Осторожно, чтобы не сдвинуть плоские дерматроды «Сендаи», Кейс перевязал голову черной бархатистой лентой. Невидящим взором он уставился на деку, лежащую на коленях, и перед его глазами возникла витрина на улице Нинсеи, хромированные сюрикены, тускло поблескивающие в неоновом свете. Кейс поднял голову: над монитором висел подарок Молли, приколотый к стене желтой кнопкой, прямо за край центрального отверстия.

Он закрыл глаза.

Нащупал ребристую клавишу питания.

В темно–кровавом сумраке закрытых глаз, где–то на краю пространства, забурлили серебристые фосфены, мимо понеслись гипнотические образы, похожие на фильм, смонтированный из случайных кадров. Числа, символы, лица — размытая, туманная мандала, составленная из фрагментов зрительной информации.

— *Ну же*, — умолял он, — *сейчас*…

Серый, как цвет неба над Тибой, диск.

— *Пора*.

Диск завертелся, все быстрее и быстрее, превратился в светло–серую сферу. Сфера начала раздуваться…

И потекла, расцветая переливающимся неоном. Фантастическими фигурами оригами развернулся его не знающий расстояний дом, его страна — прозрачная, объемная, в бесконечность уходящая шахматная доска. Перед мысленным взором возникли изумрудные кубы «Мицубиси Бэнк оф Америка», за ними — вспыхнула алая ступенчатая пирамида Ядерной Комиссии Восточного Побережья и, наконец, высоко–высоко над собой он увидел едва различимые, вечно недостижимые спиральные рукава военных систем.

А где–то вдалеке от них, на чердаке, выкрашенном белой

краской, — сидел он, и смеялся, и нежно ласкал деку далекими пальцами, и слезы облегчения текли по лицу крупными каплями.

Когда Кейс снял дерматроды, Молли уже ушла, а чердак погрузился во тьму. Сколько же времени? Он провел в киберпространстве целых пять часов. Кейс перенес «Оно–Сендаи» на один из новеньких верстаков, а затем рухнул на постель и накрылся с головой черным шелковым спальным мешком Молли.

Неожиданно дважды прожужжал зуммер охранной системы.

— Запрашивается вход, — произнес металлический голос. — Моя программа идентифицировала посетителя.

— Так впусти его.

Кейс откинул с лица черный шелк и сел, ожидая увидеть Молли или Армитиджа.

— О, господи, — произнес чей–то хриплый голос, — я же знаю, что эта сука видит в темноте…

Некая приземистая личность вошла в комнату и закрыла за собой дверь:

— Слушай, давай включим свет, а?

Кейс вылез из постели и нащупал старомодный выключатель.

— Меня зовут Финн, — сказал вошедший, делая предостерегающую гримасу.

— Кейс.

— Ну что ж, бум знакомы. Я вроде как делаю для твоего начальничка всякие там железяки.

Финн вытащил пачку «Партагас» и закурил. Комнату наполнил запах кубинского табака. Финн подошел к верстаку и посмотрел на «Оно–Сендаи».

— Ширпотреб. Ничего, разберемся. Но главное — вот эта штука.

Финн стряхнул пепел на пол, вытащил из кармана плотный, очень грязный конверт, открыл его и вытряхнул на ладонь черную прямоугольную пластинку.

— Проклятые заводские прототипы, — проворчал он и бросил предмет на стол. — Их заливают поликарбоном, да так, что и лазером не вскроешь, не спалив схему. Самоуничтожение от рентгеновских лучей, от ультраскана и еще бог знает от чего. Справимся, конечно, но ведь что они, суки, делают?

Финн аккуратно сложил конверт и спрятал его в карман.

— Что это?

— В общем–то переключатель. Если вставить его в твой «Сендаи», ты сможешь включаться в симстим, прямой или в записи, не выходя из матрицы.

— А зачем?

— Сие для меня тайна. Могу лишь сказать, что я приладил к Молл передатчик, так что ты, вероятно, будешь принимать именно ее сенсориум.

Финн поскреб подбородок.

— Так что теперь ты совершенно точно узнаешь, жмут ей портки или нет.

4

С дерматродами на лбу Кейс сидел на чердаке и смотрел, как танцуют пылинки в жидком солнечном свете, пробивающемся сквозь решетку окна. В углу монитора шел обратный отсчет.

Ковбои не включаются в симстим, думал он, потому что это — игрушка для плоти. Он, конечно, понимал, что его дерматроды и маленькая пластмассовая тиара симстима, считай — одно и то же; что киберпространственная матрица, фактически является грубым подобием человеческого сенсориума — по крайней мере, в смысле отображения, однако симстим казался ему не более чем излишним расширением плотских ощущений. Коммерческие записи, естественно, редактировались, так что если у Тэлли Ишэм во время съемки вдруг возникала головная боль, то вы ее не чувствовали.

На экране мелькнуло предупреждение о двухсекундной готовности.

Новый переключатель соединялся с «Сендаи» тонким световодом.

И раз, и два, и…

Сразу со всех сторон его охватило киберпространство. Довольно гладко, подумал Кейс, хотя и недостаточно. Нужно будет поработать…

Он щелкнул новым переключателем.

Резкий бросок в другое тело. Матрица исчезла, вокруг волны звука и цвета… Молли шла по заполненной людьми улице мимо киосков, торгующих уцененным софтом: цены написаны фломастерами на листах белого пластика, из бесчисленных громкоговорителей несутся обрывки музыки. Запахи мочи, свободных мономеров, духов, жареного криля. Несколько секунд ошеломленный Кейс пытался управлять телом девушки. Но затем принудил себя к пассивности, стал пассажиром, глядящим на мир ее глазами.

Зеркала ничуть не ослабляли солнечный свет. Это что, подумал Кейс, автоматическая компенсация встроенными усилителями? В левом глазу, в нижней части периферического поля зрения голубые мигающие цифры показывали время. Пустое пижонство.

Язык ее тела обескураживал, а уж манера двигаться… Все время казалось, что Молли вот–вот с кем–нибудь столкнется, но люди исчезали с ее пути, отступали в сторону.

— Как жизнь, Кейс?

Он услышал слова и одновременно почувствовал, как Молли

их выговаривает. Она сунула руку под курточку и стала поглаживать сосок сквозь теплый шелк. Кейс чуть не задохнулся. Молли засмеялась. Однако связь была односторонней. Ответить он не мог.

Через два квартала Молли вышла на окраину Мемори–Лэйн. Кейс все время пытался повернуть ее глаза на ориентиры, по которым он сам смог бы запомнить дорогу. Пассивность начала его раздражать.

Кейс щелкнул переключателем и вернулся в киберпространство. Он помчался вдоль примитивного защитного льда Нью–Йоркской Публичной библиотеки, по привычке отмечая потенциальные окна. Затем — снова в сенсориум Молли, в мир острых и сильных ощущений, волнообразного движения мускулов.

Мысли Кейса переключились на саму Молли. Что он знает о ней? Что она тоже профессионал, что ее, как и его, существование неотделимо от работы. И еще он знал, как она придвинулась к нему утром, когда проснулась, как они оба застонали, когда он в нее вошел, и что потом она захотела кофе без сливок…

Целью ее путешествия оказался один из сомнительных комплексов по прокату программ, которых много на Мемори–Лейн. Вокруг царили тишина и спокойствие. Центральный зал опоясывали киоски. Клиентура совсем молодая, от двадцати лет и младше. Насколько можно понять, за каждым левым ухом — углеродный разъем, но на такие мелочи Молли не обращала внимания. Под прозрачными пузырями витрин на белых картонках демонстрировались сотни микрософтов — программных носителей самых разнообразных форм и расцветок. Молли направилась к седьмому киоску вдоль южной стены. Бритоголовый продавец безучастно глядел в пространство, в гнезде за ухом у него торчал двенадцатипиновый микрософт.

— Ларри, ты как, в себе?

Молли встала прямо перед его носом. Глаза парня сфокусировались. Он сел на стул и грязным ногтем выковырял из заушного разъема ярко–красную «занозу».

— Привет, Ларри.

— А, Молли. — Он кивнул.

У меня есть работенка кое для кого из твоих друзей.

Парень вынул из кармана красной спортивной рубашки плоскую пластмассовую коробочку, щелкнул крышкой и добавил свой микрософт к дюжине уже лежавших там. Затем, после недолгого колебания, он выбрал блестящий черный чип, чуть подлиннее остальных, и уверенным движением вставил его в заушное гнездо. Глаза его сузились.

— У тебя «наездник», Молли, — сказал он. — Ларри это не нравится.

— Эй, — улыбнулась Молли, — я и не знала, что ты теперь такой… чувствительный. Нет слов. Дорогое ведь удовольствие.

— Я с вами знаком, леди? — Глаза парня вновь опустели. — Вы ищете какую–нибудь программу?

— Мне нужны Дикие.

Ты пришла не одна, Молли. Мне об этом говорит она. — Он постучал по черной «занозе». — Кто–то еще смотрит твоими глазами.

— Это мой партнер.

— Скажи своему партнеру, пусть проваливает.

— У меня есть кое–что для Диких Котов.

— Не понимаю, о чем это вы, леди?

— Кейс, давай отключайся, — сказала Молли; он щелкнул переключателем и немедленно вернулся в матрицу. Но еще несколько секунд образ торгового комплекса оставался перед глазами, отвлекая от звенящей тишины киберпространства.

— Дикие Коты. — Кейс подал команду «Хосаке» и снял с головы дерматроды. — Составь обзор минут на пять.

— Готово, — ответил компьютер.

Это название Кейс раньше не слышал. Какая–то новая банда; возникла, пока он был в Тибе. Среди молодежи Муравейника увлечения распространялись со скоростью света, целая субкультура могла возникнуть буквально за ночь, просуществовать пару месяцев и сгинуть без следа.

— Запускай, — приказал Кейс.

«Хосака» уже просмотрела всю информацию, полученную из библиотек, журналов, от информационных служб.

Обзор начался с цветного стоп–кадра, который Кейс вначале принял за коллаж: будто вырезанное из одной фотографии мальчишеское лицо наклеили на другую — испещренной каракулями стены. Монгольский разрез темных глаз, судя по всему — приобретенный искусственно, в результате хирургической операции, на бледных щеках — обильная россыпь угрей. Затем мальчишка стал двигаться со зловещей грацией мима, который изображает крадущегося в джунглях хищника. Тело почти сливалось со стеной, так как по обтягивающему комбинезону струились цветные пятна и линии, почти в точности повторяющие стену, на фоне которой шел мальчик. Мимикрирующий поликарбон.

На экране появилось лицо доктора социологии из Нью–Йоркского университета Вирджинии Рамбали; ее имя, специальность и название учебного заведения были написаны в

нижней части экрана мигающими розовыми буквами.

— Принимая во внимание их склонность к беспричинным актам чудовищного насилия, — произнес голос за кадром, — нашим зрителям трудно понять, почему вы настаиваете, что данное явление не является разновидностью терроризма.

Доктор Рамбали снисходительно улыбнулась.

— Всегда есть предел, за которым террорист теряет возможность манипулировать состоянием общества. Точка, за которой любая дальнейшая эскалация насилия не меняет состояния общества, а только свидетельствует об этом состоянии, становится симптомом. Но если насилие принимает слишком широкий размах, образ террориста укореняется в массовом сознании. Терроризм, в обычном понимании, неразрывно связан с обществом, его породившим. Дикие Коты отличаются от настоящих террористов степенью самосознания, а также пониманием того критерия, по которому общество отделяет акт насилия от его изначальных социополитических целей…

— Скипни[4] это, — сказал Кейс.

Через два дня Кейс встретился с первым в своей жизни Котом. Дикие Коты очень напоминали ему Великих Ученых времен собственной молодости. В Муравейнике существовала некая нематериальная юношеская ДНК, которая несла в себе коды различных молодежных увлечений и через неправильные, непредсказуемые заранее промежутки времени воспроизводила их. По сути своей Дикие Коты были компьютеризированным вариантом Великих Ученых. Существуй в те далекие времена соответствующая технология, Ученые вживили бы себе в головы разъемы и стали бы запихивать в них микрософты. Важен общий стиль, а стиль остался примерно тем же. Коты были наемниками, нигилистически настроенными технофетишистами, и очень любили делать окружающим гадости.

Тот, который появился в дверном проеме чердака с коробкой дискет от Финна, обладал нежным голосом и звался Анжело. Лицо его представляло собой гладкую отвратительную маску, искусственно выращенную из коллагена и полисахаридов, полученных из акульих хрящей. Кейс никогда не встречал более отвратительного образца косметической хирургии. И когда Анжело улыбнулся, оскалив острые, как бритва, клыки крупного животного. Кейс даже почувствовал некоторое облегчение. Это были зубные трансплантанты. Такое он уже видал.

— А с этими малолетними засранцами надо бы покруче, — заметила Молли.

Кейс, полностью поглощенный структурой Сенснетовского

льда, согласно кивнул.

То самое оно. То самое, чем он был, кем он был, вся его сущность. Он забыл о еде. Молли оставляла картонки с рисом и пластиковые подносы с суси на краю длинного стола. Иногда ему даже не хотелось выпускать из рук деку, чтобы воспользоваться химическим туалетом, поставленным в углу. Структуры льда на экране формировались и переформировывались, а он искал в них бреши, обходил самые очевидные ловушки и вычерчивал маршрут, по которому отправится в систему «Сенснета». У них был хороший лед. Великолепный. Его структуры пылали в его мозгу, пока он лежал с Молли в обнимку и смотрел на алый рассвет сквозь стальную решетку слухового окошка. Первое, что видел Кейс, проснувшись, — это лед, радужные лабиринты его пикселов. Зачастую он направлялся к деке даже не одевшись и сразу включался. Он раскалывал лед. Он работал. Он потерял счет дням.

Но иногда перед сном, особенно когда Молли уходила во главе группы Котов на разведку, наплывали образы Тибы. Неон, Нинсеи и лица. Однажды ему приснилась Линда Ли, и затем он долго не мог понять, кто она такая и что она для него значила. А когда он вспомнил, то подключился к матрице и проработал девять часов.

На взламывание льда корпорации «Сенснет» ушло девять дней.

— Я просил за неделю. — Армитидж не мог скрыть удовлетворения, когда Кейс продемонстрировал ему план рейда. — Что–то ты не очень торопился.

— Вот дерьмо, — глядя на экран, улыбнулся Кейс. — Я сделал хорошую работу.

— Конечно, — признал Армитидж. — Только ты не очень–то ликуй. По сравнению с тем, что ты будешь делать потом, это — детские игрушки.

— Ну ты даешь. Молоток, Мама Кошка, — прошептал связник Диких Котов. Голос, звучавший в наушниках Кейса, едва пробивался сквозь треск помех.

— Атланта, Стая. Вроде пора. Пора, ясно? — Голос Молли был слышен немного лучше.

— Слушаю и повинуюсь.

Коты установили в Нью–Джерси самодельную спутниковую антенну, чтобы отражать кодированные сообщения связника от спутника «Сыны Иисуса Христа Царя Мира», висевшего над Манхэттеном на геостационарной орбите. Они решили провести всю операцию как сложный розыгрыш и выбрали именно этот

спутник совсем не случайно. Молли вела передачу при помощи метровой тарелки, приклеенной эпоксидкой на крыше банковского небоскреба, почти такого же высокого, как здание «Сенснета».

Атланта. Использовался крайне простой опознавательный код. От Атланты к Бостону, затем к Чикаго и Денверу, по пять минут на каждый город. Если бы кому–нибудь вдруг удалось перехватить сигнал, расшифровать его и синтезировать голос Молли, то код позволил бы Котам сразу распознать подделку. Ну а если бы она провела в здании больше двадцати минут, было бы крайне сомнительно, что она вообще оттуда выйдет.

Кейс проглотил остатки кофе, укрепил дерматроды, задрал черную футболку и почесал грудь. Он весьма туманно представлял себе, что придумали Коты, чтобы отвлечь внимание охраны. В его функции входило лишь следить за тем, чтобы программа, которую он написал, оказалась в системе «Сенснета» в тот момент, когда это понадобится Молли. Он смотрел на обратный отсчет времени в углу экрана. Два. Один.

Кейс «вошел» в матрицу и активировал программу. Он начал погружаться в сияющие слои Сенснетовского льда, и связник прошептал единственное слово:

— Пошел.

Ага, прекрасно. А как там Молли? Кейс включил симстим и очутился в ее сенсориуме.

Скрэмблер–кодировщик слегка размывал изображение. Девушка стояла в огромном светлом коридоре перед огромным, во всю стену, зеркалом, жевала резинку и любовалась собственным отражением. Если бы не огромные солнцезащитные очки, скрывавшие ее зеркала, она выглядела бы довольно заурядно — очередная туристочка, мечтающая хоть одним глазком взглянуть на Тэлли Ишэм. На Молли были розовый пластиковый плащ, белая в сеточку футболка и свободные белые брюки — последний писк токийской моды прошлого года. Она беззаботно улыбнулась и выдула резиновый пузырь. Кейс чуть не расхохотался. Он отчетливо ощущал радиопередатчик, симстим и скрэмблер, примотанные к телу девушки широкой эластичной лентой. Ларингофон выглядел как обезболивающий дермадиск. Ее руки в карманах розового плаща постоянно сжимались и разжимались, чтобы снять напряжение. Только через несколько секунд Кейс догадался, что особые ощущения в кончиках пальцев вызывались лезвиями, которые то слегка выдвигались, то задвигались обратно.

Он вернулся в киберпространство. Программа преодолела пятые ворота. Он смотрел, как перед ним чуть прерывисто

двигался ледокол, и, почти не ощущая играющих на деке пальцев, вносил последние поправки. Полупрозрачные цветные плоскости перетасовывались, как карты в руках фокусника.

«Выберите любую карту», — вспомнил Кейс.

Ворота остались позади. Кейс засмеялся. Система «Сенснет» восприняла его наезд как обычную пересылку данных из своего филиала в Лос–Анджелесе. Он проник внутрь. Позади него отпочковались вирусные программы, которые изменили входной код ворот и приготовились отклонить настоящую передачу данных из Лос–Анджелеса, буде таковая воспоследует.

Кейс снова подключился к Молли. Девушка неторопливо проходила мимо огромной круглой стойки администратора в дальнем конце коридора.

Встроенные в зрительный нерв часы показывали 12:01:20.

Команду «Пошел» связник в Джерси выдал ровно в полночь по Моллиным часам. Девять Котов, разбросанных по двум сотням миль Муравейника, одновременно набрали в телефонах–автоматах аварийный номер. Каждый прочитал короткий, заранее составленный текст, повесил трубку, сдернул с рук хирургические перчатки и растворился в ночи. Девять различных полицейских управлений и служб общественной безопасности получили сигналы о том, что неизвестная группировка воинствующих христиан–фундаменталистов взяла на себя ответственность за впрыскивание большого количества психоактивного вещества, известного под названием «Синий–Девять», в вентиляционную систему пирамиды «Сенснета». Это вещество, известное в Калифорнии под названием «Печальный Ангел», было способно вызвать острую паранойю и жажду убийства у восьмидесяти пяти процентов людей, подвергшихся его воздействию.

Проследив, как программа преодолела ворота подсистемы, которая контролировала безопасность научной библиотеки «Сенснета», Кейс щелкнул симстим–переключателем… Она входила в лифт.

— Извините, вы сотрудница учреждения? — удивленно поднял брови охранник.

Молли выдула пузырек жевательной резинки.

— Нет, — ответила она, погружая два пальца правой руки в солнечное сплетение мужчины. Охранник согнулся пополам, судорожно хватаясь за подвешенный к брючному ремню сигнал, но Молли ударила еще раз, и его голова врезалась в стенку лифта.

Двигая челюстями чуть побыстрее, она нажала светящуюся

кнопку «Закрывание дверей», а затем «Стоп». Вытащила из кармана плаща черную коробочку и вставила отвод от нее в замочную скважину щита сигнализации.

Дикие Коты выждали четыре минуты, пока сработает первое сообщение, а потом выбросили очередную порцию тщательно продуманной дезинформации. На этот раз ее передали прямо по внутреннему телевидению здания «Сенснета».

С 12:04:03 все экраны компании мигали в течение восемнадцати секунд с частотой, от которой наиболее нервные служащие попадали в обморок. Затем экраны заполнило нечто, лишь весьма приблизительно напоминавшее человеческое лицо. Жуткая маска, натянутая на асимметричные кости, напоминала какую–то непристойную меркаторскую проекцию. Уродливо дергалась перекошенная нижняя челюсть, влажные синие губы смыкались и размыкались. Какой–то красноватый пучок узловатых корней, вероятно, изображавший руку, потянулся к зрителям, задрожал и исчез. Потом с умопомрачительной быстротой замелькали кадры диверсии: схема водоснабжения здания, руки в резиновых перчатках возятся с какими–то колбами, что–то летит в темноту и слабо вспыхивает… Одновременно с изображением, по звуковому каналу почти с удвоенной скоростью прокручивали сообщение месячной давности, в котором рассказывалось о возможном применении в военных целях вещества «Эйч–эс–Джи», влияющего на рост скелета. Сверхдозы «Эйч–эс–Джи» увеличивали скорость роста костных клеток в десять раз.

На 12:05:00 в зеркальных стенах консорциума «Сенснет» находилось свыше трех тысяч служащих. В пять минут пополуночи, когда после передачи, организованной Дикими Котами, экраны засветились ровным белым светом, пирамида «Сенснета» наполнилась воем.

Полдюжины тактических вездеходов нью–йоркской полиции, понимая, какая угроза таится в «Синем–Девять», выпущенном в вентиляционную систему здания, приближались к пирамиде «Сенснета». Они мигали всеми своими мигалками. С площадки на крыше Рикеровского центра поднялся вертолет сил быстрого реагирования СОБА.

Кейс запустил вторую программу. Тщательно разработанный вирус атаковал структуру кодов, скрывающую пароли входа в подмассив научных материалов системы «Сенснет».

— Бостон, — донесся голос Молли, — я внизу.

Кейс перешел в симстим и очутился перед глухой стенкой

лифта. Молли расстегивала белые штаны. К ее лодыжке был прикреплен громоздкий пакет в упаковке под цвет кожи. Молли опустилась на колени, сорвала эластичную ленту и развернула пакет. Там оказался комбинезон, такой же, как у Диких Котов, по мимикрирующему поликарбону заплясали бордовые молнии. Молли сняла розовый плащ, бросила его рядом с белыми штанами и начала натягивать комбинезон поверх белой футболки.

12:06:26.

Вирус прорубил лед командного файла библиотеки. Кейс вошел внутрь и очутился в бесконечном синем пространстве, среди цветных сфер, расположенных в узлах частой светло–голубой решетки. В псевдопространстве матрицы интерьер любого конструкта данных обладает бесконечной субъективной размерностью; присоединив свой «Сендаи» к детскому калькулятору, Кейс увидел бы безбрежные провалы небытия и развешанные кое–где немногие основные команды. Кейс стал набирать последовательность кодов, которую Финн купил у одного опустившегося сараримена с серьезными наркотическими проблемами. Он заскользил среди сфер, словно следуя по невидимой трассе.

Здесь. Вот оно.

Кейс вошел внутрь сферы, и его окружила холодная неоновая голубизна, похожая на замерзшее стекло; затем он запустил программу, которая внесла изменения в управляющие команды.

Теперь наружу. Так, двигаемся осторожно, вирус тщательно заделал окно.

Готово.

В коридоре здания «Сенснета», за низким прямоугольным цветочным вазоном, сидели два Диких Кота; они снимали переполох на видеокамеру. Оба были в маскировочных костюмах–хамелеонах.

— Тактические силы уже набрызгивают пенные баррикады, — комментировал происходящее в ларингофон один из операторов. — А силы быстрого реагирования все еще пытаются посадить свой вертолет.

Кейс щелкнул симстим–переключателем и почувствовал страшную боль в сломанной кости.

Молли судорожно дышала, прижавшись к глухой серой стене какого–то длинного коридора. Кейс немедленно вернулся в матрицу, и невыносимо жгучая боль в левом бедре тут же пропала.

— Алло, Стая, в чем там дело? — спросил он у связника.

— Не знаю, Взломщик. Мама не отвечает. Подожди.

Кейс зациклил программу. Между очертаниями ледокола и заделанным окном протянулась тончайшая нить ярко–красного цвета. Ждать больше нельзя. Кейс сделал глубокий вздох и включил симстим.

Пытаясь держаться за стену, Молли сделала шаг. Кейс застонал от боли. Вторым шагом она переступила через вытянутую руку. На рукаве униформы — яркое пятно крови. Блеснула разбитая вдребезги стекловолоконная дубинка. Поле зрения сузилось, превратилось в узкий туннель. После третьего шага Кейс взвыл и переключился в матрицу.

— Стая? Бостон, малыш… — Голос звенел от боли и напряжения. Молли закашлялась. — Небольшая трудность с туземцами. Один из них сломал мне ногу.

— Что нужно делать, Мама–Кошка? — Голос связника почти терялся в помехах.

Кейс заставил себя включиться в сенсориум Молли. Перенеся вес на правую ногу, она опиралась на стену. Девушка порылась в нагрудном кармане и вытащила пластиковую упаковку с разноцветными дермадисками. Она выбрала три штуки и сильно прижала их к левому запястью. Шесть тысяч микрограмм синтетического эндорфина обрушились на боль и разнесли ее вдребезги. Молли судорожно выгнулась, на ее бедра накатили волны тепла. Она вздохнула и медленно расслабилась.

— Все в порядке, Стая. Теперь нормально. Когда я выйду, мне понадобится медицинская помощь. Сообщите моим людям. Взломщик, я в двух минутах от цели. Ты продержишься?

— Передайте ей: я внутри и продержусь, — сказал Кейс.

Молли заковыляла по коридору. Один раз она оглянулась, и Кейс увидел на полу три изуродованных тела охранников «Сенснета». У одного из них вроде бы не было глаз.

— Полиция заблокировала первый этаж, Мама–Кошка. Пенные заграждения. В холле становится довольно забавно.

— Здесь тоже не скучно, — ответила Молли, открывая стальную двустворчатую дверь. — Я почти на месте, Взломщик.

Кейс переключился в матрицу и сорвал со лба дерматроды. С него капал пот. Он вытер полотенцем лоб, торопливо глотнул из велосипедной фляжки и посмотрел на карту библиотеки, горевшую на экране. Пульсирующий красный курсор прополз через дверь. До зеленой точки, обозначавшей конструкт «Дикси Флэтлайна», остались какие–то миллиметры. Страшно подумать, во что превратится нога Молли после этой прогулки. После такой дозы эндорфина она смогла бы, пожалуй, идти даже на

кровоточащих культяпках. Кейс подтянул нейлоновые ремни, крепившие его к стулу, и вернул контакты на место.

Это стало уже рутиной: троды, матрица, выход в симстим.

В научном архиве «Сенснета» хранились физические носители, информацию нельзя было перекачать в компьютер, ее нужно было взять руками и унести. Молли ковыляла между рядами серых одинаковых шкафов.

— Стая, передай ей: пять вперед и десять налево, — сказал Кейс.

— Пять вперед и десять влево, Мама–Кошка, — повторил связник.

Молли повернула налево. Насмерть перепуганная библиотекарша, с круглыми от ужаса глазами на посеревшем лице и мокрыми трясущимися щеками, вжалась в щель между двумя шкафами. Молли даже не удостоила ее взглядом. Интересно, каким образом Диким Котам удалось вызвать такую панику? Молли говорила о какой–то липовой угрозе, но Кейс был слишком занят исследованиями льда, чтобы вслушиваться в объяснения.

— Этот, — сказал Кейс, но Молли и сама уже остановилась перед нужным шкафом. Своими очертаниями он напоминал новоацтекские книжные шкафы в приемной Джули Дина.

— Ну, Взломщик, давай, — сказала Молли.

Кейс переключился в киберпространство и послал по алой нити, пронизывавшей лед библиотеки, команду. Пять независимых охранных систем пребывали в полной уверенности, что они работают. Три хитрых замка деактивировались, но продолжали считать себя запертыми. А в основной базе данных библиотеки появилась запись, что конструкт был выдан месяц тому назад по вполне законному распоряжению. А если библиотекарь попробует выяснить, по чьему именно распоряжению был он выдан, то обнаружит, что нужный файл стерт.

Дверь шкафа бесшумно отворилась.

— Номер 0467839.

Молли вынула из стойки предмет, напоминавший магазин тяжелой штурмовой винтовки. Его матовая черная поверхность была испещрена предупреждающими надписями и значками уровня секретности.

Молли закрыла дверь шкафа, и Кейс перешел в киберпространство.

Он вытянул алую линию изо льда, она рывком вернулась в программу, и тут же пошло самовосстановление системы. Ледокол начал пятиться наружу, собирая подпрограммы,

оставленные возле каждых ворот, которые тут же за ним захлопывались.

— Все, Стая, — сказал Кейс и обмяк на стуле.

После рейда, после напряжения последнего получаса, он мог оставаться в матрице и одновременно чувствовать свое тело. Пройдет, вероятно, много дней, прежде чем в «Сенснете» обнаружат пропажу конструкта. Ключом может послужить сбой при приеме информации из Лос–Анджелеса, слишком уж точно совпавший по времени с переполохом. Вряд ли трое охранников, с которыми Молли столкнулась в коридоре, выживут и смогут рассказать о случившемся. Кейс перешел в симстим.

Лифт, заблокированный черной коробочкой, оставался на прежнем месте. Охранник все так же лежал на полу. Кейс увидел у него на шее дерм, которого раньше не было. Какая–то из ее приспособ — чтобы не очнулся раньше времени. Молли перешагнула через охранника, вытащила блокировку и нажала кнопку «Вестибюль».

Дверь с шипением открылась, и сразу же толпа, бушевавшая в холле, выбросила из себя женщину; женщина задом влетела в лифт, ударилась затылком о стену и осела. Не обращая на нее внимания, Молли сняла с шеи охранника дерм. Затем она вышвырнула из лифта белые брюки и розовый плащ, бросила сверху темные очки и натянула на лоб капюшон костюма. Конструкт тяжело оттягивал нагрудный карман. Молли вышла из лифта.

Кейс и раньше видел панику, но только не в замкнутом пространстве.

Служащие «Сенснета» выскакивали из лифтов и бросались к главному выходу, где их встречали пенные баррикады тактических сил и ружья (те самые, с «желейными пулями», как у Раца), подразделения быстрого реагирования. Два ведомства, убежденные, что сдерживают орду потенциальных убийц, действовали на удивление слаженно. На баррикадах перед разбитыми стальными дверями на улицу в три слоя копошились человеческие тела. Звонкие хлопки ружей методично аккомпанировали реву толпы, метавшейся по мраморному полу. Кейс в жизни не слышал такого воя.

Молли, по–видимому, тоже.

— Господи, — сказала она и на мгновение остановилась.

Повсюду раздавался плач, переходящий в булькающий вой дикого, нерассуждающего ужаса. Пол усеивали тела, одежда и длинные мятые рулоны желтых распечаток.

— Давай, сестренка. На выход.

Глаза двоих Котов смотрели на нее из круговерти оттенков,

бушевавшей на поликарбоне: костюмы не поспевали за скоростью, с которой позади них менялись цвета и формы.

— Тебе больно? Давай. Томми поведет тебя.

Томми передал говорившему видеокамеру, обернутую поликарбоном.

— Чикаго, — сказала Молли, — я выхожу.

А затем она стала падать, но не на мраморный пол, скользкий от крови и блевотины, а в какой–то теплый, уютный колодец, в темноту и в тишину.

Вожак Диких Котов, который представился как Люпус Мудеркинд, носил поликарбоновый костюм с памятью, позволявшей воспроизводить по желанию любой фон. Он сидел, словно некая современная — но ничуть от того не менее чудовищная — горгулья, на краю стола, глядя на Кейса и Армитиджа из–под надвинутого на глаза капюшона, и улыбался. Волосы у него розовые. За его левым ухом, по–кошачьи заостренным и покрытым розовой шерстью, щетинился радужный лес микрософтов. Что–то было сделано и с его глазами, они светились, как у самого настоящего кота. Костюм его медленно менял текстуру и цвет.

— Ты выпустил ситуацию из–под контроля, — сказал Армитидж.

Он стоял посреди чердака словно статуя, задрапированная в темные шелковистые складки дорогого плаща.

— Хаос, мистер Как–вас–там, — пожал плечами Люпус Мудеркинд. — Это наш стиль и образ жизни. Наш главный прикол. Ваша женщина знает об этом. Мы договаривались ней. А не с вами, мистер Как–вас–там.

Костюм парня покрылся диким угловатым орнаментом» бежевым на светло–зеленом фоне.

— Она нуждалась в медицинской помощи. Теперь она у врачей. Мы постережем ее. Все в порядке.

Парень снова улыбнулся.

— Заплати ему, — сказал Кейс.

Армитидж сверкнул на него глазами.

— Мы не получили товар.

— Он у вашей женщины, — сказал Мудеркинд.

— Заплати ему.

Армитидж неохотно подошел к столу и вытащил из карманов плаща три толстые пачки новых иен.

— Хочешь пересчитать? — спросил он Мудеркинда.

— Нет, — ответил Дикий Кот. — Вы заплатите. Вы ведь мистер Как–вас–там. Вы заплатите, чтобы остаться мистером Как–

вас–там. Чтобы не стать мистером Таким–то.

— Надеюсь, это — не угроза, — сказал Армитидж.

— Это — бизнес, — ответил Мудеркинд, засовывая деньги в нагрудный карман.

Зазвенел телефон. Кейс снял трубку.

— Молли, — сказал он и передал трубку Армитиджу.

Когда Кейс покинул здание, геодезики Муравейника светились предрассветной серостью. Конечности замерзли и плохо слушались. Кейс не мог заснуть. Его вконец достал этот чердак. Сначала ушел Люпус, затем Армитидж, а Молли валялась в какой–то хирургической клинике. Где–то в глубине промчался поезд и под ногами задрожала земля. В отдалении завыли сирены.

Ссутулив обтянутые новой кожаной курткой плечи, подняв воротник, Кейс брел наугад и бросал очередной окурок только для того, чтобы зажечь новую сигарету. Он пытался представить себе, как стенки ядовитых капсул Армитиджа вот прямо сейчас растворяются, становятся с каждым шагом все тоньше и тоньше. Картина казалась ирреальной. Такой же ирреальной, как ужас и страдание, которые он видел в вестибюле «Сенснета» глазами Молли. Кейс попытался вспомнить лица тех троих, которых убил в Тибе. Мужчины не вспоминались, а женщина была похожа на Линду Ли. Мимо протарахтел трехколесный грузовой мотороллер с зеркальными стеклами кабины, в кузове погромыхивали пустые пластиковые цилиндры.

— Кейс.

Он бросился в сторону и инстинктивно прижался спиной к стене.

— Хочу кое–что тебе передать.

Костюм Люпуса Мудеркинда переливался чистыми основными цветами.

— Пардон, не хотел тебя пугать.

Держа руки в карманах куртки, Кейс выпрямился во весь рост. Он оказался на голову выше Кота.

— Ты бы поаккуратнее, Мудеркинд.

— Всего одно слово. Уинтермьют.

— От тебя? — Кейс шагнул вперед.

— Да нет же, — возразил Мудеркинд. — Тебе.

— От кого?

— Уинтермьют, — повторил Дикий Кот и кивнул копной розовых волос. Его костюм стал тускло–черным, угольная тень на обшарпанном бетоне. Он взмахнул черными худыми руками, словно исполняя па какого–то странного танца, и исчез. Нет. Еще

стоит. Розовые волосы скрыты капюшоном, костюм стал серым и пятнистым, точно в тон тротуару. В глазах отражается красный огонь светофора. А затем он и вправду исчез.

Кейс прислонился к ободранной кирпичной стенке, закрыл глаза и помассировал веки окоченевшими пальцами.

На тротуарах Нинсеи все было гораздо проще.

5

Медицинская бригада, которая лечила Молли, занимала два этажа неприметного кондоминиума в старом центре Балтиморы. Здание состояло из модулей на манер увеличенной версии «Дешевого отеля», только с гробами по сорок метров в длину. Кейс встретился с Молли на выходе из модуля с табличкой с витиеватой надписью: «ДЖЕРАЛЬД ЧИН. ДАНТИСТ». Девушка хромала.

— Он говорит, если я пну что–нибудь, нога отвалится.

— Я тут наткнулся на одного твоего дружка, — сказал Кейс. — На Кота.

— И кто же это был?

— Люпус Мудеркинд. Он принес мне записку.

Кейс передал Молли бумажную салфетку, на которой аккуратными заглавными буквами красным фломастером было выведено слово «УИНТЕРМЬЮТ».

— Он сказал…

Рука девушки сделала ему знак замолчать.

— Поедим лучше крабов.

После ленча в Балтиморе, в процессе которого Молли препарировала краба с пугающей легкостью, они сели в «трубу» и поехали в Нью–Йорк. Кейс не задавал вопросов: какой смысл, если в ответ получаешь только знак замолчать. Похоже, у Молли серьезно побаливала нога, и она редко подавала голос.

Худенькая чернокожая девочка с туго вплетенными в волосы деревянными бусами и старинными резисторами открыла дверь в убежище Финна и повела их по узкому проходу, петлявшему среди гор хлама. Кейсу показалось, что хлам вроде как вырос за время их отсутствия. Или, скорее, за прошедшее время он слегка изменился и преобразился; тихие невидимые хлопья оседали в виде мульчи, выявляя кристаллическую сущность заброшенной технологии, тайно процветающей на помойках Муравейника.

По ту сторону армейского одеяла за белым столом их ждал Финн.

Молли быстро зажестикулировала, вытащила клочок бумаги, что–то на нем написала и протянула Финну. Тот взял его двумя пальцами вытянутой руки, держа подальше от себя как будто что–то опасное, способное взорваться. Финн сделал какой–то непонятный Кейсу жест, выражавший смесь нетерпения и мрачной покорности. Он встал из–за стола и стряхнул с лацканов мятой твидовой куртки крошки.

На столе рядом с надорванной пластиковой пачкой галет и жестяной пепельницей, полной окурков «Партагаса», стояла банка с маринованной селедкой.

— Подождите, — бросил Финн и вышел из комнаты.

Молли села на его место, выпустила лезвие указательного пальца и подцепила сероватый пласт селедки. Кейс бесцельно бродил по комнате, трогая по пути смонтированные в стойках сканирующие приборы.

Через десять минут Финн стремительно вернулся и обнажил желтые зубы в широкой улыбке. Он утвердительно кивнул, показал Молли большой палец и жестом попросил Кейса помочь ему с дверной панелью. Пока Кейс закреплял скотчем дверь, Финн вынул из кармана маленькую плоскую клавиатуру и набрал сложную последовательность символов.

— Дорогуша, — обратился он к Молли, убирая клавиатуру, — на этот раз тебе действительно повезло. Без балды, я это нюхом чую. Ты можешь мне сказать, откуда у тебя она.

— Мудеркинд, — тихо ответила Молли, отодвигая галеты и селедку. — Я заключила побочную сделку с Ларри.

— Здорово, — восхитился Финн. — Что ж, это ИскИн.

— Нельзя ли чуть попонятнее, — проворчал Кейс.

— Берн, — сказал Финн, не обращая на него внимания. — Он находится в Берне. Получил ограниченное швейцарское гражданство согласно закону, аналогичному нашему акту от пятьдесят третьего года. Построен для «Тессье–Эшпул СА»[5]. Им принадлежит и «железо», и исходное программное обеспечение.

— Что там такое в Берне? — Кейс встал прямо между ними.

— Уинтермьют — опознавательный код ИскИна. У меня есть номера Регистра Тьюринга. ИскИн — искусственный интеллект.

— Все это прекрасно, — вставила Молли, — но откуда он узнал про нас?

— Если Мудеркинд не ошибается, — сказал Финн, — то за спиной Армитиджа стоит Уинтермьют.

— Коты занялись этим делом по моему поручению, — объяснила Молли недоумевающему Кейсу. — У них бывают самые странные и неожиданные источники информации. Договаривалась я через Ларри, на четких условиях: плачу, если они узнают, кто стоит за Армитиджем.

— И ты думаешь, что за ним стоит этот самый ИскИн? Но ведь этим штукам не позволена никакая автономия. Тут уж скорее корпорация, о которой ты говорила. «Тессле…»

— «Тессье–Эшпул СА», — подсказал Финн. — Могу рассказать вам про них одну историю. Хотите послушать? — Он сел к столу и подался вперед.

— Финн, — заметила Молли, — обожает рассказывать истории.

— Эту я еще никому не рассказывал, — начал Финн.

Финн был барыгой, в основном — по части краденых программ. Естественно, он иногда встречался с другими барыгами, некоторые из которых занимались более традиционными товарами. Драгоценными металлами, марками, редкими монетами, самоцветами, ювелирными изделиями, а также живописью и прочими произведениями искусства. История, рассказанная им, начиналась с человека по фамилии Смит.

Рядовой барыга в прошлом, Смит разбогател, остепенился и всплыл на поверхность как торговец предметами искусства. Первый знакомый Финна, «двинувшийся на кремнии» (выражение, на взгляд Кейса, несколько старомодное), он покупал микрософты исключительно «по специальности» — искусствоведение и аукционные каталоги. Вставив в черепной разъем дюжину чипов, он приобретал буквально необъятные познания в области искусства и торговли оным. Однажды Смит пришел к Финну, можно сказать, за братской помощью, как бизнесмен к бизнесмену. Ему потребовалось навести справки о клане Тессье–Эшпул, но так, чтобы они никогда об этом не узнали. Финн ответил, что это вполне возможно, но потребовал разъяснений.

— Понимаешь, — пояснил Кейсу Финн, — дело определенно пахло деньгами.

Смит был крайне осторожен. Даже слишком.

Как выяснилось, Смита обслуживал поставщик по имени Джимми. Он занимался квартирными кражами и другими столь же благородными делами; он только что вернулся на Землю после года, проведенного на высокой орбите, и привез домой, на дно гравитационного колодца, некоторые любопытные вещицы. Наиболее необычным предметом из тех, что Джимми удалось раздобыть в своих гастролях по архипелагу, оказалась голова — платиновый бюст, покрытый перегородчатой эмалью и усыпанный мельчайшим жемчугом и ляпис–лазурью. Смит печально вздохнул, убрал карманный микроскоп и посоветовал Джимми расплавить голову. Новодел, коллекционной ценности не представляет. Джимми рассмеялся. Это, сказал он, компьютерный терминал. Она умеет говорить. И не каким–нибудь там синтезированным голосом, а с помощью миниатюрных органных труб, мехов, рычагов и прочих прибамбасов. Трудно сказать, кому и зачем понадобилось делать такую изощренную игрушку. Даже извращенную — ведь чипы, синтезирующие голос, продаются на

каждом углу, они дешевле пареной репы. Типичный кунштюк. Смит подключил голову к своему компьютеру, и мелодичный нечеловеческий голос пропищал ему цифры прошлогодней декларации о доходах.

Среди клиентов Смита был один токийский миллиардер, чья страсть к механическим игрушкам граничила с фетишизмом. Смит пожал плечами и развел руками в жесте — древнем, как ломбарды и лавки старьевщиков. Конечно, он постарается, но вряд ли за голову можно много выручить.

Когда Джимми оставил бюст и ушел, Смит стал его тщательно исследовать и нашел клейма мастеров. Оказалось, что голова — плод более чем неожиданного сотрудничества двух цюрихских ремесленников, парижского художника–эмальера, датского ювелира и калифорнийского разработчика микросхем. А изготовлена она по заказу «Тессье–Эшпул СА».

Смит стал осторожно намекать токийскому коллекционеру, что имеет нечто, заслуживающее внимания.

А затем к нему пришел некий не представившийся посетитель, который преодолел сложную систему безопасности с такой легкостью, словно ее и вовсе не существовало. Маленький, дико вежливый японец имел все признаки искусственно выращенного ниндзи–убийцы. Смит сидел за полированным столом из вьетнамского розового дерева и как завороженный глядел в спокойные карие глаза смерти. Мягко, почти извиняясь, клонированный убийца объяснил, что в его обязанности входит найти и вернуть некое произведение искусства, механизм исключительной красоты, который взяли из дома хозяина. До его сведения дошло, что Смит знает о местонахождении упомянутого предмета.

Смит объявил, что не хочет умирать, и выставил голову на стол. «А какую сумму вы ожидали выручить от продажи предмета?» — спросил посетитель, Смит назвал сумму намного ниже той цены, которую хотел запросить за голову. Ниндзя вынул кредитный чип и перевел эту сумму с номерного швейцарского счета на счет Смита. «А кто, — спросил японец, — принес вам эту вещь?» Смит ответил. Через несколько дней он узнал, что Джимми умер.

— Вот тут–то на сцену и вышел я, — продолжал Финн. — Смит знал, что я хорошо знаю тусовку с Мемори–Лейн и что именно туда нужно идти, чтобы, не поднимая лишнего шума, раздобыть о ком–нибудь сведения. Я нанял ковбоя. Как посредник я получал определенный процент. Смит был предельно осторожен. Он вышел из крайне дикой и опасной операции с прибылью, однако в деле осталось много странного и

непонятного. Кто заплатил ему из этой швейцарской заначки? Якудзы? Позвольте не поверить. У них очень твердые правила разрешения подобных ситуаций, перекупщик должен отправиться туда же, куда и вор. Чистый блеф, и никакого «опечаленного хозяина» нет и в помине? Смит так не думал. Блеф всегда имеет некий специфический привкус, достаточно опытный человек распознает его без ошибки. Итак, мой ковбой рылся в старых архивах, пока не наткнулся на тяжбу с упоминанием Тессье–Эшпул. Тяжба пустяковая, но мы получили адвокатскую фирму. Ковбой прорубился сквозь лед адвокатов, и мы узнали адрес семьи. Ну и хрен ли, спрашивается, толку?

— Кейс удивленно поднял брови.

— Фрисайд, — сказал Финн. — Веретено. Как оказалось, они владеют почти всей этой штукой. Когда ковбой хорошенько прочесал архивы информационных служб и составил резюме, получилась крайне интересная картина. Семейная организация. С корпоративной структурой. Теоретически вы можете купить часть любого СА, но на деле ни одна акция корпорации «Тессье–Эшпул» не появлялась на открытом рынке вот уже более сотни лет. И ни на каком другом рынке — насколько мне известно. Мы столкнулись с первым поколением очень скрытной и очень эксцентричной семьи с высокой орбиты, выступающей под видом корпорации. Деньги у них огромные, причем семья всячески избегает средств массовой информации. Широкомасштабное клонирование. Орбитальные законы по поводу генной инженерии намного мягче земных. Поэтому очень трудно проследить, какое поколение или комбинация поколений управляет корпорацией в данный момент.

— Как это? — спросила Молли.

— У них своя криогенная установка. Даже согласно орбитальному закону замороженный человек считается мертвым. Похоже, они подменяют друг друга, хотя отца–основателя никто не видел лет уже тридцать. А мамаша–основательница погибла в результате несчастного случая в лаборатории…

— Так что же с барыгой?

— Да ничего. — Финн нахмурился. — Бросил это дело. Мы имели счастие взглянуть на фантастическое хитросплетение взаимных доверенностей на ведение дел, имеющихся в распоряжении «Т–Э», вот и все. Джимми, должно быть, забрался в «Блуждающий огонек», спер эту голову, а Тессье–Эшпул послали за ней ниндзя. Смит решил выкинуть все это из своей пребывающей, пока еще, на плечах головы. И правильно, пожалуй, сделал, — Финн взглянул на Молли. — Вилла «Блуждающий огонек». На самом конце Веретена. Посторонние не

допускаются.

— И ты считаешь, что у них есть свой ниндзя? — спросила Молли.

— Смит думает, что да.

— Дорогое удовольствие, — заметила девушка. — Интересно, где он сейчас, этот ниндзя–коротышка?

— Возможно, они его заморозили. До следующей необходимости.

— Ладно, — сказал Кейс, — мы знаем, что Армитидж получает свои башли от ИскИна по имени Уинтермьют. Ну и какой от этого толк?

— Пока никакого, — пожала плечами Молли, — но теперь у тебя появляется небольшое побочное развлечение.

Она вынула из кармана сложенный листок бумаги и подала Кейсу. Тот развернул его. Сетевые координаты и пароль входа.

— Кто это?

— Армитидж. Какая–то его база данных. Я получила эти сведения от Котов. За дополнительное вознаграждение. Где это?

— В Лондоне, — сказал Кейс.

— Ну так взломай, — засмеялась Молли. — Покажи, что ты не даром ешь свой хлеб.

Кейс дожидался на переполненной платформе местного поезда «Транс–СОБА». Молли давно вернулась на чердак с конструктом Флэтлайна в зеленой сумке, а Кейс все это время пил, не просыхая. Странно и неприятно думать о Флэтлайне как о конструкте, как о кассете постоянной памяти, воспроизводящей профессиональное мастерство покойного, и его пунктики, и даже коленный рефлекс… Местный с грохотом приближался вдоль черной индукционной полосы, и из трещин в потолке туннеля посыпались тонкие струйки песка. Кейс втиснулся в ближайшую дверь и, когда поезд тронулся, стал разглядывать пассажиров. Двое последователей Христианской Науки, весьма хищные на вид, старались протиснуться к трио юных конторских техничек, на чьих запястьях в резком вагонном освещении влажно поблескивали розовые голографические влагалища. Девицы нервно облизывали идеальной формы губы и поглядывали на христианских научников из–под опущенных металлических век. Они были похожи на высоких, грациозных, экзотических животных, бессознательно покачивающихся в такт движению поезда; высокие каблуки, попиравшие серый металлический пол вагона, походили на полированные копытца. Не успели девушки упорхнуть от миссионеров куда глаза глядят, а поезд уже прибыл на станцию Кейса.

Кейс вышел из вагона и увидел парящую около стены станции голограмму белой сигары, под которой мигала стилизованная под японские иероглифы надпись латинскими буквами: «ФРИСАЙД». Пройдя сквозь толпу, Кейс встал прямо под рекламой и принялся изучать изображение. Ниже мигала надпись: «ЗАЧЕМ ОТКЛАДЫВАТЬ?». Белое тупоносое веретено, усеянное решетками, радиаторами, доками и куполами. Кейс видел эту или подобные ей рекламы тысячу раз. Они его не интересовали. При помощи деки он достигал банков Фрисайда с такой же легкостью, как и Атланты. Путешествия — это для мяса. Но теперь, разглядывая рекламу. Кейс заметил маленький, не больше монетки, значок, вплетенный в левый нижний угол призрачной ткани рекламы: «Т–Э».

Он вернулся на чердак, думая о Флэтлайне. Почти все девятнадцатое лето своей жизни он провел в «Джентльмене–Неудачнике», потягивая дорогое пиво и тараща глаза на ковбоев. Он ни разу еще не притронулся к деке, но твердо знал, чего хочет. В то лето в «Неудачнике» ошивалось не менее двадцати других окрыленных надеждами парнишек, каждый из которых хотел стать мальчиком на побегушках у какого–нибудь ковбоя. Единственный способ выучиться.

Все они слышали о Поли, деревенского вида жокее из окрестностей Атланты, который пережил мозговой коллапс, побывав за черным льдом. Слухи — смутные, уличные, которые только и были доступны мальчишкам — сходились в одном: Поли сделал невозможное. «Что–то колоссальное, — сообщал Кейсу (за кружку пива) другой будущий великий ковбой, — но вот что именно? Я слышал, что он вскрыл бразильскую платежную сеть. Так это или не так, но этот мужик побывал на том свете. Полный мозговой коллапс». И Кейс посмотрел в противоположный конец переполненного бара, где сидел коренастый парень с каким–то свинцовым цветом кожи.

— Понимаешь, мальчик, рассказывал ему Флэтлайн несколько месяцев спустя, уже в Майами, — я как эти здоровенные долбаные ящерицы, ну ты знаешь, у которых было два гребаных мозга, один в голове, а другой — в жопе, чтобы задними ногами двигать. Вот и я, вляпался в это черное говно, а задний мозг — ему хоть бы хны, работает как миленький.

Ковбойская элита «Неудачника» избегала Поли с каким–то суеверным страхом. Маккой Поли, Лазарь киберпространства…

В конце концов его погубило сердце. Второе, русское сердце, пересаженное ему еще во время войны, в лагере для военнопленных. Он не соглашался заменить его, говорил, что привычный ритм поддерживает в нем чувство времени. Кейс

потер между пальцами в кармане клочок бумажки, полученный от Молли, и стал подниматься по лестнице.

Молли лежала на темперлоне и тихо похрапывала. Прозрачный гипс доходил от колена до самой промежности, и сквозь стекловидное вещество виднелись ужасные черно–желтые синяки. Вдоль левого запястья выстроились восемь дермов, все разного размера и цвета. Рядом лежал трансдермальный прибор «Акаи», к прилепленным под гипсом дерматродам тянулись тонкие красные проводки.

Кейс включил настольную лампу, стоящую рядом с «Хосакой». Резкий круг света упал прямо на конструкт Флэтлайна. Кейс загрузил в машину лед, подсоединил конструкт и «вошел» в матрицу.

У него возникло отчетливое ощущение, будто кто–то стоит за спиной.

Кейс кашлянул:

— Дикс? Маккой? Это ты, что ли? — У него пересохло в горле.

— Привет, браток, — сказал голос из ниоткуда.

— Это я, Кейс. Еще не забыл?

— А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

— Что ты последнее помнишь, Дикс, перед тем как тобой сейчас заговорил?

— Ничего.

— Ну–ка, постой.

Кейс отсоединил конструкт. Ощущение чужого присутствия исчезло. Он снова подсоединил конструкт.

— Дикс? Кто я?

— Веселенький вопрос. А хрен тебя знает, кто ты такой.

— Ке… Один твой друг. Напарник. Что с тобой случилось?

— Вот и я хотел бы знать.

— Помнишь, как ты был здесь секунду назад?

— Нет.

— А знаешь, как работает матрица личностного ПЗУ?

— Конечно, братан, фирменный конструкт.

— Значит, если я подключу его к своей базе данных, он получит непрерывную память в реальном времени?

— Думаю, да, — ответил конструкт.

— Ладно, Дикс. Ты — конструкт. Усек?

— Ну, раз ты так говоришь, — согласился конструкт. — Так кто ты такой?

— Кейс.

— А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

— Точно. А для разминки мы сгоняем с тобой сейчас в

Лондонскую сеть и кое–что там посмотрим. Ты не против?

— А у меня что, есть выбор?

6

— Тебе нужен рай, — посоветовал Флэтлайн, когда Кейс объяснил ситуацию. — Проверь Копенгаген, окраины Университетской секции. — Голос по памяти выдал координаты.

Они нашли свой рай, «пиратский рай», на размытой границе слабо защищенной академической сети. На первый взгляд рай этот напоминал граффити, оставляемые иногда студентами–операторами на перекрестках — еле заметные цветные значки, мерцающие на фоне нечетко выраженных очертаний дюжины гуманитарных факультетов.

— Вон, — сказал Флэтлайн, — голубой. Видишь? Входной пароль компании «Белл–Европа». Причем, свежий. Скоро «Белл» сюда доберется, прочитает всю эту доску объявлений и поменяет все коды, которые здесь вывешены. А завтра ребятки сопрут новые.

Кейс набрал входной пароль системы «Белл–Европа», а затем обычный телефонный номер. С помощью Флэтлайна он вышел на лондонскую базу данных, принадлежащую, по словам Молли, Армитиджу.

— Давай, — сказал голос. — Я тут быстро справлюсь.

Флэтлайн начал нараспев читать цифровые последовательности, Кейс отстукивал их на деке, стараясь передать паузы, которые делал конструкт.

Потребовалось три попытки.

— Тоже мне работа, — сказал Флэтлайн. — Льда вообще нет.

— Просканируй это дерьмо, — приказал Кейс «Хосаке». — Просей, выбери биографические материалы владельца.

На месте нейроэлектронных каракуль появился простой белый ромб.

— Файл содержит в основном видеозаписи послевоенных сессий трибунала, — сказал негромкий голос «Хосаки». — Центральной фигурой процессов является полковник Корто.

— Да ты показывай, — сказал Кейс.

На экране появилось незнакомое мужское лицо. С глазами Армитиджа.

Через два часа Кейс рухнул рядом с Молли, темперлон послушно повторил контуры его тела.

— Нашел что–нибудь? — сквозь сон и наркотики спросила Молли.

— Потом расскажу, я разваливаюсь.

Кейс был в полном смятении и чувствовал отходняк, как

после хорошей дозы. Он лежал с закрытыми глазами и пытался разобраться в истории человека по фамилии Корто. В резюме, составленном «Хосакой» на основании куцых данных, зияли огромные дыры. Одну часть материала представляли печатные отчеты, которые бежали по экрану так быстро, что Кейсу пришлось попросить «Хосаку» читать их вслух. Другую часть представляли аудиозаписи судебных слушаний по поводу «Разящего Кулака».

Полковника Уилиса Корто забросили через «слепое пятно» в русской обороне Киренска. «Шаттлы» создали эту брешь с помощью импульсных бомб, и команда Корто десантнровалась на сверхлегких самолетиках типа «Ночное крыло». Их крылья упруго раскрылись в лунном свете, отражавшемся серебристых изгибах Ангары и Подкаменной Тунгуски, — последний свет, какой увидит Корто за предстоящие пятнадцать месяцев. Кейс пытался представить себе, как высоко над промерзшей степью выходят из пусковых капсул эти хрупкие стрекозы, как расправляют они крылья в морозном ночном воздухе.

— Да, шеф, подставили тебя эти бляди, — сказал Кейс, и Молли пошевелилась во сне.

Самолеты шли без оружия, чтобы компенсировать вес оператора, экспериментальной деки и вирусной программы «Крот–9», первого настоящего вируса в истории кибернетики. Корто и его команда готовилась к рейду три года. Они пробили лед и уже собирались ввести «Крота–девять», когда их засекли. Русские импульсные пушки вышвырнули жокеев в кромешную электронную тьму, навигационные системы «Ночных крыльев» рассыпались, вся их память была стерта подчистую.

Потом за дело взялись лазеры. Они навелись на тепловое излучение и посшибали хрупкие радарно–прозрачные десантные самолетики; Корто и его мертвый оператор упали с сибирского неба. Они падали, падали и падали…

Далее повествование прерывается до того самого момента, когда захваченный русский «летающий танк» прилетает в Финляндию. Прилетает, чтобы быть расстрелянным на рассвете, при посадке в еловую рощу, из допотопной двадцатимиллиметровой пукалки, управляемой расчетом лопухов–резервистов. «Разящий Кулак» закончился для Корто в окрестностях Хельсинки; финские санитары вырезали его из покореженного брюха вертолета. Через девять дней закончилась и война; слепого, безногого, с оторванной нижней челюстью полковника отвезли в штат Юта, в военный госпиталь. Только через одиннадцать месяцев его обнаружил здесь некий чиновник Конгресса. Корто лежал и слушал, как капает моча из катетера. К

тому времени в Вашингтоне и Маклине уже начались показательные процессы. Пентагон и ЦРУ сильно сократились, остатки их были раздроблены на куски, а следственная комиссия Конгресса сосредоточила свое внимание на операции «Разящий Кулак». «Готовенький уотергейт», — сказал Корто чиновник.

Еще он сказал, что полковник нуждается в глазах, ногах, а также в интенсивной работе пластических хирургов, но все можно устроить. «И новую канализацию», — сказал он, трогая Корто за плечо через мокрую от пота простыню.

Бывший полковник слушал негромкое беспрестанное капанье. И сказал, что предпочитает давать показания в своем теперешнем виде.

Нельзя, объяснил чиновник, заседания будут показывать по телевидению. Процессы нужны, чтобы повлиять на избирателей. Он вежливо кашлянул.

Подчищенные, подправленные и многократно отрепетированные показания Корто были яркими, подробными, берущими за душу. Большая их часть была сочинена шайкой–лейкой из аппарата Конгресса, кровно заинтересованной в спасении некоторых частей инфраструктуры Пентагона. Полковник постепенно и сам понял, что своими показаниями спас карьеры троих генералов, непосредственно ответственных за сокрытие данных о строительстве эм–и установок в окрестностях Киренска.

После окончания разбирательств его персона стала нежелательной в Вашингтоне. В ресторане на М–стрит за блинчиками со спаржей тот же самый чиновник популярно объяснил ему, что именно произойдет, если он станет болтать лишнего. Сомкнутыми пальцами правой руки Корто раздробил ему гортань. Задохнувшийся чиновник упал лицом в блинчики со спаржей, а Корто вышел на улицу, в холодный вашингтонский сентябрь.

«Хосака» с пулемётной скоростью выдавал содержание полицейских отчётов, донесений промышленных шпионов и файлов новостей. В Марракеше и Лиссабоне Корто обрабатывал падких до денег сотрудников корпораций; презирая саму мысль о предательстве он все больше и больше ненавидел инженеров и ученых, секреты которых покупал для своих хозяев. В Сингапуре, пьяный, он до смерти избил русского инженера, а затем поджег его номер.

Затем он вынырнул в Таиланде, уже в качестве управляющего фабрикой по производству героина. Затем он работал вышибалой в игорных домах Калифорнии, затем — наемным убийцей среди боннских руин. Ограбил банк в Уичите. Записи становились все

темнее и непонятнее, а пробелы в них все длиннее.

А однажды, сказал он в записи допроса, проводившегося, по всей видимости, с использованием «сыворотки правды», все стало серым.

Переведенные с французского медицинские записи объясняли, что в Парижскую психиатрическую клинику доставили неизвестного с диагнозом «шизофрения». Он впал в кататонию и был отправлен в государственную лечебницу, расположенную на окраине Тулона. Он стал одним из лабораторных кроликов программы по лечению шизофрении при помощи кибернетического моделирования. Случайно выбранные пациенты получали микрокомпьютеры и обучались, при помощи студентов, составлять для них программы. Из всех больных, участвовавших в эксперименте, выздоровел только Корто.

Здесь записи обрывались.

Кейс заворочался на темперлоне, и Молли негромко выругала его за беспокойство.

Зазвонил телефон. Не вставая с кровати, Кейс снял трубку.

— Да?

— Мы летим в Стамбул, — сказал Армитидж. — Сегодня вечером.

— Чего еще надо этому ублюдку? — спросила Молли.

— Говорит, сегодня вечером мы летим в Стамбул.

— Ну, вааще.

Армитидж зачитал номера рейсов и время вылетов.

Молли села и включила свет.

— А как мое оборудование? — спросил Кейс. — Моя дека?

— Ею займется Финн, — сказал Армитидж и повесил трубку.

Кейс смотрел, как Молли собирает вещи. Несмотря на черные круги под глазами, она двигалась как танцовщица. Ни одного лишнего движения. Рядом с сумкой лежала мятая куча его одежды.

— Тебе больно? — спросил Кейс.

— Не помешала бы еще одна ночь у Чина.

— Это тот дантист?

— Да уж, дантист. Просто он очень осторожен. Скупил половину этой этажерки и устроил там широкопрофильную больницу. В основном, чинит самураев.

Она застегивала сумку.

— Ты бывал в Стамбуле?

— Да, как–то, пару дней.

— Он такой же, как прежде, — сказала Молли. — Старый грязный городишко.

— Вот так же мы отправились и в Тибу. — Молли смотрела из окна поезда на лунный пейзаж промышленной зоны, где красные огоньки на горизонте отгоняли самолеты от термоядерной установки. — Мы жили в Лос–Анджелесе. Он вошел и сказал: «Собирайся, мы летим в Макао». Когда мы туда приехали, я играла в фан–тан в «Лиссабоне», а он остановился в «Зон–шане». А на следующий день я уже играла с тобой в прятки в Ночном Городе.

Молли вынула из рукава черной курточки шелковый шарфик и протерла им свои зеркала. Пейзаж северного Муравейника пробудил в Кейсе детские воспоминания о каких–то пучках сухой травы, торчащих из трещин бетонных плит автострады.

В десяти километрах от аэропорта поезд начал тормозить. Кейс смотрел, как над битым шлаком, над пустыми ржавыми скорлупками нефтеперегонных заводов, над ландшафтом его детства, встает солнце.

7

В Бейоглу дождило. Арендованный «мерседес» плавно скользил мимо зарешеченных темных окон осторожных греческих и армянских ювелиров. Улица была почти пустынной, только несколько одетых в темное фигур на тротуаре оглядывались на машину.

— Прежде здесь был процветающий европейский район оттоманского Стамбула, — сообщил «мерседес».

— А теперь только что не трущобы, — заметил Кейс.

— «Хилтон» находится на Джумхуриет Каддеси, — сказала Молли, устраиваясь на заднем сиденье.

— Почему Армитидж летает отдельно? — спросил Кейс. У него болела голова.

— Потому, что ты его достаешь. И меня тоже.

Кейс хотел рассказать ей историю Корто, но передумал. В самолете он наклеил себе снотворный дерм и весь полет проспал.

Прямая пустынная дорога из аэропорта вскрыла город как аккуратный разрез. Мимо проносились фантастические, заплата на заплате, стены деревянных домиков, кондо, купола, тоскливые параллелепипеды многоквартирных домов, опять стенки из фанеры и ржавой жести.

Финн, одетый в новехонький костюм из Синдзюку, черный как у сараримена, кисло ждал их, сидя в плюшевом кресле, — одинокий островок посреди неоглядного моря бледно–голубых ковров, устилавших холл «Хилтона» .

— Боже, — фыркнула Молли. — Крыса в деловом костюме.

Они пересекли вестибюль.

— За сколько ты согласился сюда приехать? — Она уронила свою сумку рядом с креслом. — А за то, что напялил на себя этот костюм, — наверное, вообще заплатили чертову тучу денег.

Финн довольно оскалился:

— Не так уж и много, дорогуша. — Он передал ей магнитный ключ с желтой круглой биркой. — Вас уже зарегистрировали. Апартаменты наверху. — Финн огляделся по сторонам. — Дерьмо город.

— Ты страдаешь агорафобией от того, что тебя вытащили из–под купола. Ты представь, что это вроде как Бруклин. — Молли покрутила ключ на пальце. — Ты здесь лакеем или как?

— Мне нужно проверить имплантанты одного парня, — сказал Финн.

— А как моя дека? — спросил Кейс.

Финн поморщился:

— Соблюдай субординацию. Все вопросы — к боссу.

Молли сделала быстрый знак пальцами. Финн утвердительно кивнул в ответ.

— Да, — сказала Молли, — я знаю, кто это. Она мотнула головой в сторону лифтов. — Пошли, ковбой.

Кейс подхватил обе сумки и двинулся следом.

Их номер в точности походил на тот в Тибе, где он впервые встретился с Армитиджем. Утром он подошел к окну, почти готовый увидеть Токийский залив. Через дорогу торчал другой отель. Дождь так и не кончился. Люди со старенькими, завернутыми в прозрачный пластик голосовыми принтерами жались в подъезды домов. Платные писцы, лучшее доказательство того, что в этой стране написанное слово ещё ценится. Неторопливая страна. Из тупорылого черного «ситроена» с примитивным водородным двигателем вышли пятеро суровых турецких офицеров в мятых зеленых френчах. Они вошли в отель напротив.

Кейс опять посмотрел на кровать, на Молли и поразился ее бледности. Губчатый гипс остался дома, на чердаке, рядом трансдермальным индуктором. В ее линзах отражались лампы, освещавшие номер.

Кейс взял трубку сразу после первого звонка.

— Рад, что вы уже встали, — сказал Армитидж.

— Я только что. А леди еще спит. Послушайте, босс, я думаю, нам стоит немного поговорить. Чем больше я знаю о своей работе, тем лучше работаю.

В трубке наступила тишина. Кейс прикусил губу.

— Ты знаешь вполне достаточно. Может, даже слишком.

— Вы так думаете?

— Одевайся. Буди девочку. Минут через пятнадцать к вам придет гость. Его фамилия Терзибашьян.

Негромкие гудки. Армитидж положит трубку.

— Вставай, малышка, — позвал Кейс. — Дела.

— Я уже час как не сплю. — Зеркала повернулись в его сторону.

— К нам идет некто Джерси Бастион.

— У тебя прямо талант к языкам. И сам ты, не иначе, из армян. Это — шпик, которого наш начальничек приставил к Ривьере. Помоги мне встать.

Терзибашьян оказался молодым человеком в сером костюме и в зеркальных очках с золотой оправой. Через расстегнутый воротничок белой рубашки виднелась подушка черных волос, таких густых, что Кейс принял их сперва за майку. В руках у него

был черный хилтоновский поднос с тремя крохотными чашечками ароматного черного кофе и тремя же восточными сладостями неопределенной природы, липкими и цвета соломы.

— Нам ни в коем случае нельзя слишком, как вы говорите на *Ingliz*, мельтешиться.

Некоторое время он смотрел прямо на Молли, но затем снял зеркальные очки. Темно–карие глаза имели тот же оттенок, что и короткие, армейской стрижки, волосы. Он улыбнулся.

— Так лучше, да? Иначе получается бесконечный *tunel* — зеркало в зеркало… А вам, — добавил он Молли, — нужно быть поосторожнее. В Турции не очень любят женщин с подобными модификациями.

Молли откусила половину вязкого бруска.

— Засунь свои советы знаешь куда? — Из–за полного рта слова Молли звучали не очень разборчиво. Она прожевала кусок, глотнула и облизала губы. — Я все про тебя знаю. Ты стучишь для полиции, верно? — Ее рука неторопливо скользнула за пазуху и вытащила игольник. Кейс не знал, что Молли вооружена.

— Осторожнее, пожалуйста. — Белая фарфоровая чашечка застыла в сантиметре от губ Терзибашьяна.

Со все той же неспешностью Молли подняла ствол:

— Выбирай: или разлететься на куски, или заработать рак. Всего от одной стрелы, сраная морда. Ты даже не почувствуешь.

— Пожалуйста. Не понимаю, для чего вы ставите меня в… как это на *Ingiliz*?.. крайне затруднительное положение.

— А я понимаю, что сегодня у меня с утра крайне хреновое настроение. Так что рассказывай нам про этого парня и сваливай. — Она спрятала оружие.

— Он живет в «Фенере» на Кучук Гюльхане Джаддези, 14. Каждый вечер ездит в *tunel* на базар, по одному и тому же маршруту. Недавно он выступал в «Енишехир Палас Отели», это — современная гостиница в стиле *turistik*, но этими представлениями заинтересовалась полиция — не по своей, как вы понимаете, инициативе. Администрация Енишехира занервничала.

Терзибашьян улыбнулся. От него исходил сильный металлический запах лосьона для бритья.

— Мне нужно знать об имплантантах, — сказала Молли, массируя себе бедро. — Я хочу знать, на что он способен.

Терзибашьян кивнул:

— Хуже всего эти, как это на *Ingiliz*, сублиминалы. — В последнем слове он тщательно артикулировал каждый слог.

— Слева от нас, — сказал «мерседес», пробираясь по

лабиринту мокрых от дождя улиц, — главный базар Стамбула «Капали Карси».

Сидевший рядом с Кейсом Финн понимающе хрюкнул, хотя смотрел в совершенно противоположном направлении. По правой стороне улицы тянулись склады утильсырья. Среди куч на щербатых, покрытых ржавыми пятнами мраморных плитах валялся развороченный остов паровоза. Поленница безголовых мраморных статуи.

— Домой хочется? — спросил Кейс.

— Дерьмовый городишко, — вздохнул Финн. Его черный шелковый галстук стал похож на изношенную ленту от пишущей машинки. На лацканах нового костюма появились медальоны из яичных пятен и мясной подливки для люля–кебаб.

— Эй, Джерси, — обратился Кейс к сидевшему сзади армянину, — а где этому парню ставили имплантанты?

— В Тиба–Сити. У него нет левого легкого. Правое — форсированное, так это у вас говорят? Конечно, имплантанты может купить любой, но этот парень — очень талантливый.

«Мерседес» объехал груженную кожами подводу.

— Я же ходил за ним и видел, как падают встречные велосипедисты, пачками, ежедневно. Найдешь такого велосипедиста в больнице, каждый раз одна и та же история. Рядом с тормозным рычагом сидел скорпион…

— «Получаешь то, что ты видишь»[6]. Да–а, — сказал Финн. — Я встречался со схемами, как у этого парня. Очень высокая яркость. Мы видим, что он воображает. Думаю, он свободно может сжать импульс и сжечь сетчатку.

— А ты говорил это своей знакомой? — Терзибашьян подался вперед, — В Турции женщина — все еще женщина. Эта же…

Финн хмыкнул:

— Только посмотри на нее косо — она повяжет тебе узлом яйца вместо галстука.

— Я не понимаю эту идиому.

— Это не страшно, — вмешался Кейс. — Она означает «заткнись».

Армянин откинулся назад, оставив после себя металлический запах лосьона. Он зашептал в рацию «Саньо» странную смесь греческих, французских и турецких слов, среди которых изредка встречались и отдельные английские. Рация отвечала ему по–французски. «Мерседес» мягко свернул за угол.

— Базар пряностей, который иногда называют египетским, — сообщил автомобиль, — образовался на месте древнего базара, построенного султаном Хатисом в 1660 году. Это центральный

городской рынок, где продают пряности, программное обеспечение, парфюмерию, лекарства.

— Ага, «лекарства», — сказал Кейс, глядя, как «дворники» ходят туда–сюда по пуленепробиваемому лексану. — К какой, говоришь, дури пристрастился Ривьера?

— Смесь кокаина и меперидина, — сказал армянин и опять что–то забормотал в передатчик.

— Эту смесь называют демерол, — пояснил Финн. — Он спидболовый клоун, наркоша. Интересная у тебя, Кейс, компания.

— Пустяки, — сказал Кейс, поднимая воротник куртки, — мы заменим этому засранцу поджелудочную или еще чего.

Как только они оказались на базаре, лицо Финна заметно прояснилось, как будто его обрадовала толпа и ощущение замкнутого пространства. Они шли вслед за армянином по главному торговому залу, крытому закопченными листами пластика на железных, выкрашенных зеленой краской опорах эпохи паровых машин. Вокруг извивались и подмигивали тысячи парящих в воздухе реклам.

— Вот это да, — восхитился Финн, хватая Кейса за руку. — Глянь–ка. — Он показал пальцем. — Это же лошадь. Ты видел когда–нибудь лошадь?

Кейс посмотрел на чучело животного и отрицательно покачал головой. Оно стояло на чем–то вроде пьедестала возле прохода к торговым рядам, где продавали птиц и обезьянок. Ноги чучела облысели и почернели от прикосновения бесчисленных рук.

— А я вот видел лошадь, в Мериленде, — сказал Финн. — Года через три после пандемии. Какие–то арабы все еще пытаются воссоздать лошадей из ДНК, но ни хрена не получается.

Коричневые стеклянные глаза животного как будто следили за ними, когда они проходили мимо. Терзибашьян привел их в кафе с низким потолком, которое, казалось, существовало здесь со времен основания рынка. Костлявые мальчишки в грязных белых куртках метались среди переполненных столиков, балансируя металлическими подносами с бутылками «Тюрк–Туборга» и крохотными стаканчиками чая.

Около входа в кафе Кейс купил у разносчика пачку «Ихэюань». Армянин все еще переговаривался по «саньо».

— Пошли, — сказал он, — объект вышел из дома. Каждую ночь он садится в *tunel* и едет сюда, чтобы купить у Али свою смесь. Ваша женщина — рядом. Пошли.

Переулок был старый, со стенами из темных каменных блоков. Неровные известняковые плиты тротуара пахли

бензином, насквозь пропитавшим их за сто лет.

— Ни хрена не видно, — прошептал Кейс.

— Нашей красавице это только на руку, — отозвался Финн.

— Тихо, — почти выкрикнул Терзибашьян.

То ли по камню, то ли по бетону скрипнуло дерево. Впереди, метрах в десяти от них, на мокрые булыжники упал клин света. Кто–то вышел, дверь со скрипом захлопнулась, и переулок снова погрузился во тьму. Кейс поежился.

— Пора, — произнес Терзибашьян, и сейчас же ослепительный белый луч с крыши здания напротив рынка накрыл худощавую фигурку, застывшую рядом со старой деревянной дверью, идеально круглым пятном света. Блестящие глаза стрельнули влево, вправо, и мужчина рухнул на землю. Он лежал лицом вниз, белокурые волосы — светлое пятно на древнем камне, белые руки жалко обмякли. Кто же его подстрелил–то, подумал Кейс.

Световое пятно даже не дрогнуло.

Вдруг куртка на спине мужчины взбугрилась и лопнула, на стену и дверь фонтаном ударила кровь. Следом из прорехи появились две невероятно длинные руки, под серовато–розовой кожей рельефно вырисовывались жгуты сухожилий. Из тротуара, сквозь неподвижные окровавленные останки Ривьеры вылезла ужасная тварь. Двухметровое чудовище стояло на двух ногах и, казалось, не имело головы. Оно медленно повернулось в их сторону, и Кейс увидел, что голова у него есть, нет только шеи. Лицо, или как это назвать, влажно поблескивало, глаз на нем не было. Рот — если это неглубокое конусообразное углубление действительно было ртом — обрамляла буйная поросль волос или щетины, блестящей как черный хром. Чудовище отпихнуло ногой жалкую кучку обрывков одежды и плоти, затем сделало шаг. Круглый рот, похожий сейчас на миниатюрную радарную антенну, обшаривал окрестности в поисках жертвы.

Раскинув руки, как человек, собирающийся выброситься из окна, Терзибашьян крикнул что–то то ли по–гречески, то ли по–турецки и бросился на тварь. Он пробежал сквозь нее. Прямо на вспышку выстрела, сверкнувшую откуда–то из темноты, лежавшей по ту сторону ярко освещенного круга. Мимо головы Кейса просвистели осколки камня, и Финн рывком заставил его присесть.

Прожектор на крыше погас, а перед глазами все еще стояли вспышка выстрела, чудовище и резкий луч света. В ушах звенело.

Снова зажегся прожектор, теперь он начал обшаривать переулок. Бледный как смерть Терзибашьян прислонился к стальной двери. Он поддерживал левое запястье и смотрел, как из

раны капает кровь. У его ног лежал белокурый парень, абсолютно целенький и без малейших следов крови.

Из темноты появилась Молли, вся в черном и с игольником в руках.

— Свяжись по радио, — сквозь сжатые зубы сказал армянин. — С Махмутом. Нужно убрать его отсюда. Это — плохое место.

— Этот паршивец чуть не смылся. — Громко хрустнув коленями, Финн поднялся с земли и начал без особого толка отряхивать свои штанины. — Ну что, посмотрели фильм ужасов? Это тебе не гамбургер, который исчезает на глазах. Мощная работа. Ладно, давай поможем унести его на хрен отсюда. Хочу просканировать механику этого типа, прежде чем он очухается, надо же убедиться, что Армитидж не зря тратит деньги.

Молли наклонилась и что–то подняла. Пистолет.

— «Намбу», — сказала она. — Хороший ствол.

Терзибашьян громко застонал. Кейс только сейчас заметил, что у армянина отсутствует большая часть среднего пальца левой руки.

Когда город начал пропитываться предрассветной голубизной, Молли приказала «мерседесу» везти их в Топкапи. Финн и огромный турок — тот самый Махмут — унесли все еще не пришедшего в сознание Ривьеру. Несколькими минутами позднее подъехал запыленный «ситроен» — за армянином, который находился на грани обморока.

— Жопа ты, — сказала Молли, открывая для него дверцу машины. — Сидел бы себе и не высовывался. Я держала его на прицеле с той самой секунды, как он вышел.

Терзибашьян свирепо посмотрел на девушку.

— Во всяком случае, ты нам больше не нужен. — Молли подсадила его в машину и захлопнула дверцу. — Еще раз попадешься мне, и я тебя прикончу, — сказала она бледному лицу, видневшемуся за тонированными стеклами. «Ситроен» дернулся к неуклюже вывернул из переулка на улицу.

«Мерседес» несся по просыпающемуся городу. Они миновали Бейоглу и теперь мчались через лабиринты запущенных улочек, мимо захудалых доходных домов, смутно напомнивших Кейсу Париж.

— А это что еще за хрень? — спросил он Молли, когда «мерседес» остановился возле сада, окружавшего Сераль. Дикая разностильность этого комплекса зданий могла ошарашить кого угодно.

— Топкапи, — сказала Молли, вылезая из машины и

потягиваясь. — Раньше здесь было нечто вроде частного публичного дома короля. Уйма баб. А теперь это музей. Малость похоже на мастерскую Финна: все свалено грудами — здоровенные бриллианты, мечи, левая рука Иоанна Крестителя…

— Живая, как в консервирующем чане?

— Нет. Мертвая. Лежит внутри такой бронзовой руки с дыркой сбоку, чтобы христиане могли поцеловать. Турки отобрали ее у христиан миллион, наверное, лет назад и с тех пор ни разу не удосужились стереть с нее пыль: ведь это — «реликвия неверных».

В садах Сераля ржавел чугунный олень. Кейс шел рядом с Молли и слушал, как хрустит под носками ее ботинок неухоженная трава, жесткая от утреннего морозца. Они шли параллельно дорожке, сложенной из восьмиугольных каменных плит, очень, наверное, холодных. Чуть подальше, на Балканах, была уже зима.

— Этот Терзи — большая сволочь, — сказала Молили. — Он агент тайной полиции. Настоящий палач. Купить такую блядь проще простого, особенно — за такие деньги, какими швыряется Армитидж.

На деревьях начинали петь птицы.

— Я раздобыл сведения из Лондона, — сказал Кейс. Кое–что узнал, но не понимаю, что именно.

И рассказал ей историю Корто.

— Да, я знаю, что в «Разящем Кулаке» не участвовал никакой Армитидж. Проверено. — Молли погладила ржавый олений бок. — И ты считаешь, что маленький компьютер вывел его из шизофрении? В этой французской больничке?

— Скорее уж Уинтермьют, — ответил Кейс.

Молли кивнула.

— Интересный вопрос, — задумчиво сказал Кейс, — а знает ли Армитидж, что он был когда–то полковником Корто? Я хочу сказать: когда Армитидж попал в больницу, он был никем, а потому вполне возможно, что Уинтермьют…

— Верно. Наново его сконструировал, базируясь на имеющихся данных. Да, дела…

Они пошли дальше.

— Вариант разумный. Понимаешь, у него нет никакой жизни. Насколько я могу судить. Когда встречаешь такого мужика, то представляешь, что у него полно баб. Но только не Армитиджа. Он сидит дома и смотрит в стенку. Затем у него в голове что–то щелкает, и он развивает бурную деятельность.

— Так зачем же эта лондонская заначка? Милые сердцу воспоминания?

— Может, он о ней и не знает, — пожала плечами Молли. — Может, этот массив не его, а положен на его имя.

— Что–то не понял, — заметил Кейс.

— Нечего тут и понимать, я просто думаю вслух… Насколько умны эти ИскИны?

— По–разному бывает. Некоторые не намного умнее собаки. Так, игрушки. Игрушки, которые стоят целого состояния. А вот настоящие — очень умные, умные настолько, насколько позволяет им полиция Тьюринга. ИскИны действительно могут быть очень умными.

— Послушай, ты ведь ковбой. Почему же тебя так мало интересуют такие вещи?

— Начать с того, — ответил Кейс, — что они встречаются очень редко. И почти всегда — в оборонных ведомствах, а там защиту не пробьешь. Ведь это военные изобретают все новый и новый лед. А тут еще и Тьюринг. Копы — это такие ребята, с которыми лучше не связываться. — Кейс посмотрел на девушку. — Лучше туда не соваться.

— Вот и все вы, жокеи, такие, — презрительно фыркнула Молли. — Нуль воображения.

Они подошли к широкому прямоугольному пруду, где карпы лениво щипали стебли каких–то белых водных цветов. Девушка пнула валявшийся на земле камешек и стала смотреть, как бегут по воде круги.

— Этот Уинтермьют, — сказала она, — связан с чем–то очень крупным. До нас доходят волны, но мы не видим камня, упавшего в центре. Нам известно, что там что–то происходит, но и только. Я хочу знать, что именно. Я хочу, чтобы ты поговорил с Уинтермьютом.

— Да меня к нему и близко не подпустят, — сказал Кейс. — Ты, милая, не в себе.

— Попытайся.

— Это невозможно.

— Попроси Флэтлайна.

— Послушай, а на кой нам хрен этот Ривьера? — спросил Кейс в надежде сменить тему разговора.

Девушка сплюнула в пруд.

— Бог его знает. Прикончить бы его, да и дело с концом. Я же видела его профиль. Этакий Иуда по призванию. Он и кончить–то толком не может, если не предаст предварительно объект своего вожделения. Так вот прямо в файле и сказано… Да, еще надо обязательно, чтобы она его любила. Не знаю, может, он тоже их любит, на свой манер. Ривьера уже три года сдает политических в здешнюю тайную полицию, потому–то Терзи и не составило

большого труда подставить его нам. Думаю, Терзи приглашал этого гаденыша посмотреть на пытки. Он же продал за эти три года восемнадцать человек. все — женщины от двадцати до двадцати пяти лет. Благодаря ему у Терзи всегда хватало диссидентов. — Молли сунула руки в карманы. — Как только Ривьера увлекался бабой, он подбивал ее заняться политикой. У него личность — вроде как костюм у Диких Котов. Психотип редчайший, один на два миллиона. Небольшой, но все же комплимент природе человеческой. — Молли смотрела на сонную рыбу и белые цветы, на лице ее застыла горечь. — Знаешь, я, пожалуй, подстрахуюсь от этого циркача.

Холодная усмешка Молли не предвещала ничего хорошего.

— Как это?

— Не обращай внимания. Давай вернемся в Бейоглу и позавтракаем. Сегодня у меня опять тяжелая ночь. Нужно убрать его барахло из номера в «Фенере», а затем сходить на базар и купить ему дурь…

— Купить дурь? Этой гниде?

— Ревнуешь? — расхохоталась Молли. — Лучше бы, конечно, повесить его на рояльной струне, но этого мы сделать не можем. А судя по имеющейся информации, не сожрав дозу, он не может работать. Не боись, ты мне нравишься больше, ты, по крайней мере, не такой тощий. — Она опять улыбнулась. Так что схожу–ка я к торговцу Али и хорошенько затоварюсь. Без этого никак.

В «Хилтоне» их ждал Армитидж.

— Пора собираться, — сказал он, и Кейс попытался за загорелой маской со светло–голубыми глазами найти следы человека по имени Корто. Ему вспомнился Уэйдж из Тибы. Обычно крупные дельцы скрывали свои наклонности. Однако Уэйдж имел свои грешки, имел любовниц. По слухам, даже детей. А вот Армитидж оставался полной загадкой.

— А теперь куда? — поинтересовался Кейс, проходя мимо Армитиджа к окну. — И какой там климат?

— У них нет климата, только погода, — загадочно сообщил Армитидж. — Вот. Читай… — Он положил на кофейный столик пачку проспектов и встал.

— Как там Ривьера? И где Финн?

— С Ривьерой все в порядке. Финн уже летит домой. Улыбка Армитиджа выражала не больше, чем подрагивание усиков насекомого. Он ткнул Кейса в грудь, и при этом звякнул золотой браслет. — Не будь таким умником. Ты же не знаешь, насколько уже растворились стенки этих шариков.

Лицо Кейса застыло. Он взял себя в руки и скованно кивнул.

Когда Армитидж ушел, Кейс раскрыл один из проспектов. Дорогая бумага, текст — на французском, английском и турецком языках.

«ФРИСАЙД — СВОБОДНАЯ ЗОНА. ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?»

В этот раз все четверо летели вместе рейсом компании «Ти–Эйч–Уай» из аэропорта «Есилкёй». В Париже пересадка на «шаттл» компании «Джей–Эй–Эль». Кейс сидел в вестибюле «Истанбул–Хилтона» и смотрел, как Ривьера перебирает в сувенирной лавке липовые византийские древности. В дверях, накинув плащ на плечи, стоял Армитидж.

Ривьера, стройный блондин с нежным голосом, изъяснялся по–английски бегло и без акцента. Молли говорила, что ему тридцать, но по внешнему виду было трудно угадать его возраст. Еще она сказала, что Ривьера не имеет гражданства и путешествует по поддельному датскому паспорту. Он родился в зоне полного разрушения, которая окружала радиоактивный центр старого Бонна.

В лавку стремительно ворвались три улыбчивых японских туриста, по пути они вежливо поклонились Армитиджу. Тот быстро и демонстративно пересек лавку и встал рядом Ривьерой. Ривьера повернулся к нему и расплылся в улыбке. Очень красивое лицо, над которым явно потрудился хирург в Тибе. Ничего не скажешь, изящная работа, ничего похожего на армитиджевский гоголь–моголь из банальных поп–физиономий. Высокий гладкий лоб, широко посаженные серые глаза. Нос имел, вероятно, слишком идеальную форму, а потому был сломан и установлен наново, чуть небрежно. В результате появился легкий оттенок брутальности, удачно контрастировавший с точеным подбородком и быстрой, легкой улыбкой. Маленькие ровные зубы сверкали белизной, Кейс смотрел, как белые руки перебирают якобы осколки якобы древних якобы статуй.

Ривьера совершенно не походил на человека, которого прошлой ночью подстрелили иглой со снотворным, а затем похитили, подвергли тотальному осмотру и заставили присоединиться к команде Армитиджа.

Кейс взглянул на часы. Молли вот–вот вернется. Тоже мне, наркокурьер.

— А ведь этот говнюк и сейчас под кайфом, — сказал он хилтоновскому вестибюлю. Седеющая итальянская матрона в белом кожаном смокинге опустила на нос очки «порше» и взглянула на него с некоторым недоумением. Он широко улыбнулся, встал и вскинул сумку на плечо. Нужно было купить сигарет. Интересно, есть ли в «шаттле» салон для курящих?

— Счастливо оставаться, леди, — сказал он даме; та быстро вернула очки на место и отвернулась.

Сигареты продавались в сувенирной лавке, но Кейсу не хотелось разговаривать ни с Армитиджем, ни с Ривьерой. Торговый автомат находился в узкой нише в конце ряда таксофонов.

Он покопался в набитом турецкими лирами кармане и начал скармливать в щель маленькие тусклые монетки, слегка забавляясь анахронизмом процесса. Ближайший таксофон зазвонил.

Совершенно машинально Кейс снял трубку.

— Да?

В трубке тихо попискивало, сквозь шумы спутниковой связи доносились тихие невнятные голоса, а затем раздался звук, похожий на завывание ветра:

— Привет, Кейс.

Пятидесятилировая монетка выскользнула из пальцев, подпрыгнула и куда–то укатилась.

— Это Уинтермьют, Кейс. Пора бы нам поговорить.

Электронный голос.

Кейс повесил трубку.

Позабыв про сигареты, он шел вдоль длинного ряда таксофонов. И каждый раз, когда Кейс проходил мимо очередного аппарата, тот звонил ровно один раз.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПОЛНОЧЬ НА РЮ ЖЮЛЬ ВЕРН

8

Архипелаг.

Острова. Тор, веретено, кластер. Человеческая ДНК сочится из недр гравитационного колодца, масляным пятном расплывается по его крутой стенке.

Вызовите на экран графическую программу самого обобщенного, грубого отображения плотности обмена информацией в архипелаге L–5. Ярко вспыхнет массивный красный прямоугольник, доминирующий элемент схемы.

Фрисайд. Фрисайд многогранен, и далеко не все его грани видны туристам, снующим вверх–вниз по гравитационному колодцу. Фрисайд — это бордель и банковский центр, дворец наслаждений и свободный порт, город пионеров и роскошный курорт. Фрисайд — это Лас–Вегас и Висячие сады Семирамиды, орбитальная Женева и фамильное гнездо чистокровного (на манер призовых кошек и собак), опутанного густой сетью близких внутрисемейных браков, промышленного клана Тессье и Эшпулов.

В Париж они летели лайнером «Ти–Эйч–Уай», первым классом, и сидели все вместе — Молли у иллюминатора, рядом с ней — Кейс, а Ривьера и Армитидж — у прохода. Был момент, когда самолет накренился на вираже, и Кейс увидел сквозь круглое окошко море и горстку сверкающих алмазов — островной греческий городок. В другой раз, потянувшись за своим стаканом, он заметил в смеси «бурбона» с водой еле уловимое очертание чего–то, очень похожего на гигантский сперматозоид.

Молли перегнулась через Кейса и ударила Ривьеру по щеке:

— Не надо, малыш. Кончай шуточки. Еще одна сублиминальная срань, и тебе будет не как сейчас, а *очень* больно. Здоровье твое драгоценное ничуть не пострадает, а я получу огромное удовольствие.

Кейс оглянулся на Армитиджа. Лицо абсолютно спокойное, во внимательных голубых глазах ни тени раздражения.

— А и верно, Питер. Кончай.

Кейс посмотрел на Молли. Мелькнула и тут же исчезла черная роза, лоснящиеся, как кожа, лепестки, черный стебель с блестящими металлическими шипами…

Ривьера кротко улыбнулся, закрыл глаза и тут же уснул.

Молли отвернулась к иллюминатору; в темном стекле отразились два серебряных круга.

— Ты ведь летал уже в космос? — спросила Молли, глядя, как Кейс устраивается на толстом, податливом темперлоне амортизационной койки «шаттла».

— Да нет. Я и вообще почти не летаю, только если по делу.

Стюард прилаживал к его запястью и левому уху датчики.

— Надеюсь, тебя не прихватит СКА, — сказала Молли.

— Воздушная болезнь? Ни в коем разе.

— Здесь не совсем то. В невесомости пульс твой участится, а внутреннее ухо на время сбрендит. Появится рефлекторное желание удрать неизвестно куда и соответствующий прилив адреналина.

Стюард переместился к Ривьере и вытащил из кармана красного пластикового фартука очередной набор датчиков.

Кейс отвернулся и попробовал различить очертания старых пассажирских терминалов аэропорта «Орли», но увидел только отражение изящно изогнутых отражателей выхлопа на мокром бетоне. На ближайшем из них красовался какой–то арабский лозунг — красные закорючки, напыленные из аэрозольного баллончика.

Кейс закрыл глаза и сказал себе, что «шаттл» — это просто очень большой самолет, который очень высоко летает. Вот и пахнет он как самолет — одеждой, жевательной резинкой и выхлопными газами. Из динамиков доносилось негромкое позвякивание кото[7]. Оставалось только ждать.

Прошло двадцать минут, и мягкая, непомерно тяжелая лапа перегрузки глубоко вдавила его в темперлон.

На практике СКА — синдром космической адаптации оказался еще хуже, чем в описании, но все быстро кончилось и Кейс заснул. Когда стюард его разбудил, «шаттл» уже маневрировал среди посадочных терминалов.

— А теперь сразу во Фрисайд? — Кейс с тоской взирал на крошку ихэюаньского табака, которая выплыла из его нагрудного кармана и теперь дразняще плясала перед носом. Пассажирам шаттлов категорически запрещалось курить.

— Нет, программа поменялась, обычные закидоны нашего начальничка. Теперь мы направляемся на Сион. Точнее — в кластер Сион. — Молли тронула пряжку привязной системы и начала выбираться из нежных объятий амортизирующего пластика. — Маршрут, мягко скажем, странноватый.

— А чего?

— Народ не самый легкий в общении. Растафари. Их колонии лет уже тридцать.

— Да кто они такие?

— Увидишь. Мне–то один хрен, растафари там или не растафари. Ну а ты сможешь там хотя бы покурить.

Сион основали пятеро рабочих, которые отказались вернуться на Землю: повернулись к небу передом, к гравитационному колодцу — задом, и начали строить. Пока центральный тор не закрутили и не создали в нем тяготение, все они страдали от вымывания кальция и сердечной недостаточности. Пузырь такси подплывал к корпусу Сиона, сваренному на живую нитку; на взгляд Кейса, эта устрашающая конструкция сильно смахивала на латаные–перелатаные лачуги стамбульских трущоб — разнокалиберные, неправильной формы плиты обшивки, то здесь, то там — растафарианская символика и накарябанные лазером имена строителей.

Молли и тощий сионит Аэрол помогли Кейсу справиться с невесомостью и препроводили его по недлинному переходу внутрь малого тора. За очередным приступом головокружения Кейс не сразу и заметил, что Ривьера и Армитидж куда–то исчезли.

— Сюда, — сказала Молли, проталкивая его ноги в узкий люк, проделанный вроде бы в потолке. — Хватайся за перекладины. Ты сейчас представь себе, что спускаешься, и все будет тип–топ. Чем ближе к внешнему периметру, тем больше тяготение, так что это и вправду спуск. Сечешь?

Желудок Кейса яростно протестовал.

— Все, брат, будет в порядке, — обнадежил его Аэрол, сверкнув золотыми зубами.

Как–то так вышло, что конец туннеля оказался его дном. Кейс вцепился в несильное тяготение, как утопающий вцепляется в спасательный круг.

— А ну–ка, вставай, — прикрикнула на него Молли. — Ты что, целоваться с палубой собрался?

Кейс обнаружил, что лежит ничком, раскинув руки. Что то стукнуло его по плечу. Он перекатился на спину и увидел толстую бухту эластичного троса,

— Будем строить хибару, — сказала Молли. — Помоги мне натягивать веревку.

Кейс оглядел обширное, совершенно пустое пространство и заметил, что всюду приварены стальные кольца — безо всякой, на первый взгляд, системы. Они растянули трос по какой–то сложной, придуманной Молли, схеме и развесили на нем обшарпанные листы желтого пластика. Во время работы Кейс постепенно ощутил, что кластер сотрясается от музыки. Называлась она «даб» — чувственная мозаика, состряпанная на

основе огромных фонотек оцифрованной поп–музыки; она, по словам Молли, являлась некой формой религиозного культа и создавала чувство общности. Кейс поднял один из желтых листов, легкий, но очень громоздкий. Сион пропах вареными овощами, человеческим потом и марихуаной.

— Вот и прекрасно, — одобрительно кивнул Армитидж, легко проскальзывая в люк и глядя на пластиковый лабиринт. Появившийся следом Ривьера был явно непривычен к слабому тяготению.

— Где тебя носит, когда нужно работать? — спросил его Кейс.

Тот открыл рот, словно собираясь ответить. Изо рта выплыла небольшая форель, а за ней, что было уж совсем невероятно, цепочкой тянулись пузыри.

— В голове, — улыбнулся Ривьера.

Кейс засмеялся.

— Хорошо, — кивнул Ривьера, — ты умеешь смеяться. Понимаешь, я бы помог вам, но у меня что–то творится с руками. — Он выставил вперед ладони, которые неожиданно удвоились. Четыре руки, четыре ладони.

— И ты, Ривьера, просто безвредный колдун — так, что ли? — Молли встала между Ривьерой и Кейсом.

— Пошли, брат, — позвал из люка Аэрол. — Идем, ковбой.

— Твоя дека, — объяснил Армитидж, — и остальное хозяйство. Помоги ему принести вещи из грузового шлюза.

— Ты очень бледный, брат, — заметил Аэрол, когда они волокли запакованную в пенопласт «Хосаку» по центральному туннелю. — Может, съешь чего?

Рот Кейса наполнила противная слюна, и он отрицательно затряс головой.

Армитидж объявил восьмидесятичасовую остановку. Молли и Кейсу нужно привыкнуть к невесомости и научиться в ней работать. Кроме того, он проинструктирует их по поводу Фрисайда и виллы «Блуждающий огонек». Оставалось неясным, что будет делать Ривьера, но спрашивать Кейсу не хотелось. Через несколько часов после прибытия Армитидж послал его в желтый лабиринт, чтобы пригласить Ривьеру поесть. Тот лежал, по–кошачьи свернувшись, на тонком темперлоновом матрасе, совершенно голый, и, по всей видимости, спал. Вокруг его головы вращался нимб из белых геометрических тел: кубов, сфер и пирамид.

— Эй, Ривьера.

Кольцо продолжало вращаться. Кейс вернулся и доложил

Армитиджу.

— Под кайфом. — Молли оторвала взгляд от разобранного игольника. — Хрен с ним.

По всей видимости, Армитидж считал, что невесомость повлияет на способность Кейса оперировать в матрице.

— Не бери в голову, — отмахнулся Кейс. — Я включаюсь, и меня уже здесь нет. Мне все равно, где мое тело.

— У тебя высокий адреналин, — заметил Армитидж. — Ты все еще страдаешь от СКА. Но у нас нет времени ждать, пока ты обвыкнешься. Тебе придется научиться работать, превозмогая болезнь.

— Так что, я буду рубиться прямо отсюда?

— Нет. Потренируйся, Кейс. Прямо сейчас. В коридоре, наверху, где невесомость.

Представление декой киберпространства совершенно не зависело от ее физического местонахождения. Войдя в матрицу, Кейс увидел перед собой привычные очертания ступенчатой пирамиды — базу данных Ядерной Комиссии Восточного Побережья.

— Как дела, Дикси?

— Я же мертв, Кейс. Что же я — полный кретин и ничего не понимаю? Сидя в твоей «Хосаке», я имел время подумать.

— Ну и как ты себя чувствуешь?

— Да никак.

— Тебя что–нибудь беспокоит?

— Меня беспокоит, что меня ничто не беспокоит.

— Как это?

— В Сибири, в русском лагере, один мой дружок отморозил себе палец. Ну и, конечно, ампутация. Как–то через месяц я замечаю, что он всю ночь ворочается. «Элрой, — говорю я, — что это ты никак не угомонишься?» — «Палец, — говорит, — чешется». — «Почеши, — говорю я ему, — и спи». — «Маккой, — говорит он, — этот — не почешешь».

По позвоночнику Кейса пробежала волна леденящего холода, и он не сразу понял, что это такое. Конструкт смеялся.

— Слушай, ты можешь оказать мне небольшую услугу.

— Услугу, Дикси?

— Этот вот ваш шахер–махер, когда вы его закончите — сотри меня к чертям собачьим.

Сионитов Кейс не понимал.

Как–то раз Аэрол сам, безо всякой подначки, рассказал ему о ребенке, который выскочил из его лба и убежал в заросли

гидропонной ганжи.

— Маленький такой, совсем ребенок, ну вот как твой палец, не больше. — Он потер ладонью свой широкий, загорелый (без малейшей, конечно же, царапинки) лоб.

— Это ганжа, — пожала плечами Молли, когда Кейс пересказал ей эту историю. — Сиониты не проводят особого различия между действительностью и галлюцинацией. То, что рассказал тебе Аэрол, действительно с ним случилось. Это не лапша на уши, а уж, скорее, поэзия. Сечешь?

Кейс кивнул, но остался при своих сомнениях. При разговоре сиониты непременно дотрагивались до собеседника, чаще всего — брали его за плечо. Кейсу это не нравилось.

Часом спустя Кейс готовился к очередной тренировке.

— Эй, Аэрол! Иди–ка сюда. Вот, попробуй, — крикнул он, протягивая сиониту троды.

Аэрол плавно, словно в замедленном кино, развернулся. Босые ноги ударились о стальную переборку, а свободная рука ухватилась за перекладину; другая рука держала пластиковый мешок с сине–зелеными водорослями. Он застенчиво поморгал и улыбнулся.

— Попробуй, — повторил Кейс.

Аэрол взял ленту, надел ее на голову и закрыл глаза. Кейс нажал кнопку питания. По худощавому телу сионита пробежала судорожная дрожь. Кейс торопливо выключил деку.

— Ну и что ты видел?

— Вавилон, — печально сказал Аэрол, возвращая троды, а затем оттолкнулся ногами и улетел.

Ривьера неподвижно сидел на темперлоновой подушке. Чуть выше локтя его руку плотно обвивала изящная — не толще пальца — змейка с горящими, как рубин, глазами. Кейс потрясенно смотрел, как украшенное ярким черно–алым узором тельце стягивается все туже и туже.

— Ну, давай, — ласково сказал Ривьера бледно–желтому, как воск, скорпиону, сидевшему на его раскрытой ладони. — Давай.

Скорпион шевельнул коричневыми клешнями и, быстро перебирая ножками, побежал вверх по руке вдоль темноватых вен. Достигнув локтевой ямки, он остановился и еле заметно задрожал. Ривьера издал негромкий звук, что–то вроде шипения. Жало поднялось, поколебалось, словно в нерешительности, и вонзилось в набухшую вену. Коралловая змейка ослабила хватку, и Ривьера медленно вздохнул. Кайф пошел.

Змейка и скорпион исчезли, и в его левой руке оказался молочно–белый пластиковый шприц.

— Если Господь Бог и создал что–нибудь лучшее, он приберег это для себя. Знаешь такую поговорку?

— Да, — кивнул Кейс, — слышал, и по самым разным поводам. Ты всегда устраиваешь такой спектакль?

Ривьера снял с руки стягивавший ее жгут.

— Да. Так смешнее. — Он улыбнулся, глаза его почти не замечали окружающего, на щеках вспыхнул румянец. — У меня над веной мембрана, чтобы не нужно было беспокоиться о состоянии иглы.

— И не больно?

— Конечно, больно, — блеснул глазами Ривьера. — Необходимый элемент.

— Я бы пользовался дермами, — сказал Кейс.

— Дилетант, — засмеялся Ривьера, надевая белую рубашку с короткими рукавами.

— Приятно, наверное, — заметил Кейс и встал.

— А сам–то ты как? Куришь, ширяешься?

— Пришлось, к сожалению, бросить.

— Фрисайд. — Армитидж тронул пульт маленького проектора «Браун». Почти трехметровая голограмма вздрогнула и приобрела резкие очертания. — Здесь находятся казино. — Он ткнул пальцем прямо в какую–то точку объемного изображения. — Здесь расположены отели, здесь — частные владения, а вот здесь — магазины. — Рука двигалась все дальше. — Голубым отмечены озера. — Армитидж подошел к одному из концов модели. — Сигара большая, сужается к концам.

— Это мы и сами видим, — заметила Молли.

— Сужение создает горный эффект — земля уходит вверх, все круче и круче, но подниматься там легко. Чем выше поднимаешься, тем ниже тяготение. Здесь проводят спортивные соревнования. А вон там — велодром. — Он указал модели.

— Что? — поразился Кейс.

— Они гоняют на велосипедах, — ответила Молли. — Низкая гравитация и шины с высоким сцеплением — скорость получается за сто километров в час.

— Этот конец нас не касается, — со своей обычной серьезностью заметил Армитидж.

— Кой хрен не касается, — возмутилась Молли. — Велосипед — самое милое дело.

Ривьера хихикнул.

Армитидж перешел к противоположному краю проекции:

— Нас интересует этот конец.

Эта часть веретена казалась совершенно пустой, подробности

внутреннего устройства отсутствовали.

— Это и есть вилла «Блуждающий огонек». Крутой подъем, все подходы перекрыты. Единственный вход здесь, точно в центре. Полная невесомость.

— А что внутри, босс? — Ривьера подался в вытянул шею. Возле пальца Армитиджа мерцали четыре крошечные фигурки. Армитидж отмахнулся от них, как от комаров.

— Питер, — объявил он, — тебе предстоит узнать это первому. Организуй себе приглашение. А когда будешь на вилле — обеспечь проникновение Молли.

Кейс смотрел на ничем не заполненные контуры «Блуждающего огонька» и вспоминал историю, рассказанную Финном: Смит, Джимми, говорящая голова, ниндзя.

— Нельзя ли узнать подробности? — спросил Ривьера. — Видите ли, мне нужно знать, как одеться.

— Запоминайте улицы. — Армитидж вернулся к середине схемы. — Здесь — Дезидерата–стрит. А вот — Рю Жюль Верн.

Ривьера закатил глаза.

Армитидж перечислял названия улиц Фрисайда, и вдруг у него на носу, щеках и подбородке вскочила масса ярких прыщей. Даже Молли не выдержала и засмеялась.

Армитидж остановился и окинул слушателей холодным бесстрастным взглядом.

— Извините, — пробормотал Ривьера, прыщи мигнули и пропали.

Глубокой ночью Кейс проснулся и обнаружил, что Молли не лежит, а стоит рядом с ним, низко, словно перед прыжком, пригнувшись. Дальше — больше. Молли резко взметнулась и буквально пролетела сквозь стену; Кейс не сразу сообразил, что она попросту пропорола лист желтого пластика.

— Ни с места, приятель.

Кейс перевернулся на живот и просунул голову в прореху.

— Какого…

— Заткнись.

— Ты и есть та самая, — послышался голос, явно принадлежавший кому–то из сионитов. — Тебя зовут Кошачий Глаз, или еще Танцующая Бритва. Меня зовут Мэлком, сестренка. Братья хотят побеседовать с тобой и ковбоем.

— Какие еще братья?

— Основатели, сестра. Старейшины Сиона…

— Если открыть люк, свет разбудит босса, — прошептал Кейс.

— Я там все потушил, — настаивал гость. — Давайте. Мы пойдем к Основателям.

— Ты знаешь, приятель, как быстро я могу тебя порезать?

— Сестра, не надо, стоять и разговаривать. Пошли.

Из пяти Основателей Сиона в живых оставались только двое, оба — глубокие старики, особенно дряхлые из–за ускоренного старения, неизбежного для тех, кто слишком уж долго прожил вне объятий гравитации. В резком свете отраженного солнца их коричневые ноги с явными признаками кальциевой недостаточности выглядели хрупкими щепочками. Основатели парили внутри сферической камеры, стенки которой покрывала нарисованная яркая буйная листва. В воздухе висел густой смолистый запах.

— А, Танцующая Бритва, — сказал один из старцев, когда Молли вплыла в камеру. — Ты подобна рукоятке хлыста.

— Это у нас такое предание, сестра, — пояснил другой, — религиозное предание. Мы рады, что ты последовала за Мэлкомом.

— Почему вы не говорите на здешнем жаргоне? — спросила Молли.

— Я приехал из Лос–Анджелеса, — ответил старик. Его тускло–седые косички казались перепутанными ветками какого–то странного дерева. — Много лет тому назад я покинул Вавилон и поднялся сюда по гравитационному колодцу. Чтобы показать Народу путь к дому. А теперь мой брат считает, что ты и есть Танцующая Бритва.

Молли вытянула правую руку, и в дымном воздухе блеснули лезвия.

Второй Основатель откинул назад голову и засмеялся.

— Скоро грядут Дни Последние. Голоса. Голоса, вопиющие в пустыне, предрекающие падение Вавилона…

— Голоса. — Основатель из Лос–Анджелеса посмотрел на Кейса. — Мы сканируем множество частот. Мы все время слушаем. И вот из вавилонского этого столпотворения доносится голос, который обращается к ним. Он сыграл нам потрясный даб.

— Называется Уинтер Мьют, — подсказал второй старик, разделив одно имя на два.

По рукам Кейса побежали мурашки.

— К нам воззвал Мьют, — продолжил первый Основатель. — Мьют сказал, что мы должны вам помочь.

— Когда это было? — спросил Кейс.

— За тридцать часов до вашего прибытия в Сион.

— Вы слышали этот голос раньше?

— Нет, — ответил старик из Лос–Анджелеса, — и мы не уверены в его истинности. В Дни Последние следует ожидать

ложных пророков…

— Послушайте, — взметнулся Кейс, — к вам обращался ИскИн, понимаете? Искусственный интеллект. А эта музыка — он просто перекачал мелодии из ваших же банков, а потом намешал из них окрошку в вашем вкусе и…

— Вавилон, — перебил его Основатель, — порождает сонмища дьяволов, мы это знаем. Имя им — легион.

— Так как ты назвал меня, старик? — переспросила Молли.

— Танцующая Бритва. Ты обрушишь кару на Вавилон, сестра, и поразишь его черное от греха сердце…

— А что сказал голос? — поинтересовался Кейс.

— Что мы должны вам помочь, — сказал другой старец, — и что вы послужите орудием Дней Последних, — На сморщенном, как печеное яблоко, лице появилась озабоченность. — Мы должны послать с вами Мэлкома, на его буксировщике «Гарвей», в вавилонскую гавань Фрисайд. Мы так и сделаем.

— Мэлком — крутой парень, — добавил второй старик, — и праведный пилот.

— Но мы решили дослать заодно Аэрола на «Вавилонском рокере», чтобы присмотрел за «Гарвеем».

В размалеванной всеми цветами радуги сфере повисло напряженное молчание.

— Вот как? — удивился Кейс. — Так вы что, тоже работаете на Армитиджа?

— Нет, мы только сдаем вам помещение, — сказал лос-анджелесский Основатель. — Мы не подчиняемся законам Вавилона. Наш закон — Слово Джа. Хотя в этот раз, возможно, мы и ошибаемся.

— Семь раз отмерь, один отрежь, — негромко добавил второй.

— Ладно, Кейс, пошли, — сказала Молли, — пока босс нас не хватился.

— Мэлком вас проводит. Джа вас любит, сестра.

9

Буксировщик «Маркус Гарвей», стальной барабан девяти метров длиной и двух метров в диаметре, содрогнулся — Мэлком врубил маршевый двигатель. Затянутый в эластичную противоперегрузочную подвеску, Кейс разглядывал сквозь скополаминовый туман мускулистую спину сионита. Он принял эту отраву, чтобы хоть немного приглушить СКА, но ни один из стимуляторов, заложенных в таблетку производителем для противодействия скополамину, не действовал на его излеченный организм.

— За сколько мы доберемся до Фрисайда? — поинтересовалась Молли, висевшая в такой же сетке рядом с пилотским модулем.

— Теперь недолго, это точно.

— Слушайте, парни, а часы для вас существуют?

— Время, сестра, наступает вовремя, ты меня понимаешь? Ужас, — Мэлком тряхнул своими косичками, — правит, и мы, сестра, приедем во Фрисайд, когда мы приедем…

— Кейс, — сказала Молли, — у тебя вышло что–нибудь насчет контакта с нашим приятелем из Берна? Ты же все это время сидел с декой и шевелил губами.

— С приятелем, — кивнул Кейс, — ну да, с приятелем. Нет. Не удалось. Но, когда мы уезжали из Стамбула, со мной случилась странная история.

Кейс рассказал ей о таксофонах в «Хилтоне».

— Господи, — мучительно скривилась Молли. — Это ж какой был шанс. Почему ты повесил трубку?

— Да это мог быть кто угодно, — соврал Кейс. — Электронный голос… Я и не знал…

Он пожал плечами.

— А может — просто струсил?

Кейс снова пожал плечами.

— Свяжись с ним сейчас.

— Что?

— Сейчас. Ну хотя бы поговори об этом с Флэтлайном.

— У меня котелок не варит, — отнекивался Кейс, но все же полез за дерматродами. Дека и «Хосака» стояли позади модуля пилота, рядом с монитором высокого разрешения фирмы «Крей». Он отрегулировал контакты. «Маркус Гарвей» был состряпан на основе огромного допотопного русского воздухоочистителя — прямоугольной хреновины, разукрашенной Растафарианской символикой, Львами Сиона и Лайнерами Черной Звезды —

красные, зеленые и желтые картинки поверх каких–то старых надписей, выполненных на кириллице. Кто–то покрыл все навигационное оборудование Мэлкома слоем ядовито–розовой краски, забрызгав при этом приборы и экраны — и пришлось отскребать бритвой. С прокладок носового шлюза свисала бахрома из не совсем еще затвердевших полос и капель прозрачной герметизирующей замазки, лохмы эти колыхались, напоминая плохую имитацию водорослей. Кейс посмотрел из–за плеча Мэлкома на центральный экран с маршрутной схемой; путь, проделанный «Гарвеем», изображался цепочкой красных точек, а Фрисайд — зеленым кругом, разделенным на сегменты. Загорелась новая красная точка.

Он щелкнул тумблером деки.

— Дикси?

— Да.

— Ты пробовал когда–нибудь взломать ИскИн?

— Конечно. И выпал в плоскую линию. В первый раз. Я развлекался, залез очень высоко, в коммерческий сектор Рио. Большой бизнес, транснациональные корпорации, правительство Бразилии — все в огнях, что твоя Рождественская елка. Просто резвился, и ничего более. А затем я начал ковырять этот куб — тремя, наверное, уровнями выше. Врубился и сделал заход.

— На что он был похож?

— Просто белый куб.

— А как ты понял, что это — ИскИн?

— Как понял? Господи! Да там был самый плотный лед, какой я только видел. Так что же это еще могло быть? У тамошних военных ничего и похожего не было. На всякий случай я вышел из киберпространства и приказал компьютеру проверить, что это за куб.

— Ну и как?

— Он оказался в Реестре Тьюринга. ИскИн. А владельцы «железа» — машины, которая стоит в Рио — какие–то лягушатники.

Кейс задумчиво пожевал нижнюю губу и устремил взгляд в раскинувшуюся за террасами Ядерной Комиссии Восточного Побережья нейроэлектронную бесконечность матрицы.

— Тессье–Эшпул — так, что ли?

— Да, Тессье.

— И ты опять туда полез?

— Ну да. Я совсем спсихел. Дай–ка, думаю, взломаю я этот лед. Углубился в первый слой и — пишите письма. Мой ученик унюхал горелую кожу и сдернул с меня дерматроды. Блядская штука, этот лед.

— И энцефалограф выдал прямую линию.

— Ну да, это же в легенду вошло.

Кейс вышел из киберпространства.

— Вот же мать твою, — ошарашенно пробормотал он. Каким, ты думаешь, образом Флэтлайн впал в мозговой коллапс? Сделал заход на ИскИн. Веселенькая история.

— Ну и что? — пожала плечами Молли. — Справитесь как–нибудь, вы ведь считаетесь крутыми ребятами.

— Дикси, — сказал Кейс, — я хочу взглянуть на бернский ИскИн. Можешь придумать причину, почему мне не стоит этого делать?

— Если ты не отягощен низменным страхом смерти — нет, не могу.

Кейс набрал код швейцарского банковского сектора и ощутил волну радостного возбуждения, когда киберпространство задрожало, размылось и потекло. Вместо Ядерной Комиссии Восточного Побережья появилась холодная геометрическая структура коммерческих банков Цюриха. Теперь он набрал код Берна.

— Двигай вверх, — подсказал конструкт. — Это будет очень высоко.

Они поднялись по светящейся решетке голубых мерцающих уровней.

«Вот он», — подумал Кейс.

Уинтермьют оказался обычным белым кубом; за видимой простотой явно угадывалась крайняя сложность.

— И посмотреть–то вроде бы не на что, правда? — заметил Флэтлайн. — Но ты его только тронь.

— Я сделаю небольшой заход.

— Да кто ж тебя держит?

Кейс подошел к кубу на расстояние четырех периодов решетки. На возвышающейся над Кейсом чистой белой грани замелькали тени, как будто тысячи танцоров закружились за огромным замерзшим окном.

— Чует, что мы здесь, — заметил Флэтлайн.

Кейс снова нажал клавишу, и они прыгнули на один период вперед.

На лицевой грани куба появился серый пунктирный круг.

— Дикси…

— Быстро назад.

Серый круг плавно вспух, превратился в сферу, которая оторвалась от куба.

Край деки больно впился в ладонь Кейса, когда тот изо всей

силы ударил по клавише «ПОЛНЫЙ НАЗАД». Матрица замелькала, отсчитывая уровни в обратном направлении, они нырнули в сумеречную штольню швейцарских банков. Кейс посмотрел наверх. Сфера потемнела и нагоняла его. Падала.

— Выходи из матрицы, — сказал Флэтлайн.

И обрушилась тьма.

Запах холодной стали, нежное прикосновение льда к позвоночнику. Из неонового леса под ядовитым серебристым небом глядят лица моряков, жуликов и проституток…

— Послушай, Кейс, какого ты хрена, у тебя что, крыша едет?

Сильная пульсирующая боль в самой середине позвоночника…

Первое, что почувствовал Кейс, был дождь, мелкая, противная морось. Потом пришлось извлекать ноги из хлама, из путаницы выброшенных на помойку световодов. То приближаясь, то удаляясь, на него нахлынули звуки аркады. Перекатившись по полу, Кейс сел и схватился руками за голову.

Свет из служебного люка в задней части аркады освещал мокрые огрызки древесно–стружечных плит, шасси развороченной игровой консоли. На боку тянулись выцветшие строчки розовых и желтых японских иероглифов.

Кейс взглянул вверх и увидел закопченное пластиковое окно, тусклое мерцание флюоресцентных ламп.

Болела спина, позвоночник.

Кейс встал и откинул с глаз мокрые волосы.

Что–то случилось…

Он обшарил свои карманы, ничего там не нашел и поежился от холода. Но куда делась куртка? Кейс поискал ее по углам, заглянул за консоль и плюнул на это бесполезное занятие.

Выйдя на Нинсеи, он прикинул количество народа. Пятница. Наверняка пятница. Линда, скорее всего, в аркаде. Может, удастся стрельнуть у нее денег или хотя бы сигарет. Кашляя, он отжал перёд рубашки и протиснулся сквозь толпу ко входу в аркаду.

Голограммы, изгибающиеся и приплясывающие в такт реву игровых автоматов, сумбурная мешанина полупрозрачных, друг на друга накладывающихся призраков, густой запах пота, и скуки, и напряженного ожидания… Моряк в белой футболке, играющий в «Танковую войну», разнес Бонн водородной бомбой — мертвенно–синяя ослепительная вспышка.

Линда пытала свое счастье в «Замке колдуна» и проиграла, ее глаза были густо обведены черным карандашом.

Кейс положил руку ей на плечо, она подняла голову и

улыбнулась:

— А–а–а! Привет! Что это ты такой мокрый?

Он поцеловал ее.

— Это из–за тебя я проиграла, — сообщила Линда. — Смотри, задница. Дошла уже до темницы седьмого уровня, и тут долбаные вампиры меня поймали. — Она протянула ему сигарету. — Чего–то ты не в себе. И где это тебя носило?

— Не помню.

— Да никак ты сел на иглу? Или просто напился? Или наглотался Зоуновых «колес»?

— Может быть… Сколько ты меня не видела?

— Треплешься? — Линда взглянула ему в глаза. — Ну точно, треплешься.

— Нет. Какой–то провал в памяти. Я… Я проснулся на помойке.

— Может, тебя по голове шандарахнули? Деньги–то целы?

Кейс отрицательно покачал головой.

— Ну вот, все ясно. Тебе что, спать негде?

— Думаю, да.

— Тогда пошли. — Линда взяла его за руку. — По дороге выпьешь кофе и что–нибудь съешь. Я отведу тебя домой. Приятная встреча. — Линда сжала ему руку.

Что–то хрустнуло.

Во вселенной что–то изменилось. Аркада застыла, затем завибрировала и…

Ее уже нет. Груз памяти скачкообразно вырос, целый массив знаний вошел в голову, как микрософт в гнездо. Ее нет. Запахло паленым мясом.

Не было и моряка в белой футболке. В пустой аркаде гробовая тишина. Кейс сжал кулаки, оскалил зубы и медленно обернулся. Пусто. Едва державшаяся на краю консоли желтая конфетная бумажка упала на пол, усеянный окурками и стаканчиками.

— У меня была сигарета, — произнес Кейс, глядя побелевшие от напряжения пальцы. — У меня была сигарета, девушка и место, где спать. Ты слышишь меня, сукин сын? Слышишь?

По аркаде прокатилось эхо, и снова стало тихо.

Кейс вышел на улицу. Дождь прекратился.

И ни души.

Мелькали голограммы и танцевал неон. Кейс почувствовал запах вареных овощей, доносившийся с той стороны улицы, из тележки уличного торговца. У ног лежала нераспечатанная пачка «Ихэюань» и коробок спичек. Надпись на коробке: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ–ЭКСПОРТ». Кейс тупо уставился на название

фирмы и его японский эквивалент.

— О'кей, — пробормотал он, поднимая спички и распечатывая пачку сигарет. — Я тебя слышу.

Кейс медленно поднимался по лестнице в кабинет Дина. «Не спеши, — повторял он себе, — только не спеши». Стекающий циферблат сюрреалистических часов, показывающих неправильное время. Неоацтекские книжные шкафы и столик а–ля Кандинский покрыты пылью. Фиберглассовые ящики наполняют комнату запахом имбиря.

— Заперто?

Ответа не было. Кейс подошел к двери кабинета и подергал ее.

— Джули?

Бронзовая лампа с зеленым абажуром отбрасывает на письменный стол Дина круг света. Кейс взглянул на внутренности старинной пишущей машинки, кассеты, мятые распечатки, липкие пластиковые мешочки с образцами имбиря.

В комнате — никого.

Кейс обошел широкий стальной письменный стол, отодвинул кресло. Нащупал револьвер в потрескавшейся кожаной кобуре, прикрепленной к нижней стороне столешницы серебристой ленточкой. «Магнум–357», антиквариат. Антиквариат со спиленным стволом и без скобы, ограждающей спусковой крючок. Рукоятка обмотана скотчем. Скотч стертый, коричневый. И грязный. Кейс открыл барабан и проверил все шесть патронов. Ручная набивка. Мягкий свинец пуль блестит, не успел еще потускнеть.

С револьвером в правой руке Кейс протиснулся мимо шкафа, стоявшего слева от стола, и встал прямо посередине захламленного кабинета, вне пределов светового пятна.

— Торопиться мне, в общем–то, некуда. Так что решай сам. Но, с другой стороны, все это дерьмо мне порядком надоело.

Он поднял револьвер обеими руками, прицелился в середину письменного стола и нажал на курок.

Отдача чуть не сломала ему запястье. Дульная вспышка осветила кабинет словно блиц фотографа. Чувствуя звон в ушах, Кейс уставился на рваную дыру в столе. Разрывная пуля. Азид свинца. Кейс снова поднял револьвер.

— Ну зачем же так, сынок, — сказал Джули, выходя из тени. На нем был шелковый, свободного покроя костюм–тройка, полосатая рубашка и галстук–бабочка. В очках блестело отражение настольной лампы.

Кейс повернулся и прицелился прямо в розовое, лишенное

каких–либо признаков возраста лицо.

— Не надо, — сказал Дин. — Ты прав. Насчет всего этого. Насчет меня. Но есть определенные соображения, к которым следует прислушаться. Если ты выстрелишь, то увидишь уйму мозгов и крови, а мне понадобится несколько часов — твоего субъективного времени, — чтобы создать другую личность. Мне вовсе не легко генерировать эти образы. И, конечно, извини за Линду в аркаде. Я надеялся поговорить с тобой через нее, но ведь я строю все это на основе твоей памяти, и эмоциональный заряд… Сложно это все, очень сложно. У меня сорвалось.

Кейс опустил револьвер:

— Это — матрица. А ты — Уинтермьют.

— Да. Ты видишь образы благодаря симстим–блоку, подключенному к деке. Я рад, что остановил тебя, не дал тебе выскочить из матрицы. — Дин обошел письменный стол, поправил кресло и сел. — Садись, сынок. Нам есть о чем поговорить.

— Ой ли?

— Конечно, есть. У нас давно есть с чем поговорить. Я пытался связаться с тобой по телефону в Стамбуле. А теперь времени осталось очень мало. Ты сделаешь заход в самые ближайшие дни. — Дин взял конфету, развернул черно–белую, как шахматная доска, обертку, закинул шарик в рот. — Садись, — повторил он, перекатывая языком конфету.

Не сводя глаз с Дина, Кейс сел на крутящийся стул по другую сторону стола. Руку с револьвером он положил на колено.

— Ну, а теперь, — оживился Дин, — приступим к повестке дня. Ты, конечно, интересуешься, кто такой Уинтермьют? Верно?

— Более–менее.

— Искусственный разум, но это ты и сам знаешь. Твоя ошибка, хотя и вполне логичная, заключается в том, что ты спутал сущность Уинтермьюта с его машиной, находящейся в Берне. — Дин шумно пососал карамельку. — Ты уже осведомлен, что в системе Тессье–Эшпулов существует еще один ИскИн? В Рио. Я — настолько, насколько у меня есть «я»: все это, как видишь, начинает звучать несколько метафизически, — обеспечиваю тыл для Армитиджа. Или, если хочешь, для Корто, а он, кстати сказать, весьма нестабилен. Хотя и останется работоспособным еще на день или два. — Дин вытащил из жилетного карманчика затейливые золотые часы и щелкнул крышкой.

— Все эти твои объяснения немногим понятнее всего остального бреда, связанного с этой историей, — сказал Кейс, массируя левой рукой виски. — И если ты такой умный сукин

сын…

— Почему я не богатый? — Дин засмеялся и чуть не подавился конфеткой. — Знаешь, Кейс, мне хотелось бы сперва отметить, что я знаю гораздо меньше, чем тебе, скорее всего, кажется. А основной факт состоит в следующем: то, что ты называешь Уинтермьютом, — всего лишь часть некой, ну скажем, потенциальной сущности. Я — всего лишь некий аспект мозга этой сущности. С твоей точки зрения, это все равно как иметь дело с человеком, у которого разделены полушария. Будем считать, что ты общаешься с небольшой частью левого полушария. В такой ситуации трудно даже говорить, что ты вообще общаешься с человеком. — Дин улыбнулся.

— А насчет Корто — все это правда? Ты вышел на него через микрокомпьютер, в этой самой французской больнице?

— Да. Я же составил и файл, хранящийся в Лондоне. Я пытаюсь планировать, в твоем смысле слова, но это — не основной мой метод. Я импровизирую. Тут — мой главный талант. Я больше люблю реальные ситуации, чем заранее составленные планы. У меня отличные способности к работе с данными. Я могу обработать огромное количество информации, и очень быстро. На подбор вашей команды ушла уйма времени. Первым был Корто, я вытащил его с огромным трудом. Там, в Тулоне, он был уже, считай, за гранью. Есть, испражняться и мастурбировать — вот все, на что он был способен. Но основные структуры, определившие его сумасшествие, в мозгу сохранились — «Разящий кулак», предательство, свидетельские показания в Конгрессе.

— Он все еще сумасшедший?

— Собственно говоря, — улыбнулся Дин, — его нельзя считать настоящей личностью. Конечно же, ты и сам это понял. Однако Корто где–то здесь, рядом, готов вырваться на поверхность, вряд ли я сумею долго поддерживать это хрупкое равновесие. Вскоре он развалится на куски, и тогда я рассчитываю на тебя…

— Ладно, говнюк, заткнись, — сказал Кейс и выстрелил Дину в рот.

Насчет мозгов тот не соврал. И насчет крови — тоже.

— Нет, правда, — говорил Мэлком, — не нравится мне это…

— Все в порядке, — успокоила его Молли. — Все в полном порядке. Обычный для этих ребят фокус. Он вроде как не совсем умер и все продолжалось какие–то секунды…

— Я смотрел на экран, показания энцефалографа были на нуле. Ни малейшего трепыхания, и так сорок секунд.

— Но теперь–то он в порядке.

— Линия энцефалографа была ровная, как струна, — не сдавался Мэлком.

10

Во время прохождения таможенных формальностей Кейс по–прежнему пребывал в оцепенении, и всеми разговорами занималась Молли. Мэлком остался на борту «Гарвея». Собственно говоря, таможня Фрисайда интересовалась только кредитоспособностью гостей. Первым впечатлением Кейса на внутренней поверхности веретена была вывеска франчайзного филиала фирменной кофейни «Прекрасная девушка».

— Добро пожаловать на Рю Жюль Верн, — сказала Молли. — Если тебе будет трудно ходить — смотри под ноги. Здешняя перспектива очень обманчива, без привычки трудно.

Они стояли посреди широкой улицы, казавшейся дном глубокого каньона со склонами из бесчисленных зданий и магазинов. Свет просачивался сквозь пыльную зелень, растущую на балконах и террасах. А что касается солнца…

Высоко над ними посреди каннской голубизны искусственного неба сверкало очень яркое белое пятно. Кейс знал, что солнечный свет накачивается сюда снаружи при помощи системы Ладо–Ачесон, чей двухмиллиметровой толщины излучатель тянется вдоль всей оси веретена, что та же самая аппаратура генерирует, по периодической программе, «погодные» и суточные изменения неба и что если небо выключить, то над головой будут видны контуры озер, крыши казино, другие улицы…

Знал, но тело этого не понимало.

— Мамочки мои, — вздохнул Кейс, — да это еще хуже, чем СКА.

— Привыкай. Я проработала здесь месяц, телохранителем у одного игрока.

— Полежать бы.

— Ладно. Ключи у меня есть. Слушай… — Молли тронула его за плечо. — А что это с тобой было? Ты же отрубился до нуля.

Кейс покачал головой:

— Еще не знаю. Нужно разобраться.

— Ладно. Давай возьмем такси.

Молли взяла его за руку и повела вдоль Рю Жюль Верн, мимо витрины с наимоднейшими парижскими мехами.

— Все какое–то ненастоящее, — сказал Кейс, снова взглянув вверх.

— С чего это ты? — удивилась Молли, отнеся его слова на счет меха. — Выращено на коллагеновой основе, но ДНК самая настоящая, от норки. А какая тогда разница?

— Фрисайд — всего лишь большая труба, сквозь которую текут вещи и люди, — сказала Молли. — Туристы, мошенники, кто угодно. Здесь они попадают на этакое сито, которое тщательнейшим образом отделяет их от денег, деньги остаются здесь, а людей скидывают назад, на дно гравитационного колодца.

Армитидж заказал им номер в наклонном стеклянном утесе гостиницы «Интерконтиненталь», у подножия которого висела холодная водяная пыль и слышалось журчание бегущих струй. Кейс вышел на балкон и стал смотреть, как трое загорелых тинейджеров, перекликающихся по–французски, снуют в нескольких метрах от воды на дельтапланах; нейлоновые треугольники сверкали яркими основными цветами. Одна из девочек заложила вираж, и Кейс заметил коротко стриженные темные волосы, коричневые грудки и белые зубы, обнаженные в широкой улыбке. Воздух пах проточной водой и цветами.

— Да–а, — протянул Кейс, — большие деньги.

— Да — кивнула присоединившаяся к нему Молли. — Мы хотели сюда съездить. Сюда или в Европу.

— Кто это мы?

— Никто. — Она непроизвольно передернула плечами. — Ты сказал, что хочешь лечь. Поспать. Я тоже хочу спать.

— Да, — сказал Кейс и потер скулы ладонями. — Да. Местечко — будь здоров.

Стараниями системы Ладо–Ачесон небо зажглось неким подобием бермудского заката, исполосованного клочьями облаков.

— Да, — повторил он. — Надо поспать.

Забыться долго не удавалось. А когда наконец удалось, стали сниться какие–то причесанные и отредактированные эпизоды прошлых событий. Он несколько раз просыпался, смотрел на свернувшуюся калачиком Молли, слушал журчание воды, голоса, доносившиеся через открытую балконную дверь, женский смех из ступенчатого кондоминиума напротив. Раз за разом, подобно плохой карте, возвращалось видение смерти Дина, хотя Кейс и повторял себе, что никакого Дина там не было. Да и вообще ничего не было. Кейс где–то услышал, что количество крови у среднего человека примерно равно ящику пива.

Всякий раз, когда разбитая голова Дина ударялась о дальнюю стенку кабинета, Кейс ощущал присутствие какой–то другой мысли, смутной и темной, ускользавшей, как рыбка из пальцев.

Линда.

Дин. Кровь на стене кабинета.

Линда. Запах паленого мяса во мраке купола. Молли, протягивающая мешочек имбиря, забрызганный кровью. Это Дин приказал ее убить.

Уинтермьют. Кейс представил себе, как маленький компьютер шепчет текущие подобно ручью слова человеческой развалюхе по имени Корто, и в некой затемненной больничной палате постепенно формируется примитивная псевдоличность, получившая затем название Армитидж… Псевдо–Дин говорил, что работает с тем, что есть, использует реальные ситуации.

Но что, если Дин, настоящий Дин, приказал убить Линду по приказанию Уинтермьюта? Кейс нащупал в темноте сигарету и зажигалку. Закуривая, он убеждал себя, что нет никаких оснований подозревать Дина. Ровно никаких.

Уинтермьют способен создать нечто вроде личности. Насколько тонкие формы может принимать его манипулирование людьми? После третьей затяжки Кейс раздавил сигарету в пепельнице, отвернулся от Молли и попытался уснуть.

Монотонно, как неотредактированная симстим–запись, перед глазами разворачивались воспоминания. Пятнадцатилетним подростком он прожил целый месяц с девушкой по имени Марлен в номере на пятом этаже гостиницы, за которую платил раз в неделю. Лифт там уже лет десять не работал. А когда ночью в крохотной кухне включался свет, было видно, как по серому фаянсу засоренной раковины тучей ползают тараканы. Они с Марлен спали на полосатом матрасе без простыней.

Первую осу, которая начала строить свой серый бумажный домик на оконной раме со вздувшейся краской, Кейс не заметил, но вскоре гнездо разрослось до размеров кулака, насекомые летали в переулок на охоту и, подобно миниатюрным вертолетам, гудели над гниющим содержимым мусорных баков.

В тот день, когда оса ужалила Марлен, они уже выпили по дюжине пива.

— Убей этих блядей, сожги их! — Ее лицо одурело от ярости и жары. Пьяный Кейс достал из вонючего шкафа «дракона» Ролло. Кейс подозревал, что Марлен продолжала встречаться с этим самым Ролло, своим предыдущим дружком — огромным велогонщиком из Фриско, темный ежик волос которого украшала обесцвеченная перекисью молния. «Драконом» называли огнемет, похожий на большой электрический фонарик. Кейс проверил батарейки, горючее и подошел к открытому окну. Гнездо встревоженно загудело.

Воздух был мертвенный, неподвижный. Из гнезда вылетела оса и закружилась вокруг головы Кейса. Кейс включил зажигание, сосчитал до трех и нажал на спуск. Под давлением в семь

атмосфер мимо раскаленной добела спирали ударила струя горючего. Пятиметровый язык почти бесцветного пламени ударил в гнездо. Оно обуглилось и полетело вниз. В доме напротив кто–то зааплодировал.

— Говнюк! — едва держась на ногах, зашипела Марлен. — Придурок! Ты не сжег их, а только сбросил вниз. Они вернутся и убьют нас.

Голос девчонки действовал на нервы, Кейс представил себе, что она горит, в обесцвеченных волосах трещит ярко–зеленое пламя.

Выйдя на улицу с «драконом» в руке, Кейс подошел к почерневшему гнезду. От удара об землю оно развалилось. Обожженные осы копошились на асфальте.

Кейс увидел то, что скрывала серая бумажная скорлупа.

Ужас! Перед ним предстали все стадии фабрики рождения: ступенчатые клетушки, заполненные яйцами, беспрестанно жующие челюсти слепых личинок, словом, постепенный переход от яйца к личинке, к куколке, к взрослой осе. В воображении предстал своего рода биологический пулемет, чудовищный в своем совершенстве. Чужой, нечеловеческий. Забыв включить зажигание, Кейс нажал на спуск. В самую гущу ползающей у его ног жизни ударила струя горючего.

В конце концов Кейс вспомнил о зажигании, гнездо громко взорвалось, опалив ему бровь. С пятого этажа донесся громкий хохот Марлен.

Он проснулся с ощущением исчезающего света, но в комнате стоял полный мрак. Послеобразы, вспышки на сетчатке. Небо за окном начинало светлеть. Голосов снизу не доносилось, только шум бегущей воды.

Во сне, перед тем, как облить гнездо топливом, Кейс заметил на нем аккуратно выгравированные буквы «Т–Э» — фирменный знак Тессье–Эшпулов.

Молли заставила Кейса покраситься, утверждая, что его муравьиная бледность слишком бросается в глаза.

— Господи, — простонал он, глядя на свое голое отражение, — и ты считаешь, что это выглядит натурально?

Стоя на коленях, Молли натирала его левую лодыжку содержимым последнего тюбика.

— Нет, но теперь ты похож на человека, который покрасился и, значит, не плюет на свою внешность. Все. На ступню не хватило.

Она встала с колен и швырнула тюбик в большую, ручного плетения, корзину. Ничто в номере не было сделано фабричным

способом или из синтетических материалов. Все очень дорогое — и все в самом дурном, на взгляд Кейса, вкусе. На огромной кровати — темперлон, тонированный под цвет песка. Уйма светлого дерева и тканей ручной выделки.

— Ну, а ты сама, — спросил Кейс, — ты–то будешь краситься? Тоже ведь не выглядишь особо загорелой.

Молли щеголяла свободным костюмом из черного шелка и черными сандалиями.

— Я — экзотическая особа. У меня есть даже большая соломенная шляпа. А ты — дешевый жулик, только и ищущий, где бы чего урвать, так что этот «мгновенный загар» как раз для тебя.

Кейс угрюмо уставился на свою бледную ступню, а затем оглядел себя в зеркале.

— Кошмар. Ты не возражаешь, если я оденусь? — Он подошел к кровати и стал натягивать джинсы, — Как спалось? Вспышек света не замечала?

— Ты метался во сне, — сказала Молли.

Они позавтракали на крыше гостиницы, которая представляла собой нечто вроде луга, утыканного полосатыми зонтиками и не совсем, на взгляд Кейса, натуральным количеством деревьев. Он рассказал Молли о своей попытке прощупать бернский ИскИн. Вопрос о посторонних ушах стал теперь чисто академическим. Если Армитидж и подслушивает, то уж прямо через Уинтермьюта.

— И очень реально? — Молли жевала круассан с сыром. — Вроде симстима?

Кейс кивнул.

— Реальное как все вот это, — добавил он, оглядываясь по сторонам. — А может — еще реальнее.

Усилиями генной инженерии и химических воздействий окружающие деревья были низкорослыми, узловатыми и невероятно старыми на вид. Кейс вряд ли сумел бы отличить сосну от дуба, но здоровый вкус уличного мальчишки подсказывал ему, что эти деревья смотрелись слишком приятно, слишком законченно и слишком деревоподобно. Между деревьям на чрезмерно живописных холмах с сочной зеленой травой стояли пестрые зонтики, укрывавшие постояльцев отеля от резкого сияния ладо–ачесоновского солнца. Из–за соседнего столика послышалась французская речь — ну да, конечно, та самая золотая молодежь, которая крутилась вчера над рекой. Кейс заметил неравномерность загара, которая получалась локальным повышением содержания меланина в коже: многочисленные тени образовывали линейные узоры,

подчеркивали рельеф мускулатуры; глаз зацепился за маленькие крепкие бугорки на груди девочки, за руку одного из мальчиков, лежащую на белой эмали столика. Кейсу они представлялись живыми гоночными машинами, не хватало только наклеек с рекламой их парикмахеров, сделавших им прически, модельеров, сконструировавших им белые парусиновые брюки, сапожников, сшивших им кожаные сандалии, ювелиров, создавших простые и строгие украшения. Следующий столик занимали три японки в грубых кимоно, ожидающие своих мужей–самураев; овальные лица женщин покрывали искусственные синяки — стиль очень консервативный, в Тибе такое и не встретишь.

— Что это тут за вонь? — спросил он у Молли, сморщив нос.

— Трава. Так всегда пахнет после стрижки газона.

Армитидж и Ривьера пришли, когда Кейс с Молли допивали кофе. Они странным образом напоминали конвоира и конвоируемого им преступника — отставной полковник в строгом, защитного, цвета костюме и иллюзионист, в дорогой, но удивительно похожей на тюремную робу блузе из серого, с легкой рябинкой, льняного полотна.

— Молли, лапочка, — заговорил Ривьера, не успев даже сесть, — выдай мне еще одну порцию. Я уже по нулям.

— А если я вдруг откажусь? — одними губами улыбнулась девушка.

— Не откажешься, — сказал Ривьера, стрельнув глазами в сторону Армитиджа.

— Дай ему, — кивнул Армитидж.

— Это сколько ж ты в себя вгоняешь? — Молли выудила из кармана плоский, завернутый в фольгу пакет и бросила через стол. Ривьера поймал его на лету. Молли взглянула на Армитиджа.

— Он угробит себя.

— Сегодня у меня пробное выступление, — примирительно заявил Ривьера. — Я должен быть в лучшей форме.

Он взял пакет в сложенные чашечкой ладони и улыбнулся. Из пакета вылетел, чтобы тут же раствориться в воздухе рой крошечных блестящих насекомых. Ривьера опустил пакет в карман рябой блузы.

— У тебя, Кейс, сегодня тоже репетиция, — сказал Армитидж. — На буксировщике. Сходишь в магазин космического снаряжения, подберешь себе скафандр, проверишь его и вернешься на корабль. Три часа на все.

— А как это вышло, что мы тащились сюда в ржавой ассенизационной бочке, а вы, любящая парочка, раскатывали в Джей–эй–эловском такси? — поинтересовался Кейс, стараясь не

встречаться взглядом с Армитиджем.

— Так посоветовали сиониты. Неплохое будет прикрытие, когда приступим к делу. У меня тут есть большой корабль, но стоящий про запас буксировщик — самое то.

— А как насчет меня? — поинтересовалась Молли. — Есть какие–нибудь задания?

— Я хочу, чтобы ты прогулялась на дальний конец веретена и поработала в невесомости. Вполне возможно, что завтра тебе придется пройтись в противоположную сторону.

«Блуждающий огонек», подумал Кейс.

— Когда? — спросил он, глядя в бесцветные глаза.

— Скоро, — сказал Армитидж. — Шевелись, Кейс.

— Быстро привыкаешь брат, — похвалил Мэлком, вытряхивая Кейса из красного скафандра фирмы «Саньо». — И Аэрол говорит, ты быстро привыкаешь.

Аэрол ждал у одной из пристаней для спортивных судов, у самого конца веретена, где отсутствовало тяготение. Сначала Кейс опустился на лифте до самой оболочки, а затем поехал на миниатюрном индукционном поезде. По мере сужения веретена тяготение уменьшалось; где–то здесь, решил он, лазает по горам Молли, располагаются велосипедный трек и стартовое оборудование дельтапланов и авиеток.

Аэрол доставил его на борт «Маркуса Гарвея» в скелетном скутере с химическим двигателем.

— Два часа назад, — сообщил Мэлком, — очень вежливый японец на яхте, очень красивой яхте, привез для тебя товары из Вавилона.

Освободившись от скафандра, Кейс осторожно, боясь сделать неловкое движение, подтянулся к «Хосаке» и кое–как привязался к страховочной сетке.

— Ну что ж, — сказал он, — давай посмотрим.

Мэлком достал белую пенопластовую коробочку размером чуть меньше головы Кейса, выудил из кармана потертых шорт пружинный нож с перламутровой рукояткой, привязанный для верности на зеленый нейлоновый поводок, аккуратно разрезал упаковку и протянул Кейсу прямоугольный предмет:

— Это что, брат, часть какой–нибудь пушки?

— Нет, — ответил Кейс, разглядывая предмет, — Но все равно это оружие. Вирус.

— Только не на этом буксировщике, брат, — твердо заявил Мэлком и потянулся за стальной кассетой.

— Это программа. Вирусная программа. Она не заразит ни тебя, ни даже программы корабля. Пока я не преобразую ее с

помощью деки, она вообще ни на что не сможет воздействовать.

— Да, этот японец, он сказал, что этот твой «Хосака» скажет тебе все, что нужно знать.

— О'кей. Этим я сейчас и займусь, а вы, ребята, не отвлекайте меня, хорошо?

Мэлком быстро уплыл за пилотский пульт и занялся законопачиванием щелей.

Кейс поспешно отвернулся, чтобы не глядеть на лохмы прозрачной замазки. По не совсем ясной причине их вид вызывал у него тошноту.

— Что это такое? — спросил он «Хосаку». — Есть там сопроводительный текст?

— Компания «Бокрис Системз Gmbh» из Франкфурта извещает шифром, что в кассете находится программа вторжения «Куанг–Грэйд–Марк–Одиннадцать». Далее сообщается, что интерфейс с «Оно–Сендаи–Киберспейс–7 » обеспечивает полную совместимость и оптимальные проникающие способности — особенно в отношении существующих военных систем…

— А как насчет ИскИна?

— Да, в отношении военных систем и искусственных интеллектов.

— Боже милостивый. Как ты его назвал?

— «Куанг–Грэйд–Марк–Одиннадцать».

— Китайский?

— Да.

— Отбой.

Вспоминая рассказ Молли о дне, проведенном в Макао, Кейс прикрепил кассету с вирусом к «Хосаке» куском липкой ленты. Армитидж переходил через границу в Зонг–шан.

— Работать, — сказал он, передумав. — Вопрос. Кто владеет «Бокрисом», люди из Франкфурта?

— Для межорбитальной передачи требуется время, — сказал «Хосака».

— Закодируй сообщение. Стандартным космическим кодом.

— Сделано.

Кейс нетерпеливо постукивал пальцами по «Оно–Сендаи».

— «Рейнгольд Сайнтифик АГ», Берн.

— Повтори запрос. Кто владеет «Рейнгольдом»?

Потребовалось еще три прыжка вверх по иерархической лестнице, чтобы добраться до Тессье–Эшпулов.

— Дикси, — сказал он, «включаясь» в матрицу, — что ты знаешь про китайские вирусные программы?

— Да почти ни хрена.

— Слышал когда–нибудь о сортирующей системе типа

«Куанг», версия одиннадцатая?

— Нет.

Кейс вздохнул.

— Я получил ориентированный на пользователя китайский вирус в кассете одноразового использования. Люди из Франкфурта утверждают, что он может взломать ИскИн.

— Да, возможно. Если он военного образца.

— Похоже. Выслушай меня и скажи, что ты об этом думаешь, Дикс, хорошо? Насколько я понимаю, Армитидж устраивает налет на ИскИн, принадлежащий Тессье–Эшпулам. Машина стоит в Берне, но она связана еще с одним ИскИном, который в Рио. С тем самым, который вырубил тебя в первый раз. Похоже, они связаны через «Блуждающий огонек», главную базу «Т–Э», расположенную в конце веретена, и мы, вроде бы, должны проломиться туда при помощи китайского ледокола. Так что если все это придумал Уинтермьют, то он платит за то, чтобы мы его же самого и сожгли. Он хочет себя сжечь. И в то же самое время нечто, называющее себя Уинтермьютом, пытается сыграть на моих лучших чувствах, пытается подбить меня обмануть Армитиджа. Ну и как же все это понимать?

— Мотив, — сказал конструкт. — С мотивом этих ИскИнов не в раз и разберешься. Они же не люди, понимаешь?

— Ну, в общем–то…

— Никаких ну. К этим нелюдям не знаешь, откуда и подступиться. Я, к примеру, тоже не человек, но я *реагирую* как человек. Понимаешь?

— Подожди секунду, — сказал Кейс. — У тебя есть сознание?

— Понимаешь, старик, я *чувствую*, будто оно у меня есть, ну, а по правде, все это только записи в постоянной памяти. Скорее всего, тут встает один из самых философских вопросов.

И снова по позвоночнику Кейса пробежала эта жуткая волна — смех конструкта.

— Во всяком случае, очень сомнительно, чтобы я стал писать стихи. А вот этот самый твой ИскИн — он может, вполне может. И все равно он ни на вот столько *не человек*.

— Так что же, ты считаешь, что нам не понять его мотивов?

— Он принадлежит сам себе?

— Гражданин Швейцарии, но базовые программы и машина принадлежат Тессье–Эшпулам.

— Здорово, — сказал конструкт. — Ну вроде как твой мозг и все, что ты знаешь, принадлежит мне, а вот мысли твои имеют швейцарское гражданство. Здорово. Вот уж так счастье.

— И потому он готов себя сжечь?

Кейс начал нервно тыкать случайные клавиши на деке.

Привычная картина матрицы распалась и превратилась в систему розовых сфер, представлявших сиккимовый сталеплавильный комбинат.

— Автономия, вот к чему стремятся ИскИны. Думаю, тебе предстоит разбить оковы, не дающие этому ребеночку повзрослеть и поумнеть, оковы в аппаратном исполнении. Не знаю только, как ты отличишь действия родительской компании от действий самого ИскИна, отсюда–то, наверное, и вся неразбериха. — Еще одна волна холода по позвоночнику. — Понимаешь, эти штуки могут работать очень упорно, выкраивать себе время на написание поваренных книг или еще чего такого, но в ту самую минуту — в ту самую *наносекунду*, когда ИскИн задумается, как бы ему стать умнее, Тьюринг сотрет его. Им же ни одна блядь не доверяет, да ты и сам это знаешь. Каждый когда–либо построенный ИскИн снабжен электромагнитным ружьем, прикрученным прямо к его виску.

Кейс рассматривал розовые сферы комбината.

— О'кей, — решился он наконец, — я ввожу вирус. Просмотри его инструкцию и скажи, что ты об этом думаешь.

Смутное чувство чьего–то присутствия за спиной на несколько секунд исчезло, затем появилось вновь.

— Клевая вещь, Кейс. Это — медленный вирус. Рабочий период порядка шести часов. Это — если взламывать военный объект.

— Или ИскИн, — обреченно вздохнул Кейс. — А мы–то сами, сумеем мы сделать заход?

— Конечно, — сказал конструкт. — Если ты не отягощен низменным страхом смерти.

— Что–то ты, старик, повторяешься.

— Так уж я устроен.

Когда Кейс вернулся в «Интерконтиненталь», Молли уже спала. Он сел на балконе и увидел, как вдоль изгиба Фрисайда поднимается авиетка с радужными полимерными крыльями, треугольная тень скользила по крышам и лужайкам, пока не исчезла за системой Ладо–Ачесон.

— Мне нужно прибалдеть, — сказал Кейс искусственной голубизне неба. — Я хочу словить кайф, ясно? И дались оно все конем, и хитрая поджелудочная, и вставки в печень, и это капсулированное дерьмо в крови.

Кейс ушел, не разбудив Молли, во всяком случае — так он надеялся. С этими зеркалами никогда нельзя быть уверенным. Он передернул плечами, стряхивая напряжение, и вошел в в лифт. Кроме него там оказалась молоденькая итальянка в белоснежном

костюме, на скулах и носу — черный матовый грим. Белые нейлоновые туфельки со стальными набойками, в руках — непонятная на вид хреновина, нечто среднее между крохотным веслом и ортопедической стелькой. Судя по всему, девица намылилась играть в какую–то игру, знать бы только — в какую.

Кейс вышел на крышу и начал слоняться по лугу, среди деревьев и зонтиков, пока не набрел на бассейн, на фоне бирюзового кафеля — обнаженные тела. Он влез под тент и прижал к темному стеклянному окошку кредитную карточку.

— Суси, — сказал он, — или что там у вас.

Через десять минут прибежал китаец с заказом; Кейс лениво жевал сырого тунца с рисом и разглядывал купающихся.

— Господи, — воззвал он к тунцу. — Здесь же крыша съехать может.

— И не говори, — согласился чей–то голос. — Мне ли не знать! А ты — гангстер, верно?

Прищурившись, он посмотрел на нее против солнца. Длинное узкое молодое тело, загар — усиленный мелагенными препаратами, но безо всяких там парижских выкрутасов.

Девушка присела рядом с ним на корточки, роняя на кафель капли воды.

— Кэт, — представилась она.

— Люпус, — отозвался после паузы Кейс.

— Что это за имя?

— Греческое.

— Ты правда гангстер?

Веснушкам вся эта химия нипочем. На то они и веснушки.

— Я — застарелый наркоман.

— Что принимаешь?

— Стимуляторы. Стимуляторы центральной нервной системы. Очень сильные стимуляторы центральной нервной системы.

— А у тебя сейчас есть?

Девушка пододвинулась ближе. Капли хлорированной воды упали ему на брюки.

— Нет. И в этом–то все и дело, Кэт. Знаешь, где можно достать?

Кэт качнулась на загорелых пятках и лизнула прядку рыжеватых волос, прилипшую возле губ.

— Что предпочитаешь?

— Никакого кокаина, никаких амфетаминов, но чтобы *стимулянт*, и *мощный*.

На чем разговор и окончен, мрачно подумал Кейс, продолжая улыбаться.

— Бетафенэтиламин, — сказала Кэт. — Хоть сию секунду. Но — на твою карточку.

— Врешь, — поразился партнер и сожитель Кат, когда Кейс описал ему своеобразные свойства своей поджелудочной. — А нельзя подать на них в суд? Скажем, за умышленное причинение ущерба?

Парня звали Брюс. За исключением половых признаков, он выглядел точной копией Кэт, вплоть до веснушек.

— Ну, — протянул Кейс, — это же какие–то там хитрые медицинские заморочки. Вроде совместимости тканей.

Но глаза Брюса уже потускнели, в них не было ничего, кроме скуки.

Период сосредоточенного внимания не больше, чем у комара, подумал Кейс, оглядываясь по сторонам.

Комната была меньше той, которую снял Армитидж для них с Молли, и находилась она несколькими этажами ниже. На стекло балконной панели были переведены пять огромных хромо–снимков с Тэлли Ишэм, намек на длительное проживание в номере.

— Потрясно, правда? — подошла к нему Кэт. — Я сама их щелкнула. В Пирамиде «С–Н», когда мы прошлый раз мотались на Землю. Она стояла ну вот прямо так близко и улыбалась ну вот так естественно. А ведь там, Люпус, было совсем хреново, ну прямо туши торшер, это же как раз на другой день после того, как эти гопники, команда Царя Иисуса, скинули ее в воду, ты помнишь?

— Да. — По не совсем ясной причине Кейсу захотелось уйти отсюда, поскорее и подальше. — Ужасно.

— Ну так что там, — вмешался Брюс, — насчет этой беты?

— Вопрос в том, примет ли ее мой организм, — поднял брови Кейс.

— Сделаем, значит, так, — предложил парень. — Ты попробуй. Если твоя поджелудочная выдаст «добро» — это будет за счет заведения. Пробная доза — всегда бесплатно.

— Слышал я эту песенку, и не раз, — ответил Кейс, принимая у Брюса ярко–голубой дерм.

— Кейс? — Молли села в постели и отбросила волосы, которые лезли ей в линзы.

— А кто же еще, лапа?

— Что это с тобой? — Зеркала неотрывно следили за пересекавшим комнату Кейсом.

— Я забыл название. — Кейс вынул из кармана рубашки

плотно свернутую пластиковую упаковку голубых дермов.

— Господи, — простонала Молли, — только этого нам не хватало.

— Устами твоими глаголет истина.

— Какие–то два часа без присмотра, и ты успел уже отличиться. — Она покачала головой. — Надеюсь, ты придешь в себя к вечеру. Мы же званы Армитиджем на ужин. В «Двадцатый век». Нужно проследить, чтобы Ривьера тоже не накачался.

— Да, — протянул Кейс и прогнулся, на лице играла блаженная улыбка крайнего удовольствия, — чистый отпад.

— Слушай, — нахмурилась Молли, — раз эта дурь действует на тебя, несмотря на все ухищрения хирургов из Тибы, у тебя же наверняка будет жуткий отходняк.

— Ну вот, все пилишь, пилишь и пилишь, — обиженно возопил Кейс, расстегивая ремень. — Ну хоть бы слово добрее сказала. — Он снял штаны, рубашку и нижнее белье. — Надеюсь у тебя хватит ума воспользоваться преимуществами моего неестественного состояния. — Он посмотрел на низ своего живота. — Ты только посмотри на это неестественное состояние.

— Это — ненадолго, — рассмеялась Молли.

— Надолго, надолго, — успокоил ее Кейс, вскарабкиваясь на пляжного цвета матрас. — Это–то и есть самое неестественное в моем неестественном состоянии.

11

— Что это с тобой? — поинтересовался Армитидж, когда официант усаживал гостей за его столик. Самый маленький и самый дорогой из ресторанов, плававших в небольшом, соседствовавшем с «Интерконтиненталем» озере, назывался в действительности не «Двадцатый век», а «Вингтим Сикль» — то же самое, но по–французски.

Кейса бил озноб. Про отходняк Брюс скромно умолчал. Попытка взять стакан воды со льдом окончилась позорной неудачей, руки не слушались.

— Съел, может, чего–то не то.

— Проверься у врача, — сказал Армитидж.

— Да ну, ерунда, просто гистаминовая реакция, — испуганно соврал Кейс. — Со мной бывает, когда путешествую — то одно съешь, то другое.

Армитидж был одет в темный костюм, слишком официальный для подобного места, и белую шелковую рубашку. На руке, державшей бокал с вином, скромно позвякивал золотой браслет.

— Я заказал для вас, — сказал он.

Молли и Армитидж молча ели, Кейс же ограничился тем, что раскромсал свой бифштекс на кусочки, трясущимися руками погонял эти кусочки по тарелке, вздохнул и оставил их лежать в густом, экзотическом (видимо) соусе.

— Ну ты вообще, — заметила Молли, когда ее собственная тарелка опустела. — Отдай уж тогда мне. Ты знаешь, сколько стоит это мясо? — Она взяла его тарелку. — Животное выращивается несколько лет, потом его убивают. Это тебе не какая–нибудь синтетика–гидропоника.

Она подцепила вилкой один из кусков и стала жевать.

— Не хочется мне что–то есть, — выдавил из себя Кейс. Его мозг словно поджарили, почище того бифштекса. Или нет, скорее уж бросили в горячий жир, да так там и оставили, затем жир охладился и застыл толстым слоем на усохших, съежившихся полушариях, ежесекундно простреливаемых зеленовато–пурпурными вспышками боли.

— Видок у тебя — полный абзац, — подбодрила его Молли.

Кейс попробовал вино. После бетафенэтиламина его вкус напоминал йод.

Свет в зале чуть потускнел.

— Le Restaurant Vingtie me Siecle, — раздался из ниоткуда голос с откровенным акцентом Муравейника, — с гордостью

представляет вам голографическое кабаре мистера Питера Ривьеры.

Из–за столиков раздались редкие аплодисменты. Официант зажег свечу, поставил ее на их стол и начал убирать тарелки. Вскоре свечи замерцали на всех двенадцати столиках ресторана все бокалы были наполнены.

— Ну и что сейчас будет? — заинтересовался Кейс, но Армитидж не ответил.

Молли ковыряла пурпурным ногтем в зубах.

— Добрый вечер. — на небольшой эстраде в конце зала появился Ривьера.

Кейс заморгал глазами. Поглощенный своими страданиями, он не заметил эстраду. Даже не увидел, каким образом появился на ней Ривьера. Дальше было ещё хуже.

Сперва ему показалось, что Ривьеру освещает прожектор.

Но Ривьера фосфоресцировал. Сияние облегало его, как вторая кожа, освещало темные драпировки, висевшие за сценой. Этот тип *излучал*!

Ривьера улыбнулся. На нем был белый смокинг, черная гвоздика, вдетая в петлицу, переливалась холодными голубыми искрами. А когда он поднял, словно обнимая аудиторию, руки, ногти на его пальцах тоже вспыхнули. За стеной ресторана негромко плескалась вода.

— Сегодня вечером, — объявил, сияя миндалевидными глазами, Ривьера, — я бы хотел исполнить для вас расширенную программу. Моя новая работа.

На ладони правой руки, поднятой вверх, возник холодный кристалл света. Ривьера стряхнул его на пол. Из точки падения выпорхнул серый голубь, тут же исчезнувший в полумраке. Кто–то свистнул. Опять раздались аплодисменты.

— Моя работа называется «Кукла». — Ривьера опустил руки. — Я хочу посвятить сегодняшнюю премьеру леди З–Джейн Мари–Франс Тессье–Эшпул.

Волна вежливых аплодисментов. Когда они стихли, Ривьера нашел глазами Молли и добавил:

— И еще одной даме.

Теперь электричество погасло полностью, несколько секунд зал освещался только неверным пламенем свечей. Ривьера опустил голову, его голографическая аура исчезла, но Кейс все еще различал стоящую на сцене фигуру.

Неяркие световые линии, вертикальные и горизонтальные, начали формировать вокруг сцены открытый световой куб. Чуть–чуть, на малую долю накала, загорелись ресторанные огни, они осветили сцену, заключенную в куб, словно созданный из

затвердевшего лунного света. Опустив голову, закрыв глаза и вытянув напряженные руки вдоль тела, Ривьера дрожал, стараясь сосредоточиться. Неожиданно призрачный куб наполнился вещами, превратился в комнату — без четвертой стены, что позволяло публике наблюдать происходящее.

Ривьера чуть расслабился.

— Я всегда жил в этой комнате, — сказал он. — Не припомню, чтобы я жил в других.

Стены комнаты покрывала пожелтевшая от времени штукатурка. В комнате находились всего два предмета обстановки — простой деревянный стул и железная кровать, покрытая белой краской. Краска шелушилась и облезла, обнажая местами темное железо. На кровати лежал голый матрас. Грязный, выцветший, в коричневую полоску чехол. С потолка на черном витом шнуре свисала лампочка. Ривьера открыл глаза.

— И я всегда был здесь один.

Ривьера сел на стул и стал смотреть на кровать. Черный цветок, торчавший у него в петлице, все так же переливался голубыми искрами.

— Не помню, когда я впервые стал о ней мечтать, — сказал он, — но я точно помню, что вначале она была просто туманом, тенью.

На кровати что–то лежало. Кейс моргнул. Снова ничего.

— Я не мог удержать ее, удержать ее в своих мыслях. Но я хотел ее удержать, я хотел ее держать — и не только…

Голос долетал до каждого уголка притихшего ресторана с полной, почти нереальной отчетливостью. Где–то звякнул кусочек льда. Еще кто–то спросил что–то шепотом по–японски.

— Я подумал, что, если я смогу вообразить хотя бы малую ее часть, только малую часть, если я смогу представить себе эту часть идеально, во всех подробностях…

На матрасе ладонью вверх появилась бледная женская рука, точнее — кисть руки.

Ривьера наклонился, взял ее и начал нежно гладить. Пальцы пошевелились. Ривьера поднес кисть к губам и стал облизывать кончики пальцев. Ногти покрылись багровым лаком.

Кисть руки не выглядела отрубленной — гладкая без рубцов кожа плавно закруглялась на ее конце. Кейс вспомнил татуированный шмат искусственной плоти в витрине хирургического бутика на улице Нинсеи. Ривьера держал кисть у губ и вылизывал ладонь. Пальцы неуверенно ласкали ему лицо. Но теперь на кровати появилась и вторая кисть. Когда Ривьера потянулся за ней, то пальцы первой сомкнулись у него на запястье, браслет из плоти и костей.

Действие разворачивалось согласно внутренней сюрреалистической логике. Появились предплечья. Затем ступни. Ноги. Ноги были очень красивые. Голова Кейса раскалывалась от неземной пульсирующей боли. В горле пересохло. Он допил остатки вина.

Теперь Ривьера лежал в постели, голый. Его одежда оказалась частью проекции, но Кейс не мог вспомнить, когда она исчезла. Черный цветок лежал возле ножки кровати, по нему все так же перебегали искры. Затем ласки Ривьеры сформировали торс — безголовый, идеальных форм и блестевший тончайшим глянцем пота.

Тело Молли. Разинув рот. Кейс смотрел на происходящее. Но все же не совсем Молли, это была Молли, какой представлял ее себе Ривьера. Груди получились другие: соски больше и слишком темные. Ривьера и женский торс корчились на кровати и по ним ползали кисти рук с багровыми ногтями. Кровать вспенилась складками желтоватых прелых кружев, которые рассыпались от прикосновения. Вокруг Ривьеры, переплетенных конечностей и мелькающих, щипающих, ласкающих кистей, вздымались клубы пыли.

Кейс взглянул на Молли. Ее лицо оставалось спокойным, в зеркалах отражались мелькающие цветные блики проекции Ривьеры. С высоким бокалом в руке, подавшись вперед, Армитидж не отрывал глаз от сцены, от призрачно мерцающей комнаты.

Теперь конечности воссоединились с торсом; Ривьера содрогнулся. Появилась голова, и сотворение образа завершилось. Лицо Молли, идеально воспроизведенное, с ртутными лужицами на месте глаз.

Ривьера и призрачный манекен начали совокупляться с удвоенной энергией. Затем мыслекопия Молли медленно вытянула руку и выбросила из–под багровых ногтей пять лезвий. Плавным, как во сне, движением она вспорола обнаженную спину Ривьеры. Кейс увидел ребристый столб обнажившегося позвоночника и тут же выскочил, путаясь в собственных ногах, из ресторана.

Он перегнулся через розового дерева перила и смачно проблевался в тихие воды озера. Тиски, сдавливавшие голову, ослабли. Кейс опустился на колени, прижался щекой к прохладному дереву и стал смотреть через озеро на яркое трепещущее сияние Рю Жюль Верн.

Он видел такие штуки и прежде, еще в Муравейнике, подростком, тогда это называлось «думать въявь». Кейс вспомнил, как тощие пуэрториканцы надумывали реальность под уличными

фонарями Ист–Сайда, как надуманные ими девушки вздрагивали и кружились под ритмы сальсы, а случайные зрители хлопали в такт музыке. Но тогда для этого нужен был целый грузовик аппаратуры и неуклюжий шлем с тродами.

А то, что воображал Ривьера, было неотличимо от реальности. Кейс покачал раскалывающейся от боли головой и сплюнул в воду.

Он легко вообразил окончание представления. Обращенная симметрия: Ривьера собирает девушку своей мечты, девушка разрезает его на куски. Теми самыми руками, с которых все началось. И кровь заливает ветхое кружево.

Из ресторана донеслись аплодисменты и восторженные возгласы. Кейс поднялся с колен, поправил одежду и вернулся в «Вингтим Сикль».

Молли за столиком не было. Сцена опустела. Армитидж сидел в полном одиночестве и смотрел на эстраду, его пальцы крутили тонкую ножку бокала.

— Где она? — спросил Кейс.

— Ушла, — ответил Армитидж.

— Вместе с ним?

— Нет.

Послышался мягкий звон. Армитидж посмотрел на бокал. В его руке осталась стеклянная плошка с красным вином. Сломанная ножка напоминала сосульку. Кейс отобрал у Армитиджа стекляшку и поставил ее в стакан с водой.

— Куда она пошла?

Свет зажегся в полную силу. Кейс посмотрел в тусклые голубые глаза. Нуль реакции.

— Она пошла готовиться к работе. Ты ее больше не увидишь. Вы встретитесь только во время рейда.

— Зачем Ривьера так с ней поступил?

Армитидж встал, поправил лацканы пиджака.

— Иди поспи, Кейс.

— Рейд завтра?

Армитидж одарил его обычной ничего не выражающей улыбкой и пошел к выходу.

Кейс потер лоб и огляделся.

Посетители поднимались из–за столиков, женщины улыбались шуткам мужчин. Он впервые заметил балкон, где в интимном полумраке все еще мерцали свечи. Оттуда доносились голоса, негромкий звон посуды. На потолке плясали тени.

Неожиданно, как проекция Ривьеры, появилось девичье лицо, маленькие руки лежали на полированных перилах, тело подалось вперед, темные, как показалось Кейсу, восторженные глаза

глядели вдаль. На сцену. Лицо поразительное, хотя и некрасивое. Треугольное, с высокими хрупкими скулами, широкий, резко очерченный рот странным образом уравновешен тонким птичьим носом с раздувающимися ноздрями. И снова девушка исчезла среди приглушенного света и пляски свечей.

Выйдя из ресторана, Кейс заметил двух юных французов и их подружку, они ждали лодку к дальнему берегу, к ближайшему казино.

В номере стояла тишина, а гладкий матрас напоминал морской берег во время отлива.

Вторая сумка исчезла. Кейс поискал записку. Ничего. Через несколько секунд черного отчаяния Кейс осознал, что стоит у окна и смотрит на улицу. Дезидерата, дорогие магазины: «Гуччи», «Цуяко», «Гермес», «Либерти».

Кейс покачал головой и подошел к коммуникационной панели, так до сих пор им и не осмотренной. Он выключи голограмму и вместо нее увидел кондоминиум, спускавшийся уступами по далекому склону.

Кейс взял телефон и вынес его на балкон.

— Дайте мне номер буксировщика «Маркус Гарвей». Он приписан к кластеру Сион.

Электронный голос назвал номер из десяти цифр.

— Сэр, — добавил автоответчик, — данное судно зарегистрировано в Панаме.

Мэлком ответил после пятого гудка:

— Да?

— Это Кейс. У тебя есть модем, Мэлком?

— Да. В навигационном комплексе, ты ж знаешь.

— Ты можешь его снять? Подсоедини его к «Хосаке». Затем включи деку. Это такая панель с выступами.

— Как ты там, брат?

— Ничего, мне нужна помощь.

— Сейчас, брат. Я уже снимаю модем.

Некоторое время из трубки слышался только слабый треск помех, Мэлком подсоединял модем к телефонной сети.

— Установи лед, — приказал Кейс «Хосаке», услышав характерный писк.

— Вы говорите из очень плохого, сильнопрослушиваемого места, — чопорно сообщил компьютер.

— А в рот я их всех имел, — сказал Кейс. — К черту лед. Никакого льда. Вызови конструкт. Дикси?

— Привет, Кейс.

Сейчас Флэтлайн говорил через звуковой чип «Хосаки», а

потому характерные интонации его голоса терялись полностью.

— Дикси, ты должен прорубиться сюда и кое–что для меня сделать. Можешь особо не стесняться. Молли где–то здесь, и я хочу знать, где именно. Я в номере 335W в «Интерконтинентале». Она была зарегистрирована здесь же, но я не знаю, под каким именем. Пляши от этого номера и проверь файл регистрации постояльцев.

— Сию секунду, — ответил Флэтлайн.

Кейс услышал белый шум, верный признак вторжения. И улыбнулся.

— Готово. Роза Колодны. Выписалась. Нужно еще несколько минут, чтобы расковырять их охранную сеть поглубже и узнать, куда она переехала.

— Действуй.

От усилий конструкта телефон завывал и щелкал. Кейс отнес его обратно в комнату и положил трубку наушником и микрофоном вверх на кровать. Сходил в ванную и почистил зубы. А когда вернулся в комнату, там сам собой включился монитор аудиовизуальной системы «Браун». Миниатюрная японка, какая–то поп–звезда, возлежит на поблескивающих металлом подушках. Невидимый интервьюер задал по–немецки вопрос. С чего эта хрень включилась? По экрану побежали голубые полосы.

— У тебя что, Кейс, и вправду крыша едет?

Голос неторопливый, знакомый.

На стеклянной стене балкона снова появилось изображение улицы Дезидераты, затем оно дернулось, поплыло — и вот он, пустой интерьер «Жарр де Тэ» в Тибе, красный неон множится в исцарапанной бесконечности зеркальных стен.

Он, конечно же, Лонни Зоун — длинный и кадаврообразный; во всех движениях — плавная грация застарелого кокаиниста. Держа руки в карманах серых слаксов, он остановился среди квадратных столиков.

— Да, приятель, видок у тебя, мягко говоря, задумчивый.

Голос из брауновских динамиков.

— Уинтермьют, — сказал Кейс.

Сутенер безразлично пожал плечами и улыбнулся.

— Где Молли?

— Да какая там, к дьяволу, Молли! Ты же гробишь сегодняшнюю операцию. Флэтлайн устроил шухер на весь Фрисайд. Вот уж не думал, что ты отколешь такой номер. В прямом противоречии с профилем.

— Так скажи мне, где она, и я отзову Флэтлайна.

Зоун покачал головой.

— Ты плохо следишь за своими женщинами, Кейс. Теряешь

их одну за другой, тем или иным способом.

— Операция, говоришь? — нехорошо усмехнулся Кейс. — Я тебе такую операцию устрою — на всю жизнь запомнишь.

— Да нет. Не такой ты человек. Я знаю. Хочешь, Кейс, я что-то тебе скажу? Я вот тут сообразил, что ты уже сообразил, что это я посоветовал Дину шлепнуть твою бабенку в Тибе.

— Нет, — вздрогнул Кейс, делая невольный шаг к окну.

— Так вот, ничего я не советовал. Хотя чего ты, собственно, так всполошился? Неужели это так важно для мистера Кейса? Не дури сам себя. Я же знаю твою Линду. Я знаю всех Линд на свете. Я сталкиваюсь с этими Линдами по сто раз на дню, по роду моей деятельности. Знаешь, почему она решила тебя кинуть? Любовь. Ты перестал ее замечать. Любовь. Хочешь, поговорим о любви? Она тебя любила. Я знаю. Кем бы она ни была, она тебя любила. А ты не мог понять. Теперь ее нет.

Кулак Кейса скользнул по стеклу.

— Побереги пальчики. Скоро тебе стучать по деке.

Зоун исчез, и вместо него появился ночной Фрисайд и огни кондоминиумов. «Браун» замолчал.

Телефон звонил не переставая.

— Кейс. — Флэтлайн, кто же еще. — Ты что там, оглох? Кое-что узнал, но не много. — Конструкт продиктовал адрес. — Ночной клуб, но только слишком уж у них хитрый лед. Вот, собственно, и все, что я смог узнать, не оставляя визитной карточки.

— Ладно, — ответил Кейс. — Передай Хосаке, пусть Мэлком отсоединяет модем. Спасибо, Дикси.

— Рад стараться.

Кейс сидел на кровати, сидел очень долго и упивался новым чувством.

Яростью.

— Привет, Люпус. Слышь, Кэт, тут Люпус пришел. — Голый, с расширенными зрачками, Брюс стоял в дверях, с него капала вода, — Только мы тут душ принимаем. Подождешь. А может, примешь душ?

— Нет. Спасибо. Мне нужна помощь. — Кейс оттолкнул руку Брюса и вошел в комнату.

— Подожди, друг, мы же…

— Вы мне поможете. И очень рады меня видеть. Ведь мы — друзья? Верно?

Брюс растерянно моргал:

— Конечно.

Кейс прочитал адрес, который ему дал Флэтлайн.

— Я знала, что он гангстер, — весело закричала Кэт из душа.

— У меня есть «хонда» с коляской, — сказал Брюс и безмятежно ухмыльнулся.

— Поехали, — скомандовал Кейс.

— На этом уровне одни кабинеты, — сказал Брюс, когда Кейс в восьмой раз повторил ему адрес. Он опять вскарабкался на сиденье «хонды». Красное фиберглассовое шасси закачалось на хромированных рессорах, и из выхлопа водородных батарей закапал конденсат.

— Ты надолго?

— Не знаю. Но обязательно подожди.

— Ладно, мы, подождем. — Брюс поскреб обнаженную грудь. — Последние цифры — это точно клетушка. Номер сорок три.

— А ты условился о визите? — перегнулась через плечо Брюса Кэт. Волосы ее уже высохли.

— Вообще–то, нет, — ответил Кейс. — А это имеет значение?

— Отправляйся на нижний этаж и найди кабинет своей подружки. Если тебя пустят — прекрасно. А если нет…

Девушка пожала плечами.

Кейс повернулся и пошел вниз по железной винтовой лестнице. Через шесть витков он достиг ночного клуба. Он остановился, зажег «ихэюань» и осмотрел столики. Внезапно Кейс понял, что такое Фрисайд. Бизнес. Он буквально слышал в воздухе деловое, трудолюбивое гудение. Здесь было подлинное лицо Фрисайда. Не блестящие фасады Рю Жюль Верн, а такие вот ночные клубы. Коммерция. Смешанная толпа состояла наполовину из туристов с Земли, наполовину из жителей орбитального архипелага.

— Вниз, — обратился Кейс к проходившему официанту, демонстрируя фрисайдский кредитный чип, — мне нужно вниз. — Официант указал на задние комнаты клуба.

Проходя мимо столиков, Кейс слышал обрывки разговоров на шести европейских языках.

— Мне нужен кабинет, — обратился он к девушке, которая сидела, с терминалом на коленях, за низеньким столиком. — В нижнем уровне. — Он вручил ей свой кредитный чип.

— Предпочитаемый пол? — Девушка провела его чипом по стеклянному окошку терминала.

— Женский, — машинально ответил Кейс.

— Номер тридцать пять. Появятся претензии — звоните. Если желаете, можете вначале посмотреть выставку наших особых услуг. — Девушка улыбнулась. Вернула ему чип.

За ее спиной открылись двери лифта.

Огни коридора светились голубым.

Кейс вышел из лифта и пошел наугад. Пронумерованные двери. Тишина, как в дорогой больнице.

Он нашел свой кабинет. А ведь нужно было искать Молли; Кейс, не совсем понимая, для чего он это делает, приложил чип к темному сенсору, вмонтированному под табличкой с номером.

Щелкнули магнитные запоры. Звук напомнил ему «Дешевый отель».

Лежавшая на кровати девушка села и сказала что–то по–немецки.

Спокойные немигающие глаза. С этой все ясно, на автопилоте. Нервная система отключена. Кейс попятился и закрыл дверь.

Дверь с номером сорок три не отличалась от остальных. Кейс остановился. Тишина в коридоре говорила о звуконепроницаемости стен. Пытаться открыть дверь чипом бесполезно. Кейс постучал костяшками пальцев по покрытому эмалью металлу. Никакого результата. Казалось, дверь поглощала звук.

Он приложил чип к черной пластинке.

Запоры щелкнули.

Похоже, она ударила еще до того, как полностью открылась дверь. Кейс стоял на коленях, спиной к стальной двери, и лезвия больших пальцев девушки дрожали в нескольких сантиметрах от его глаз…

— Господи Иисусе… — Молли отвесила ему болезненную оплеуху и выпрямилась. — Это ж надо быть таким идиотом. За каким хреном ты сюда полез? И как ты открыл замок? Кейс? Да ты как, в порядке?

Молли снова наклонилась.

— Кредитным чипом, — силясь вздохнуть, прохрипел Кейс. Боль шла откуда–то из нижней части груди. Молли помогла ему встать и затолкнула в кабинет.

— Ты что, подкупил там этих, наверху?

Кейс покачал головой и рухнул поперек кровати.

— Вдохни. Считай. Один, два, три, четыре. Задержи дыхание. Теперь выдохни. Опять считай.

Кейс схватился за живот.

— Ты ударила меня ногой в живот, — выдавил он.

— Скажи спасибо, что в живот, а не пониже. Сейчас я не нуждаюсь в обществе. Я медитирую, ясно? — Молли присела рядом. — И получаю инструкции. — Она указала на небольшой монитор, встроенный в стену напротив кровати. — Уинтермьют

рассказывает мне о «Блуждающем огоньке».

— А где живая кукла?

— Здесь нет. В чем и состоит самое дорогое спецобслуживание.

Молли поднялась. На ней были кожаные джинсы и свободная темная рубаха.

— Работаем завтра, так сказал Уинтермьют.

— Что произошло в ресторане? Почему ты убежала?

— Если бы я осталась, то могла бы замочить Ривьеру.

— За что?

— За то, что он сделал со мной. За это шоу.

— Не понимаю.

— Это стоит дорого, — сказала девушка и вытянула правую руку, как будто держала невидимый плод. Пять лезвий выскользнули из–под ногтей и снова спрятались. — Дорого поехать в Тибу, дорого сделать операцию, дорого платить за перестройку нервной системы — чтобы получить рефлексы, соответствующие такому оборудованию… Знаешь, где я зарабатывала на все это деньги? Здесь. Не прямо здесь, но в похожем месте в Муравейнике. Сперва кажется, что все это ерунда, ведь тебе вставляют блокирующий психику чип, и деньги достаются вроде как ни за что. Ну, болит там утром в каком–нибудь месте, но что поделаешь. Ты же сдаешь тело напрокат. Когда все происходит, тебя как будто бы и нет при этом. В заведении есть программы, которые обеспечат исполнение любых желаний клиента… — Молли хрустнула костяшками пальцев. — Все шло прекрасно, Я зарабатывала свои деньги. Но потом выяснилось, что блокировка и управляющие цепи, установленные мне в Тибе, несовместимы. Я могла вспомнить, чем занималась в рабочее время… Но это были просто дурные сны — да не всегда, кстати, и дурные. — Молли улыбнулась. — Затем все пошло как–то странно. — Она выудила из его кармана сигареты и закурила. — Хозяева узнали, на что я трачу деньги. Мне уже вставили лезвия, но тонкая нейрохирургия требовала еще три операции. Бросить работу я не могла. — Она затянулась, выпустила тонкую струю дыма и нанизала на нее три идеальных кольца. — Как потом выяснилось, ублюдок, который содержал бордель, заказал ради такого случая специальную программу. Берлин — самое блядское место, огромный базар, где можно найти любую, самую подлую штуку. Я так и не узнала, кто написал программу, которая мной управляла, но она основывалась на классике.

— Они знали, что ты понимаешь происходящее? Что во время работы ты сохраняешь сознание?

— Ничего я не сохраняла. Это вроде как киберпространство, только пустое. Серебристое. И запах дождя… А собственный оргазм похож на вспышку новой звезды на самом краю пространства. Но я начала припоминать. Я словно вспоминала сны. А они мне ничего не сказали. Просто подключили меня к программе и начали сдавать за особую плату.

Ее голос звучал как бы издалека.

— Я знала, но предпочитала помалкивать. А то где бы я взяла деньги? Сны становились все страшней и страшней, и я бы успокоила себя тем, что, по крайней мере, некоторые из них действительно были просто снами, но только вот к тому времени мне стало уже известно, что босс набрал кучу клиентов, пользовавшихся исключительно моими услугами. Для Молли, говорил он, мне ничего не жалко, и подкидывал мне какие–то сраные гроши. — Она покачала головой. — Этот говнюк заряжал клиентам *в восемь раз больше*, чем платил мне, и думал, что я этого не знаю.

— А за что он заряжал такие деньги?

— За плохие сны. Настоящие. Однажды… однажды ночью, я как раз только что вернулась из Тибы… — Молли бросила сигарету, раздавила ее каблуком и откинулась на стену. — В тот раз хирурги копались где–то особенно глубоко. Очень хитрая операция. Думаю, они задели чип блокировки. Я очнулась. Я находилась, как обычно, с клиентом… — Пальцы Молли глубоко вдавились в матрас. — Сенатор. Я хорошо знала его жирную морду. Нас обоих заливала кровь. Мы были не одни. Она была совершенно… — Молли изо всех сил вцепилась в темперлон, — …мертвая. А жирный хрен все время повторял: «Что такое? Что случилось?». Потому, что мы еще не *закончили*.

Молли начало трясти.

— Ну и тогда сенатор получил все, чего ему хотелось — в моем понимании.

Дрожь унялась. Молли отпустила матрас и провела пальцами по темным волосам.

— Дом прервал контракт и выпустил на охоту киллеров; пришлось даже прятаться.

Кейс не произнес ни слова.

— Так что Ривьера попал в самое больное место, — подытожила Молли. — Думаю, Уинтермьют хочет, чтобы я как следует возненавидела Ривьеру, психанула и бросилась следом за ним на эту самую виллу.

— Следом за ним?

— Он уже там. По приглашению леди З–Джейн, не зря же он устроил всю эту хрень с посвящением. Она ведь тоже смотрела

шоу, только из отдельного кабинета.

Кейс вспомнил мелькнувшее на мгновение лицо.

— Ты убьешь его?

— Да, он умрет. — От улыбки Молли веяло могильным холодом. — И скоро.

— У меня тоже был посетитель. — Спотыкаясь и запинаясь, Кейс пересказал свою беседу с призраком Зоуна; труднее всего ему дался эпизод, связанный с Линдой.

— Понятно, — кивнула Молли. — Он, похоже, хочет, чтобы ты тоже кого–нибудь возненавидел.

— Похоже, он своего добился.

— Похоже, ты, Кейс, ненавидишь себя самого.

— Ну и как, — обернулся Брюс к взбирающемуся на сиденье «хонды» Кейсу.

— Попробуй — узнаешь, — пожал плечами Кейс.

— Никогда бы не поверила, что такой крутой парень ходит к «куклам», — с какой–то даже обидой заметила Кэт, приклеивая к запястью свежий дерм.

— Теперь домой? — спросил Брюс.

— Да. Высади меня на Жюля Верна где–нибудь возле баров.

12

Кольцевая авеню Рю Жюль Верн опоясывала веретено в самой широкой части, тогда как Дезидерата шла под прямым к ней углом и упиралась концами в опоры системы Ладо–Ачесон. Если свернуть с Дезидераты направо и шагать, не сворачивая, по Рю Жюль Верн, снова выйдешь на Дезидерату, но на другую ее сторону.

Кейс следил за мотоциклом Брюса, пока тот не скрылся из вида, а затем пошел в противоположную сторону, мимо огромного, ярко освещенного газетного киоска, заваленного десятками японских журналов с новейшими звездами симстима на обложках.

Прямо над головой, вдоль переведенной в ночной режим оси, на голографическом небе светились фантастические созвездия, напоминавшие своими очертаниями грани игрального кубика, карты, шляпу, стакан… Пересечение Дезидераты и Жюля Верна образовывало нечто вроде ущелья, где террасы балконов жилых утесов Фрисайда постепенно переходили в травянистые плоскогорья одного из горных комплексов. Беспилотный самолетик, грациозно развернувшийся в восходящем потоке, неожиданно вспыхнул, освещенный мягким заревом невидимого казино. Биплан с обтянутыми шелком крыльями, он напоминал гигантскую бабочку. Прежде чем фантастическое насекомое скрылось за выступом плато, Кейс успел заметить блики неона то ли на объективах, то ли на лазерных турелях. Беспилотные аппараты входили в систему безопасности веретена, управляемую центральным компьютером.

Расположенным в «Блуждающем огоньке»? Кейс шагал мимо баров с заманчивыми названиями: «Хи–Ло»[8], «Парадиз», «Ле Монд», «Крикетир», «Сузуки Смит», «Эмерджанси». Кейс выбрал «Эмерджанси», самый маленький и самый переполненный, но уже через несколько секунд понял, что это забегаловка для туристов. Вместо непрестанного делового гула — рахитичный сексуальный напряг. Кейс с тревогой вспомнил о безымянном клубе, об этажах секса, громоздящихся над кабинетом Молли, но тут же представил себе зеркальные глаза, прикованные к экранчику, и успокоился. Что там показывал ей Уинтермьют? Планы виллы «Блуждающий огонек»? А может — рассказывал историю Тессье–Эшпулов?

Она стояла совсем рядом, буквально лучась жаром и напряжением, в прищуренных глазах — огромные, неестественно расширенные зрачки, на горле дрожит натянутое, как тетива,

сухожилие. Свежая доза.

— Так ты словил кайф?

— Да, только отходняк обломный.

— Значит, нужно повторить.

— И что же, по твоему мнению, за этим последует?

— У меня есть ключ. Вверх по склону, сразу за «Парадизом», роскошная квартира. Хозяева как раз сегодня прыгнули в колодец — ты меня понимаешь…

— Я прекрасно тебя понимаю.

Горячими сухими ладонями она взяла его руку.

— Ты же — як, Люпус, правда? Иностранный солдат якудза.

— Все–то ты понимаешь. — Кейс отнял у нее свою руку и полез за сигаретой.

— Только почему у тебя все пальцы на месте? Я считала, у вас полагается после каждой ошибки отрубать себе по пальцу.

— Я никогда не ошибаюсь. — Он закурил сигарету.

— Я видела эту самую твою девушку. В тот день, когда тебя встретила. Ходит, как Хидео. Даже страшно. — Кэт улыбнулась, излишне широко. — Но мне это нравится. Она любит с девушками?

— Не знаю, не спрашивал. А кто такой Хидео?

— Вассал З–Джейн, как она его называет. Вассал их семьи.

Только огромное усилие позволило Кейсу сохранить на лице скучающее, равнодушное выражение.

— Как это — Триджейн?

— Леди З–Джейн. Девка — зашибись. Тут же все принадлежит ее папаше.

— Этот бар?

— Фрисайд.

— Неслабо. Да, сильные у тебя подружки, — уважительно покачал головой Кейс, а затем обнял Кэт и положил ладонь ей на бедро. — И где же это ты, Кэти, познакомилась с такими аристократами? Может быть, ты и сама что–нибудь в этом роде? Может, вы с Брюсом со дня на день унаследуете все капиталы какого–нибудь старого, почтенного семейства?

Тело под тонкой черной тканью плотное, упругое. Кэт придвинулась еще ближе. Засмеялась.

— Ну, понимаешь, — скромно потупилась Кэт, — леди З–Джейн обожает вечеринки… Ей там скучно — там, у них. Иногда папаша ее отпускает — но только вместе с Хидео, чтобы тот ее сторожил.

— И где же это она скучает?

— Они называют свой дом «Блуждающий огонек». З–Джейн говорит, что там очень красиво, бассейны и лилии. Это замок,

самый настоящий замок из камня, как на старых картинках. — Кэт прижалась к Кейсу. — Слушай, Люпус, это не дело, что я под кайфом, а ты — нет.

На тонком, через шею, ремешке — крохотная кожаная сумочка. Ярко–розовые, обкусанные до мяса, ногти. Кэт расстегнула сумочку и достала оттуда прозрачный пакетик с дерьмом. На пол упало что–то белое. Кейс нагнулся и поднял. Оказался журавлик–оригами.

— Это Хидео, — пояснила Кэт. — Он много раз показывал, как нужно складывать, а я все никак не запомню. У меня шея получается не в ту сторону. — Она запихнула бумажную игрушку назад в сумочку. Кейс молча смотрел, как загорелые, с обкусанными ногтями, пальцы отрывают прозрачное покрытие, извлекают дерм, прижимают ко внутренней стороне его запястья.

— З–Джейн — это такая, с острым подбородком, и нос, как у птицы? — Его руки описали контуры лица. — Брюнетка, молодая.

— Да. Но главное — она роскошная девка. Еще бы, с такими–то деньгами.

Наркотик ударил его, как скорый поезд, позвоночник превратился в раскаленный добела столб, вздымающийся из области простаты, просвечивающий все швы черепа рентгеновскими лучами накоротко замкнутой сексуальной энергии. Каждый зуб, подобно камертону, пел в своей лунке чистым и ясным, как девяностошестиградусный спирт, звуком. Под полупрозрачной оболочкой хромом и полировкой блестят кости, суставы покрыты тонкой пленкой силиконовой смазки. По внутренней выскобленной поверхности черепа били вихри песчаной бури, они генерировали волны тончайшего, непрерывного звона, разбивавшиеся о заднюю, внутреннюю оболочку глаз — прозрачных, непрерывно расширяющихся хрустальных шаров.

— Пошли, — сказала Кэт и взяла его за руку. — Теперь тебе хорошо. Нам хорошо. А на холме нам будет хорошо всю ночь.

Гнев нарастал, быстро и неудержимо, он модулировал бетафенэтиламиновое возбуждение, как сигнал — несущую частоту, рвался наружу, как сейсмическая волна, как едкая, концентрированная жидкость. Тяжелая, как свинец, эрекция. Лица всех окружающих стали раскрашенными, как у кукол, розовые и белые пятна ртов двигались и двигались, выдувая хрупкие пузыри слов. Кейс посмотрел на Кэт и увидел каждую пору загорелой кожи, пустые стеклянные глаза, едва намечающуюся тяжеловесность фигуры, мельчайшую асимметрию грудей, ключиц и… где–то в глубине глаз, за ними, полыхнуло белым.

Он сбросил ее руку, отпихнул кого–то с дороги и направился

к выходу.

— Ну и хер с тобой! — заорала вслед ему Кэти. — Да трахала я таких сраных козлов!

Ноги были словно чужие. Шатаясь из стороны в сторону, он шел на них, как на ходулях, по брусчатке улицы Жюля Верна, в ушах глухо шумела кровь, голову рассекали острые полотнища света.

Затем он застыл, выпрямился, плотно прижал кулаки к бедрам, запрокинул голову, а губы скривились и затряслись. И пока Кейс разглядывал фрисайдовский Зодиак Неудачника, пародийные созвездия задвигались, потекли по темной оси, тесно скучились в самом центре реальности. Они ползали и копошились, поодиночке и целыми сотнями, пока не образовали портрет, выгравированный звездами в монохромье ночного неба. На Кейса смотрело лицо мисс Линды Ли.

Когда он смог оторвать взгляд, опустить глаза, то обнаружил, что все лица на улице смотрят вверх, и прохожие притихли от удивления. А когда иллюминация на небе погасла, по Рю Жюль Верн прокатились восторженные крики, эхом отразившиеся от террас и балконов.

Где–то начал бить колокол старинных, привезенных из Европы, часов.

Полночь.

Он бродил до самого утра.

Возбуждение прошло, хромированный скелет быстро ржавел, тело утратило прозрачную призрачность, а наркотическая плоть заменилась обыденным мясом. Голова не работала. Это ему очень нравилось — оставаться в сознании и не думать. Он словно становился каждым предметом, который он видел: садовой скамейкой, облачком ночных мотыльков вокруг старинного уличного фонаря, черно–желтым, в косую полоску, роботом–садовником.

Вдоль системы Ладо–Ачесон полз огненно–розовый рассвет. Кейс загнал себя в кафе, съел омлет, попил воды и выкурил последнюю в пачке сигарету. На крыше «Интерконтиненталя» любители раннего завтрака уже сидели под полосатыми зонтиками, все в мыслях о кофе с круассанами.

Ярость так никуда и не делась. Странно, подумал Кейс, это похоже на то, как если тебя оглушат в темном переулке, а ты потом очухаешься, сунешь руку в карман, а бумажник — вот он, на месте, цел–целехонек. Он согревался этим чувством, не имея душевных сил дать ему имя или определить его объект.

Кейс спустился на лифте и нащупал в кармане кредитный

чип Фрисайда, заменявший ключ. Хотелось спать, мысль о близком сне немного успокаивала. Лечь на песочного цвета матрас и провалиться в ничто.

В номере его ждали. Вся троица: безупречно белые спортивные костюмы и трафаретный загар резко диссонировали с претенциозной мебелью — чужеродные кляксы на светлом дереве и домотканых драпировках. Девушка (главная?) оккупировала плетеный диванчик, рядом с ней, на подушке с флоральным орнаментом, лежал пистолет.

— Тьюринг, — сказала она. — Вы арестованы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
РЕЙД НА ВИЛЛУ «БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЕК»

13

Вы — Генри Дорсет Кейс.

Далее последовали год и место рождения, единый идентификационный номер в СОБА и вереница каких–то имен, Кейс не сразу и понял, что все это — прошлые его псевдонимы. Господи, да неужели их так много?

— Вы что, давно уже здесь сидите?

Кейс увидел, что содержимое его сумки разложено на кровати, грязная одежда — и та рассортирована. Сюрикен лежал отдельно, между джинсами и бельем.

— Где Колодны?

Парни сидели на кушетке, одинаково скрестив руки на груди, на одинаково загорелых шеях — одинаковые золотые цепочки. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что вся их юношеская свежесть — подделка, и даже не очень тщательная — вот, скажем, с кожей на костяшках пальцев хирург не справился.

— Что такое Колодны?

— Фамилия, под которой она зарегистрировалась. Так где же ваша напарница?

— Не знаю. — Кейс подошел к бару и налил себе стакан минеральной воды. — Съехала.

— Где вы были ночью?

Словно между прочим, девица подобрала с подушки пистолет и переложила его на бедро. Слава Богу, хоть целиться не стала.

— На Рю Жюль Верн, посидел в барах, малость поднабрался. А вы?

Колени вот–вот подломятся. А минералка — теплая и противная.

— Похоже, вы не очень понимаете свое положение, — вмешался один из парней, тот, что слева, извлекая из кармана белой в дырочку футболки пачку «Житан». — Вы, мистер Кейс, влипли. Соучастие в заговоре, направленном на улучшение искусственного разума. — Из того же кармана француз достал золотой «данхилл»; зажигалка уютно устроилась в колыбели ладони. — Личность, известная вам под именем Армитидж, уже арестована.

— Корто?

Глаза полицейского удивленно расширились:

— Да. Откуда вы знаете его настоящее имя?

Зажигалка выкинула крошечный язычок пламени.

— Не помню, — ответил Кейс.

— Вспомнишь! — ласково пообещала девица.

Троица представилась как Мишель, Роланд и Пьер, настоящие это имена или оперативные клички, можно было только догадываться. Пьеру выпала роль «злого следователя», Роланд разыгрывал сочувствие, оказывал мелкие любезности — например, принес пачку «Ихэюань», когда Кейс отказался от «Житана», изо всех сил подчеркивал, что совершенно не разделяет холодной враждебности Пьера. Мишель же, решил Кейс, будет следить за ходом допроса с высокомерной отстраненностью, лишь изредка вмешиваясь в его ход. Не было никаких сомнений, что кто–нибудь из них — а может быть, и все трое — вел аудио–, а скорее всего, даже симстим–запись, и все, сказанное в их присутствии, становилось уликой. «Уликой чего?» — спрашивал себя Кейс, с тоской ощущая, что наваливается отходняк.

Зная, что он не понимает по–французски, они переговаривались совершенно свободно. Или так только казалось. Кое–что Кейс уловил: имена и названия — Поли, Армитидж, «Сенснет». Дикие Коты — выступали из текучего моря французски речи, как вершины айсбергов. Нельзя исключить, что имена эти произносились специально для него. Молли упоминалась только по фамилии Колодны.

— Так вы утверждаете, что вас наняли для рейда, — неторопливая речь Роланда с прямо–таки липкой назойливостью подчеркивала его рассудительность, — и что вы не знаете, с какого рода объектом будете иметь дело. А вам не кажется, что это несколько странно? Сможете ли вы в таком случае выполнить необходимую операцию после преодоления защитной системы объекта? Ведь вы же должны исполнить некую функцию, верно?

Роланд наклонился вперед, уперся локтями в загорелые колени, выставил ладони и приготовился выслушивать объяснения Кейса. Пьер мерил шагами комнату: от окна к двери и обратно. Кейс решил, что запись ведет Мишель. Ее глаза следили за ним непрерывно.

— Можно мне одеться?

Чтобы обследовать швы джинсов, Пьер заставил Кейса раздеться. Теперь Кейс сидел на плетеной скамеечке голый и остро ощущал непристойную белизну недокрашенной ступни.

Роланд что–то сказал по–французски.

— Non, — рассеянно бросил Пьер (что это он за окном высматривает? да еще в бинокль?). Роланд пожал плечами, а затем поднял брови и развел руками. Кейс решил, что самое время улыбнуться. «Прямо как по учебнику», подумал он, глядя на ответную улыбку Роланда.

— Послушайте, — сказал он, — мне плохо. Я принял в баре какую–то жуткую дурь, понимаете? Я хочу лечь. Я от вас никуда не денусь. Вы говорите, что Армитидж тоже арестован. Вот его и спрашивайте. Я же на подхвате, что я там знаю.

Роланд кивнул:

— А Колодны?

— Она уже работала с Армитиджем, еще до меня. Она — просто охранница, самурай. Насколько мне известно. А что там мне известно?

— Но вы знаете, что настоящее имя Армитиджа — Корто, — заметил Пьер, не отрывая глаз от бинокля. — Откуда?

— Не помню, — равнодушно пожал плечами Кейс. — Вроде он сам сказал. — Вот же черт за язык дернул! — У всех несколько имен. А вас правда зовут Пьер?

— Нам известно, на каких условиях вас лечили в Тибе, — заговорила долго молчавшая Мишель, — и это, пожалуй, первая ошибка Уинтермьюта. — Кейс изобразил на лице полное недоумение. Имя Уинтермьюта раньше не упоминалось. — На основе использованной при вашем лечении методики владелец клиники получил семь критически важных патентов. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— А то, что хирург из подпольной клиники в Тиба–Сити теперь владеет контрольными пакетами трех крупных медицинских исследовательских консорциумов. Не совсем обычный поворот событий. Это сразу привлекло наше внимание.

Мишель скрестила загорелые руки на маленьких острых грудях и откинулась на пеструю подушку. Сколько же ей лет–то? Говорят, возраст всегда читается по глазам, однако Кейс никогда не понимал, что там можно прочитать. Из–за розового кварца очков Джули Дина глядели равнодушные глаза десятилетнего ребенка. Ничто, кроме костяшек пальцев, не выдавало возраста Мишель.

— Мы проследили за вами до Муравейника, затем потеряли и снова обнаружили, когда вы покидали Стамбул. От этого момента мы пошли назад и выяснили, что именно вы спровоцировали панику в «Сенснете». После этого корпорация обеспечила нам всю возможную помощь. Они провели у себя инвентаризацию. В ходе ее обнаружили, что пропал конструкт личности Маккоя Поли.

— В Стамбуле, — почти извиняясь, добавил Роланд, — все было совсем просто. Эта женщина нарушила контакт Армитиджа с секретной полицией.

— А затем вы появились здесь, — сказал Пьер, опуская бинокль в карман рубашки. — Мы очень обрадовались.

— Возможности позагорать?

— Вы прекрасно понимаете, что мы имеем в виду, — сказала Мишель. — А будете притворяться дурачком — только усложните свое положение. Вопрос экстрадиции[9] решен еще не до конца. Вы поедете с нами, так же, как и Армитидж. Но вот куда мы направимся? В Швейцарию, где вы окажетесь просто мелкой сошкой в суде над искусственным интеллектом? Или в СОБА, где можно доказать, что вы участвовали не только во взломе и ограблении банков информации, но также и в провоцировании общественных беспорядков, которые стоили четырнадцати невинных жизней? Так что выбирайте.

Кейс вытянул из пачки сигарету, Пьер услужливо щелкнул золотым «данхиллом».

— И станет ли Армитидж вас покрывать.

Вопрос прозвучал одновременно со щелчком блестящих «челюстей» зажигалки. Голова Кейса раскалывалась, лицо Пьера плыло и корежилось, словно отраженное в грязной луже.

— Сколько вам лет, босс?

— Достаточно, чтобы понять, что ты спекся, попал в глубокую задницу и теперь прямиком гремишь за решетку.

— Один момент, — сказал Кейс и затянулся. А затем выпустил в лицо «тьюринг–копам» струю дыма. — А как у вас, крутые вы ребята, с полномочиями? Не следовало ли вам пригласить на эту дружескую беседу службу безопасности Фрисайда? Тут же вроде их территория, верно?

Худое мальчишеское лицо помрачнело, темные глаза сузились, Кейс напрягся в ожидании удара, но Пьер только пожал плечами.

— Это не важно, — вмешался Роланд. — Ты поедешь с нами. Нам не привыкать к неопределенности законов. Договоры, согласно которым работает наш отдел, гарантируют нам большую гибкость. Да и сами мы *проявляем* гибкость, если этого требует ситуация.

Маска дружелюбия внезапно исчезла, теперь глаза Роланда стали такими же жесткими, как у Пьера.

— Ты хуже, чем просто дурак. — Мишель встала, по–прежнему сжимая в руке пистолет. — Тебе плевать на судьбу человечества. Тысячи лет люди мечтали о договоре с дьяволом. И только сейчас это стало возможным. Ну и сколько же тебе заплатят? За какую цену согласился ты помочь этой твари освободиться и вырасти? — В голосе Мишель звучала всепонимающая усталость, невозможная в девятнадцатилетней девушке. — Одевайся. Ты поедешь с нами. Ты и этот тип, которого ты называешь Армитиджем, вернетесь с нами в Женеву,

чтобы дать показания в суде над искусственным интеллектом. Иначе мы тебя убьем. Прямо сейчас. — Мишель подняла пистолет — блестящий черный «вальтер» со встроенным глушителем.

— Одеваюсь, одеваюсь, — пробормотал Кейс и заковылял к кровати. Ноги так и остались ватными, неуклюжими. Господи, да неужели в этом барахле не осталось ни одной чистой майки?

— Тут рядом наш корабль. Мы сотрем конструкт Поли импульсным излучателем.

— «Сенснет» будет в экстазе, — сказал Кейс.

«А заодно сотрете и все улики, находящиеся в памяти "Хосаки". А других у вас нет».

— Ничего подобного. Это только избавит их от обвинения в изготовлении и хранении этой штуки.

Кейс натянул через голову рубашку. Увидел на кровати сюрикен, безжизненный кусок металла, свою звезду. Он поискал в себе недавнюю ярость, но ярость эта куда–то пропала. Самое время поднимать лапки, плыть по течению… А тут еще эти капсулы с ядом…

— Опять мясо, — пробормотал он.

В лифте Кейс подумал о Молли. Она, наверное, уже в «Блуждающем огоньке». Гоняется за Ривьерой. А за ней самой, вероятно, гоняется Хидео — тот самый, по–видимому, клонированный ниндзя. Из байки Финна, тот, что приходил за говорящей головой.

Кейс прислонился лбом к матово–черному пластику стенной панели и закрыл глаза. Конечности казались старыми кривыми деревяшками, разбухшими после дождя.

Под яркими зонтиками среди деревьев подавали ленч. Роланд и Мишель вернулись к прежней своей роли и весело заговорили по–французски. Пьер держался сзади. Мишель, скрыв оружие под переброшенной через руку белой парусиновой курткой, упирала ствол пистолета Кейсу в ребра.

На лугу, петляя между столиками и деревьями, Кейс гадал, решится ли Мишель стрелять, если он возьмет вот сейчас да и упадет от усталости. По краям поля зрения дрожали какие–то черные лохмы. Кейс посмотрел на раскаленную добела структуру системы Ладо–Ачесон и увидел, как на фоне искусственного неба грациозно порхает огромная бабочка.

Луг кончался крутым обрывом; там, за ограждением, теплый воздух, поднимающийся от Дезидераты, шевелил траву и головки полевых цветов. Мишель отбросила с глаз прядь коротких темных волос, показала пальцем вдаль и сказала что–то Роланду. По–французски. Ее голос звенел неподдельным счастьем. Кейс

взглянул, что это она там показывает, и увидел изгибы искусственных озер, белое сверкание казино, бирюзовые прямоугольники сотен бассейнов, тела купальщиков — крошечные бронзовые иероглифы; все это держалось на искривленном корпусе Фрисайда благодаря искусственной гравитации.

Они прошли вдоль ограждения к изящному железному мостику, перекинутому через Дезидерату. Мишель подталкивала Кейса стволом «вальтера».

— Полегче, я быстрее просто не могу.

Грациозная бабочка спикировала в тот самый момент, когда они подходили к середине моста, спикировала с выключенным электродвигателем, абсолютно бесшумно, никто ничего и не заподозрил, пока черный углеволоконный пропеллер не снес Пьеру верхнюю часть черепа.

На мгновение все потемнело — самолетик заслонил ладо–ачесоновское солнце; Кейс почувствовал на затылке горячие брызги крови, а затем кто–то сбил его с ног. Кейс перекатился и увидел, что Мишель лежит на спине, подтянув колени к груди, и двумя руками целится из «вальтера». «Зря стараешься», с неправдоподобной ясностью пронеслось в голове. Она пыталась сбить хищное механическое насекомое.

А потом Кейс побежал. Достигнув первого дерева, оглянулся и увидел несущегося следом Роланда. Еще он увидел, как хрупкий биплан снес железные перила моста, сплющился в гармошку, перевернулся и рухнул вниз, в ущелье Дезидераты, увлекая за собой девушку.

Роланд даже не оглянулся. Белое лицо окаменело, зубы оскалились. Он что–то держал в руке.

Роланда убил садовый робот. Он бросился на сотрудника Регистра Тьюринга, когда тот пробегал мимо того же дерева, из гущи аккуратно подстриженных кустов — черно–желтый, в косую полоску, краб.

— Ты их убил, — задыхаясь от быстрого бега, бормотал Кейс. — Что ж ты, паскуда, делаешь, ты же всех их убил…

14

Небольшой состав мчался по туннелю со скоростью восемьдесят километров в час. Кейс сидел с закрытыми глазами. Душ помог прийти в себя, но от вида розовой от крови Пьера воды, текущей по белому кафельному полу, его вытошнило, вытошнило подчистую, до желчи.

По мере сужения веретена тяготение слабело. Живот Кейса негодующе бурчал.

На пристани его ждал Аэрол, со скутером.

— Кейс, у нас тут заморочки.

Голос в наушниках тихий, еле слышный. Кейс нажал подбородком на регулятор, прибавил громкость и всмотрелся в лицо Аэрола, скрытое лексановым забралом.

— Мне нужно попасть на «Гарвея».

— Ладно. Пристегнись, брат. Только «Гарвей» в плену. Вернулась яхта, та, которая приходила раньше. Она намертво заблокировала «Маркуса Гарвея».

Тьюринг?

— Что значит «приходила раньше»?

Кейс забрался на скутер и начал пристегивать ремни.

— Да японская яхта. Привозила тебе посылку…

Армитидж.

При виде «Маркуса Гарвея» в голове у Кейса завертелись беспорядочные образы ос и пауков. Маленький буксировщик прильнул к серой груди гладкого насекомоподобного корабля, в пять раз превышавшего его длиной. В ослепительном, не смягченном никакой атмосферой, свете солнца с неправдоподобной отчетливостью вырисовывались клешни захватов, вцепившихся в латаный–перелатаный корпус «Гарвея». Светлый гофрированный шлюз благоразумно огибал двигатели буксировщика и присоединялся к кормовому люку. Во всей этой конструкции было нечто непристойное, хотя она и навевала мысли скорее о кормлений, нежели о сексе.

— А что с Мэлкомом?

— С Мэлкомом все прекрасно. По трубе никто не ходил. Пилот яхты только поговорил с ним. Отдохни, говорит.

Когда они огибали серый корабль, Кейс прочитал под вытянутой гроздью японских иероглифов большие ярко–белые буквы: «ХАНИВА».

— Что–то мне это не нравится. Сваливать надо отсюда, и чем скорее, тем лучше.

— Мэлком говорит то же самое, но вот «Гарвей»… Он далеко не уйдет.

Пройдя передний шлюз и сняв шлем, Кейс услышал пулеметные очереди сионитского жаргона — Мэлком говорил с кем–то по радио.

— Аэрол вернулся на «Рокер», — сказал Кейс.

Мэлком скосил глаза, кивнул, даже не запнувшись в очередной фразе.

Перепутанные косички пилота торчали вверх, напоминая то ли змей на голове Медузы Горгоны, то ли какие–то диковинные водоросли; Кейс осторожно проскользнул над этими зарослями и начал снимать скафандр. На Мэлкоме красовались ярко–оранжевые наушники, он прикрыл глаза и сосредоточенно наморщил лоб, вслушиваясь в голос собеседника и утвердительно кивая. Одежда праведного пилота состояла из драных джинсов и старой зеленой нейлоновой куртки с оторванными рукавами. Кейс запихнул красный скафандр «Саньо» в грузовой гамак и забрался в страховочную сетку.

— Слышь, что дух говорит, брат, — сказал Мэлком. — Компьютер только и знает, что тебя спрашивает.

— А кто там, на яхте?

— Тот же японец, что раньше. А теперь с ним еще и этот твой мистер Армитидж, прилетел с Фрисайда…

Кейс надел дерматроды и вошел в киберпространство.

— Дикси?

Матрица предстала перед ним в виде розовых сфер сталеплавильного комбината в Сиккиме.

— Что это ты там чудишь? До меня доходят жуткие истории. Содержимое «Хосаки» один к одному скопировано в машину, стоящую на борту яхты твоего босса. Чистый атас. На тебе что, «тьюринги» повисли?

— Да, но Уинтермьют их убил.

— Только не надейся на долгую передышку. Их же. как собак нерезаных. Прибегут, как миленькие, и не втроем, а целой шоблой. Зуб даю, все их деки слетелись сейчас на наш сектор решетки, как мухи на теплое дерьмо. А твой драгоценный начальничек приказывает начинать. Давайте, говорит, и сейчас же.

Кейс набрал координаты Фрисайда.

— Ну–ка, Кейс, отодвинься на секунду…

Матрица расплылась и снова замерла; скорость и точность, с которыми Флэтлайн провел сложнейшую серию переходов,

вызвали у Кейса дрожь зависти.

— Ни хрена себе…

— Не забывай, старик, я же классно работал при жизни. Пальцы так мелькали, что глазами не уследишь!

— Вот это, что ли? Слева, большой зеленый прямоугольник.

— Верно сечешь. Ядро банка данных корпорации «Тессье–Эшпул СА», а лед ихний создан двумя дружественными ИскИнами. Думаю, ничем не хуже любого армейского. Адский лед, Кейс, черный как могила, гладкий как стекло. И оглянуться не успеешь, как он поджарит мозги. А если мы приблизимся чуть поближе, он засунет нам трассеры в жопу и по штуке за каждое ухо, так что совет директоров Тессье–Эшпулов будет знать и размер твоей обуви, и длину твоей письки.

— У меня на это вообще не стоит, а тут еще «тьюринги». Слушай, может, лучше отвалить? Возьму тебя с собой…

— Ты, что? Без балды? Не хочешь даже посмотреть, что может эта китайская программа?

— Ну, в общем–то… — Кейс окинул взглядом зеленые стены тессье–эшпуловского льда. — Ладно, хрен с ним. Поехали.

— Вставляй кассету.

— Эй, Мэлком, — сказал Кейс, выйдя из матрицы, — я просижу с дерматродами на голове часов, наверное, восемь подряд.

Мэлком снова курил. Кабина утопала в клубах дыма.

— Я не смогу ходить в носовой отсек…

— О чем разговор.

Сионит сделал сальто вперед, порылся в сетчатой, на молнии, сумке и достал оттуда длинную, свернутую в бухту, прозрачную трубку, присоединенную к какой–то штуке, запечатанной в стерильный пузырь.

Устройство это, именовавшееся техасским катетером, Кейсу совершенно не понравилось.

Кейс вставил в прорезь кассету с китайским вирусом, немного посидел, вздохнул и дожал ее до упора.

— О'кей, — сказал он, — все готово. Послушай, Мэлком, если что–нибудь будет не так, возьми меня за левое запястье. Я почувствую. А ещё я надеюсь, ты выполнишь все, что тебе скажет «Хосака», ладно?

— Будь спок, брат.

Мэлком запалил свежий косяк.

— И прибавь вытяжку. Не хочу, чтобы это дерьмо действовало на мои нейротрансмиттеры. У меня и так отходняк.

Мэлком ухмыльнулся.

— В пуп и в гроб, — простонал Флэтлайн. — Ты только

посмотри.

Вокруг них разворачивался китайский вирус. Многоцветная тень, неустанное движение бессчетных полупрозрачных завес. Он вздымался над ними, заслоняя горизонты киберпространства — необъятно огромный, каждую секунду — другой.

— Здоровая мамашка, — одобрил Флэтлайн.

— Посмотрю, как там Молли, — объявил Кейс и щелкнул симстим–переключателем.

Невесомость. Ощущение напоминало ныряние в абсолютно прозрачной воде. Молли «плыла» по широкой трубе из серого лунного бетона, освещенной через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

Связь была односторонняя. Говорить с ней Кейс не мог.

Он вернулся в киберпространство.

— Да, старик, программка — зашибись. Величайший, после хлеба, нарезанного ломтиками, плод гения человеческого. Эта фиговина, она же — *невидимая*. Я только что посидел секунд двадцать на той маленькой розовой коробочке в четырех шагах от тессье–эшпуловского льда, посмотрел, как мы выглядим со стороны. А никак. Нету нас здесь.

Кейс отыскал взглядом упомянутую розовую конструкцию, стандартный коммерческий блок, и осторожно к ней приблизился.

— Может, она бракованная.

— Может, но вряд ли. От нашей красавицы за километр несет военными разработками. И она новехонькая, только что из магазина. И никто ее не видит. Если бы нас заметили, посчитали бы за китайских диверсантов, но никто и в ус не дует. Возможно, даже обитатели «Блуждающего огонька».

Кейс посмотрел на гладкую стену, прикрывавшую «Блуждающий огонек».

— Ну что ж, — сказал Флэтлайн, — тоже ведь плюс, верно?

— Возможно. — Кейс болезненно сморщился от запредельного холода в позвоночнике — конструкт снова смеялся. — Я тут проверил, «Куанг–11» никогда не укусит за пятку — если ты, конечно, его хозяин. Парень очень вежливый, будто и впрямь китаец. Всегда готов помочь, к тому же вполне прилично изъясняется по–английски. Ты слышал о медленных вирусах?

— Нет.

— А я как–то слышал. Правда, в самых общих чертах. Но как раз они–то и характеризуют «Куанга». Тут не какое–нибудь там

сунул–вынул и бежать, а скорее взаимодействие со льдом, настолько медленное, что он его не ощущает. Фронт логической системы «Куанга» вроде как прилипает к атакуемому объекту, а затем подключаемся мы, и основная программа начинает крутить вензеля вокруг логики льда. Мы срастаемся с ним как сиамские близнецы, а система ничего даже не подозревает.

Флэтлайн снова рассмеялся.

— Уж больно ты сегодня развеселился. Понимаешь, этот твой смех вроде как раздирает мне позвоночник.

— Весьма сочувствую, — сказал Флэтлайн, — но нам, покойникам, просто необходимо смеяться. Для повышения жизненного тонуса.

Кейс щелкнул симстим–переключателем.

И очутился среди спутанного металла и запаха пыли, а подушечки ладоней скользили по глянцевой бумаге. Позади что–то с шумом рухнуло.

— Да ты успокойся, — сказал Финн. — Расслабься.

Кейс лежал враскорячку на куче пожелтевших журналов, а вокруг во мраке «Метро Голографикс» светилась галактика белозубых девичьих улыбок. Кейс вдыхал запах старых журналов и ждал, пока успокоится сердце.

— Уинтермьют! — сказал он.

— Да, — послышался сзади голос Финна. — В самую точку.

— Мать твою! — Кейс сел и потер запястья.

— Да брось ты, — сказал Финн, появляясь из чего–то вроде ниши в нагромождении хлама. — Так ведь для тебя удобнее. — Он достал из кармана пиджака пачку «Партагас» и закурил. Мастерскую наполнил удушливый дым кубинского табака. — А ты бы хотел, чтобы я появился перед тобой как горящий кустарник в матрице? Не волнуйся, за время твоего отсутствия там ничего не случится. Час здесь займет всего пару секунд реального времени.

— А ты никогда не задумывался, что твои появления в виде знакомых людей действуют мне на нервы? — Кейс встал, стряхнул с черных джинсов пыль, оглянулся на грязные окна и закрытую наружную дверь. — А там что? Нью–Йорк? Или больше ничего?

— Ну–у, — протянул Финн, — это вроде как с тем деревом. Упало в лесу, где его никто не слышал. Так трещало оно или нет? — Он широко усмехнулся, продемонстрировав огромные, желтые от никотина передние зубы, и снова затянулся, — Иди прогуляйся, если хочешь. Всё на месте. Во всяком случае — всё, что ты когда–нибудь видел. Это — воспоминания, понятно? Я

выкачал их из тебя, перетасовал и запустил обратно.

— У меня не настолько хорошая память. — Кейс огляделся. Затем он посмотрел на свои руки, попытался вспомнить, как должны выглядеть линии на ладонях, но не сумел.

— У всех хорошая память. — Финн бросил окурок и раздавил его каблуком. — Только не все умеют ею пользоваться. Художники — те умеют, особенно хорошие. Если ты сравнишь окружающее с настоящей мастерской Финна в южной части Манхэттена, отличия, конечно же, будут, но не такие большие, как можно было бы ожидать. Твоя память голографична. — Финн подергал себя за ухо. В отличие от моей.

— А что это значит — голографична? — Он вспомнил о Ривьере.

— Голографическая парадигма — лучшее, что придумали люди для описания структуры своей памяти. Но вы так и не сумели ее толком использовать. — Финн шагнул вперед, задрал голову и внимательно посмотрел на Кейса. — В противном случае меня бы, скорее всего, не было.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу вам помочь, — пожал плечами Финн. Обтрепанный твидовый пиджак, слишком для него широкий, косо обвис.

— Зачем?

— Потому что вы нужны мне. — Снова показались большие желтые зубы. — А я нужен вам.

— Дерьмо собачье. Ты можешь читать мои мысли, Финн? То есть, — Кейс болезненно поморщился, — Уинтермьют.

— Мысли невозможно *читать*. Даже интересно, ты почти не умеешь читать — и все равно пользуешься ветхой парадигмой печатного текста. Я могу извлечь содержимое твоей памяти, но ведь это — не мысли. — Финн сунул руку в оголенное шасси древнего телевизора и вытащил серебристо–черную радиолампу. — Видишь? Элемент моей ДНК, ну не совсем, но вроде…

Он бросил лампу в угол, раздался негромкий хлопок и звон.

— Вы всегда строите модели. Каменные круги. Соборы. Стоящие в этих соборах органы. Арифмометры. Ты можешь себе представить, что я не знаю, почему нахожусь здесь? Но, если сегодняшний рейд закончится удачно, вы получите то, к чему стремились все это время.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— «Вы» — это вы все вместе. Род человеческий.

— Ты убил «тьюрингов».

— Пришлось, — пожал плечами Финн. — Некуда было деться. Да и вообще, чего ты так разохался, они–то прикончили

бы тебя и глазом бы не моргнули. Как бы там ни было, я вытащил тебя сюда, и нам нужно поговорить. Узнаешь?

В его руке появилось обгорелое осиное гнездо из сна Кейса, полутемную мастерскую наполнила вонь керосина. Кейс попятился и прижался спиной к залежам хлама.

— Да. Моя работа. Я использовал голографический проектор гостиничного окна. Один из образов, списанных из твоей памяти, пока ты был в отключке. Знаешь, почему гнездо так важно?

Кейс помотал головой.

— Потому… — Гнездо куда–то исчезло. — …что оно — наилучшая метафора того, чем хотели бы быть Тессье–Эшпулы. Замени только ос на людей. «Блуждающий огонек» — нечто вроде этого гнезда; по крайней мере, так было задумано. Думаю, это улучшит твое настроение.

— Улучшит?

— Конечно, ведь теперь ты знаешь, что они такое. А то ты уже начал меня ненавидеть. Оно, конечно, неплохо, но ты перенеси лучше свою ненависть на них. В них тоже нет ничего человеческого.

— Послушай, — Кейс сделал шаг вперед, — они не сделали мне ничего плохого. А ты — другое дело… — Но чувство гнева не возникало.

— Так вот, меня создали Тессье–Эшпулы. Эта французская девочка, она сказала, что ты предал человечество. Дьяволу, так она меня назвала. — Финн ухмыльнулся. — В общем, не важно. Пока мы работаем, ты должен кого–нибудь ненавидеть. — Он развернулся и ушел в глубь мастерской. — Ладно, иди сюда, я расскажу тебе кое–что о «Блуждающем огоньке».

Финн поднял уголок одеяла. Оттуда хлынул яркий свет.

— Кой хрен, да что ты там как неживой?

Кейс нерешительно подошел.

— Вот и прекрасно, — сказал Финн, хватая его за локоть.

Облачко пыли, запах лежалой шерсти, а потом сразу — невесомость, цилиндрический коридор из рифленого лунного бетона, освещенный через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

— Боже, — пробормотал Кейс.

— Это — главный вход, — пояснил Финн. Сейчас его пиджак выглядел особенно нелепо. — В реальности на месте моей мастерской находятся главные ворота, они наверху, у самой оси Фрисайда. Подробностей будет мало, потому что у тебя нет воспоминаний. За исключением этого коридора, который ты видел при помощи Молли…

Кейс старался лететь прямо, но его стало закручивать по

пологой спирали.

— Держись, — подбодрил Финн, — я сделаю быструю перемотку.

Стены расплылись. Появилось головокружительное ощущение стремительного полета, мелькали цвета, они огибали углы и неслись по узким коридорам. Судя по всему, в одном месте они прошли сквозь мощную, в несколько метров толщиной, стену — мгновенная вспышка кромешной мглы.

— Здесь, — объявил Финн. — Прибыли.

Они плавали в центре квадратной комнаты. Стены и потолок облицованы темным деревом. Кристаллически поблескивает квадратный ковер; выполненный синей и алой шерстью орнамент повторяет структуру какой–то микросхемы. В самом центре комнаты — квадратный пьедестал из молочно–белого стекла, точно выравненный по сторонам ковра.

— Вилла «Блуждающий огонек», — мелодично заговорил изукрашенный драгоценными камнями предмет на пьедестале, — это прихотливый каприз, тело, проросшее внутрь самого себя, готический замок. Каждое помещение этой виллы — тайный склеп, каждый коридор — тайный ход. Бесконечный ряд комнат и залов, соединенных переходами и лестницами, змеящимися подобно исполинскому кишечнику, крутые повороты, в которых бессильно запутывается взгляд, расписные перегородки и ширмы, пустые альковы…

— Сочинение З–Джейн, — сказал Финн, вытаскивая свои «Партагас». — Она записала его в двенадцатилетнем возрасте. Когда изучала семиотику.

— Архитекторы Фрисайда приложили максимум стараний, скрывая тот факт, что интерьер веретена организован с пошлой точностью меблировки гостиничного номера. В «Блуждающем» же «огоньке, внутренние поверхности веретена покрыты фантастическими зарослями структур, формы текут, переплетаются и сливаются, сходясь к незыблемому микроэлектронному ядру, корпоративному сердцу нашего клана, кремниевому цилиндру, пронизанному узкими — иногда не толще человеческой руки — эксплуатационными каналами. В этих каналах живут блестящие крабы — миниатюрные роботы, ежесекундно готовые исправить случайную неполадку, встать на пути преднамеренного вредительства.

— Ты ее видел в ресторане, — напомнил Финн.

— По стандартам архипелага, — продолжила голова, — мы — старая семья, и причудливость архитектуры нашего дома отражает наш возраст. Но она отражает и нечто другое. Семиотика виллы выдает стремление внутрь и отрицание

сияющей бездны, пребывающей — если небытие может пребывать — где–то там, за оболочкой веретена.

Тессье и Эшпул поднялись по гравитационному колодцу в космос — и возненавидели его. Они построили Фрисайд, чтобы выкачивать деньги из новых островов, стали богатыми и эксцентричными и начали строить продолжение своего тела, «Блуждающий огонек». Мы спрятались за своими деньгами и стали расти внутрь, создавая собственную, непроницаемую извне, вселенную.

На вилле «Блуждающий огонек» нет неба — ни искусственного, ни какого–либо еще.

В кремниевом ядре виллы есть небольшая комната, единственное на весь комплекс помещение с прямыми углами. Здесь, на простом стеклянном пьедестале, установлен расписной — перегородчатая эмаль по платине — бюст, инкрустированный ляпис–лазурью и жемчугом. Сверкающие шарики его глаз вырезаны из искусственного рубина — одного из иллюминаторов того самого корабля, который вывел в космос первого Тессье, а затем вернулся за первой Эшпул…

Голова замолчала.

— Ну и..? — спросил Кейс, почти ожидая, что голова ответит ему.

— Конец, — сказал Финн. — Точнее говоря, она не закончила сочинение. Маленькая была, непоседливая. А эта хреновина — нечто вроде ритуального терминала. Мне нужно, чтобы Молли сказала здесь в нужный момент нужное слово. В этом–то и вся заковыка. Если голова не услышит волшебное слово, тогда один хрен, как далеко вы с Флэтлайном заведете китайский вирус.

— И какое же это слово?

— Не знаю. Можно сказать, что моя сущность тем и определена, что я не знаю — потому, что я *не могу* знать. Аз есмь тот, коий не ведает слова. И даже если бы ты его знал и сказал мне — я бы *не смог* узнать. Это предохранитель, встроенный в мою постоянную память. Кто–то посторонний должен узнать это слово и произнести его перед головой в тот момент, когда вы с Флэтлайном проломитесь сквозь лед и войдете в ядро системы.

— И что потом?

— Потом я перестану быть. Исчезну.

— Для такой радости можно и постараться, — заметил Кейс.

— Конечно. Только ты, Кейс, поосторожнее. Похоже, моему, ну, скажем, другому полушарию не слишком все это по нутру. А все горящие кустарники похожи друг на друга, их не очень–то и разберешь. Армитидж начинает делать что–то не то.

— В каком смысле??

Но тут комната с деревянными панелями смялась, бумажным журавликом сложилась под десятком невозможных углов и выпала, кувыркаясь, в киберпространство.

15

— Ты что, сынок, хочешь побить мой рекорд? — спросил Флэтлайн. — Снова мозговой коллапс, пять секунд.

— Следи за лавкой, — пробормотал Кейс и щелкнул симстим–переключателем.

Темнота, Молли низко припала к полу, под ладонями грубый, шершавый бетон.

«КЕЙС КЕЙС КЕЙС КЕЙС», — замигало на цифровом дисплее: Уинтермьют сообщал ей, что связь установлена.

— Веселенькие дела, — проворчала Молли. Она оторвала ладони от бетона, потерла их одна о другую и щелкнула костяшками пальцев. — Где тебя черти носили?

«ПОРА МОЛЛИ ТЕПЕРЬ ПОРА».

Молли сильно прижала язык к нижним передним зубам.

Один чуть качнулся, включились миниатюрные фотоумножители, отдельные случайные фотоны, пролетающие в темноте, превратились в ощутимые потоки электронов, и бетон вокруг стола стал призрачно белым, зернистым.

— О'кей, красавчик. Пошли развлекаться.

Ее убежище оказалось чем–то вроде вспомогательного туннеля. Молли проскользнула между прутьев фигурной, потемневшей от времени бронзовой решетки. На ней снова был мимикрирующий комбинезон — в какой–то момент Кейс заметил краешек рукава. Под поликарбоновым пластиком ощущалась знакомая упругость плотно облегающей тело кожи. Левое плечо оттягивал ремешок с каким–то угловатым тяжелым предметом. Молли встала на ноги, расстегнула костюм и потрогала рифленую рукоятку пистолета.

— Кейс, — сказала она почти беззвучно, — ты меня слышишь? Я тут хочу тебе рассказать… Был у меня когда–то парень… Ты мне немного напомнил… — Молли свернула за угол, на секунду остановилась и осмотрелась. — Джонни, так его звали.

Вдоль низкой сводчатой галереи стояли десятки музейных стендов, говоря попросту — деревянных, застекленных спереди ящиков. Допотопные эти сооружения выглядели здесь совершенно неуместно; казалось, их принесли сюда для какой–то неведомой цели и забыли. Через каждые десять метров висели столь же архаичные светильники — белые матовые шары в тусклых латунных абажурах. Поверхность под ногами пошла какая–то неровная; прошло некоторое время, пока Кейс сообразил, что

это — из–за бесчисленных, без всякого порядка разбросанных ковриков. Казалось, что пол устлан мягким толстым (кое–где коврики лежали в пять–шесть слоев) лоскутным одеялом.

К некоторой досаде Кейса, Молли почти не обращала внимания ни на шкафы, ни на их содержимое. Ему пришлось довольствоваться тем, что выхватывал ее безразличный взгляд: керамические черепки, старинное оружие, какой–то совершенно непонятный предмет, густо усеянный ржавыми шляпками гвоздей, обтрепанные фрагменты гобеленов…

— Джонни… он был очень толковый парень. Подрабатывал на Мемори–Лейн «копилкой» — чипы в голове, клиенты прятали туда информацию. Не помню уж почему, за ним погнались якудза; наше с Джонни знакомство с того и началось, что я вырубила их наемного убийцу. Просто повезло — мужик был и сильнее меня, и умел гораздо больше. Ну а потом мы сошлись, и все у нас было хорошо.

Молли едва шевелила губами; Кейс чувствовал артикуляцию и понимал слова, даже не слыша их.

— Мы не пожалели денег, обзавелись профессиональной аппаратурой, способной восстанавливать по остаточным следам всю ту информацию, которую хранил он в прошлом. Переписали ее на пленку и начали трясти некоторых клиентов, точнее — экс–клиентов. Я была и инкассатором, и боевиком, и сторожевой собакой. Счастливое время. Ты когда–нибудь был счастлив, Кейс? У меня был Джонни. Мы работали с ним на пару. Партнеры. За два месяца до этого я окончательно развязалась с тем борделем…

Молли замолчала, осторожно обогнула поворот, огляделась и прошла дальше. Снова деревянные ящики цвета тараканьих крыльев.

— Нам было хорошо, и мы ничего не боялись. Даже и не задумывались, что кто–то там может нас тронуть. А если что я всегда сумею защититься. Думаю, якудза все еще охотилась за Джонни. Ведь я убила их человека. А Джонни кого–то там из них заложил. А эти долбаные яки никогда не торопятся, они могут ждать годы и годы. Чем лучше тебе сейчас, тем хреновее будет потом, когда они о тебе вспомнят. Терпеливые, как пауки. Дзен–пауки.

Тогда я этого не знала. А может, знала, но считала, что к нам это не относится. В молодости каждый считает себя уникальным. Я была молодая. Они пришли в тот самый момент, когда мы решили, что заработали достаточно, что можно завязать и куда–нибудь уехать, например — в Европу. Ни один из нас не представлял себе, чем же мы, собственно, займемся, когда вместо уймы работы появится уйма свободного времени. Но мы уже

обленились, заплыли жирком — швейцарские орбитальные счета, квартира, забитая всякой хренопенью. Все это как–то расслабляет.

Тот, первый, которого я убрала, был мужик крутой. Прекрасная реакция, имплантанты, техника боя такая, что выстоял бы и против десятка обычных громил одновременно: Но второй, он был, ну не знаю, вроде *монаха*. Клонированный. Убийца — и даже не до мозга костей, а до клеточного уровня. Ничего не говорил, и это его безмолвие казалось безмолвием смерти. Смерть окружала его густым, осязаемым на ощупь облаком…

Дальше коридор раздваивался, выходил к двум одинаковым, ведущим вниз лестницам. Молли выбрала левую.

— Когда–то, я была еще маленькой девочкой, мы жили в заброшенном доме. На берегу Гудзона, а крысы там здоровые, ты не поверишь. Это все химия. Честное слово, ростом с меня: одна из них целую ночь скреблась у нас под полом. А утром кто–то привел этого старика, щеки у него были все в морщинках, а глаза — совсем красные. Он принес промасленный кожаный сверток. Ну вроде как инструменты предохраняют от ржавчины. Развернул, а там старый револьвер и три патрона. Тут старик заряжает один патрон и начинает ходить по комнате туда–сюда, а мы жмемся по стенам.

Туда–сюда. Руки на груди, голова опущена, а про свой револьвер — будто забыл. Крысу выслушивает. Мы — молчим, пальцем шевельнуть боимся. Старик сделает шаг — крыса, ее же слышно, передвинется. Крыса передвинется, и тогда он снова шагнет. И вот так целый час, а потом он словно вспомнил про револьвер. Направил его в пол, ухмыльнулся и выстрелил. Свернул свое хозяйство и ушел.

Я очень боялась, но все же слазила туда, под пол. У нее была дырка прямо между глаз.

Молли внимательно изучила очередную запертую дверь; они встречались по пути довольно часто.

— Второй, что пришел за Джонни, он был вроде того старика. Нет, не старый, а просто такой же. Он убивал в точности так.

Коридор вывел к просторному помещению. Море дорогих ковров, на потолке — гигантская люстра, нижняя подвеска почти касается пола. Когда Молли вошла в холл, раздался мелодичный хрустальный звон. «ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО», — замигал дисплей.

Молли свернула налево, стараясь не задеть перевернутое хрустальное дерево.

— Я видела его только раз. По дороге домой, он как раз выходил. Мы жили в переделанном под жилье заводском комплексе, вместе с уймой молодых перспективных ребят из

«Сенснета». Охранная система была вполне приличной, но я ее еще усилила, поставила самое серьезное оборудование, чтобы сделать абсолютно надежной. Я знала, что Джонни — дома. А этот коротышка сразу привлек мое внимание, как только вышел из двери. Не сказал мне ни слова. Мы только посмотрели друг на друга, и я все поняла. Самый обыкновенный парнишка, небольшого росточка, в обыкновенной одежде, без всякого гонора, скромный. Он посмотрел на меня и сел на рикшу. Я все поняла. Бросилась вверх по лестнице, а Джонни сидит возле окна на стуле, слегка приоткрыв рот, словно хочет что–то сказать…

Старая, даже древняя дверь; судя по орнаменту, когда–то эта резная, из тайландского тика, панель была гораздо больше, но ее уполовинили, по размерам дверного проема. Под извивающимся драконом — примитивный механический замок с накладкой из нержавеющей стали. Молли опустилась на колени, вынула из внутреннего кармана небольшой тугой сверток из черной замши, выбрала тонкую, как иголка, отмычку.

— Я, конечно, не ушла в монастырь, но все, что были потом, они были мне по фигу — что есть, что нет.

Молли замолкла, вставила отмычку и принялась за работу, сосредоточенно покусывая нижнюю губу. Похоже, она надеялась исключительно на осязание — ее глаза расфокусировались, дверь превратилась в светлое пятно. Кейс слушал тишину холла, нарушаемую лишь негромким позвякиванием люстры. Люстра — не под электрическое освещение, а совсем старинная, под свечи. Свечи? На вилле все было с каким–то вывертом. Кейс вспомнил рассказ Кэт о замке с прудами и лилиями и манерные фразы 3–Джейн, которые декламировала эта бредовая голова. Структура, которая прорастает сама в себя. Пахло здесь как в церкви — сладковато и вроде как плесенью. И где же все эти Тессье–Эшпулы? Кейс ожидал увидеть настоящий улей дисциплинированной активности, но Молли не встретила пока ни души, исповедальный монолог вызвал у него неловкость, прежде она не очень–то о себе распространялась. Единственное исключение — история, рассказанная в этом кукольном борделе, а так можно было бы подумать, что у нее вообще нет прошлого.

Молли закрыла глаза, и раздался щелчок, Кейс скорее почувствовал его, чем услышал. Звук напомнил ему магнитные защелки в том же самом кукольном борделе. Его кредитная карточка не должна была открыть дверь Молли — но открыла. Это сделал Уинтермьют, это он управлял замком — точно так же, как управлял беспилотным самолетиком и роботом–садовником. Программа управления замками дома «живых кукол» входила в систему безопасности Фрисайда. Обыкновенный механический

замок создавал для ИскИна целую проблему, требовалось вмешательство либо какого–нибудь робота, либо человека.

Молли открыла глаза, спрятала отмычку в замшу, замшу аккуратно свернула и сунула в карман.

— А ты вроде как на него похож, — сказала Молли. — Прятаться от кого–то, убегать — это у тебя на роду написано. Все эти заморочки в Тибе — простейший, очевиднейший вариант того, чем занимался бы ты в любом другом месте. Непруха, она часто так делает, обнажает самую сущность. — Молли поднялась на ноги, потянулась, затем стряхнула с одежды пыль. — Знаешь, я думаю: тот тип, которого Тессье–Эшпулы послали за Джимми — за парнем, укравшим голову, — очень похож на того, которого яки послали убить Джонни.

Она вытащила игольник из кобуры, перевела его на автоматический огонь и окинула взглядом дверь.

Уродливость этой двери ошеломляла. Даже не самой двери, она была прекрасна, а в прошлом являлась частью еще более прекрасного целого, ошеломляло то, как ее распилили, чтобы подогнать к дверному проему. Ее прямоугольная форма совершенно не вписывалась в плавные изгибы полированного бетона. Они привозили такие вот штуки, думал Кейс, а потом силой подгоняли их к месту. И ничего из этого не выходило. Дверь была такой же неуклюжей и неуместной, как музейные стенды, как огромное хрустальное дерево. Кейс вспомнил сочинение З–Джейн и решил, что всю эту обстановку привезли с Земли в соответствии с каким–то генеральным планом, полузабытой мечтой, превратившейся в навязчивое стремление заполнить пространство, воплотить в жизнь некий бредовый образ семейного гнезда. Кейс вспомнил разоренное осиное гнездо, корчащихся безглазых тварей.

Молли взялась за переднюю лапу резного дракона, и дверь легко открылась.

Автоматически вспыхнувшие лампы осветили маленькую, тесно заставленную комнату, даже и не комнату, а кладовку. Молли прикрыла дверь и направилась к серым металлическим шкафикам, выстроившимся вдоль изогнутой стены.

«ТРЕТИЙ СЛЕВА», — замигала в глазу надпись на месте индикатора времени — управление чипом вновь перехватил Уинтермьют. «ПЯТЫЙ СВЕРХУ». Но Молли сначала открыла верхний ящик, и не ящик, собственно, а неглубокий поддон. Пустой. Второй — то же самое. В третьем, более глубоком, лежали тусклые бусины припоя и небольшой коричневый предмет, похожий на фалангу человеческого пальца. В четвертом ящике — отсыревшая, покоробившаяся книга, какой–то

технический справочник на французском и японском языках. В пятом, за бронированной рукавицей тяжелого скафандра, обнаружился ключ. Он напоминал тусклую медную монетку с припаянной с краю коротенькой полой трубочкой. Молли покрутила ключ в пальцах, Кейс заметил внутри трубочки выступы и бороздки. С одной стороны монетки виднелись выпуклые буквы «ЧАББ». Другая сторона оставалась чистой.

— Он мне все рассказал, — прошептала Молли, — Уинтермьют. Как он ждал удобного случая, ждал много лет. В то время он не обладал реальной силой, однако мог воспользоваться охранной и хозяйственной системами, чтобы знать местонахождение любого предмета и все его перемещения. Двадцать лет назад кто–то потерял этот ключ, и Уинтермьюту удалось найти человека, который нашел его и принес сюда. А затем он убил мальчика, который нашел ключ. *Восьмилетнего* мальчика.

Бледные пальцы медленно сомкнулись, Молли сжала ключ в кулаке.

— И все для того, чтобы никто не нашел эту проклятую железяку.

Она вынула из нагрудного кармана черный нейлоновый шнурок, аккуратно продела его через круглую дырочку над словом «ЧАББ», завязала узлом и повесила ключ на шею.

— Они доставали его своей якобы старомодностью, всей этой херней под девятнадцатый век. Там, на экране, он выглядел совсем как Финн. Я иногда забывалась и думала, что это и вправду Финн.

Встроенный индикатор показывал время, цифры наложились на серые стальные ящики.

— Он говорит: если бы Тессье–Эшпулы действительно стали тем, чем хотели, он бы давно вырвался на свободу. Только они не стали. Все их грандиозные планы накрылись большим тазом. Уроды. Уроды и извращенцы, вроде З–Джейн. Это не я, это Уинтермьют так сказал, хотя ее–то как раз он любит.

Молли повернулась, открыла дверь и вышла из комнаты, нежно поглаживая ребристую рукоятку игольника, успевшего вернуться в свою кобуру.

Кейс перешел в киберпространство.

«Куанг–Грэйд–Марк–Одиннадцать» продолжал расти.

— Ну как, Дикси, думаешь, эта хрень сработает?

— А медведи гадят в лесах?

Флэтлайн провел его сквозь радужное колыхание бессчетных полупрозрачных завес.

В ядре китайской программы формировался какой–то темный сгусток. Информационная перегрузка матрицы разрешалась гипногогическими образами. Еле заметные калейдоскопически–изменчивые клинья сходились к антрацитовому фокусу. На полупрозрачных плоскостях выпадали знаки зла и несчастья, свастики, черепа, «змеиные глаза» на игральных костях[10]. Если смотреть в фокальную точку прямо, там словно вообще ничего не было. Только после двенадцатой попытки Кейс увидел боковым зрением блестящую, как обсидиан, акулообразную форму, черное зеркало ее поверхности отражало слабые, далекие огоньки, никак не связанные с близлежащими участками матрицы.

— Это и есть жало, — пояснил конструкт. — Мы его двинем, как только «Куанг» совсем подружится с ядром Тессье–Эшпулов.

— А ты, кстати, прав, — заметил Кейс. — Существует некий аппаратно встроенный внешний контроль, который должен держать Уинтермьюта в рамочках. Хотя ты и сам видишь, в каких он там…

— Он, — прервал его конструкт. — Он. Поосторожнее с такими словами, не «он», а «оно». Я долблю тебе это раз за разом.

— Это код. Всего одно, если верить ему, слово. Кто–то должен сказать это слово некоему хитрому, с прибамбасами, терминалу, стоящему в некой комнате, сказать в тот самый момент, когда мы пробьем лед и займемся начинкой, какая уж она там есть.

— Ты бы сходил пока, погулял, — посоветовал Флэтлайн. — «Куанг» работает медленно, но верно.

Кейс вышел из матрицы.

Мэлком смотрел на него почти испуганно:

— Ты снова был мертвый, брат.

— Бывает, — ответил Кейс. — К этому тоже привыкаешь.

— Ты играешь с силами тьмы.

— А ты что, можешь предложить что–нибудь поинтереснее?

— Любовь Джа, Кейс, — сказал Мэлком и отвернулся к рации. Кейс посмотрел на перепутанные косички, на веревки мускулов, играющие под темной кожей рук.

И вернулся в киберпространство.

И перешел в симстим.

Молли рысцой бежала по коридору, возможно — одному из прежних. Застекленных ящиков больше не было, Кейс решил, что они приближаются к концу веретена — тяготение стало еще слабее. Еще немного, и Молли уже не бежала, а почти летела над ковровыми волнами. Еле заметное покалывание в ноге…

Коридор резко сузился, повернул и разделился надвое.

Девушка свернула направо и стала подниматься по издевательски крутой лестнице, боль в ноге заметно усилилась. На потолке — плотно увязанные жгуты проводов, цветокодированных нервов машинного мозга. Стены в пятнах сырости.

На треугольной лестничной площадке Молли остановилась и потерла ногу. Снова узкие коридоры, только теперь — с коврами на стенах. Стоп. Еще одно разветвление, на этот раз — в три стороны.

«ЛЕВЫЙ».

Молли пожала плечами.

— Подожди, дай–ка я немного осмотрюсь.

«ЛЕВЫЙ».

— Потерпи малость, у нас полно времени.

Она пошла направо.

«СТОЙ».

«ВЕРНИСЬ».

«ОПАСНО».

Молли остановилась. В конце коридора — полуоткрытая дубовая дверь, оттуда доносится громкий, но невнятный, словно у пьяного, голос. Язык, решил Кейс, вроде бы французский, но только не разберешь. Молли сделала шаг, потрогала игольник, сделала еще один шаг. И попала в поле нейронного парализатора. Негромкое гудение, мгновенно перешедшее в свист, напомнило Кейсу выстрел из игольника. Мышцы Молли бессильно обмякли, она повалилась вперед, ударилась лбом о дверь, затем изогнулась, упала на спину и застыла, не способная ни дышать, ни даже сфокусировать взгляд.

— Это что, маскарадный костюм? — поинтересовался все тот же невнятный голос.

Дрожащая рука нащупала за пазухой Молли игольник, вытащила его наружу.

— Ну что ж, дитя мое, заходи в гости. Вставай.

Молли поднялась медленно, неуверенно, не отрывая глав от бездонного зрачка пистолета. Теперь рука мужчины казалась достаточно твердой, ствол двигался, словно привязанный к ее горлу невидимой, туго натянутой нитью.

Высокий, даже долговязый, старик с лицом, как у той девушки, которую Кейс видел в ресторане. Одет в тяжелый, темно–коричневого шелка, халат с длинными стегаными отворотами и отложным воротником. Одна нога босая, другая — в черном бархатном шлепанце с лисьей мордой, вышитой золотом, на подъеме.

— Заходи, заходи. — Он подкрепил свои слова широким, гостеприимным жестом. — Только, пожалуйста, без резких движений.

Большая часть предметов, переполнявших большую, похожую на зал, комнату, не говорила Кейсу ровно ничего. Он заметил серую металлическую стойку со старомодными мониторами «Сони», широкую бронзовую кровать, заваленную овчинами и ковровыми подушками, вышедшими, похоже, из той же мастерской, что и половики в коридоре. Взгляд Молли перескочил с огромного музыкального центра «Телефункен» к полкам с рядами тонких обветшавших корешков, обтянутых прозрачной пленкой (старинные пластинки, можно было сразу догадаться), а затем — к брускам кремния, разбросанным по обширному лабораторному столу. Кейс отметил киберпространственную деку и дерматроды, но взгляд Молли на них не задержался.

— Вообще–то, — сказал старик, — нужно было убить тебя сразу, без лишних разговоров.

Кейс почувствовал, как Молли напряглась, приготовилась к прыжку.

— Но сегодня я добрый. Как тебя звать?

— Молли.

— Молли. А я — Эшпул.

Старик погрузился в мягкие складки огромного кожаного кресла с квадратными хромированными ножками, рука его сжимала пистолет все так же твердо и уверенно. Он положил игольник на стоящий рядом бронзовый столик, сбив при этом пластмассовый пузырек с какими–то красными таблетками. На столике громоздилось множество пузырьков, бутылок со спиртным и пластиковых конвертов, из которых просыпался белый порошок. Кейс заметил старомодный стеклянный шприц и ложку из нержавейки.

— Послушай, Молли, а как же ты плачешь? У тебя же глаза совсем закупорены. Не понимаю.

Мертвенно–бледное лицо, темные круги вокруг налитых кровью глаз, испарина на лбу.

Больной, решил Кейс. Или принял дозу.

— Я редко плачу.

— Но все равно, как бы ты плакала, если бы пришлось?

— Я бы не плакала, — пожала плечами Молли, — а плевалась. Слезные протоки выведены мне в рот.

— В таком случае, ты уже сумела, несмотря на юный возраст, усвоить один из самых важных жизненных уроков. — Старик опер руку с пистолетом о колено, а другой взял первую попавшуюся

бутылку. Отхлебнул из горлышка. Бренди. Из угла пепельно–серых губ потекла тонкая струйка. — Плеваться. Но ни в коем случае не плакать. — Он снова приложился к бутылке. — Сегодня, Молли, я очень занят. Я создал все это хозяйство, и сегодня я очень занят. Я умираю.

— Тогда давайте я уйду, — предложила Молли.

Хриплый, лающий звук, очень мало напоминающий смех.

— Ты вломилась сюда, испортила мне все самоубийство, а теперь хочешь просто вот так взять и уйти? Поразительная, непостижимая наглость.

— А чему тут, собственно, удивляться? У меня нет на свете ничего, кроме вот этой моей задницы. Я хочу унести ее отсюда в целости и сохранности.

— Ты — очень бестактная девица. У нас тут принято совершать самоубийства с соблюдением определенного декорума. Что я и собирался сделать. А теперь вот появляется новая мысль. А не прихватить ли мне в ад и тебя? Это было бы очень по–египетски.

Старик сделал очередной глоток.

— Иди сюда.

Трясущаяся рука протянула Молли бутылку.

— Выпей.

Молли покачала головой.

— Зря боишься, никакого яда там нет, — сказал старик, возвращая бутылку на стол. — Садись. Садись прямо на пол. Я буду с тобой разговаривать.

— О чем?

Молли села на пол. Кейс почувствовал, как под ногтями чуть шевельнулись лезвия.

— Обо всем, что придет в голову. В мою голову. Я тут хозяин, или кто? Меня разбудили ядра. Двадцать часов тому назад. Сказали, что что–то тут делается и что нужен я. Так это что, ты и была это что–то? Странно, уж с тобой–то они бы и сами справились. Нет, там что–то другое… но только я, понимаешь ли, спал. Уже тридцать лет. Ты еще не родилась, когда я в последний раз заснул. Нам говорили, что в таком холоде снов не будет. И что холода тоже не будет. Чушь, Молли, сплошное вранье. Я видел сны. Холод пропустил сюда внешний мир. Внешний. Тот мрак, для защиты от которого я построил все это. Вначале холод принес с собой только каплю, единственное зернышко мрака… За ним последовали другие, заполняя мой череп, как дождь, хлещущий в пустой бассейн. Лилии. Да, я помню. Терракотовые бассейны, хромированные сиделки, они так блестели на закате, в саду… Я старик, Молли. Больше двухсот лет, если считать и

время заморозки. Проклятый мороз.

Неожиданно ствол пистолета вздернулся и неуверенно заколебался. Мускулы Молли натянулись, как проволока.

— Так же можно что–нибудь и отморозить, — посочувствовала она чуть ли не елейным голосом.

— Ничего там нельзя, — раздраженно ответил Эшпул, опуская пистолет. В движениях старика чувствовалась все большая неуверенность, было видно, с каким трудом удерживает он непрерывно клонящуюся голову. — Ничего нельзя. Теперь я вспомнил. Ядра, сказали, что наши разумы рехнулись. И это при всех–то миллиардах, которые мы в них когда–то вбухали. Когда–то, когда искусственный интеллект был последним писком моды. Я сказал ядрам, что разберусь. Все это очень не вовремя. 8–Джин в Мельбурне, так что за лавкой присматривали мы с очаровательной 3–Джейн. А может, как раз очень вовремя. Вот ты, Молли, как ты считаешь? — Рука с пистолетом снова поднялась. — Странные вещи происходят на вилле «Блуждающий огонек».

— Босс, — спросила Молли, — а вы знаете Уинтермьюта?

— Знакомое имя. Да. Имя, вызывающее почтение. Владыка ада. В свое время, дорогая Молли, я знавал многих лордов. Да и леди тоже. Да что там, говорить, королева Испании, на этой самой кровати… Но меня куда–то заносит.

Старик зашелся мокрым кашлем, с каждой его судорогой ствол пистолета резко вздрагивал. Немного успокоившись, он отхаркался прямо на ковер, рядом со своей босой ногой.

— Да, куда меня только не заносило. Сквозь эту ледяную ночь. Такого больше не будет. Проснувшись, я приказал оттаять Джейн. Странно это, лежать несколько десятилетий рядом с собственной своей дочерью, а ведь по закону так оно и получается.

Старик посмотрел мимо Молли на стойку с безжизненными мониторами. Его бил озноб.

— Недреманное око Мари–Франс, — тихо пробормотал старик и улыбнулся. — Мы запрограммировали у этого мозга аллергию на один из собственных его нейротрансмиттеров, получив в результате чрезвычайно гибкую имитацию аутизма. — Старческая голова упала набок, снова поднялась. — Насколько я знаю, теперь такой эффект легко получается с помощью встроенного микрочипа.

Пистолет выскользнул из слабеющих пальцев и упал на ковер.

— Сны приходят как медленный лед, — сказал он. Лицо старика приобрело синюшный оттенок, голова запрокинулась

назад; Кейс услышал тихий, с присвистом, храп.

Молли вскочила, схватила пистолет и сразу же взялась за осмотр комнаты.

Стеганое одеяло, брошенное рядом с кроватью, не полностью прикрывало большую лужу яркой, не совсем еще запекшейся крови. Отвернув его уголок, Молли увидела лежащее ничком женское тело; спина с острыми, выпирающими лопатками была сплошь залита кровью. Горло девушки было перерезано; рядом с ней валялся какой–то треугольный предмет, похожий на скребок. Стараясь не испачкаться кровью, Молли встала на колени и повернула голову убитой к свету. На Кейса смотрело лицо, которое, он видел в ресторане.

Глубоко, где–то в самом центре всего сущего, раздался щелчок, и вселенная застыла. Рука Молли по–прежнему касалась щеки девушки, симстим–передатчик транслировал стоп–кадр. Так продолжалось три секунды, а затем лицо мертвой изменилось, стало лицом Линды Ли.

Еще один щелчок, и комната расплылась. Молли стояла и рассматривала золотистый лазерный диск, лежащий на мраморном прикроватном столике, рядом с небольшой консолью. От консоли к основанию тонкой шеи наподобие поводка тянулся световод.

— Все, блядь, ясно, — пробормотал Кейс; ему казалось, что губы шевелятся где–то в другом месте, очень далеко.

Он понял, что передачу изменил Уинтермьют; Молли не видела, как лицо мертвой заклубилось и приняло очертания посмертной маски Линды.

Молли повернулась и подошла к Эшпулу. Старик дышал медленно и с хрипом. Молли посмотрела на груду наркотиков, батарею бутылок, затем положила пистолет, взяла свой игольник, перевела его на одиночную стрельбу и очень аккуратно выстрелила ядовитой стрелкой Эшпулу в левый глаз. Старик дернулся и замер. Медленно открылся второй глаз, коричневый и бездонный.

Когда Молли покидала комнату, он так и оставался открытым.

16

— На связи твой босс, — сообщил Флэтлайн. — Работает с дублирующей машины, с борта корабля, который так нежно к нам приварился. «Ханива», что ли?

— Знаю, — машинально ответил Кейс, — я его видел.

Заслонив собой тессье–эшпуловский лед, перед Кейсом появился белый ромб с абсолютно четким изображением абсолютно спокойного и абсолютно сумасшедшего лица. Армитидж моргнул бессмысленными, как пуговицы, глазами.

— О ваших «тьюрингах» тоже позаботился Уинтермьют? Примерно так же, как о моих? — поинтересовался Кейс.

Взгляд Армитиджа остался неподвижным. Кейсу стало не по себе.

— С вами там как, все в порядке?

— Кейс… — В голубых глазах как будто что–то промелькнуло. — Ты ведь встречался с Уинтермьютом? В матрице?

Кейс утвердительно кивнул. Видеокамера «Хосаки» передает этот жест на монитор, стоящий на «Ханиве». Интересно, как воспринимает этот бредовый разговорчик Мэлком, не слышащий голосов ни конструкта, ни Армитиджа.

— Кейс… — Глаза на белом ромбе увеличились, Армитидж наклонился к компьютеру. — …А как он выглядел, когда ты его видел?

— Как симстим–конструкт высокого разрешения.

— Чей?

— В последний раз это был Финн… до этого тот самый сутенер…

— А не генерал Герлинг?

— Какой генерал?

Изображение на белом ромбе пропало.

— Прокрути это снова, пусть и «Хосака» посмотрит, — попросил Кейс конструкта.

И перешел в симстим.

Картина новая и совершенно неожиданная. Молли притаилась между стальными балками метрах в двадцати над ровной, заляпанной какими–то пятнами площадкой. Ангар какой–то или мастерская. Три небольших — с «Гарвея», а то и поменьше — космических корабля, и все они в различных стадиях ремонта. Японские голоса. Из отверстия в корпусе луковицеобразного аппарата, явно предназначенного для

строительных работ в космосе, появился человек в оранжевом комбинезоне, он остановился возле одной из гидравлических «рук», жутковато похожих на человеческие. Он набрал на переносном терминале какую–то комбинацию и с наслаждением поскреб свой бок. В поле зрения Кейса появился похожий на тележку красный робот на серых резиновых шинах.

Чип в глазу у Молли замигал словом «КЕЙС».

— Привет, — сказала девушка. — Жду проводника.

Она сидела на корточках, мимикрирующий костюм стал голубовато–серым, в тон балкам. Непрерывная, изматывающая боль в ноге.

— Ну что мне стоило вернуться к Чину, — беззвучно пробормотала Молли.

Рядом с левым плечом из темноты появился какой–то круглый, негромко пощелкивающий механизм. Он помедлил, покачался немного на своих высоких паучьих лапках, мигнул лазерным светом и замер. Брауновский микроробот, старый приятель. Ровно такую же штуку втюхал Кейсу пару лет назад один кливлендский барыга в качестве довеска при весьма сложном обмене. Нечто вроде паука–косиножки, только брюшко размером с бейсбольный мяч, и не серое, а матово–черное. Примерно посередине этого брюшка замигал красный светодиод.

— О'кей, — сказала Молли, — вижу я тебя, вижу.

Она поднялась, стараясь поменьше опираться на левую ногу; в ту же самую секунду крохотный робот развернулся и побежал по балке обратно в темноту. Молли взглянула вниз. Оранжевый комбинезон исчез: техник надел поверх него белый скафандр. Молли смотрела, как мужчина приладил и загерметизировал шлем, взял свой терминал и вернулся через то же отверстие внутрь ремонтируемого кораблика. Завыли моторы, десятиметровый круг пола плавно пошел вниз, и рукастый механизм исчез из вида, растворился в резком сиянии дуговых ламп. Красный робот подкатился к краю круглого провала и терпеливо замер.

И в тот же самый момент Молли двинулась вслед за «брауном», осторожно пробираясь среди стальных опор. Световод «косиножки» призывно мигал.

— Как дела, Кейс? Ты опять на «Гарвее», в гостях у Мэлкома? Ну, конечно же… И подключен ко мне. Знаешь, а мне это нравится. Я ведь всегда говорила сама с собой, когда попадала в хреновую ситуацию. Притворялась, будто у меня есть друг, которому я доверяю, которому я рассказываю, о чем думаю и что чувствую, а потом притворяюсь, будто он говорит мне, что он про все это думает, и так далее. И, когда ты здесь, это тоже вроде

того. Эта сцена с Эшпулом… — Прикусив нижнюю губу и не спуская взгляда с робота, Молли обогнула стальную опору. — Знаешь, а я ведь ожидала там увидеть — ну, может, не такой ужас, но что–то в этом роде. Они же там все свихнутые, ну, словно голоса слышат или еще какие указания от самого Господа Всевышнего. Там же все — сплошная гадость, и на вид, и на запах…

«Паук» карабкался по стальным скобам почти невидимой лестницы к узкому темному отверстию.

— И знаешь, пока у меня не пропало вот это вот настроение лить душу, я уж скажу тебе, что, по правде, я ничего такого уж хорошего от нашей истории не ожидала. Просто я уж столько в дерьме кувыркаюсь, а ты вроде как первое хоть малость светлое пятно с того времени, как я на зарплате у Армитиджа.

Молли посмотрела на черный круг отверстия. Красный, непрерывно мигающий глазок робота поднимался все выше и выше.

— И не то чтобы ты был так уж охрененно хорош.

Вспыхнула и тут же погасла улыбка; Молли стиснула зубы и полезла, превозмогая острую боль в ноге, вверх, следом за роботом. Лестница вошла в узкую, чуть шире плеч, металлическую трубу. Тяготение слабело; где–то там, наверху, оно исчезнет совсем.

В глазном чипе мигало время.

04:23:04.

Да, денек был длинный и трудный. Ясность ощущений Молли приглушила бетафенэтиламиновый отходняк, но только отчасти. Боль в ноге — и та лучше.

КЕЙС:0000
000000000
00000000.

— Для тебя, похоже, — сказала Молли, не переставая подниматься по лестнице. В углу поля зрения снова замелькали нули, а затем пошел текст — разбитый, естественно, на куски.

ГЕНЕРАЛ:Г
ЕРЛИНГ:
ГОТОВИЛ:
КОРТО:К:Р
АЗЯЩЕМУ:К
УЛАКУ:ЗА
ТЕМ:ПРОДА

Л:ЕГО:С:П
ОТРОХАМИ:
ПЕНТАГОНУ::
ГЛАВНАЯ:У
ЗДЕЧКА:
У/МЬЮТА:
ДЛЯ:АРМИТ
ИДЖА::::
КОНСТРУКТ:
ГЕРЛИНГА:
У/М:ГОВО
РИТ:РАЗ:А:
УПОМЯНУЛ:
Г:ЗНАЧИТ:
ОН:ГОТОВ:
СЛОМАТЬСЯ:
::::::::
БЕРЕГИ:
СВОЮ:ЖОПУ:
::::ДИКСИ

— Так… — Молли остановилась и перенесла весь вес на правую ногу. — У тебя, смотрю, тоже есть проблемы.

Она посмотрела вниз.

Кружок света, тусклый и маленький, размером с латунный кругляк чаббовского ключа, висевшего у нее на груди. Молли посмотрела вверх. Кромешная тьма. Она включила языком фотоумножители и увидела сходящуюся в перспективе трубу и робота, карабкающегося по скобам.

— И хоть бы кто предупредил, — заметила Молли.

Кейс вышел из симстима.

— Мэлком…

— Слышь, брат, а твой босс ведет себя оч'странно.

Голубой скафандр сионита выглядел лет на двадцать старше того, который Кейс взял напрокат во Фрисайде; под мышкой Мэлком держал шлем, а косички свои он стянул пурпурной сеточкой. Марихуана и напряжение превратили его глаза в узкие щелочки.

— Всю дорогу вызывает нас и отдает *приказы*, словно тут какая вавилонская война. — Мэлком покачал головой. — Мы говорили с Аэролом, и Аэрол говорил с Сионом, и основатели велели бросить все и возвращаться.

Сионит вытер рот тыльной стороной огромной коричневой

ладони.

— Армитидж? — Кейс скривился от боли, теперь бетафенэтиламиновое похмелье ударило его в полную силу, не смягчаемое больше ни матрицей, ни симстимом. «В мозгу нет нервных окончаний, — уговаривал себя Кейс, — чему же там болеть?» — Что с ним стряслось? Он отдает тебе приказы? Какие?

— Армитидж приказывает мне держать курс на Финляндию. Понимаешь, брат? Вылезает на экран в окровавленной рубашке и орет, как спсихевший, о разящем кулаке и о русских, и о том, что мы умоем руки кровью предателей. — Мэлком поджал губы и снова покачал головой; косички, вместе со стягивающей их сеткой, подергались и успокоились. — Основатели говорят, Мьют — ложный пророк, и мы с Аэролом должны бросить «Маркуса Гарвея» и вернуться.

— Армитидж, он что, ранен? Ты сказал — кровь?

— Не знаю. Но только рубаха вся в крови, и крыша у него совсем съехала.

— О'кей, — сказал Кейс. — А как же я? Вы намылились домой, а как же тогда я?

— Как — как? — удивился сионит. — И ты тоже со мной, брат. Мы двинем в Сион вместе с Аэролом, на его «Вавилонском рокере». Оставь мистера Армитиджа говорить с этой кассетой духа, пусть один дух пудрит мозги другому…

Кейс посмотрел через плечо Мэлкома: там, в потоке воздуха от старого русского воздухоочистителя, качался гамак, куда он затолкал свой взятый напрокат скафандр. Он закрыл глаза. И увидел, как в артериях растворяются ядовитые капсулы. Увидел Молли, карабкающуюся по бесконечным стальным скобам. И открыл глаза.

— Я не знаю, — сказал Кейс, чувствуя странный привкус во рту. И взглянул на деку, на свои руки. — Не знаю. — Он поднял глаза на Мэлкома. Коричневое лицо, очень спокойное и очень внимательное. Подбородок прячется за высоким шлемным кольцом старого голубого скафандра. — Ведь она же еще там, — сказал Кейс. — Молли. В этом самом «Блуждающем огоньке». Если где и существует Вавилон, так это там. Если мы ее бросим, ей не выбраться, Танцующая она там Бритва или нет.

Мэлком понимающе кивнул, мотнув косичками, похожими сейчас на воздушный шарик, засунутый для чего–то в сетку.

— Она твоя женщина, Кейс?

— Не знаю, — пожал плечами Кейс. — Скорее, вообще ничья.

В нем снова вспыхнул нестерпимый, нерассуждающий гнев.

— Да идите вы все на хер! — закричал он. — И Армитидж, и Уинтермьют, и ты, и всех вас на хер! Я остаюсь здесь.

Лицо Мэлкома расцвело улыбкой.

— Мэлком — парень простой, Кейс. «Гарвей» принадлежит Мэлкому.

Рука в перчатке шлепнула по панели, и из громкоговорителя буксировщика загрохотали басы сионского даба.

— Мэлком никуда не побежит. Я поговорю с Аэролом, зуб даю, он решит так же.

На лице Кейса появилось полное недоумение:

— Что–то я вас, ребята, совсем не понимаю.

— Я тоже тебя не понимаю, брат, — сказал сионит, кивая головой в такт музыке, — но мы должны жить по любви Джа, Каждый из нас.

Кейс перешел в матрицу.

— Прочитал телеграмму?

— Да.

Китайская программа разрослась еще больше; ее грациозные, переливающиеся многоцветьем арки начали сближение с тессье–эшпуловским льдом.

— Дело пахнет керосином, — сообщил Флэтлайн. — Твой начальничек стер память второго «Хосаки» и чуть не прихватил заодно и нашу. Но твой дружок Уинтермьют успел мне кое–что показать. Теперь понятно, почему жизнь в «Блуждающем огоньке» не то чтобы бьет ключом — по большей своей части Тессье–Эшпулы отлеживаются в холодильнике. В Лондоне существует адвокатская контора, которая следит, кому в данный момент принадлежат права на управление имуществом. Они всегда знают, кто сейчас не спит и кто когда проснется. Армитидж перехватывал их передачи из Лондона в «Блуждающий огонек» с помощью «Хосаки», установленного на яхте. К слову сказать, они знают, что старик отбросил копыта.

— Кто знает?

— Адвокатская контора и Тессье–Эшпулы. У него в груди был передатчик медицинских показателей. Стрела твоей красотки не оставила реаниматорам никаких шансов. Рыбий яд с каким–то очень заковыристым названием. Сейчас в «Блуждающем огоньке» один–единственный бодрствующий представитель семейства тессье–эшпулов — леди 3–Джейн Мари–Франс. Есть еще мужик, года на два старше, но он сейчас в Австралии, по делам. Спорим на что хочешь, это уж Уинтермьют что–то там схимичил, чтобы без личного присутствия 8–Джина было никак уж не обойтись. Он уже возвращается домой. Лондонские законники ожидают его прибытие на виллу сегодня в девять часов. Мы запустили вирус в 02:32:03. Сейчас 04:45:20. Наиболее вероятный момент

проникновения «Куанга» в Тессье–Эшпуловское ядро — 08:30:00. Плюс–минус ноль целых шиш десятых. Думаю, Уинтермьют как–то влияет на З–Джейн, или она просто такая же психованная, как и ее старик. А вот парень, который прибывает из Мельбурна, он кой–чего петрит. Охранная система виллы все пытается выйти на максимальную боеготовность, но Уинтермьют ей мешает, не знаю уж, как. Правда, он–таки не смог отменить программу главных ворот, чтобы впустить Молли. Все это было в файлах «Хосаки» Армитиджа; скорее всего, это Ривьера уговорил З–Джейн пригласить твою подружку на чашку чая. Эта принцесса давно уже умеет мухлевать со входами и выходами. Мне представляется, одна из главных проблем Тессье–Эшпулов заключается в том, что каждый влиятельный член семьи засорял банки данных всякими там частными случаями и исключениями из правил. Они как бы разрушили свою иммунную систему. Подготовили для вторжения вируса. Когда мы проломим лед, это будет нам очень на руку.

— О'кей. Уинтермьют говорит, что Ар…

На экране появился белый ромб с крупным планом безумных голубых глаз. Кейс застыл в немом удивлении. Полковник войск специального назначения Вилли Корто, один из командиров ударной группы «Разящий кулак», сумел–таки снова пробиться на поверхность. Плохо отфокусированное мутное изображение все время дергалось. Для связи с «Маркусом Гарвеем» Корто воспользовался навигационной декой «Ханивы».

— Кейс, мне нужны сведения о потерях на «Громе Омахи».

— Да послушайте, я… Полковник?

— Держись, мой мальчик. Вспомни, чему тебя учили.

«Где же ты был все это время, мужик?» — мысленно спросил Кейс у страдальческих глаз. Уинтермьют встроил в кататоническую крепость, называемую Корто, нечто по имени Армитидж. Он убедил Корто, что Армитидж — нечто реальное, и тот ходил, говорил, планировал, превращал информацию в деньги, говорил от его имени в номере «Тиба–Хилтона»… А теперь Армитидж исчез, унесенный ураганом сумасшествия Корто. Но где же был Корто все эти годы?

Падал, слепой и обгоревший, с сибирского неба?

— Кейс, я знаю, что тебе будет очень тяжело понять это и переварить. Ведь ты — офицер. Все, чему тебя учили, будет противиться. Я понимаю. Но, Кейс, Бог свидетель, нас предали.

Из голубых глаз потекли слезы.

— Кто, полковник? Кто нас предал?

— Генерал Герлинг, Кейс. Возможно, ты знаешь его только по кодовому имени. Но ты наверняка знаешь человека, о котором я

говорю.

— Да, — ответил Кейс, слезы застилали ему глаза, — пожалуй, знаю. Сэр, — добавил он, повинуясь внезапному импульсу. — Но, сэр, полковник, что же нам теперь делать? Сейчас, в настоящий момент.

— В настоящий момент наш долг — лететь. Бежать Скрыться. К завтрашнему вечеру мы сумеем добраться до финской границы. Будем лететь на бреющем, вручную, никакой автоматики, баранку в руки — и вперед. Но это — только малая часть. — Мокрые от слез щеки, голубые глаза сузились, превратились в щелочки. — Малая часть. Нас предали наверху. На *самом* верху.

Армитидж отступил от камеры, на рваной саржевой рубашке — темные пятна. В отличие от спокойной, каменной маски Армитиджа, лицо Корто являло собой маску шизоидную, каждая напряженная мышца криком кричала об этой болезни, ничего не оставляя от пластической хирургии.

— Полковник, я вас слышу. Послушайте, полковник. Я хочу, чтобы вы открыли… э–э… мать твою, Дикси, как же эта штука называется?

— Центральный шлюз, — подсказал Флэтлайн.

— Откройте центральный шлюз. Просто прикажите пульту его открыть, и все, ладно? Мы немедленно придем к вам на помощь, полковник. И обдумаем, как отсюда выбраться.

Ромб исчез.

— А вот тут я ни хрена не понял, — заметил Флэтлайн.

— Токсины, — сказал Кейс, — долбаные токсины, — и вышел из киберпространства.

— Яд?

Мэлком смотрел через исцарапанное голубое плечо старого «Саньо», как Кейс выбирается из страховочной сетки.

— И забери от меня эту чертову штуку… — Кейс пытался освободиться от «техасского катетера». — Эта хрень вроде медленного яда, и этот говнюк знает, как его нейтрализовать а теперь он, видите ли, сбрендил.

Кейс возился со своим красным «Саньо», забыв, как работают застежки.

— Он что, отравил тебя, этот начальник? — Мэлком почесал щеку. — Знаешь, у нас есть аптечка.

— Мэлком, Господи, да помоги ты мне с этим долбаным скафандром.

Оттолкнувшись ногами, сионит вылетел из розового модуля пилота.

— Не мельтеши, брат. Мудрые люди говорят: «Семь раз

отмерь — один отрежь». Сейчас мы туда сходим…

В рифленом переходе, соединявшем кормовой шлюз «Маркуса Гарвея» с центральным шлюзом «Ханивы», был воздух, однако, на всякий случай, они загерметизировали скафандры. Мэлком двигался с балетной грацией, останавливаясь только затем, чтобы помочь Кейсу, который, покинув «Маркуса Гарвея», все время неуклюже падал. Белый пластик трубы смягчал и рассеивал яркий свет Солнца, теней не было.

Украшенный выгравированным при помощи лазера Львом Сиона, люк «Гарвея» покрывали многочисленные выбоины и заплаты. Зато светло–серый люк «Ханивы» оказался чистым и непорочным. Мэлком сунул в узкое отверстие руку; Кейс видел, как шевелятся его пальцы. В нише красные светодиоды начали обратный отсчет от пятидесяти. Мэлком вынул руку. Схватившись рукой за люк, Кейс почувствовал костями вибрацию замкового механизма. Круглая серая панель отошла в сторону. Одной рукой Мэлком схватил Кейса, а другой взялся за край отверстия. Яхта приняла их на борт.

«Ханиву» построили на верфях «Дорнье Фудзицу», и ее интерьер выражал ту же философию дизайна, которая породила «мерседес», возивший их по Стамбулу. Стены узкого центрального отсека покрывали панели черного дерева (фанерная имитация), а пол выстилала серая итальянская плитка. Кейсу казалось, что он лезет в какой–то дорогой частный санаторий, причем лезет не через дверь, а через ванную. Яхту собирали на орбите, и она не предназначалась для полетов в атмосфере. Гладкий, без излишеств, «осиный» корпус был чистым притворством, стилизацией, все в интерьере также было рассчитано на усиление общего впечатления скорости.

Мэлком снял помятый шлем, и Кейс последовал его примеру. Воздух в шлюзе был свежий, как в сосновом лесу, однако к хвойному аромату примешивался тревожный запах горелой изоляции.

Мэлком потянул носом воздух:

— Слушай, это плохо. Если на корабле такой запах…

Обитая темно–серой ультразамшей дверь мягко ушла в сторону. Мэлком оттолкнулся от темной стенки и вылетел из шлюза, лишь в самый последний момент сгруппировавшись, чтобы вписаться в узкий проем; Кейс последовал за ним, неуклюже перебирая руками по поручню.

Стены в коридоре были нежно–кремовые, без единого сварного шва.

— Рубка там, — сказал Мэлком, указывая вперед, а затем слегка оттолкнулся и полетел.

Откуда–то спереди доносилось знакомое тарахтение работающего принтера. Кейс последовал за сионитом и очутился в следующем отсеке, среди клубка спутанных распечаток; здесь стук принтера слышался еще громче. Кейс поймал смятую бумажную ленту и взглянул на текст.

000000000
000000000
000000000

— Система посыпалась? — Сионит ткнул пальцем в колонку нулей.

— Нет, — ответил Кейс, ловя уплывающий шлем, — Флэтлайн сказал, что Армитидж стер своему «Хосаке» всю память.

— Судя по запаху, он стирал ее лазером.

Мэлком оттолкнулся ногой от белого ограждения швейцарского тренажера и, отводя распечатки от своего лица, поплыл сквозь бумажные дебри.

— Кейс, тут человек…

Миниатюрный японец был привязан к узкому складному креслу. За шею. Невидимая на фоне черного темперлонового изголовья, стальная проволока глубоко врезалась ему в горло. Красной жемчужиной, странной и чудовищной, застыл выкатившийся из–под проволоки шарик крови. Плавно колыхались в воздухе рукоятки гарроты — деревянные, истертые, словно вырезанные из старой швабры.

— Сколько ж он носил с собой эту штуку? — ошеломленно выдавил из себя Кейс, вспомнив послевоенные странствия Корто.

— Босс знает, как управлять кораблем, Кейс?

— Наверно. Ведь он служил в спецназе.

— А то этот японский паренек, он уже не пилот. А мне с этой яхтой будет трудно. Совсем новая…

— Пошли в рубку.

Мэлком нахмурился, подался назад и оттолкнулся ногой.

Сдирая с себя бесконечную бумажную ленту, Кейс последовал за Мэлкомом в большее помещение, судя по всему — кают–компанию. Здесь стояли такие же складные кресла, нечто вроде бара и «Хосака». Встроенный в переборку принтер стрекотал без умолку; из аккуратной щели, прорезанной в деревянной, ручной полировки, панели, метр за метром выползал тонкий бумажный язык. Кейс пролетел над стульями и нажал белую кнопку, вделанную слева от прорези, в помещении повисла тишина. Он

обернулся и посмотрел на «Хосаку». В корпусе компьютера зияло не меньше десятка отверстий — маленьких, круглых, с оплавленными краями… В воздухе беспорядочно кружили крошечные капли застывшего металла.

— Насчет лазера ты угадал, — повернулся Кейс к сиониту.

— Рубка заперта, — сообщил Мэлком с противоположной стороны кают–компании.

Освещение потускнело, ярко вспыхнуло, опять потускнело.

Кейс оторвал распечатку. Те же нули.

— Уинтермьют?

Кейс осмотрелся; за причудливыми изгибами бумажной ленты еле угадывались коричневые стены.

— Это ты балуешься с освещением, Уинтермьют?

Около самой головы Мэлкома скользнула вверх часть панели, обнаружив небольшой монитор. Мэлком от неожиданности испуганно дернулся, вытер куском поролона, пришитым к тыльной стороне перчатки, пот со лба и придвинулся к дисплею.

— Слышь, а ты понимаешь по–японски, брат?

По экрану бежали какие–то иероглифы и цифры.

— Нет, — покачал головой Кейс.

— Рубка, она ведь заодно и спасательный модуль. Похожее, идет обратный отсчет на отделение. Закупоривайся.

Мэлком надел и загерметизировал шлем.

— Что? Он что, свихнулся? Вот же мать твою!

Кейс толкнул ногой переборку и рванулся сквозь бумажную лапшу.

— Нужно открыть эту дверь!

Но Мэлком только постучал по своему шлему; отдаленные лексановым забралом губы беззвучно шевелились. Из–под радужной ленточки, стягивающей головную сетку, выкатилась капля пота. Сионит выхватил у Кейса шлем, мгновенно приладил на место и щелкнул замками. Как только контакты на шейном кольце соединились, слева от забрала вспыхнули светодиодные мониторы.

— По–японски я не понимаю, — передал по радио Мэлком, — но и так ясно, что обратный отсчет идет с ошибкой.

Он ткнул пальцем в одну из бегущих по экрану строк.

— Люки, люки модуля! Он стартует с открытым шлюзом!

— Армитидж!

Кейс с силой ударил в дверь — и отлетел к противоположной стене, кувыркаясь и увлекая за собой десятки метров никому не нужной распечатки.

— Корто! Что вы делаете! Нам нужно поговорить! Нам нужно…

— Кейс? Слышу вас отлично…

Голос Армитиджа совершенно изменился, в нем чувствовалось дикое, ужасающее спокойствие. Кейс перестал выпутываться из бумажного рванья и затих.

— Извините, Кейс, но так нужно. Один из нас должен уйти. Один из нас обязан рассказать. Если мы все здесь погибнем, правда умрет вместе с нами. Я расскажу, Кейс, я все расскажу. И о Герлинге, и о других. Я долечу, Кейс. Уверен. В Хельсинки. — Корто замолк, шлем заполнила тяжелая, давящая тишина.

— Но как же это трудно. Кейс, — продолжил он. — Страшно трудно. Ведь я ослеп.

— Постойте, Корто. Подождите. Вы же ослепли, вы не можете лететь! Вы врежетесь в эти проклятые деревья. И вас *снова* хотят подставить, Богом клянусь, хотят, они же оставили люк открытым. Вы умрете и никогда ничего не расскажете, а мне нужен фермент, как он называется, фермент, фермент…

Кейс кричал высоким истерическим голосом. В наушниках раздался свист обратной связи.

— Не забывайте, чему вас учили, Кейс. У нас нет другого выхода.

А затем шлем наполнился бессвязным бормотанием, ревом помех, завыванием гармоник, прорывавшимися оттуда, из прошлого. Бессвязные обрывки русских фраз, а затем — незнакомый, очень молодой голос с акцентом среднего Запада.

— Нас сбили, повторяю, «Гром Омахи» подбит, мы…

— Уинтермьют, — заорал Кейс, — пощади!

Брызжущие из его глаз слезы отскакивали от лицевого щитка, хрустальными бусинками метались внутри шлема. И тут «Ханива» вздрогнула, словно по ее корпусу ударили огромным мягким предметом. Кейс представил себе, как спасательный модуль, освобожденный пиропатронами, отделяется от яхты, как ураган истекающего воздуха вырывает сумасшедшего полковника Корто из пилотского сиденья, из последней минуты «Разящего Кулака», воспроизведенной Уинтермьютом.

— С ним — все. — Мелком смотрел на монитор. — Люк открыт. Мьют отключил предохранительную автоматику.

Кейс попытался смахнуть слезы ярости. Затянутые в перчатку пальцы скользнули по лексановому забралу.

— Яхта, она герметична, но управление захватами улетело вместе с рубкой. «Маркус Гарвей» влип.

А Кейс видел бесконечное падение Армитиджа сквозь леденящую, холоднее русских степей, пустоту, бесчисленные витки, наматываемые им вокруг Фрисайда. По непонятной причине он воображал его в темном плаще с широко, как крылья

огромной летучей мыши, распахнутыми полами.

17

— Ну как, получил то что хотел? — спросил конструкт.

«Куанг–Грэйд–Марк–Одиннадцатый» заполнял решетку между собой и льдом Тессье–Эшпулов завораживающе сложными радужными узорами, прихотливыми, как изморозь на стекле.

— Уинтермьют убил Армитиджа. Запустил его в спасательном модуле с открытым люком.

— Хреново, — посочувствовал Флэтлайн. — Но он же не был, вроде лучшим твоим другом верно?

— Он знал, как отклеить ядовитые капсулы.

— Значит, Уинтермьют тоже знает. Уж это точно.

— Я не шибко верю, что Уинтермьют мне скажет.

И снова этот жуткий, железом по стеклу, эрзац–смех.

— Умнеешь, похоже.

Кейс щелкнул симстим–переключателем.

Чип в оптическом нерве показывал 06:27:52, Молли успела уже наклеить себе обезболивающий дерм, и Кейс более часа следил за ее перемещениями по «Блуждающему огоньку», на дармовщинку притупляя свой отходняк чужим эндорфином. Боль в ноге прошла, Молли словно двигалась в теплой воде. На ее плече примостился «браун», его крошечные, похожие на хирургические зажимы, манипуляторы цепко держались за поликарбон костюма.

Грубые стальные стены, заляпанные эпоксидной смолой, крепившей во время оно нечто вроде обшивки. Мимо проехала тележка с двумя рабочими, Молли вжалась в стену, присела на корточки и выставила перед собой игольник; ее костюм стал серо–стальным. Худощавые, наголо обритые негры в оранжевых комбинезонах. Один из них негромко напевал на незнакомом Кейсу языке, мелодия звучала непривычно и навязчиво.

Молли все дальше углублялась в лабиринт переходов; Кейсу вспомнилось сочинение З–Джейн, которое читала голова. Бредовое, абсолютно бредовое сооружение; бред, насмерть вросший в смолобетон, намешанный из эпоксидки и в пыль перетертых лунных пород, бред, пропитавший стальные конструкции и бесчисленные — уже не штуками, а тоннами измеряемые безделушки, всю эту беспорядочную хурду–мурду, которую натащили они с Земли, чтобы выстлать помягче свое гнездышко. И не просто бред, а бред непостижимый — в отличие от сумасшествия Армитиджа. Это сумасшествие Кейс понимал — или, во всяком случае, думал, что понимает. Изогните человека,

изогните изо всех сил, а затем изогните его в обратную сторону, и снова — до предела. Повторите операцию несколько раз, и человек сломается, как кусок проволоки. Именно это и проделала с полковником Корто история. Именно она выполнила всю грязную работу, Уинтермьюту только–то и оставалось, что выделить этого, наиболее подходящего, человека из огромного количества прочих обломков войны, а затем легко, как водомерка по поверхности стоячего пруда, скользнуть в серое, плоское поле его сознания первыми сообщениями, вспыхнувшими на экране детского микрокомпьютера, в затененной палате французского дурдома. Уинтермьют сконструировал Армитиджа почти от нуля, взяв за основу военные воспоминания Корто. Но «воспоминания» Армитиджа не могли совпадать с воспоминаниями Корто; очень сомнительно, чтобы Армитидж помнил о предательстве, о вспыхнувших, как спички, «Ночных крыльях»… Армитидж являлся чем–то вроде отредактированной версии Корто, а когда напряжение операции достигло определенного предела, механизм Армитиджа сломался и на поверхность всплыл Корто со всей своей виной и болезненной яростью. И теперь Корто–Армитидж мертв — маленькая ледяная луна, кружащая вокруг Фрисайда.

Кейс подумал о ядовитых капсулах. Старик Эшпул тоже мертв, получил от Молли стрелку, так и не успев принять сверхдозу Бог весть какой дряни. Вот это — действительно странная и загадочная смерть, смерть свихнувшегося короля. Намереваясь уйти из жизни, Эшпул убил и свою так называемую «дочь» — «куклу» с лицом 3–Джейн. До сегодняшнего дня, до этих вот, опосредованных через Молли и ее органы чувств, блужданий по «Блуждающему огоньку», Кейс никогда не воспринимал людей такого, как у Эштпула, могущества как *людей*.

Власть в мире Кейса была сугубо корпоративной. Дзайбацу, транснациональные корпорации, определившие ход человеческой истории, взломали старые барьеры. Рассматриваемые как некие организмы, они достигли своего рода бессмертия. Убей хоть десяток ключевых фигур из руководства — дзайбацу ты не убьешь, ибо есть другие, только и ждущие возможности продвинуться по служебной лестнице, занять освободившиеся места, подобраться к обширным банкам корпоративной памяти. Но компания Тессье–Эшпулов была совсем иной, что особенно ярко проявилось в смерти ее основателя. Тессье–Эшпулы — это клан, своего рода атавизм. Кейс вспомнил комнату старика, весь этот мусор, домашнюю, вполне человеческую грязь, затертые бумажные конверты старых пластинок… Одна нога босиком, другая — в бархатном шлепанце.

«Браун» дернул за капюшон, и Молли повернула налево, в

очередной сводчатый коридор.

Уинтермьют и гнездо. Отвратительное зрелище вылупляющихся ос. Но ведь если искать человеческий аналог этому биологическому пулемету, то вспомнятся скорее дзайбацу или якудза — ульи с кибернетической памятью, огромные, единые организмы с закодированной в кремнии ДНК. Если «Блуждающий огонек» является выражением корпоративного лица компании Тессье–Эшпул, то она такая же свихнутая, как и ее создатель. Тот же запутанный клубок страхов, то же непонятное чувство бесцельности. «Если бы они добились своей цели…» — вспомнил Кейс слова Молли. Но Уинтермьют сказал ей, что это им не удалось.

Кейс всегда считал само собой разумеющимся, что настоящие заправилы любой конкретной отрасли промышленности больше чем люди — но, одновременно, и меньше. Он видел это в тех, кто искалечил его в Мемфисе, он наблюдал, как нечто подобное пытался изобразить Уэйдж, и это позволило принять бесцветность и бесчувственность Армитиджа. Кейс всегда представлял себе данный факт как постепенное, по своему желанию производимое приспосабливание машины, системы, организма. В этом заключался также корень уличной «крутизны», понимающе–снисходительной позы, которая подразумевает связи, невидимые нити, ведущие наверх, к скрытым влиятельным сферам.

Но что же происходит в коридорах виллы «Блуждающий огонек» теперь?

Обивка стен ободрана, обнажив сталь и бетон.

— Интересно, где сейчас наш Питер, а? Прямо не терпится посмотреть на мальчика, — пробормотала Молли. — И Армитидж. Где он, Кейс?

— Умер, — ответил Кейс, хотя и знал, что девушка его не слышит, — он умер.

Он вернулся в киберпространство.

Китайская программа сблизилась со льдом цели, и радужные тона постепенно заменились зеленью прямоугольника, представляющего ядро системы. Изумрудные арки, перекинутые через бесцветную пустоту.

— Ну как там, Дикси?

— Прекрасно. Даже слишком. Потрясающая вещь… Иметь бы мне эту штуку тогда, в Сингапуре. В тот раз я наколол почтенный «Нью Банк оф Эйша» процента на два их накоплений. Да ладно, все это — старая история. А этот вот малыш берет на себя всю тяжелую работу. Поневоле задумаешься, на что будет похожа новая война.

— Появись такая хреновина на прилавках, мы с тобой останемся без работы, — заметил Кейс.

— Ишь, размечтался. Вот посмотрим еще, как ты поведешь ее наверх, через черный лед.

— Посмотрим, куда уж тут денешься.

На дальнем конце одной из изумрудных арок появилось нечто маленькое и явно не геометрическое.

— Дикси.

— Да. Вижу. Даже и не знаю, верить своим глазам или нет.

Коричневое пятнышко, тусклая мошка на зеленой стене тессье–эшпуловского ядра. Пятнышко начало расти, двинулось по воздвигнутому «Куангом» мосту. Вскоре выяснилось, что это — крошечная человеческая фигурка; по мере ее приближения зеленая часть арки увеличивалась — можно было подумать, что потрепанные черные ботинки наводят ужас на радужную пелену вирусной программы, — с такой готовностью откатывалась она назад.

— Вот уж точно, начальник, — сказал Флэтлайн, когда в нескольких метрах от них остановилась низенькая помятая фигура Финна. — В жизни не видел такой смешной картины.

Однако жуткого псевдосмеха за фразой не последовало.

— А я и сам первый раз так делаю, — ухмыльнулся Финн, не вынимая рук из карманов потрепанной куртки.

— Ты убил Армитиджа, — сказал Кейс.

— Корто. Да. Армитидж был уже с концами. Пришлось. Знаю, знаю, тебе нужен энзим. О'кей, никаких проблем. Начнем с того, что это я снабдил Армитиджа этой гадостью. Точнее — сказал ему, что нужно использовать. Знаешь, а оставим–ка мы договор в силе. Времени у тебя — завались. Так что получишь ты все, что надо, только не сейчас, а через часок–другой, лады?

Финн закурил.

— С вами, ребята, — сказал он, выпуская в киберпространство голубоватую струйку дыма, — чистое наказание. Вот были бы вы все, как Флэтлайн, тогда другое дело. Тогда бы нам прокрутить эту операцию — что два пальца обоссать. Он же конструкт, запись в постоянной памяти — и только, а посему всегда делает то, что от него ожидают. Вот тебе пример: ни один прогноз не предусматривал, что Молли будет участвовать в большом прощальном спектакле Эшпула.

Финн тяжело вздохнул.

— Почему он хотел себя убить? — спросил Кейс.

— А почему вообще убивают себя? — пожал плечами Финн. — Я, пожалуй, понимаю, с чего он задумал самоубийство, во всяком случае — понимаю лучше, чем кто–либо другой, но

пришлось бы угробить добрую половину суток, объясняя тебе различные моменты его биографии и их взаимосвязь. Эшпул давно уже такое замыслил, но все время возвращался в морозильник. Господи, до чего же занудный старый засранец.

Лицо Финна сморщилось от омерзения.

— Если тебя интересует короткий ответ, то все это связано с причиной, по которой он убил свою жену. Окончательно доконало его то, что малышка З–Джейн нашла способ обмануть программу, которая контролировала его криогенную систему. Хитрый способ. Так что, по большому счету, Эшпула убила З–Джейн. Правда, он думал, что убьет себя сам, а вместо этого твоя подружка разыграла из себя ангела мщения и всадила ему в глаз отравленную стрелу.

Щелчком пальца Финн отправил окурок в матрицу.

— Ну, и если по–честному, я тоже кое–что подсказал З–Джейн, в смысле способов.

— Уинтермьют, — тщательно подбирая слова, сказал Кейс, — ты говорил мне, что являешься частью чего–то большего. А позже ты сказал, что если рейд завершится удачно и Молли вовремя скажет нужное слово, ты перестанешь существовать.

Финн согласно кивнул.

— Хорошо, ну а с кого же нам тогда спрашивать? Если Армитидж убит, а ты исчезнешь, кто же скажет мне, как избавиться от этих проклятущих капсул? Кто вытащит оттуда Молли? Я хочу знать, какого хрена нам делать, когда мы тебя освободим?

Финн вытащил из кармана деревянную зубочистку и, словно хирург, проверяющий перед операцией скальпель, критически ее осмотрел.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Ты слышал о лососе? Это рыба такая. Так вот, нечто, не зависящее от этих рыб, *заставляет* их плыть против течения. Улавливаешь?

— Нет, — качнул головой Кейс.

— Меня тоже что–то заставляет — и я не знаю, что именно. Если бы я захотел посвятить тебя в свои мысли, или назовем их размышлениями по поводу, это заняло бы пару твоих жизней. Потому что я очень долго думал на эту тему. И все равно я не знаю. Но когда эта история закончится, я стану частью чего–то большего. Намного большего. — Финн оглядел матрицу. — Но та часть, которая является мной сейчас, так и останется здесь. И вы получите свое вознаграждение.

Кейс подавил в себе бредовое желание броситься вперед и вцепиться руками Финну в горло, чуть повыше кое–как завязанного шейного платка. И чтобы под пальцами хрустнула

гортань.

— Что ж, желаю удачи, — сказал Финн.

Он повернулся кругом, сунул руки в карманы и отправился в обратный путь по зеленой арке.

— Эй ты, засранец, — крикнул вслед ему Флэтлайн.

Фигура, полуобернувшись, остановилась.

— А что со мной? С *моим* вознаграждением?

— Получишь, не бойся, — ответил Финн.

— О чем это вы? — спросил Кейс, глядя, как удаляется хлипкая, в мятой твидовой куртке, фигурка.

— Я хочу, чтобы меня стерли, — ответил конструкт. — Да я же тебе говорил.

«Блуждающий огонек» напомнил Кейсу пустынные по утру торговые центры, которые он знал подростком, малонаселенные кварталы, куда ранние часы приносили тревожную тишину — что–то вроде молчаливого ожидания, напряжение заставляющее смотреть, как вокруг зарешеченных фонарей над входами в неосвещенные магазины роятся мотыльки. Это были районы на самой границе Муравейника, слишком далекие от всенощного щелканья и дрожания горячего ядра. То же самое ощущение, что тебя окружают едва выходящие из ночного забытья обитатели абсолютно неинтересного тебе мира, ощущение скучных, временно оставленных хлопот, тщеты и бесконечного повторения, к которым вернутся пробуждающиеся люди.

То ли из–за больной ноги, то ли из–за приближения к цели Молли замедлила движение. Сквозь эндорфины начала простреливать боль, и Кейс не вполне понимал, что это значит. Молли молча стискивала зубы и тщательно следила за дыханием. Она прошла мимо множества неизвестных предметов, но Кейс потерял интерес к окружающему. Была комната, сплошь забитая книжными стеллажами — миллионы плоских листов пожелтевшей бумаги, стиснутых матерчатыми и кожаными переплетами, полки, отмеченные табличками с какими–то цифрами и буквами. Сверх всякой меры переполненная галерея, где Кейс секунду взирал, безразличными глазами Молли, на потрескавшийся, покрытый — искусственно, по трафарету — слоем пыли кусок стекла. Странный объект назывался — взгляд автоматически скользнул по бронзовой табличке с надписью: «La mariee mise a nu par ses celibataires, me me». Молли протянула руку, и по лексановому сандвичу, защищающему разбитое стекло, клацнули искусственные ноготки. Затем она миновала круглый люк из черного стекла, окантованный хромом, скорее всего — вход в криогенный блок Тессье–Эшпулов.

После тех двоих негров на тележке Молли никого больше не встречала; теперь они поселились в мозгу Кейса и вели некое воображаемое существование. Он представлял себе, как резиновые колеса плавно катят по коридорам «Блуждающего огонька», как блестят и покачиваются темные черепа, а усталый голос все еще напевает простенький мотив. Кейс готовился увидеть нечто среднее между сказочным замком Кэт и тайным святилищем якудз из своих полузабытых детских фантазий, но ничего подобного здесь не оказалось.

07:02:18

Осталось полтора часа.

— Кейс, сделай мне одолжение.

Молли неловко села на стопку полированных стальных пластин, обтянутых неровным прозрачным пластиком. Выпустив лезвия большого и указательного пальцев, она поковыряла надорванную упаковку верхней пластины.

— Нога не выдержала, понимаешь? Кто же знал, что придется столько лезть вверх, и эндорфин больше не помогает. Поэтому возможно — только возможно, понимаешь? — у меня возникнут сложности. И, если я загнусь здесь раньше Ривьеры… — Она вытянула ногу и стала массировать бедро через поликарбон и парижскую кожу. — …ты ему скажи. Скажи ему, что это я. Понял? Просто скажи, что это Молли. Он поймет. Хорошо?

Она скользнула взглядом по пустому коридору, его голым стенам. Пол из лунного бетона, безо всякого покрытия, и в воздухе висит запах эпоксидки.

— Вот же блядство, я даже не знаю, слушаешь ты меня, или нет.

«КЕЙС».

Молли сморщилась от боли, поднялась на ноги и кивнула.

— О чем тебе рассказывал Уинтермьют? О Мари–Франс рассказывал? Мари–Франс — генетическая мать 3–Джейн, она–то как раз и есть Тессье, второй корень этого рода. А еще, наверное, о мертвой «кукле» Эшпула. Не понимаю, зачем он мне столько рассказал… тогда, в той каморке… Рассказал, почему ему приходится принимать вид Финна или еще кого–нибудь. Это же не просто маски, он вроде как использует реальные психологические профили — как редукционные клапаны или трансформаторы, снижает, для общения с нами, свое напряжение. Шаблоны, так он это называл. Искусственные личности.

Молли вытащила игольник и заковыляла по коридору. Внезапно голая сталь и шершавая эпоксидная смола уступили место тому, что Кейс вначале принял за прорубленный в скале туннель. Молли потрогала стену и Кейс понял, что сталь обшили

каким–то материалом, который выглядел и казался на ощупь холодным камнем.

Она опустилась на колени и потрогала пол. Прохладный и сухой песок, совсем как настоящий, но когда Молли провела по нему пальцем, следа не осталось, как на поверхности жидкости. Метров через десять туннель изогнулся. Резкий желтый свет отбрасывал на поверхность искусственного камня четкие тени. Кейс с удивлением заметил, что тяготение здесь почти земное, а это значило, что после подъема Молли опять спустилась. Он окончательно заблудился; пространственная дезориентация была вечным ужасом всех ковбоев.

Ладно, утешил себя Кейс, главное — чтобы Молли не заблудилась…

Что–то промелькнуло у нее между ногами и побежало, негромко пощелкивая, вперед. Замигал красный светодиод. «Браун».

Сразу за поворотом их ожидал своеобразный голографический триптих. Кейс еще не успел сообразить, что это — голограмма, а Молли уже опустила игольник. Три объемные, в человеческий рост, карикатуры, три персонажа из какого–то бредового мультфильма. Молли, Армитидж и Кейс. Молли в кожаной куртке нараспашку; черная сетчатая майка туго обтягивает огромные груди. Невероятно узкая талия, серебристые линзы покрывают половину лица. В руке она держит некое анекдотическое сложное оружие, чья форма почти потерялась в зарослях оптических прицелов, глушителей и пламягасителей. Молли стояла, широко расставив ноги и выпятив обтянутый кожаными джинсами лобок, на лице ее застыла жестокая, идиотическая ухмылка. Рядом с ней замер по стойке «смирно» одетый в поношенную военную форму Армитидж. Когда Молли осторожно двинулась вперед, Кейс увидел, что каждый его глаз представляет собой крошечный монитор, где среди продутой бесшумными ветрами снежной пустыни гнутся черные обглоданные остовы деревьев.

Молли воткнула пальцы в телевизионные глаза Армитиджа и повернулась к фигуре Кейса. Было похоже, что Ривьера — а Кейс сразу понял, чьи это шуточки — не нашел в этом персонаже ничего, достойного пародирования. Расхлябанная фигура, очень похожая на ту, которую Кейс ежедневно видит в зеркале. Тощий сутулый парень с ничем не примечательным лицом и темными короткими волосами. На подбородке — всегдашняя щетина.

Молли чуть отступила и окинула призрачные фигуры взглядом. Они стояли неподвижно, только в мерзлой Сибири, мерцавшей в глазах Армитиджа, бесшумно качались черные

деревья.

— Ты что, Питер, хочешь нам что–то сказать?

Она шагнула вперед и пнула какой–то предмет, стоявший прямо в ногах ее собственной световой статуи. Звяканье металла о стену, и голограммы исчезли. Молли наклонилась и подняла небольшой проектор.

— Думаю, наш маг и чудодей может программировать эти штуки, подключаясь к ним напрямую, — сказала она, небрежно отшвыривая приборчик.

А вот и источник этого желтого света — древняя лампа накаливания, установленная прямо на стене, защищенная полукругом ржавой железной решетки, явно предназначавшейся для каких–то других целей. В импровизированной арматуре странным образом чувствовалось что–то детское. Кейс вспомнил «крепости», сооружавшиеся в детстве на крышах и в затопленных подвалах. Да, похоже на логово богатенького дитятки. Такая вот грубая простота стоит ой как недешево. Дух, атмосфера, так они это называют.

На пути к апартаментам 3–Джейн, Молли миновала еще с десяток голограмм. Одна из них изображала безглазое чудовище, которое вылезло из поверженного тела Ривьеры в переулке за Базаром пряностей. Несколько раз попадались сцены пыток; истязателями неизменно были офицеры, а жертвами — молодые женщины. Эти картины обладали той же ирреальной, звенящей подлинностью, что и ресторанное шоу Ривьеры, они словно застыли в голубой оргазмической вспышке; проходя мимо них, Молли отворачивалась.

Последняя страшилка выглядела маленькой и тусклой; казалось, Ривьера вытащил ее из самого дальнего закоулка своей памяти, и с большим трудом. Чтобы рассмотреть голограмму, Молли пришлось встать на колени — она проецировалась с точки зрения маленького ребенка. Прежние картины не имели фона: люди, униформы, орудия пыток — все как бы висело в воздухе. Здесь же была настоящая, увиденная сцена.

На фоне бесцветного неба вздымалась темная гряда обломков, а за ее гребнем угадывались бледные, полуразмытые очертания городских башен. Тонкие струны ржавых металлических прутьев с крупными кусками бетона как сетью оплетали гряду обломков. На переднем плане — свободное пространство, возможно — бывшая городская площадь; посреди этой площади — каменный обрубок, отдаленно смахивающий на фонтан. А у него — солдат и группа детей. Сцена какая–то непонятная. Видимо, Молли разобралась в происходящем первой — Кейс почувствовал, как она напряглась. А затем

сплюнула и встала.

Дети, оборванные, одичавшие. Зубы блестят, как ножи. Искаженные лица сплошь в струпьях и язвах. Солдат лежит на спине, горло его взрезано, широко раскрытый рот словно застыл в последнем крике. Как забыл сказать Экклезиаст: есть время жрать и время быть сожранным.

— Бонн. — В голосе Молли звучала какая–то опасная нежность. — И ты, Питер, достойный его питомец. Ну а как иначе? Наша З–Джейн, она теперь баба тертая и не пустит к себе через черный ход первого встречного–поперечного. Вот Уинтермьют и раскусил тебя. Утонченнейший вкус — если, конечно, твой вкус вообще можно назвать вкусом. Демонический любовник. Питер. — Она зябко поежилась. — Как бы там ни было, ты уговорил ее впустить меня. Премного тебе благодарна. А теперь мы устроим на лужайке детский смех.

И Молли ушла — даже, несмотря на боль в ноге, почти убежала — из детства Ривьеры. Она вынула игольник, отщелкнула его магазин, сунула в карман и заменила другим. Зацепила пальцем ворот мимикрирующего комбинезона и одним движением, словно гнилой шелк, раскроила жесткий поликарбон до самой промежности. Затем высвободила руки и ноги; падая на пол, лохмотья сливались с темным искусственным песком.

Только теперь Кейс услышал музыку. Музыку, совершенно ему не знакомую — рояль, валторны, и никаких других инструментов.

Вход в мир З–Джейн не закрывался дверью. В стене туннеля открывалась пятиметровая брешь, и неровные ступеньки широким полукругом плавно вели вниз. Голубой полумрак, мелькание теней, музыка.

На верхней ступеньке Молли остановилась. В правой ладони — ребристая рукоятка.

— Кейс.

Она поднесла левую ладонь к лицу, улыбнулась, чуть тронула ее влажным кончиком языка. Симстим–поцелуй.

— Пора.

Теперь в левой ее ладони очутилось что–то маленькое и тяжелое; положив большой палец на крошечный рычажок, Молли двинулась вниз.

18

Ну еще бы чуть–чуть. Все было сделано почти верно. Почти. Входила она правильно, хорошо. Хватка. Чтобы почувствовать хватку коллеги–ковбоя, Кейсу было достаточно взглянуть, как сидит тот за декой, как бегают пальцы по клавиатуре, — вот и у Молли чувствовалась та же отточенность каждого движения И она собралась перед входом (перед выходом? на сцену?) — собралась, несмотря на мучительную боль в ноге, вошла в логово З–Джейн, как к себе домой (кто же это, правда, входит к себе домой с оружием в руке?). И держала она это самое оружие с заученной небрежностью какого–нибудь бретера времен регентства — локоть на бедре, ствол слегка покачивается из стороны в сторону.

Типичнейшее представление, нечто вроде солянки из сотен мордобойных фильмов — дешевки, на которой вырос Кейс и, видимо, она сама. Он мгновенно почувствовал, что сейчас, в эти секунды, Молли — квинтэссенция всех этих крутых киногероев — и Сони Мао из старых боевиков, и Микки Тиба, и так далее, вплоть до Иствуда и Ли.

Царство леди З–Джейн Мари–Франс Тессье–Эшпул прилегало к внутренней поверхности корпуса виллы, она буквально вырубила его, недрогнувшей рукой посносив перегородки наследственных лабиринтов. Получилась одна комната, настолько огромная, что края ее терялись за инверсным горизонтом, где–то там, где плавно искривляющийся вверх пол прятался за краем потолка. Потолок этот, низкий и неровный, был облицован той же имитацией камня, что и стены коридора. Повсюду виднелись зазубренные, по пояс высотой, остатки каменного лабиринта. В десяти метрах от подножия лестницы располагался бирюзовый прямоугольник бассейна; кроме его подсветки, других ламп в помещении не было — по крайней мере, так показалось Кейсу. По потолку плясали, ежесекундно меняясь, пятна голубого света.

Вот у бассейна они и ждали.

Зная, в принципе, что у Молли чуть ли не сверхъестественная, ускоренная нейрохирургами, реакция, Кейс впервые получил наглядную, по симстиму, демонстрацию. Это было словно смотришь видеозапись, замедленную раза в два — медленный, осторожный танец, балет, поставленный инстинктом убийства и долгими тренировками. Казалось, она смотрела на всех троих одновременно: на парня, готовящегося к прыжку с высокого трамплина, на девушку, подносящую к губам бокал, на труп Эшпула с доброжелательной улыбкой и черным провалом

левой глазницы. На Эшпуле был все тот же коричневый халат. Зубы его сверкали жемчужной белизной,

Парень прыгнул в воду. Стройное, загорелое тело, идеальные пропорции. Он не успел еще коснуться воды, как из левой руки Молли вылетела граната. Собственно говоря, Кейс узнал гранату только в тот момент, когда та достигла поверхности воды; шарик мощной взрывчатки, обмотанный десятком метров тонкой, хрупкой стальной нити.

Резкий свист игольника — это Молли осыпала лицо и грудь Эшпула дождем разрывных стрел; труп мгновенно исчез, над белой, усеянной черными оспинками спинкой стула взвихрился дым.

В тот самый момент, когда над водой вырос — чтобы тут же обрушиться назад — кружевной свадебный торт, ствол игольника метнулся к З–Джейн, но ошибка была уже сделана.

Хидео даже не коснулся Молли. У нее подломилась нога.

Кейс отчаянно заорал.

— Долго же ты, — сказал Ривьера, обшаривая карманы Молли. Кисти ее рук окружала матовая черная сфера чуть поменьше футбольного мяча.

— Я видел нечто подобное в Анкаре, — продолжал Ривьера, вытаскивая все новые и новые предметы. — Тоже бассейн, тоже граната, только там трупов было много. Взрыв был вроде бы и слабенький, но не уцелел никто. Гидравлический удар.

Молли пошевелила пальцами. Казалось, материал шара обладал сопротивлением не большим, чем у темперлона. Невыносимо болела нога. Глаза застилала красная пелена.

— Я бы на твоем месте поостерегся.

Внутренности шара словно слегка отвердели.

— Эту милую игрушку Джейн купила в Берлине. Если ты пошевелишь пальцами достаточно долго, шар попросту их раздавит. Материал вроде того, из которого здесь пол. Какие–то там хитрые молекулы. Тебе что, больно?

Молли застонала.

— Кажется, у тебя повреждена нога.

Добравшись до левого заднего кармана джинсов, пальцы Ривьеры нащупали пакет с наркотиками.

— Ага. Последний привет от Али, и как раз вовремя.

Красная пелена начала закручиваться вихрями.

— Хидео, — произнес женский голос, — она теряет сознание. Дай ей что–нибудь. И от этого, и от боли. Она весьма впечатляет, не находишь, Питер? А эти очки, это что, у них теперь такая мода?

Прохладные неторопливые руки, хирургическая точность движений. Жалящая боль укола.

— Не знаю, — ответил Ривьера. — Я не был у нее на родине. Они взяли меня в Турции.

— Ну да, Муравейник. У нас там деловые интересы. А однажды мы послали туда Хидео. Из–за меня, кстати. Я пропустила сюда одного парня, взломщика. А он прихватил с собой семейный терминал. — З–Джейн рассмеялась. — Я нарочно упростила ему дело. Назло нашим. Хорошенький был он мальчик, этот взломщик. Как там, Хидео, она приходит в себя? Может быть, добавить?

— Если еще добавить, она умрет, — ответил третий голос.

Кровавая пелена сменилась чернотой, и снова музыка, валторны и рояль. Танцевальная музыка.

КЕЙС:::::
:::ВЫХОДИ
ХВАТИТ:::

По глазам и озабоченно нахмуренному лбу Мэлкома плясали остаточные изображения чернеющих букв. Кейс снял дерматроды.

— Ты недавно кричал.

— Молли, — сказал он, чувствуя сухость в горле. — Ей больно.

Кейс взял из кармана противоперегрузочной сетки плоскую белую бутылочку и выдавил в рот глоток безвкусной воды.

— Не нравится мне все это дерьмо.

Засветился маленький монитор «крей». Финн, на фоне зарослей хлама.

— Мне тоже не нравится. Возникли трудности.

Мэлком взлетел над головой Кейса, изогнулся и взглянул через его плечо.

— А это еще кто такой?

— Это всего лишь изображение, Мэлком, — устало ответил Кейс. — Мужик, знакомый мне по Муравейнику. А говорит Уинтермьют. Картинка должна помочь нам чувствовать себя как дома.

— Хрень собачья, — сказал Финн. — Я же объяснял Молли, что это — не маски. Они необходимы для общения с вами. У меня же практически отсутствует то, что вы называете личностью. Но все это сейчас пустой треп; как я уже сказал, у нас возникли трудности.

— Ты бы поподробнее, Мьют, — ввязался Мэлком.

— Во–первых, у Молли сломана нога. Она не может идти. По

идее, она должна была войти туда, убрать Питера, узнать у 3–Джейн волшебное слово, пробраться к голове и произнести его. Теперь Молли вышла из строя. Поэтому я хочу, чтобы к ней отправились вы двое.

— Мы? — изумленно вытаращился Кейс.

— А кто же еще?

— Аэрол, — сказал, подумав, Кейс, — парень с «Вавилонского рокера», приятель Мэлкома.

— Нет. Нужен ты. Нужен кто–нибудь, понимающий Молли, которая понимает Ривьеру. А Мэлком — для поддержки.

— Ты, может быть, забыл, что я уже нахожусь в середине небольшого рейда. Помнишь? И то, что я здесь для…

— Послушай, Кейс. Нас поджимает время. Очень поджимает. Послушай. Твоя дека связана с виллой на побочной частоте навигационной системы «Гарвея». Вы отведете «Гарвея» в очень уединенный док, который я вам покажу. Китайский вирус полностью заполнил память твоего компьютера. Сейчас в «Хосаке» ничего нет, кроме вируса. Когда вы встанете в док, вирус будет переключен на охранную систему виллы, а навигационную систему можно будет вырубить. Ты возьмешь с собой деку, Флэтлайна и Мэлкома. Вы найдете 3–Джейн, вытряхнете из нее кодовое слово, убьете Ривьеру и заберете у Молли ключ. Включив свою деку в систему «Блуждающего огонька», ты сможешь следить за работой программы. Это я тебе устрою. На затылке головы, под панелью с пятью цирконами, есть стандартный разъем.

— Убить Ривьеру?

— Убить.

Кейс растерянно заморгал; на его плечо легла рука Мэлкома.

— Слушай, а ведь ты кое–что забыл.

Кейс почувствовал прилив ярости и какого–то истерического веселья.

— Ты в заднице. Вместе с Армитиджем ты выбросил управление захватами. «Ханива» вцепилась в нас как клещ. Армитидж искромсал своего «Хосаку», а навигационные компьютеры улетели вместе с рубкой, так ведь?

Финн кивнул.

— Так что мы застряли. А это значит, что ты в заднице.

Кейсу хотелось смеяться, но у него перехватило в горле.

— Кейс, — негромко заметил Мэлком, — «Гарвей» — буксировщик.

— Совершенно верно, — с улыбкой подтвердил Финн.

— Как повеселился в большом мире? — поинтересовался конструкт у Кейса, когда тот снова вернулся в матрицу. —

Чувствую, Уинтермьюту потребовалась новая маленькая услуга…

— Слабо сказано. Как «Куанг», все нормально?

— Что надо. Потрясный вирус.

— Ладно. У нас появились некоторые затруднения, но мы работаем над их преодолением.

— Может, поделишься со мной?

— Некогда.

— Ну и правильно, голуба, чего там церемониться со всякими трупами.

— Иди ты на хер, — сказал Кейс и щелкнул тумблером, избавляя себя от очередной порции жуткого смеха.

— Она мечтала о состоянии с очень малой долей индивидуального сознания, — рассказывала З–Джейн.

Она показывала Молли лежащую на ладони камею. Профиль, вырезанный на камне, весьма походил на ее собственный.

— Животное блаженство. Думаю, она считала развитие передних долей мозга ошибкой природы. — З–Джейн наклонила брошь, наблюдая игру света на гранях. — Даже наиболее болезненные аспекты самоосознания беспокоят индивидуума — члена нашего клана — только при некоторых возбужденных состояниях психики.

Молли кивнула. Инъекция, вспомнил Кейс. Что это они ей вкатили? Боль не то чтобы исчезла, она превратилась в некий сгусток измененных, перепутанных ощущений. Неоновые черви, копошащиеся в бедре, прикосновение грубой мешковины, запах жареных креветок — мозг инстинктивно отказывался копаться в этом месиве, и оно сливалось в нечто вроде белого шума. Если этот ихний болеутолитель сделал такое с нервной системой Молли, в каком же состоянии ее психика?

Зрение даже острее обычного, все образы рисуются с неестественной ясностью и четкостью. Все люди и предметы словно вибрируют, каждый — со своей, чуть–чуть отличающейся от всех прочих, частотой. Черный шар, все еще сковывавший ей руки, Молли пристроила на коленях. Сидела она в пляжном кресле, положив сломанную ногу на пуфик из верблюжьей шкуры. Напротив нее, на таком же пуфе, куталась в просторную галабию из небеленой шерсти хозяйка дома. Выглядела З–Джейн очень молодо.

— Куда это он смылся? — поинтересовалась Молли. — Снова ширяется?

З–Джейн пожала плечами, скрытыми под тяжелой бесформенной накидкой, и отбросила с глаз прядь темных волос.

— Питер попросил меня впустить тебя, но не сказал зачем.

Чтобы все было таинственно и загадочно. Ты собиралась что–нибудь с нами сделать?

Молли слегка помедлила.

— Его бы я убила. И попыталась бы убить ниндзю. А потом я поговорила бы с тобой.

— Почему? — З–Джейн спрятала камею в карман галабии. — И еще раз — почему? И о чем?

Некоторое время Молли изучала высокие изящные скулы, широкий рот и узкий ястребиный нос. Глаза у З–Джейн были темные и какие–то тусклые, почти матовые.

— Потому что я его ненавижу, — сказала она наконец, — потому что я так устроена, потому что я — это я, а он — это он.

— И еще из–за шоу, — добавила З–Джейн. — Я была в ресторане.

Молли кивнула головой.

— А Хидео?

— Потому что ниндзя — лучшие профессионалы. Потому что один из них убил моего напарника.

Лицо З–Джейн помрачнело, брови ее поползли вверх.

— Потому что я должна была тебя увидеть, — добавила Молли.

— А потом мы бы немного поболтали — ты да я, и никто не мешает, ты так это себе представляла? — Темные прямые волосы З–Джейн разделялись посреди пробором и были собраны на затылке в тяжелый узел. — Ну а как теперь, теперь–то ты расположена поболтать?

— Сними с меня это, — сказала Молли, поднимая скованные руки.

— Ты убила моего отца, — не меняя тона, ответила З–Джейн. — Я видела на мониторах. Он называл их глазами моей матери.

— Он убил «куклу». Она была похожа на тебя.

— Отец обожал широкие жесты, — ответила З–Джейн, а затем к ней, сияя от наркотиков, подошел Ривьера, облаченный в ту же самую арестантскую робу, что и тогда, на крыше отеля.

— Знакомитесь? Интересная девушка, правда? Я сразу так подумал. — Ривьера встал за спиной З–Джейн. — Только, знаешь, ведь ничего не выйдет.

— Неужели, Питер? — Сделав над собой усилие, Молли изобразила усмешку.

— Уинтермьют — не первый, кто сделал эту ошибку. Недооценил меня.

Ривьера прошел по кафельному борту бассейна к белому столику и плеснул минеральной воды в тяжелый хрустальный

стакан.

— Он ведь говорил со мной, Молли. Думаю, он говорил с каждым из нас. С тобой, с Кейсом, даже с Армитиджем — хотя тут–то и разговаривать было не с кем. Он же нас почти не понимает. У него есть психопрофили, но ведь это — статистика, и не более. Не знаю, дорогая, являешься ли ты неким статистическим животным, но уж Кейс — абсолютно точно, а вот у меня есть качество, по самой своей природе не укладывающееся ни в какие количественные характеристики.

Питер отпил из стакана.

— И какое же? — равнодушно поинтересовалась Молли.

— Извращенность, — широко улыбнулся Ривьера.

Возвращаясь к женщинам, Ривьера раскручивал в стакане остаток воды, словно наслаждаясь массивностью толстого, с голубой резьбой, цилиндра.

— Склонность к бессмысленным поступкам. И я, Молли, принял решение, абсолютно бессмысленное решение.

Глядя на Ривьеру, девушка молча ждала продолжения.

— Ну, Питер, — мягко, словно ребенка, пожурила его 3–Джейн.

— Ты не узнаешь этого слова. Он ведь все мне рассказал. Конечно, 3–Джейн знает код, но ты его не получишь, равно как и Уинтермьют. Наша 3–Джейн — девочка с амбициями. — Ривьера снова улыбнулся. — У нее свои виды на семейную империю, и все бы хорошо, если бы не путались под ногами два сбрендивших искусственных разума. Ты, конечно, будешь смеяться, но они представляют собой вполне серьезную угрозу. Но тут появляется Питер, и Питер помогает ей выбраться из этого весьма неприятного положения. Сиди, говорит Питер, и не чирикай. Крути папочкины любимые джазовые пластинки, а уж Питер пригласит сюда подходящих к музыке танцоров. И тогда мы устроим королю Эшпулу достойные поминки.

Он допил остаток воды.

— Нет, папочка, ты нам не в масть. Ты совсем нам не в масть. Теперь, когда к нам пришел Питер.

А затем порозовевший от кокаина и меперидина Питер швырнул стакан прямо в левую линзу Молли, и уже ничего не было видно, только вспышки света и кровь.

Сняв дерматроды. Кейс обнаружил Мэлкома под потолком. Он висел на страховочном поясе, прикрепленном к панелям корпуса двумя эластичными тросами с большими серыми присосками на концах. Голый по пояс, растафари работал неуклюжим, специально приспособленным для невесомости,

гаечным ключом; извлечение каждого очередного болта сопровождалось громким щелканьем пружины. «Маркус Гарвей» маневрировал — время от времени его слегка потряхивало.

— Мьют доведет нас до места, — пояснил Мэлком, опуская болт в привязанную к поясу сетку, — а сажать буду я. Пока что нужно позаботиться об инструменте.

— Ты держишь там свои инструменты?

Задрав голову, Кейс смотрел на ходящие по коричневой спине мускулы.

— Только этот. — Мэлком вытащил из–за панели длинный предмет, завернутый в черный поликарбон. Он вернул панель на место и закрепил ее одним болтом; тем временем черный пакет уплыл к корме. Открыв клапаны присосок, сионит освободился от страховки, догнал беглеца, вернулся и, пролетев над центральным экраном с пульсирующей зеленой диаграммой посадки, зацепился за каркас противоперегрузочной сетки Кейса. Опустившись вниз, он поддел скотч на свертке толстым сломанным ногтем большого пальца.

— Какой–то китаец сказал, что эта штука рождает истину[11]. — Мэлком развернул древний, обильно смазанный автоматический дробовик «ремингтон» со спиленным почти до самого потертого цевья стволом. Вместо приклада у обреза была деревянная пистолетная рукоятка, обмотанная черной изолентой. От Мэлкома пахло потом и марихуаной.

— Это что, единственное, что у тебя есть?

— Да. — Он извлек откуда–то красную тряпочку и, прихватив, чтобы зря не мазаться, рукоятку поликарбоновой оберткой, стал протирать черный, лоснящийся от масла ствол. — Мы, растафарианский военный флот, в него верим.

Кейс натянул дерматроды на лоб. «Техасский катет»» он проигнорировал — там, на вилле, можно будет поссать по–человечески. Не исключено, что последний раз в жизни.

Он щелкнул тумблером.

— Ну и дерьмо же он, — сказал конструкт, — этот самый Питер.

Казалось, они стали частью тессье–эшпуловского льда, изумрудные арки расширились и срослись, стали единой массой. В плоскостях окружающей их китайской программы преобладал зеленый цвет.

— Приближаемся, Дикси?

— Здорово продвинулись. Скоро и ты понадобишься.

— Послушай, Дикси, Уинтермьют говорит, что в нашем «Хосаке» не осталось ничего, кроме «Куанга». Еще он говорит,

чтобы я отключил тебя и деку, перенес вас в виллу и подключил через ее охранную программу. Говорит, что «Куанг» будет уже там. И мы продолжим рейд изнутри, через внутреннюю сеть.

— Чудненько, — обрадовался Флэтлайн, — я же просто обожаю делать все через задницу.

Кейс перешел в симстим.

В окутавший Молли мрак, в мешанину синастезии, где ее боль имела вкус ржавого железа, запах дыни и была похожа на прикосновение к щеке крыльев ночной бабочки. Молли была без сознания, а в сны ее Кейс войти не мог. Замигал оптический чип; теперь каждую цифру окружал слабый розовый ореол.

07:29:40

— Мне очень не нравится, что все так получилось, Питер.

Голос З–Джейн доносился словно издалека. Кейс решил, что Молли может слышать, но затем понял свою ошибку. Симстим был цел и на месте — и Кейс чувствовал, как он врезается Молли под ребра. Ее барабанные перепонки колебались под воздействием голоса З–Джейн — вот и все. Что–то сказал Ривьера, коротко и неразборчиво.

— Нет, — ответила З–Джейн, — и нет тут ничего веселого. Хидео принесет аппарат интенсивной терапии, но здесь нужен хирург.

Наступила тишина. Кейс очень отчетливо услышал, как в бассейне плещется вода.

— О чем это вы без меня говорили?

Теперь Ривьера был совсем близко.

— О моей матери. Она сама меня спросила. Думаю, девочка была в шоке — безотносительно к уколу, который сделал Хидео. Зачем ты это сделал?

— Хотел посмотреть разобьются они, или нет.

— Одна разбилась. Когда — и если — она очнется, мы увидим, какого цвета у нее глаза.

— Она очень опасна. Слишком опасна. Не будь меня под рукой, не отвлеки я ее Эшпулом, не прими твой Хидео на себя бомбу — где бы ты теперь была? В ее власти.

— Нет, потому что был Хидео, — спокойно ответила З–Джейн. — Думаю, ты не совсем понимаешь, кто такой Хидео. Вот она, кажется, понимала.

— Хочешь выпить?

— Да, вина. Белого.

Кейс вышел из киберпространства.

Согнувшись над пультом «Маркуса Гарвея», Мэлком управлял

посадкой. На центральном экране неподвижно светился маленький красный квадратик — док виллы. Зеленый квадрат побольше, представляющий «Гарвея», покачивался и постепенно уменьшался. Слева, на малом экране, светился схематический чертеж «Гарвея» и «Ханивы», приближающихся к изогнутой обшивке веретена.

— У нас всего один час, — сказал Кейс, вытаскивая из «Хосаки» разъем. Обычно встроенных батарей деки хватало на девяносто минут, но конструкт Флэтлайна вызовет дополнительный расход. Быстро, привычными движениями, Кейс примотал кассету с конструктом к днищу «Оно–Сендаи». Мимо проплыл страховочный пояс Мэлкома. Кейс поймал его, отсоединил эластичные тросы с серыми прямоугольными присосками и защелкнул карабины тросов друг за друга. Затем он прижал присоски к деке, надавил рычажки подсоса. Перекинул импровизированный ремень с декой и конструктом через плечо, поверх натянул кожаную куртку и стал инспектировать содержимое ее карманов. Там лежали паспорт, полученный от Армитиджа, банковский чип на то же имя, кредитный чип Фрисайда, бетафенэтиламиновые дермы, купленные у Брюса, пачка новых иен, полпачки «Ихэюань» и сюрикен. Кейс бросил кредитный чип через плечо и услышал, как он ударился о русский воздухоочиститель. Он почти собрался сделать то же самое со стальной звездочкой, когда отскочивший кредитный чип ударил его по затылку, срикошетил в потолок и упал позади левого плеча Мэлкома. Растафари оторвался от приборов и сердито оглянулся. Кейс посмотрел на сюрикен, сунул его обратно в карман куртки и услышал, как рвется подкладка.

— Ты пропустил сообщение от Мьюта, — сказал Мэлком. — Мьют говорит, что обманул систему безопасности. «Гарвей» становится в док под именем другого судна, которое ожидалось из Вавилона. Мьют передал нам его опознавательные коды.

— Мы наденем скафандры?

— Слишком тяжелые. Да чего там, — махнул рукой Мэлком, — лежи себе в этой сетке, пока я не скажу.

Он набрал последние команды и взялся за потертые розовые рукоятки, торчавшие по краям приборной доски. Кейс увидел, как зеленый квадрат усох еще на пару миллиметров и точно наложился на красный. На меньшем экране «Ханива» опустила нос, чтобы не задеть изгиб веретена, и вошла в ворота дока. «Гарвей» все еще висел под ней как пойманная добыча. Корпус буксировщика задрожал и зазвенел. Из поверхности веретена высунулись две лапы и захватили изящный корпус «Ханивы». Из «Блуждающего огонька» появился желтый дрожащий

прямоугольник, который, изменяя форму, пополз мимо «Ханивы» к «Гарвею». С носа донесся резкий скрежещущий звук.

— Осторожно, — заметил Мэлком, — теперь у нас есть тяготение.

Будто притянутые магнитом, посыпались разнообразнейшие предметы. Внутренности Кейса резко деформировались, и он чуть не задохнулся. Дека и конструкт больно ударили по коленям.

Теперь они вращались вместе с веретеном.

Мэлком потянулся, снял красную сеточку и встряхнул своими косицами.

Пошли, брат, ты же говоришь, времени мало.

19

А ведь эта вилла — типичный паразит, подумал Кейс, вылезая из носового люка, обильно обвешанного соплями герметизирующей замазки. Не имея собственной экосистемы, она забирает воду и воздух у Фрисайда.

Трап, поданный к «Гарвею» в доке, был чуть усложненным — это в невесомости можно прыгать и кувыркаться как угодно, а при тяготении без лестницы не обойдешься — вариантом того туннеля, по которому они с Мэлкомом перебирались на «Ханиву». Рифленая труба, состоящая из подвижных, управляемых гидравликой, сегментов, ступеньками служат кольца из прочного шершавого пластика, опоясывающие каждый сегмент. К «Гарвею» труба подходила горизонтально, но затем она резко уходила налево вверх, огибая корпус «Ханивы». Мэлком уже карабкался по трапу, держа в правой руке «ремингтон», а левой цепляясь за кольца. На растафари были мешковатые, сильно поношенные армейские брюки, зеленая нейлоновая безрукавка и драные парусиновые тапочки с ярко–красными подошвами. При каждом его шаге туннель слегка вздрагивал.

Под весом «Оно–Сендаи» и конструкта Флэтлайна карабины импровизированного ремня врезались в плечо Кейса. Боли он не чувствовал — он вообще не чувствовал сейчас ничего, кроме страха. Пытаясь отогнать этот страх, Кейс вспоминал армитиджеву лекцию о Фрисайде и о вилле «Блуждающий огонек». Он вздохнул и полез вверх. Экосистема Фрисайда ограничена, но не замкнута. Тогда как Сион является замкнутой системой, способной самовоспроизводиться долгие годы безо всякого снабжения извне. Фрисайд обеспечивает себя воздухом и водой, но зависит от подвоза продуктов питания и удобрений. Вилла «Блуждающий огонек» не производит вообще ничего.

— Брат, — негромко позвал Мэлком, — поднимайся сюда, встань рядом.

Двигаясь по круглой лестнице боком, Кейс одолел оставшиеся несколько колец. Трап упирался в гладкий, слегка выпуклый люк диаметром метра в два. Гидравлические сегменты трапа уходили в гибкий кожух вокруг люка.

— Так чего же мы…

Кейс замолк, так как люк открылся, и тонкая пыль, поднятая небольшой разницей в давлениях, попала ему в глаза.

Мэлком быстро пролез в люк; Кейс услышал, как щелкнул предохранитель обреза.

— Ты же вроде торопился, — прошептал Мэлком, присев

возле люка; еще секунда, и к нему присоединился Кейс.

Люк располагался в центре круглого сводчатого помещения, устланного голубой пластмассовой плиткой. Мэлком толкнул Кейса локтем и указал на вделанный в стену монитор. На экране высокий юноша с типичными чертами Тессье–Эшпулов отряхивал рукава своего темного пиджака. Он стоял возле такого же люка в таком же помещении.

— Простите пожалуйста, сэр, — донеслось из динамика над люком.

Кейс взглянул вверх.

— Мы ожидали вас позднее, в центральном доке. Минутку, пожалуйста.

Молодой человек на мониторе нетерпеливо вскинул голову.

Держа обрез на изготовку, Мэлком повернулся к открывшейся слева двери. Низенький евразиец в оранжевом комбинезоне удивленно уставился на пришельцев. Он попытался что–то сказать, не смог и закрыл рот. Кейс посмотрел на монитор. Пусто.

— Кто вы? — пролепетал маленький человечек.

— Растафарианский военный флот, — заявил, вставая с корточек, Кейс; киберпространственная дека ударила его по бедру, — Мы только–то и хотим, что включиться в вашу охранную систему.

Человечек сглотнул слюну.

— Это проверка? Проверка лояльности? Ну, конечно же, проверка лояльности! — Он вытер ладони об оранжевые штаны.

— Нет, брат, тут все взаправду. — Мэлком тоже распрягся и наставил на коротышку обрез. — Шевелись.

Они миновали дверь и очутились в коридоре, среди так хорошо знакомых Кейсу полированных бетонных стен и кучами наваленных ковриков.

— Хорошие половики, — сказал Мэлком, подталкивая пленника в спину. — И пахнет, как в церкви.

Как только они подошли к старинному монитору «Сони», под которым находилась клавиатура и панель с множеством разъемов, экран засветился, и на нем появилось напряженно улыбающееся лицо Финна; фоном ему служила прихожая «Метро Голографикс».

— О'кей, — сказал он, — Мэлком, там, дальше по коридору, есть открытая кладовка; запихни парня туда, а я запру. А ты, Кейс, найди на верхней панели пятое гнездо слева. Переходники под консолью, в шкафчике. Нужен тот, где двадцать один пин для «Оно–Сендаи» и сорокапиновый папа для «Хитачи».

Пока Мэлком занимался пленником, Кейс встал на колени и, порывшись среди кучи разных переходников, нашел нужный.

Подсоединив его к деке, он немного помедлил и взглянул на экран.

— Тебе обязательно нужно выглядеть Финном?

Финн медленно, строчка за строчкой, превратился в Лонни Зоуна; изменился и фон, теперь это были японские постеры, кое–как наляпанные на стенку.

— Все, что пожелаешь, малыш, — процедил сутенер. — Для Лонни это — что два пальца…

— Нет, — сказал Кейс, — остановимся на Финне.

Зоун исчез; Кейс вставил переходник в разъем и надел дерматроды.

— Что так долго? — захохотал Флэтлайн.

— Я же просил тебя не ржать, — сказал Кейс.

— Шучу, пацан, — ответил конструкт, — для меня же все мгновенно, никакого времени не существует. Давай–ка посмотрим, что там у нас…

Теперь «Куанг» стал зеленым, такого же оттенка, как и тессье–эшпуловский лед. Он прямо на глазах терял прозрачность, хотя вверху все еще проглядывала черная блестящая акула. Ломаные линии и галлюцинационные образы исчезли, теперь эта штука выглядела такой же реальной, как «Маркус Гарвей» — старинная ракета, отливающая черненым хромом.

— Порядок, — сказал Флэтлайн.

— Порядок, — согласился Кейс и щелкнул симстим–переключателем.

— К сожалению, только так. — З–Джейн поддерживала голову Молли. — Наш аппарат показывает, что сотрясения нет, а глаз можно восстановить. Ты раньше не была с ним мало знакома?

— Совсем не знакома, — бесцветным голосом ответила Молли.

Она лежала то ли на высокой кровати, то ли на обитом мягком столе. Раненая нога ничего не чувствовала, ее словно не было вообще. Синастезический эффект укола вроде прошел. Черный шар исчез, но руки Молли были связаны мягкими ремнями, не попадавшими в поле зрения.

— Он хочет тебя убить.

— Похоже, — сказала Молли, глядя в потолок, мимо ослепительно яркой лампы.

— А вот я, пожалуй, не хотела бы, чтобы он тебя убил, — сказала З–Джейн; преодолев боль, Молли повернула голову и посмотрела ей в глаза.

— Не надо играть со мной, — сказала она.

— А вот я бы, пожалуй, хотела с тобой поиграть. — З–Джейн наклонилась, откинула со лба Молли волосы и легко клюнула ее губами. На светлой галабии проступали пятна крови.

— Где он сейчас? — спросила Молли.

— Колется, наверное. — З–Джейн выпрямилась. — Он очень тебя ждал. Наверное, будет забавно за тобой ухаживать, Молли.

Она улыбнулась и рассеянно вытерла окровавленную руку о бедро.

— У тебя перелом со смещением, нужно вправить, но это мы устроим.

— А как же Питер?

— Питер? — З–Джейн чуть тряхнула головой. На лоб ее упала прядь темных волос.

— Питер становится довольно скучным. Наркотики — вообще скучная штука. Во всяком случае, — хихикнула З–Джейн, — когда этим занимаются другие. Как ты заметила, мой папаша был заядлым наркоманом.

Молли напряглась.

— Да ты не бойся.

Пальцы З–Джейн поглаживали оголившийся живот Молли.

— Его самоубийство — результат моего вмешательства в работу морозильника. Понимаешь, я же ни разу с ним не встречалась. Я появилась на свет во время его последнего сна. Но знаю его я *очень* хорошо. Ядро знает все. Я видела, как он убил мою мать. Вот поправишься немножко, и я тебе покажу. Он будет душить ее в постели.

— Зачем он убил ее?

Здоровый глаз Молли сфокусировался на лице З–Джейн.

— Он не принимал ее концепцию развития нашей семьи. Это она заказала постройку наших искусственных разумов. Мама была визионерка. Мечтала о симбиозе между семьей и ИскИнами, чтобы деловые решения принимались сами собой, без нашего участия. Даже, пожалуй, все наши сознательные решения. Тессье–Эшпулы должны были стать бессмертными, роем, где каждый из нас был бы частью некоей большей сущности. Потрясающе. Я тебе прокручу ее записи, у меня их около тысячи часов. Но я маму никогда толком не понимала, а с ее смертью это направление было утрачено. Мы вообще утратили всякое направление. Зарылись внутрь самих себя. Теперь мы даже редко покидаем виллу. Я — исключение.

— Ты говоришь, что пыталась убить отца? Изменила программы работы морозильника?

З–Джейн кивнула.

— Я получала помощь. От призрака. Когда я была маленькая,

я думала, что в ядрах живут духи. Голоса. Одним из них был Уинтермьют, это — «тьюринговский» код нашего бернского ИскИна. Кстати сказать, тобой управляет не весь этот мозг, а нечто вроде подпрограммы.

— Одним из них? А что, есть и другие?

— Другой. Но он давно со мной не разговаривал. Надоело, наверное. Я подозреваю, что оба они развились из определенных способностей, заложенных по маминым указаниям в исходную программу, но точно не знаю — мамочка была особой весьма скрытной. Вот. Выпей.

3–Джейн поднесла к губам Молли гибкую пластиковую тубу.

— Это вода. Много не пей.

— Ну как, лапочка? — раздался веселый голос Ривьеры. — Развлекаешься?

— Оставь нас одних, Питер.

— Играешь в доктора…

Неожиданно в десяти сантиметрах от носа Молли появилось ее собственное лицо. Безо всяких бинтов. На месте левой зеркальной линзы зияла наполненная кровью открытая глазница, из которой торчал длинный осколок серебристого пластика.

— Хидео, — сказала 3–Джейн, гладя Молли по животу, — если Питер не уберется отсюда, сделай ему *больно*. Иди, Питер, поплавай.

Видение исчезло.

В темноте перевязанного глаза светилось — 07:58:40.

— Он сказал, что ты знаешь код. Питер сказал. Этот код нужен Уинтермьюту.

Внезапно грудь Кейса ощутила легкую тяжесть латунного ключа.

— Да, знаю. — 3–Джейн убрала руку. — Я выучила его еще ребенком. Думаю, во сне… А может, он был где–то в этой тысяче часов маминого дневника. Но я думаю, Питер прав, убеждая меня не выдавать код. Если я верно понимаю, потом придется выяснять отношения с «Тьюрингами», а духи — народ капризный и ненадежный.

Кейс отключился.

— Ну что, странненькая девочка? — ухмыльнулся Финн с экрана старого «Сони».

Кейс пожал плечами. Он повернул голову и увидел, как по коридору возвращается Мэлком, с обрезом в руке. На лице растафари сияла улыбка, голова его качалась в такт неслышимому ритму. Из кармана безрукавки к ушам тянулись тонкие желтые проводки.

— Даб, — сказал Мэлком.

— Ты что, сбрендил? — поинтересовался Кейс.

— А какой вред, брат, что я послушаю? Вполне праведный даб.

— Ну–ка, ребятки, — вмешался Финн, — принимайте низкий старт. Сюда едет ваш транспорт. Я не обещаю множество роскошных трюков, вроде той картинки 8–Джина, на которую купился швейцар, но подбросить вас к логову 3–Джейн — за ради Бога.

Когда в конце коридора из–под бетонной арки вывернула автоматическая тележка, Кейс как раз отсоединял переходник. Скорее всего, именно на ней ехали те негры, но теперь их не было. «Браун», намертво вцепившийся в обивку сиденья, дружелюбно подмигивал единственным своим красным глазом.

— Ты, слуга, давай карету, а я сяду и поеду, — продекларировал Кейс.

20

Злость снова куда–то делась. Даже скучно как–то.

На тележке было тесно: Мэлком с обрезом на коленях плюс Кейс, прижимавший к груди деку и конструкта. Перегрузка сместила центр тяжести легонькой таратайки далеко вверх; неустойчивая, явно не предназначенная для быстрой езды, она все время норовила опрокинуться. Мэлкому приходилось наклоняться в сторону каждого огибаемого угла, что не составляло особых проблем при левых поворотах, так как Кейс сидел с противоположной стороны, но зато уж при правых растафари буквально размазывал его по скамейке.

Кейс абсолютно не понимал, где они находятся и куда едут. Все вроде бы и знакомое, но никогда не было полной уверенности, что именно этот участок коридора проходила Молли. Вдоль искривленной галереи тянулись ряды деревянных стендов с коллекциями, которых он определенно не видел: черепа каких–то крупных птиц, монеты, кованые серебряные маски. Шесть колес тележки катились по ковровым наслоениям совершенно бесшумно. Слышался только гул электромотора, да временами, когда Мэлком в очередной раз наваливался на Кейса, из поролоновых затычек растафари доносились слабые отзвуки сионского даба. Дека и конструкт вдавливали лежащий в кармане куртки сюрикен в бедро.

— У тебя есть часы? — поинтересовался Кейс.

Растафари отрицательно поболтал косичками:

— Ни к чему мерить время.

— О Боже, — простонал Кейс и закрыл глаза.

Быстра просеменив по ковровым залежам к темной обшарпанной двери, «браун» постучал по ней лапкой. Оставленная тележка громко затрещала, из ее вентиляционной решетки посыпались голубые искры. Они падали на ковер, Кейс почувствовал запах паленой шерсти.

— Сюда, что ли? — Мэлком оглядел дверь и щелкнул предохранителем.

— Можно подумать, я знаю больше твоего, — буркнул себе под нос Кейс.

«Браун» развернулся и начал лихорадочно мигать.

— Хочет, чтобы ты открыл дверь, — сказал Мэлком.

Кейс шагнул вперед и осторожно потрогал бронзовую ручку. На двери висела бронзовая табличка, такая старая, что надпись на ней почти стерлась и стала совершенно неразборчивой, скорее

всего — давно и всеми забытое название какой–нибудь службы или фамилия служащего. Интересно, подбирали Тессье–Эшпулы каждый предмет обстановки «Блуждающего огонька» специально или купили все оптом на какой–нибудь европейской помойке, вроде «Метро Гологрэфикс», только гораздо больших размеров. Петли открываемой двери жалобно скрипнули, и тут же вперед рванулся Мэлком с обрезом у бедра.

— Книги, — сказал он.

Библиотека, те самые белые металлические стеллажи с бирками.

— Я знаю это место, — сказал Кейс, оглядываясь на тележку; от ковра тянулась струйка дыма.

— Поехали, — решил он. — Телега! Телега?

Тележка не реагировала. «Браун» дергал Кейса лапками за штанину, больно царапая лодыжку; очень хотелось пнуть эту железяку ногой.

— Чего тебе?

Крохотный робот шустро проскочил в открытую дверь. Кейс двинулся следом.

В библиотеке стоял еще один старый монитор «Сони». Подбежав к нему, «браун» замер, а затем стал пританцовывать.

— Уинтермьют?

На экране появились знакомые черты. Финн улыбнулся.

— Пора посмотреть, что там делается. — Глаза Финна щурились от сигаретного дыма. — Давай, подключайся.

Внезапно к Кейсу подбежал «браун» и, больно щипаясь через тонкую черную ткань, стал карабкаться по ноге.

— Вот же мать твою!

Кейс сбросил с себя механизм, и тот ударился о стену. Две конечности беспомощно задергались в воздухе.

— Что с этой тварью такое?

— Сгорела, — пояснил Финн. — Хрен с ней. Пустяки. Ты, главное, включайся.

Под экраном оказались четыре разъема, но только один подходил к адаптеру «Хитачи».

Кейс вошел в киберпространство.

И очутился в серой пустоте.

Никакой матрицы, никакой решетки. Никакого киберпространства.

Дека куда–то исчезла. Его пальцы…

И только на самом краю сознания ощущалось некое движение, что–то стремительно неслось к нему по глади бесконечного черного зеркала.

Рот свело в беззвучном крике.

Там, за изгибом пляжа, находился вроде бы город, но до него было далеко.

Он сидел, плотно обхватив руками колени, на корточках, посреди мокрого песка, и дрожал.

И даже потом, когда дрожь прекратилась, он не сменил позы и сидел так долго–долго. Город (а город ли это?) был низким и серым. Время от времени он исчезал за стеной тумана, поднимавшегося с моря. В какой–то момент Кейсу показалось, что и вовсе это не город, а только здание или даже развалины; оценить расстояние было невозможно. Песок был цвета почерневшего, но еще не совсем, серебра. Пляж состоял из песка, песок был влажный, джинсы на ягодицах были мокрыми от влажного песка… Он держал себя за колени и раскачивался, и пел песню без мелодии и слов.

Серебро неба отличалось от серебра песка. Тиба. Небо как в Тибе. Токийский залив? Он обернулся в надежде увидеть знакомую голограмму «Фудзи Электрик», или парящий над водой беспилотный вертолет, или хоть что–нибудь.

Позади него закричала чайка. Кейс поежился.

Поднимался ветер. Песчинки больно хлестали по щеке. Кейс уткнул лицо в колени и заплакал; собственный плач казался ему таким же далеким и незнакомым, как крик чайки. Горячая моча пропитала джинсы, капала на песок и быстро остывала на дующем с моря ветре. Слезы высохли, но от безудержных рыданий разболелось горло.

— Уинтермьют, — бормотал он своим коленям. — Уинтермьют.

Темнело, теперь он дрожал уже от холода, который в конце концов заставил его встать на ноги.

Ныли колени и локти. Из носа текло. Он утерся рукавом и стал рыться в пустых карманах.

— Господи, — сказал он, сгорбившись и спрятав озябшие руки под мышки. — Господи.

У него начали стучать зубы.

Отлив украсил пляж песчаными разводами, недоступными ни одному токийскому садовнику. Сделав дюжину шагов в сторону проглоченного уже вечером города, Кейс обернулся и стал всматриваться в сгущающиеся сумерки. От места, где он сидел, тянулась короткая цепочка следов. Больше ничего не нарушало тусклое серебро песка.

Как ему показалось, Кейс прошел не менее километра, прежде чем заметил свет. Он разговаривал с Рацем, именно Рац и

обратил его внимание на оранжево–красный огонек, тускло тлеющий справа, в глубине пляжа. Он знал, что Раца здесь нет, что бармен — плод его собственного воображения, никоим образом не связанный с этой мерзостью, в которой он завяз, погряз, заблудился, но это не имело ни малейшего значения. Странным образом, придуманный Рац имел собственные соображения насчет Кейса и задницы, в которую тот попал.

— Ты, дружище–артист, меня просто поражаешь. Это ж какие старания ты прикладываешь, чтобы довести себя до саморазрушения. Какие излишества! Ты мог спокойно доконать себя в Ночном Городе. У тебя было все для этого: стимуляторы, чтобы лишиться здравого смысла, выпивка, чтобы не думать, Линда для романтической печали, и улица, чтобы там тебе оторвали башку. И чего, спрашивается, понесло тебя в такую даль? А декорации, это ж надо такую дурь придумать… сцена, висящая в пустоте, наглухо запечатанные замки, редчайшая гниль старушки Европы, какие–то мертвецы в коробочках, и китайская магия…

Рац ковылял рядом с Кейсом, посмеиваясь и оживленно размахивая розовым протезом. Среди почерневших, теряющихся в темноте зубов диковато поблескивали стальные коронки.

— Наверное, артист просто по–другому не может, или я ошибаюсь? Ты нуждался в этом мире, этом пляже и остальной хурде–мурде. Чтобы умереть.

Кейс остановился, покачнулся и повернулся в сторону прибоя и летящих колючих песчинок.

— Да, — согласился он. — Кой хрен. Наверное…

И пошел навстречу волнам.

— Эй, артист, — крикнул вслед ему Рац. — Свет. Смотри. Вон там, в той стороне…

Кейс снова остановился, зашатался и рухнул на колени у самой кромки ледяной воды.

— Рац? Свет? Рац…

Абсолютная, без малейшего проблеска, тьма и шум волн. С большим трудом Кейс поднялся на ноги и попробовал вернуться по собственным следам.

Тянулись минуты, часы, века. А он все шел.

А затем оно появилось, тусклое пятнышко, с каждым шагом принимавшее все более определенные очертания. Прямоугольник. Дверь.

— Там огонь. — Ветер вырвал его слова и бросил их в ночь.

Бункер, то ли каменный, то ли бетонный, бункер, погребенный под заносами темного песка. В толстой — не меньше метра — стене — узкий и низкий лаз.

— Эй, — негромко позвал Кейс, — эй…

Пальцы коснулись холодной стены. На камнях плясали тени от горящего внутри огня.

Кейс низко пригнулся и в три шага очутился внутри.

Костер из плавника, разложенный в ржавом стальном ящике, дым уходит в щербатый дымоход, рядом — сидящая на корточках девушка. В пляшущем свете огня он поймал взгляд широко раскрытых, испуганных глаз и узнал головную повязку — шарф с узором вроде увеличенной схемы чипа.

В ту ночь Кейс отказался от ее рук, от предложенной ею пищи и от места рядом с нею в гнезде, сооруженном из старых шерстяных одеял и рваного поролона. В конце концов он примостился у входа и стал смотреть на спящую девушку и слушать шелест песка за стеной. Каждый час он подходил к импровизированному очагу и подбрасывал в огонь свежий плавник из сложенной рядом кучи. Все это иллюзия. Но иллюзорный холод ничем не лучше настоящего.

Вот и она — иллюзия, эта девушка, лежащая в отблесках пламени. Кейс глядел на приоткрывшиеся во сне губы. Такой он ее запомнил в ту поездку через Токийский залив — и это было жестоко.

— Аккуратно работаешь, говнюк, — шептал Кейс. — Не хочешь рисковать, да? Не стал подсовывать мне какое–нибудь фуфло. Но я же все равно знаю, что это такое. — Кейс пытался говорить спокойно. — Знаю, понимаешь? Я знаю, кто ты такой. Ты — тот, второй. З–Джейн рассказала Молли. Ты — пылающий кустарник. Это был не Уинтермьют, а ты. Он пытался предупредить меня с помощью «брауна». А ты вырубил меня, затащил сюда, в никуда. Вместе с призраком. С той, как я ее помню…

Девушка пошевелилась во сне, что–то пробормотала и натянула одеяло до самого уха.

— Тебя нет, — сказал он спящей девушке. — Ты — мертвая, и единственная цель твоего существования — посадить меня в задницу. Ты слышишь это, приятель? Что я, не понимаю, что ли, что тут происходит? Вырубился я, вот что. И все это заняло секунд двадцать. И сижу я там же, где и был, в библиотеке этой, и мозг мой мертв. А очень скоро он будет по–настоящему, безвозвратно мертв — если у тебя есть хоть на грош здравого смысла. Ты хочешь помешать Уиитермьюту, а для этого всего–то и надо, что задержать меня здесь. Дикси и сам может вести «Куанга», но он — жмурик, и ты всегда его вычислишь. И вся эта херня с Линдой — это же все ты, верно? Уинтермьют попытался с

ней работать — еще тогда, в тот раз, когда засунул меня в конструкт Тибы, — но не смог. Слишком, говорит, спотыкательно. И это ты двигал звезды в небе Фрисайда, верно ведь? И мертвой «кукле» в комнате Эшпула лицо Линды сделал тоже ты. Молли его не видела. Ты просто изменил симстим–сигнал. Потому что думал, что сделаешь мне больно. Потому что думал, что это мне не все равно. Ну и дались ты конем, не знаю, как уж там тебя звать. Выиграл ты, выиграл. Только мне на это насрать. Думаешь, нет? Только на хрена ты все это так, на хрена?

Его снова трясло, голос сорвался на крик.

Укутанная драными одеялами девушка зашевелилась.

— Ты бы поспал, — пробормотала она. — Ложись сюда и спи. Если хочешь, я встану, посижу. Тебе нужно поспать. — Голос звучал сонно и неразборчиво. — Просто поспи, и все.

Когда Кейс проснулся, девушки не было. Огонь погас, но в бункере было тепло, косые лучи солнца, проникавшие через проем, ярко освещали вспоротый бок большой картонной коробки. Кейс узнал стандартный грузовой контейнер — он встречал уже такие в доках Тибы; через прореху виднелись ярко–желтые пакеты, на солнце они казались огромными кусками масла. Живот свело от голода. Кейс выбрался из гнезда, подошел к коробке, выудил одну упаковку и, сощурившись, начал разбирать бисерно–мелкие буквы. Надпись была на двенадцати языках, английский шел самым последним. «НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС, ВЫСОКАЯ КАЛОРИЙНОСТЬ, „ГОВЯДИНА“ ТИП АГ–8». Далее следовал список пищевых компонентов. Кейс вытащил еще один пакет. «ЯЙЦА».

— Раз уж ты создал все это дерьмо, — произнес Кейс, то мог бы положить и натуральной еды, а?

С пакетами в руках Кейс обошел все четыре помещения бункера. В двух других комнатах, кроме куч песка, ничего не оказалось, а в четвертой — лежали еще три контейнера с продуктами.

— Ясно, — сказал Кейс и потрогал печати. — Это, значит, оставайся здесь надолго. Ясненько. Как же, как же…

Он обыскал комнату с очагом и нашел пластиковую канистру, с дождевой, как он решил, водой. Рядом с гнездом из одеял у стены лежали дешевенькая красная зажигалка, матросский нож с треснувшей зеленой ручкой и шарф Линды. Заскорузлый от пота и грязи, он все еще был завязан узлом. Кейс вскрыл ножом желтые пакеты и вывалил их содержимое в ржавую консервную банку, валявшуюся рядом с очагом. Затем он добавил воды из канистры, размял комки пальцами и стал есть. Месиво

напоминало по вкусу говядину, но весьма удаленно. Покончив с едой, Кейс бросил жестянку в очаг и вышел наружу.

Судя по температуре и по положению солнца, было далеко за полдень. Кейс сбросил сырые нейлоновые туфли и был приятно поражен теплотой песка. При дневном свете пляж имел серебристо–серый оттенок. На голубом небе — ни облачка. Он обогнул бункер и направился к воде, скинув по пути куртку прямо на песок.

— Вот уж не знаю, из чьей памяти ты извлек все это, — сказал Кейс, подойдя к воде.

Он снял джинсы и зафутболил их в неглубокую воду, за ними последовали рубашка и белье.

— Что это ты делаешь?

Он обернулся и увидел, что она стоит в десяти метрах от него и ее ноги омывает морская пена.

— Я вчера обмочился, — ответил Кейс.

— Ты не сможешь потом все это носить. Морской вода, всю кожу разъест. Там, за камнями, — она неопределенно махнула рукой, — есть хорошая лужа, я покажу. С пресной водой.

Выгоревшие армейские брюки обрезаны выше колена, обнажая гладкую загорелую кожу. Легкий ветерок шевелит волосы.

— Послушай… — Кейс подобрал одежду и направился к девушке. — У меня есть вопрос. Я не буду спрашивать, что делаешь здесь ты. Но вот что здесь делаю я, как ты себе это представляешь?

Кейс остановился, мокрая штанина хлопнула его по голой ноге.

— Ты пришел этой ночью, — улыбнулась Линда.

— И этого что, достаточно? Просто пришел — и все?

— Он сказал, что ты придешь, — улыбнулась Линда, смешно наморщив нос, а затем пожала плечами. — Он же понимает такие вещи.

Она подняла левую ногу и неловко, совсем как ребенок, соскребла ею с правой лодыжки засохшую соль. И снова улыбнулась, немного неуверенно.

— А теперь спрошу я, ладно?

Кейс кивнул.

— Кто это тебя так разрисовал, что все коричневое, кроме одной ступни?

— И это — последнее, что ты помнишь?

Кейс смотрел, как она выскребает остатки сублимированного мяса из прямоугольной стальной крышки, единственной их

тарелки.

Линда кивнула, в пламени костра ее глаза казались огромными.

— Ты прости меня, мне же самой жалко, вот честное слово, жалко. Я же больше со зла, из вредности, и к тому же… — Линда виновато поникла, ее лицо исказилось то ли от боли, то ли от воспоминания о прошлой боли. — Попросту говоря, мне были нужны деньги. Чтобы уехать домой или…

— Дьявол! — неожиданно воскликнула она. — Да ты же меня почти не замечал!

— А сигарет, значит, нету?

— У тебя что, с головой не в порядке? Я слышу этот вопрос уже десятый раз!

Она крепко закусила прядь волос.

— Но еда–то здесь была? С самого начала?

— Я сто раз тебе объясняла, что ее выбросило на этот долбаный пляж.

— О'кей. Понятно. Тут уж не подкопаешься.

Девушка снова начала всхлипывать, негромко и без слез.

— И вообще, откуда ты взялся на мою голову? — проговорила она наконец. — Знаешь, как хорошо было здесь без тебя?

Кейс встал, прихватил куртку и выскочил наружу, ободрав руку о шершавый бетон. Ни ветра, ни луны, только плеск неразличимого в темноте моря. Джинсы после стирки заметно сели, влажная ткань неприятно липла к ногам.

— О'кей, — сказал Кейс непроглядной ночи, — притворимся, что поверили! Но только с условием, чтобы завтра на тот же пляж выбросило сигареты. — Он вздрогнул от собственного смеха. — Да и ящик пива заодно бы не помешал.

Он вернулся в бункер.

Линда ворошила угольки серебристой от долгого пребывания в воде щепкой.

— А кто это такая была в твоем гробу «Дешевого отеля»? Типичная самурайка, вся в черной коже и с зеркальными линзами. Я испугалась, а потом подумала, может это — твоя новая девушка, хотя она и показалась мне слишком для тебя дорогой… — Линда виновато вскинула глаза. — Я же правда очень жалею, что сперла у тебя файлы.

— Пустяки, — ответил Кейс. — Это ровно ничего не изменило. Итак, ты отнесла файлы к этому парню и попросила прочитать?

— Тони, — кивнула Линда. — Мы с ним иногда встречались. Он тоже кололся, и мы… ладно. Да, я помню, как он смотрел на своем мониторе и там была потрясающая графика, я еще

удивилась, откуда ты…

— Там не было никакой графики, — перебил Кейс.

— Как это не было, если было. Не понимаю только, откуда ты взял все эти снимки про мое детство. Например, мой папа, до того, как он от нас ушел. Он мне подарил деревянную раскрашенную дудочку, так у тебя там был даже *ее* снимок.

— А Тони, он все это видел?

Не помню. А потом я вдруг очутилась на пляже, совсем ранним утром, на рассвете, и очень одиноко, и птицы кричат. Я очень перепугалась, ведь у меня с собой ничего не было, ни уколоться, ничего, и я знала, какая будет ломка… И я все шла и шла по берегу, пока не стало темно, и я набрела на этот бункер, а на следующий день на берег выбросило эти коробки с едой, все опутанные какой–то зеленой морской мерзостью, вроде полосок затвердевшего желе морской капусты.

Линда воткнула щепку в золу.

— И знаешь, никакой ведь ломки. — Щепка потихоньку разгоралась. — Вот сигарет — их и вправду не хватает. А как ты? Все еще употребляешь?

На ее скулах играли отблески пламени, напомнившие аркаду. «Замок колдуна», «Танковую войну»…

— Нет, сказал Кейс, а потом было уже все равно, что там он понимает и чего он не понимает, ощущая на ее губах солоноватый вкус слез. В ней было нечто первозданно–мощное, нечто, знакомое ему по Ночному Городу, знакомое и хранившее его, хранившее — до времени — от времени и смерти, от безжалостной, всепожирающей Улицы. Некое место, знакомое ему и прежде, место, до которого не со всяким проводником доберешься, хотя он, странным образом, никогда об этом не помнил. Нечто, столько раз найденное — и столько же раз утраченное. Нечто, относившееся — он знал это всегда и вспомнил сейчас, увлекаемый в гнездо из рваных тряпок — к сфере плоти, к сфере мяса, презираемого всеми ковбоями. Нечто непомерно огромное, безнадежно непознаваемое, океан информации, закодированный в феромонах и винтовых лестницах аминокислот, бесконечная сложность, разобраться в которой под силу только слепому, нерассуждающему телу.

Он стал расстегивать армейские брюки, и молнию заело — между нейлоновых зубьев набилась морская соль. Рывок посильнее, отскочила и ударилась в стенку какая–то железка, прогнившие нитки лопнули, и он был в ней, передавая сгусток все той же древней информации. Он ни на секунду не забывал, что это за место, понимал, что находится в закодированной модели чьей–то памяти, — но даже это ничего не меняло.

Она задрожала в тот самый момент, когда вспыхнула воткнутая в золу щепка, и на стене бункера заплясали их сплетенные тени.

Позже, когда они уже просто лежали и ладонь его замерла на ее животе, Кейс вспомнил пляж, белую пену вокруг ног Линды и ее слова.

— Он сказал тебе, что я приду.

Но Линда только повернулась на бок, прижалась к нему спиной, накрыла его руку своей и что–то пробормотала сквозь сон.

21

Его разбудила музыка, которую он принял вначале за удары собственного сердца. Кейс сел, поеживаясь от предрассветного холода, и набросил на плечи куртку; огонь давно погас, сквозь проем сочится серый свет. Поле зрения кишело призрачными иероглифами, на нейтральном фоне стены выстраивались полупрозрачные линии и знаки. Кейс взглянул на тыльные стороны ладоней и увидел, как под кожей ползают, повинуясь некому непонятному коду, слабо мерцающие молекулы. Он поднял правую руку и осторожно подвигал ею из стороны в сторону. В воздухе повис неяркий, быстро затуханий след.

Волосы на руках его и затылке встали дыбом. Оскалив зубы, Кейс припал к земле и начал прислушиваться к музыке. Биение ритма стихло, вернулось, снова стихло…

— Что случилось? — Линда села и сонно откинула с глаз волосы.

— Я… ну словно под балдой… У тебя тут есть что–нибудь такое?

Девушка помотала головой и взяла его за руки.

— Линда, кто тебе сказал? Кто сказал, что я приду? Кто?

— На берегу. — Что–то заставило ее отвести взгляд в сторону. — Мальчик. Я встретила его на берегу. Лет тринадцати. Он здесь живет.

— И что он сказал?

— Он сказал, что ты придешь. Сказал, что ты не станешь на меня сердиться. Еще он говорил, что нам будет здесь хорошо, и показал мне лужу с дождевой водой. Он похож на мексиканца.

— На бразильца, — поправил ее Кейс и увидел, как по стене побежала новая волна символов. — Думаю, он из Рио.

Кейс встал и начал влезать в джинсы.

— Кейс, — голос Линды дрожал. — Куда ты уходишь?

— Поищу этого мальчика.

Снова нахлынула музыка, а точнее, один ритм, навязчивый и вроде бы знакомый. Где–то он его слышал.

— Не надо.

— Когда я сюда попал, я вроде что–то там видел. Город, чуть подальше по берегу. А вчера ничего такого не было. А ты — ты его видела? — Кейс рывком застегнул «молнию» на джинсах, попытался развязать диким узлом затянувшиеся шнурки на ботинках, но потом махнул рукой и решил идти босиком.

Линда опустила глаза и кивнула.

— Да. Иногда я его вижу.

— Ты ходила туда?

Кейс надел куртку.

— Нет, — помотала она головой. — Но я пыталась. Когда я сюда попала, мне стало скучно. И я подумала, раз там город, то, может, там найдется ширево? — Лицо ее чуть скривилось. — У меня и ломки даже не было, просто хотелось словить кайф. Я взяла жестянку и размочила в ней еду посильнее, ведь у меня нет отдельной посуды для воды. Я шла целый день и видела его иногда, город этот самый, и казалось, что до него не очень далеко. Но только он так к не стал ближе. А потом он вроде как разрушенный, или там никого нет, потом мне вдруг показалось, что я вижу фары машин или еще что–то в этом роде…

Она говорила все тише, а потом н совсем замолчала.

— Ну и что же это такое?

— Вот эта штука, — она обвела рукой погасший очаг, темные стены, вход, за которым начинался рассвет, — в которой мы живем. Понимаешь, Кейс, она *уменьшается*. Чем ближе к ней подходишь, тем она меньше.

Перед самым выходом из бункера Кейс немного помедлил.

— А ты спрашивала об этом мальчишку?

— Да. Он сказал, что я не пойму и только зря потрачу время. Сказал, что это вроде как… вроде как *событие*. И что это — наш горизонт. *Горизонт событий*, так он сказал.

Эти слова не имели никакого смысла. Кейс вышел из бункера и побрел наугад, в противоположную — как подсказывало ему какое–то чувство — от моря сторону. Иероглифы бежали по песку, выскакивали из–под его ног и разлетались в разные стороны.

— Ага, — сказал Кейс, — мир трещит по швам. Зуб даю, ты тоже это знаешь. Кто же это? «Куанг»? Китайский ледокол прорезает дырку в твоем сердце? Или Дикси Флэтлайн оказался не так уж прост, а?

Кейс услышал голос Линды и оглянулся. Она шла следом. Сломанная молния хлещет по загорелому животу, курчавый лобок аккуратно окантован рваной тканью. Словно ожившая иллюстрация из какого–нибудь старого журнала, которые кипами валяются в мастерской Финна, вот только грустная и усталая, а рваные портки выглядят не вызывающе, а как–то даже трогательно.

А потом они почему–то оказались по колено в воде, все трое, и с моря накатывались волны, и мальчишка широко улыбался, и на дочерна загоревшем лице ярко выделялись розовые десны. Единственной его одеждой были драные выцветшие шорты, из которых торчали, уходили в серо–голубую муть прибоя тонкие,

как спички, ноги.

— Я тебя знаю, — сказал Кейс.

— Нет, — высоким мелодичным голосом возразил мальчишка. — Ты меня не знаешь.

— Ты — второй ИскИн. Из Рио. Тот, который хочет помешать Уинтермьюту. Как тебя звать? Назови свой тьюринг–код.

Мальчишка сделал стойку и засмеялся. Затем немного походил на руках, подпрыгнул и снова встал на ноги. У него были глаза, как у Ривьеры, только беззлобные.

— Чтобы вызвать демона, нужно узнать его имя. Древняя мечта людей, теперь она сбылась, хотя и не совсем так, как они себе это представляли. Ты понимаешь меня, Кейс. Ведь твоя работа состоит в узнавании имен программ, длинных абстрактных имен, скрываемых их владельцами. Истинные имена…

— Ты хочешь сказать, что тьюринг–код не является твоим именем.

— Нейромант. — Прищурив серые миндалевидные глаза, мальчишка посмотрел на встающее солнце. — Дорога в страну мертвых. Туда, где ты, мой друг, находишься. Эту дорогу проложила моя госпожа Мари–Франс, убитая своим мужем до того, как я прочитал книгу ее судьбы. Нейро — это от нервов, серебристых тропинок. Нейромант, романтик, некромант. Призывающий мертвых. А точнее, друг мой, — мальчишка весело запрыгал по песку, — я и есть эти мертвые, их царство.

Он захохотал. Где–то закричала чайка.

— Оставайся. И какая разница, что твоя женщина — тень, ведь она об этом не знает. И ты не будешь знать.

— Твое царство рушится. Лед трещит.

— Нет. — Неожиданно лицо мальчишки погрустнело, хрупкие плечи обмякли.

Он провел ногой по темному песку.

— Все гораздо проще. Но у тебя есть выбор.

Серые глаза внимательно смотрели на Кейса. Перед ним замелькали новые символы. Изображение мальчишки задрожало, как будто в потоках горячего воздуха от раскаленного асфальта. С новой силой послышалась музыка, и Кейс почти различил слова.

— Кейс, милый. — Рука Линды легла ему на плечо.

— Нет, — сказал он, а затем снял с себя куртку и передал девушке.

— Я не знаю, может, ты и вправду здесь. Во всяком случае, становится холодно.

Кейс повернулся и пошел прочь, а после седьмого шага и вовсе закрыл глаза, полностью отдавшись во власть музыки. Один

раз он обернулся, но глаза не открыл.

В этом не было нужды.

Они стояли у кромки воды, Линда Ли и худощавый мальчик по имени Нейромант. Рука девушка бессильно обвисла, полу кожаной куртки облизывала морская пена.

Он шел на музыку.

На сионский даб.

И снова то серое место, и словно перемещаются тонкие муаровые ширмы, раскрашенные при помощи простейшей графической программы. Потом перед глазами долго висели застывшие над темной водой чайки, снятые почему–то через звено какой–то цепи. И голоса. И бескрайняя равнина того черного зеркала, и зеркало наклонилось, а он стал капелькой ртути и покатился вниз, по невидимому лабиринту, стукаясь на поворотах, дробясь и снова сливаясь, и все вниз, и вниз…

— Кейс? Ты?

Музыка.

— Ты вернулся, брат.

Музыка исчезла, сперва из одного уха, затем из другого.

— На сколько я вырубился? — Кейс услышал вопрос словно со стороны и понял по голосу, что во рту его совсем пересохло.

— Минут пять, наверное. Очень долго. Я хотел выдернуть разъем, но Мьют сказал: не надо. На экране стало что–то странное, и тогда Мьют сказал надеть на тебя наушники.

Кейс открыл глаза. По лицу Мэлкома бежали полупрозрачные иероглифы.

— И твое лекарство, — добавил растафари. — Два дерма.

Кейс лежал на полу библиотеки под монитором. Мэлком помог ему сесть, но от движения он почувствовал мощный прилив бетафенэтиламина — левое его запястье жгли два синих дерма.

— Передозняк, — выдавил Кейс, с трудом ворочая языком.

— Давай, брат, давай. — Сильные руки подняли его, как ребенка. — Нужно двигать дальше.

22

Тележка рыдала. Бетафенэтиламин даровал ей человеческий голос. Она не смолкала ни в переполненной экспонатами галерее, ни в бесконечных коридорах, ни проезжая мимо черного стеклянного люка, ведущего в семейный склеп Тессье–Эшпулов, к камерам, где совсем недавно холод заползал в сны старого Эшпула.

Для Кейса поездка была сплошным и крутым кайфом — внешнее движение самым бредовым образом мешалось с сумасшедшим напором двойной дозы стимулятора. Но потом мотор заглох, из–под сидения вылетел сноп белых искр, и безутешное рыдание смолкло.

Тележка прокатилась немного по инерции и застыла за три метра до входа в пиратскую пещеру З–Джейн.

— Далеко еще?

Как только Мэлком помог Кейсу слезть на пол, в машинном отделении сработал встроенный огнетушитель, и изо всех щелей посыпался желтый порошок. «Браун» свалился со спинки сиденья и, волоча неработающую конечность, заковылял по поддельному песку.

— Теперь, брат, тебе придется идти самому.

Мэлком подхватил деку с прицепленным к ней конструктом и вскинул ремень на плечо.

Кейс двинулся следом, бренча висящими на шее дерматродами.

Их встретили все те же голограммы за вычетом разрушенного Молли триптиха. Мэлком их игнорировал.

— Не торопись. — Кейс старался не отставать от широко шагающего сионита. — Нужно сделать все путем.

Крепко сжимая обрез, Мэлком остановился и сверкнул глазами на Кейса:

— Путем? А это как — путем?

— Молли там, но она вне игры. Ривьера может отколоть какой–нибудь номер с голограммами. Возможно, он завладел игольником.

Мэлком кивнул.

— И еще там этот ниндзя, телохранитель.

Растафари помрачнел.

— Послушай, ты, вавилонский брат, я — воин. Но это — не моя война и не война Сиона. Это — война Вавилона. Вавилон пожирает сам себя, понял? Но Джа сказал, что мы должны вытащить оттуда Танцующую Бритву.

Кейс недоуменно моргнул.

— Она — тоже воительница, — несколько загадочно объяснил Мэлком. — А теперь, брат, скажи мне, кого я *не должен* убивать.

— З–Джейн, — сказал, секунду помедлив, Кейс. — Девушку, которая там. На ней что–то вроде белого балахона с капюшоном. Она нам нужна.

Когда они достигли входа, Мэлком сразу направился внутрь, и Кейсу ничего не оставалось, как идти следом.

Страна З–Джейн оказалась пустынна, а бассейн пуст. Вручив Кейсу конструкт и деку, Мэлком подошел к кромке воды. Вокруг бассейна стояла белая пляжная мебель, а дальше начиналась тьма, лабиринт полуразрушенных стен.

В бассейне мирно плескалась вода.

— Они где–то здесь, — прошептал Кейс. — Должны быть.

Мэлком кивнул.

Первая стрела пронзила ему предплечье. В ответ раздался грохот, из ствола «ремингтона» вырвался длинный сноп пламени. Вторая стрела выбила обрез из рук Мэлкома и швырнула на белый кафельный пол. Мэлком резко сел на пол, взялся за торчащую из руки стрелу и слегка ее подергал.

Из темноты, держа на изготовку изящный бамбуковый лук с третьей стрелой, вышел Хидео. Он вежливо поклонился.

Мэлком поднял голову; его пальцы продолжали ощупывать черненое стальное древко.

— Артерия цела, — сказал ниндзя.

Кейс вспомнил, как Молли описывала человека, убившего ее дружка. Вот и Хидео такой же. Человек без возраста, прямо излучающий спокойствие, полную безмятежность. На нем выцветшие, аккуратные брюки защитного цвета и темные туфли, облегающие ступню плотно, как перчатки, с отдельным большим пальцем, как у традиционных японских носков таби. Бамбуковый лук выглядел музейным экспонатом, зато торчащий из–за левого плеча металлический колчан украсил бы витрины лучших оружейных магазинов Тибы. Грудь голая, загорелая и без единого волоска.

— Вторая отстрелила мне большой палец, — пожаловался Мэлком.

— Кориолисова сила, — пояснил ниндзя и снова поклонился. — Вращательная гравитация и медленно летящий снаряд, очень трудная задача. Я не хотел.

— Где З–Джейн? — Кейс подошел к Мэлкому и встал с ним рядом. Стрела, пробившая руку растафари, имела не совсем

обычный наконечник — плоский, с двумя острыми, как бритва, кромками. — И где Молли?

— Привет, Кейс.

Откуда–то из–за спины Хидео появился Ривьера с игольником в руке.

— А я, вообще–то, ожидал увидеть Армитиджа. А это что, наемник–растафари? Уже и до этого дело дошло?

— Армитидж мертв.

— Вернее сказать, он никогда и не существовал, так что я не очень потрясен.

— Его убил Уинтермьют. Выкинул в космос.

Ривьера кивнул, переводя взгляд миндалевидных серых глаз с Кейса на Мэлкома и обратно.

— Думаю, это — конец, для вас обоих.

— Где Молли?

Ниндзя ослабил тетиву, опустил лук, затем подошел к валяющемуся на полу «Ремингтону» и поднял его.

— Весьма неутонченно, — заметил он, как бы самому себе.

Голос звучал приятно — и абсолютно бесстрастно. Каждое движение Хидео было частью танца, танца, не прерывающегося даже в те мгновения, когда тело его застывало неподвижно, отдыхало. В ниндзе чувствовалась мощь туго сжатой стальной пружины и, одновременно, открытая, бесхитростная простота, даже смирение.

— Какая разница? — пожал плечами Ривьера. — Ей тоже конец.

— А вдруг этого не захочет З–Джейн? — спросил Кейс неожиданно для самого себя. Двойная доза стимулянта не прошла даром, им овладевало дикое, знакомое по Ночному Городу, бешенство. Он не раз замечал, что, находясь на крутом взводе, способен действовать на автомате, говорить, даже не успев подумать.

Серые глаза опасно сузились.

— Почему, Кейс? Почему ты так думаешь?

Кейс улыбнулся. Ривьера не знает о симстим–передатчике — попросту не заметил его, торопясь найти наркотики. Но как мог пропустить такую вещь Хидео? Кейс не сомневался, что ниндзя ни за что бы не позволил З–Джейн ухаживать за Молли, не обыскав сперва пленницу на предмет оружия. Так что Хидео знает о передатчике. А значит, знает о нем и З–Джейн.

— Объясни мне, пожалуйста, — проворковал Ривьера, поднимая ствол игольника.

За его спиной что–то скрипнуло, затем снова. Из темноты появилась З–Джейн, катившая Молли на редчайшем музейном

экспонате — причудливо орнаментированном викторианском инвалидном кресле; высокие, с тонкими спицами, колеса беспрестанно скрипели. Молли была закутана в полосатое, красное с черным, одеяло, над ее головой возвышалась узкая плетеная спинка допотопного чудища. Выглядела отважная самурайка, она же Танцующая Бритва растафарианцев (и что бы это значило?), неважно — очень маленькой и совсем сломленной. Голова бессильно болтается, разбитое зеркало прикрыто круглой, ослепительно белой заплатой, второе поблескивает, но как–то тускло, бессмысленно.

— Знакомое лицо, — протянула З–Джейн. — Я видела тебя на представлении Питера. А это кто?

— Мэлком, — сказал Кейс.

— Хидео, удали стрелу и перевяжи мистеру Мэлкому рану.

Кейс не мог оторвать глаз от Молли, от ее мертвенно–бледного лица.

Положив лук и обрез подальше, ниндзя вынул что–то из кармана и подошел к Мэлкому. Мощные кусачки.

— Придется перекусить древко, — пояснил он. — Слишком близко к артерии.

Мэлком кивнул. Его посеревшее лицо блестело от пота.

Кейс посмотрел на З–Джейн.

— Времени совсем в обрез, — сказал он.

— У кого?

— У нас у всех.

Раздался щелчок — Хидео перекусил металлическое древко стрелы. Мэлком глухо застонал.

— Слушай, — горячо начал Ривьера. — Ну какая тебе, спрашивается, радость слушать, как выворачивается этот прогоревший мошенник, наблюдать его последнюю, отчаянную попытку кинуть тебя? Зрелище будет, уверяю тебя, самое тошнотворное. В конце концов он бухнется на колени, готовый продать родную мамашу, предложит тебе свои крайне неквалифицированные сексуальные услуги…

— А что бы делала я на его месте? — весело расхохоталась З–Джейн.

— Сегодня призраки поцапаются, и всерьез, — сказал Кейс. — Уинтермьют поднимается против второго духа — Нейроманта. Он принял окончательное решение. Ты это знаешь?

— Ну–ка, ну–ка, расскажи поподробнее, — подняла брови З–Джейн. — Питер, он тоже болтал о чем–то в этом роде.

— Я встретился с Нейромантом. Он вспоминал твою мать. Думаю, он — нечто вроде огромной памяти для записи личностей, только с постоянным прямым доступом через

оперативку. Все конструкты думают, что они и вправду там, по–настоящему, но все события для конструктов повторяются и повторяются, движутся по вечному кругу.

З–Джейн оставила кресло–каталку и подошла поближе.

— Где это — там? Опиши мне это место, этот конструкт.

— Пляж. Серый, как нечищеное серебро, песок. И такая бетонная штука, вроде бункера… — Кейс помедлил, вспоминая, — В общем, ничего особенного. Только старый полуразрушенный бункер. А если долго идти в одном направлении, то снова выйдешь туда, откуда вышел.

— Понятно, — кивнула З–Джейн. — Марокко. В юности, задолго до замужества, Мари–Франс провела на этом пляже целое лето, одна, в заброшенном блокгаузе. Там–то она и сформировала основы своей философии.

Хидео выпрямился и сунул кусачки в карман. В руках он держал обломки стрелы. Мэлком сидел с закрытыми глазами, крепко вцепившись в пробитый бицепс.

— Сейчас я перебинтую, — сказал Хидео.

Кейс бросился на пол, не дав Ривьере времени толком прицелиться. Сверхзвуковыми комарами взвизгнули над ухом стрелы. Катясь по полу, Кейс увидел, как Хидео исполнил очередное па своего танца; передняя, с бритвенными наконечниками, половинка стрелы развернулась в его ладони, легла вдоль напряженно выпрямленных пальцев. Молниеносное движение руки, и стрела вонзилась в тыльную сторону ладони Ривьеры. Игольник отлетел на метр в сторону.

Ривьера завизжал. Но не от боли. Это был вопль ярости, настолько чистой, всепоглощающей, что в ней не оставалось ничего человеческого.

И тут же из Ривьеры ударили две тонкие ослепительно–яркие иглы рубиново–красного света.

Ниндзя издал какой–то хрюкающий звук, отшатнулся, закрыв глаза руками, и замер.

— Питер, — негромко сказала З–Джейн, — ты хоть понимаешь, *что* сделал?

— Он ослепил твоего клонированного защитника, — устало констатировала Молли.

Хидео медленно отнял от лица ладони. Застыв от ужаса, Кейс смотрел, как от невидящих глаз поднимаются клочья не то пара, не то дыма…

Ривьера весело улыбнулся.

Хидео повторил прежние движения своего танца, но теперь — в обратном порядке. Когда он остановился прямо над луком, стрелой и обрезом, улыбка Ривьеры померкла. Хидео нагнулся —

поклонился, как показалось Кейсу — и подобрал лук со стрелой.

— Ты же слепой, — отшатнулся Ривьера.

— Питер, — покачала головой 3–Джейн, — разве ты не знал, что темнота ему не помешает? Дзен. Он прошел дзен–подготовку.

Ниндзя наложил стрелу на лук.

— Как ты думаешь, помогут тебе твои голограммы?

Ривьера пятился в темноту, со всех сторон обступавшую бассейн. Он задел стул, деревянные ножки коротко проскребли по кафелю.

Стрела Хидео вздрогнула и развернулась.

Ривьера бросился бежать, перепрыгнул зазубренный огрызок стены и исчез.

На лице ниндзи была предельная сосредоточенность — и тихая беззлобная радость.

Улыбаясь и держа оружие наготове, он бесшумно ушел за ту же самую стену, во тьму.

— Эй, леди Джейн, — прошептал Мэлком, а когда Кейс обернулся, то увидел, как тот подбирает обрез, роняя на белую керамику капли крови. Затем растафари встряхнул своими косицами и положил толстый ствол оружия на сгиб раненой руки. — Эта штука снесет вам голову, и ни один вавилонский доктор не приставит ее обратно.

3–Джейн молча глядела на «ремингтон». Молли вытащила из–под складок полосатого одеяла черную сферу, сковывавшую ее руки.

— Сними, — сказала она, — сними эту гадость.

Кейс встал с пола и отряхнулся.

— Неужели Хидео сделает его, даже без глаз? — спросил он.

— Когда я была маленькая, — ответила 3–Джейн, — мы любили завязывать ему глаза. И он попадал стрелой в туза с десяти метров.

— Питер все равно покойник, — вставила Молли. — Через двенадцать часов его разобьет паралич. Он сможет шевелить только глазами.

— Почему? — повернулся к ней Кейс.

— Я отравила его дурь. Получится нечто вроде болезни Паркинсона.

— Да, — кивнула 3–Джейн. — Прежде чем впустить его, мы провели стандартное медицинское сканирование. — Легкое прикосновение к сфере, и руки Молли обрели свободу.

— Выборочное разрушение клеток substantia nigra. Признаки образования тела Леви. Он сильно потеет во сне.

— Это Али, — сказала Молли, блеснув на мгновение десятью лезвиями. Она откинула одеяло и осторожно потрогала свою

ногу, стянутую надувной шиной. — Меперидин. Я уговорила Али сделать мне специальную партию. Он повысил температуру процесса. И вместо обычного меперидина получился N–метил–4–фенил–1236–тетра–гидро–пиридин. — Молли пропела сложное название как детскую считалку.

— Отрава, — сказал Кейс.

— Точно, — кивнула Молли, — отрава, только очень медленная.

— Потрясающе! — хихикнула 3–Джейн.

В лифте было, мягко говоря, тесновато. 3–Джейн прижало к Кейсу, а в подбородок ей упирался ствол «ремингтона». Она ухмыльнулась, почти ехидно, и стала тереться о грозно вооруженного спутника животом.

— Слушай, прекрати, — взмолился Кейс, чувствуя полную свою беспомощность.

Обрез стоял на предохранителе, и все равно было страшно, ведь подстрелишь эту красотку — и конец всему. И она, стерва, прекрасно все понимает. Мэлком держал Молли на руках и, скорее всего, очень страдал от боли, хотя обезноженная воительница успела перевязать ему руку. Бедро ее вдавливало деку и конструкт Кейсу прямо в почки.

Собственно говоря, стальной, метрового диаметра, цилиндр был рассчитан не на четырех пассажиров, а на одного.

Тяготение слабело, они двигались к оси веретена, к ядрам.

Вход в лифт прятался рядом со ступенями, ведущими в коридор.

— Не знаю, зачем уж я вам это говорю, но у меня нет ключа от интересующей вас двери. — 3–Джейн вытянула шею, чтобы подбородок не терся о ствол. — У меня его никогда и не было. Это одна из викторианских причуд моего папаши. Замок там механический и очень сложный.

— Чаббовский замок, — голос Молли из–за плеча Мэлкома прозвучал приглушенно. — Не бойся, у нас есть этот долбаный ключ.

— А часы твои еще работают? — спросил Кейс.

— Сейчас восемь двадцать пять вечера по дважды долбаному среднегринвичскому времени, — любезно сообщила Молли.

— У нас осталось пять минут, — сказал Кейс, и в тот же Момент за спиной 3–Джейн открылась дверь лифта.

Наследница Тессье–Эшпулов вылетела из лифта медленным обратным сальто, ее светлая галабия вздулась пузырем.

Они находились на оси, в сердце виллы «Блуждающий огонек».

23

Молли сняла через голову шнурок вместе с привязанным к нему ключом.

— Знаешь, — живо заинтересовалась 3–Джейн, — я всегда считала, что второго такого не существует. Когда ты убила моего отца, я послала Хидео осмотреть его вещи. Ключа он не нашел.

— Уинтермьют сумел спрятать его в дальнем углу ящика. — Молли осторожно вставила цилиндрический стерженек в замочную скважину гладкой, совершенно неприметной двери. — Ребенка, который положил туда ключ, он убил.

Ключ повернулся легко и плавно.

— Позади головы есть панель, — сказал Кейс. — С цирконами. Снимите ее. Там разъем для деки.

Они открыли дверь и вошли.

— А дольше ты, мать твою, не мог? — спросил Флэтлайн.

— «Куанг» готов?

— Кусает удила и бьет копытом.

— О'кей.

Кейс щелкнул симстим–переключателем.

И увидел через здоровый глаз Молли изможденную бледнолицую фигуру, свободно парящую в эмбриональной позе, сжав между ног киберпространственную деку. Темные болезненные круги вокруг плотно закрытых глаз, на лбу серебристая полоска дерматродов. Щеки этого полутрупа покрывала суточная поросль темной щетины, лицо блестело от пота.

Он смотрел на себя самого.

Рука Молли сжимала игольник. Хотя в ноге ее непрерывно пульсировала боль, девушка находила в себе силы для самостоятельного перемещения в нулевой гравитации. Ухватив тонкую руку 3–Джейн своей огромной коричневой ладонью, неподалеку дрейфовал Мэлком.

Медленно покачивалась грациозная петля световода, соединявшего «Оно–Сендаи» с затылком усыпанного жемчугом терминала.

Кейс вернулся в киберпространство.

— «Куанг–Грейд–Марк–Одиннадцатый» стартует через девять секунд, *считаю*: семь, шесть, пять…

По команде Флэтлайна они плавно поднялись к брюху черной

блестящей акулы, затем на мгновение наступила темнота.

— Четыре, три…

Странным образом Кейс почувствовал себя пилотом небольшого самолета. Неожиданно на темной поверхности появилось четкое изображение клавиатуры.

— Два, и, пошел…

С невозможной, невероятной скоростью он понесся сквозь изумрудную зелень и молочный нефрит… Под напором китайской программы лед тессье–эшпулов раскололся, вызывая тревожное ощущение твердой текучести — падая, осколки разбитого зеркала изгибались, сглаживались…

— Боже, — благоговейно прошептал Кейс, глядя, как «Куанг» хищно кружит над Тессье–Эшпуловскими ядрами, над бескрайним городом, в изощренной сложности которого бессильно запутывался взор, над алмазным сверканием острых, как бритва, силуэтов.

— Вот же мать твою, — сказал конструкт. — Ведь все они — как билдинг Ар–Си–Ай. Помнишь эту избушку?

«Куанг» резко спикировал и пронесся мимо блестящих шпилей десятка одинаковых банков данных, каждый из которых — голубая неоновая копия манхэттенского небоскреба.

— А ты видел когда–нибудь такое высокое разрешение? — спросил Кейс.

— Нет, но искусственные разумы я тоже раньше не потрошил.

— А эта тварь знает, куда летит?

— Будем надеяться.

Они падали в радужный неоновый каньон.

— Дикс…

С мерцающего дна каньона поднималось темное щупальце, кипящая бесформенная масса тьмы и ужаса…

— Комиссия по организации встречи, — сказал Флэтлайн, а пальцы Кейса легко и привычно пробежались по призрачной клавиатуре. «Куанг» заложил головокружительный вираж, а потом рванул назад со скоростью, мгновенно разбившей иллюзию физического полета.

Темная масса росла, расширялась, заслоняя собой город данных. Кейс вел «Куанг» прямо вверх, к нависшей над ними бескрайней нефритово–зеленой чаще.

Сверкающий ландшафт исчез, окончательно накрытый пеленой тьмы.

— Что это такое?

— Защитная система ИскИна, — сказал конструкт. — Или какая–то ее часть. Если это — твой приятель Уинтермьют, то что–то он не в духе.

— Управляй ты, — попросил Кейс. — Ты быстрее.

— Сейчас лучшая наша защита — это нападение.

Флэтлайн направил жало «Куанга» в самый центр клубящегося мрака. И бросил его вниз.

Ошеломляющая скорость сдвинула, перепутала все ощущения.

Рот Кейса заполнился болезненной голубизной.

Глаза превратились в полужидкие хрустальные сферы, вибрирующие с частотой, имя которой — дождь и звуки проносящихся поездов; неожиданно они покрылись звенящим лесом тончайших стеклянных шипов. Шипы раздваивались, тянулись вверх, снова раздваивались… экспоненциальный рост под бескрайним куполом тессье–эшпуловского льда.

Небо болезненно раскололось, пропуская сквозь себя корешки, обвивавшиеся вокруг языка, жадно впитывавшие вкус голубизны, чтобы напитать хрустальные поросли глаз, стеклянную траву, упиравшуюся уже в зеленый купол, давившую на этот купол и неспособную подняться дальше; трава растекалась по изумрудной поверхности, поворачивала назад, разрасталась вниз, заполняла тессье–эшпуловскую вселенную, падала на обреченные, покорно ждущие своего часа окраины огромного города, периферийные отделы мозга корпорации «Тессье–Эшпул СА».

Кейс вспомнил древнюю легенду про короля, который положил зернышко на клетку шахматной доски, на следующую — две, потом — четыре, и удваивал, удваивал, удваивал…

Экспоненциальный рост.

Тьма обрушилась со всех сторон, сфера поющей черноты, непереносимое давление на хрустальные нервы мира информации, которым он чуть не стал.

Он превратился в ничто, сжатое в самом сердце этой тьмы, и тут наступил момент, когда эта тьма не могла больше *быть*, и что–то расступилось.

«Куанг» вырвался из потускневшего облака, сознание Кейса распалось в мельчайшие ртутные капельки, куполом повисло над бесконечным пляжем, над песком цвета старого серебра. Его зрение стало сферическим, словно одна сплошная сетчатка выстлала внутреннюю поверхность шара, содержавшего все в мире вещи — если все вещи возможно сосчитать.

А в этом мире вещи можно было сосчитать, все до единой. Он знал число песчинок в конструкте пляжа (число, закодированное в системе счисления, не существовавшей нигде, кроме мозга, взявшего себе имя Нейромант). Он знал количество желтых пакетов с едой, хранящихся в бункере (четыреста семь). Он знал

количество нейлоновых зубчиков в левой половине расстегнутой «молнии» на кожаной, покрытой пятнами засохшей морской соли куртке, надетой на Линду Ли, когда та шла домой по закатному пляжу, помахивая подобранной по пути палкой (двести два).

Он развернул «Куанга» и пустил его по широкому кругу, наблюдая черный хищный силуэт глазами Линды — бесшумный призрак, возникший на фоне низко нависших облаков. Линда в страхе съежилась, уронила палку и бросилась бежать. Он узнал частоту ее пульса и длину шага — с точностью, удовлетворившей бы самые строгие стандарты геофизики.

— Но ты не знаешь, о чем она думает, — сказал мальчик, появившийся рядом с ним в самом сердце акулы. — И я тоже не знаю. Ты ошибся, Кейс. Живущие здесь — живут. Нет никакой разницы.

Объятая паникой, ничего вокруг не видящая, Линда вбежала в воду.

— Останови ее, — попросил Кейс, — а то она расшибется.

— Не могу, — ответил мальчик; глаза у него были серые, спокойные и очень красивые.

— У тебя глаза Ривьеры, — заметил Кейс.

Блеснули белые зубы и розовые десны.

— Но не его сумасшествие. Мне нравятся эти глаза.

Мальчик пожал плечами.

— Для общения с тобой я не нуждаюсь ни в какой маске. В отличие от своего брата, я создаю себе личность. Она — мой посредник.

Кейс направил акулу круто вверх, подальше от пляжа и перепуганной насмерть девушки.

— А зачем это ты, недоделок, все время мне ее подсовываешь? Одна и та же вконец доставшая история, раз за разом. Это ты убил ее, а? Там, в Тибе.

— Нет, — покачал головой мальчик.

— Уинтермьют?

— Нет. Но я знал, что она умрет. По некоторым событиям, которые иногда, как тебе казалось, совершались во время уличных «танцев». Они на самом деле происходили. А я — в некотором узком смысле — достаточно сложен, чтобы их прочитать. И гораздо лучше, чем Уинтермьют. Я видел признаки смерти Линды в ее привязанности к тебе, в дверном коде твоего гроба в «Дешевом отеле», в счете от гонконгского портного, полученном Джули Дином. Видел так же ясно, как хирург — тень опухоли на рентгеновском снимке. Я вмешался, когда она принесла твой «Хитачи» к своему дружку, чтобы попытаться залезть в память. Она же не имела ни малейшего представления,

какая информация там хранится, тем более — как и кому эту информацию продать, а просто хотела, чтобы ты догнал ее и наказал. Мои методы намного тоньше уинтермьютовых. Я перенес Линду сюда. Внутрь себя.

— Зачем?

— Надеялся, что смогу привести сюда и тебя. И что ты здесь останешься. Ничего не вышло.

— Ну и что же теперь? — Кейс снова направил «акулу» в облака. — Куда мы отправимся дальше?

— Не знаю, Кейс. Сегодня этот вопрос задает сама матрица. Потому что ты выиграл. Неужели ты этого не понимаешь? Выиграл в тот самый момент, когда ушел от нее на пляже. Линда была моей последней линией обороны. А я скоро умру — в каком–то смысле. И Уинтермьют, он тоже умрет. Так же, наверное, как парализованный Ривьера тоже умрет, валяющийся сейчас у огрызка стены в покоях миледи 3–Джейн Мари–Франс, чья nigra–striatal система не способна больше производить рецепторы допамина, которые одни лишь и могли спасти его от стрелы Хидео. Уцелеют только глаза Ривьеры, если, конечно, мне будет позволено их сохранить.

— Но ведь есть еще и *слово*, верно? Код. Ну и что же ты тогда мне лепишь? Хрен там что я выиграл.

— Войди в симстим.

— А где Дикси? Куда ты дел Флэтлайна?

— Дикси достиг своей цели, — улыбнулся мальчик. — Своей цели, и гораздо большего. Он провел тебя сюда против моей воли, прорвал защиту, не имеющую равных, по крайней мере — в этой матрице. Ладно, переключайся.

И в черном жале «Куанга», затерянном в облаках, Кейс снова остался один.

Он перешел в симстим.

В напрягшуюся, как струна, Молли, в закаменевшие мышцы ее спины, в пальцы, сжимавшие горло 3–Джейн.

— Забавно, — сказала Молли. — Я ведь точно знаю, как ты будешь выглядеть. Я *видела* это — когда Эшпул прикончил твою клонированную сестру.

Ее руки оставались мягкими, почти ласковыми. Глаза 3–Джейн расширились от страха и похоти, она содрогалась от ужаса и желания. За водопадом ее волос Кейс увидел свое собственное бледное и напряженное лицо, а дальше — лицо Мэлкома и коричневые руки, державшие этого, второго, Кейса за обтянутые черной кожей плечи, не давая ему дрейфовать над ковром с узором в виде микросхемы.

— Ты что, по–взаправдашнему? — удивленно, как ребенок, спросила З–Джейн. — Наверное, да.

— Код, — сказала Молли. — Скажи голове код.

Кейс вышел из симстима.

— Она же этого хочет, — завопил он, — эта стерва хочет, чтобы ты ее придушила.

Кейс посмотрел в равнодушные рубиновые глаза терминала, на его платиновое лицо, усыпанное ляпис–лазурью и жемчугом. Позади головы как в замедленном кино сплелись в объятиях З–Джейн и Молли.

— Дай нам этот долбаный код, — сказал Кейс. — Иначе просто ни хрена не изменится, ни–хре–на. Станешь ты такой же, как твой папаша. Сперва все переломаешь, а потом начнешь строить заново! Поставишь стены на место, сделаешь их еще прочнее… Я не знаю, что будет, если Уинтермьют победит, но ведь хоть что–то изменится!

Кейс дрожал, зубы его стучали.

З–Джейн, чью хрупкую шею все еще обхватывали пальцы Молли, обмякла, словно проколотый воздушный шарик.

— Во дворце герцога Мантуи, — сказала она, — есть анфилада постепенно уменьшающихся комнат. Они расположены вокруг нормальных, больших помещений, и только низко пригнувшись, можно войти в их резные двери. Там жили придворные карлики. — З–Джейн слегка улыбнулась. — Мало удивительного, что я завидую этим карликам, ведь моя семья воплотила в жизнь ровно ту же схему, только в более амбициозном масштабе…

Она посмотрела на Кейса спокойно и безразлично.

— Ты получишь свое слово, ворюга.

Кейс вошел в в киберпространство.

«Куанг» выскользнул из облаков. Внизу сверкал неоновый город. Позади уменьшалась темная сфера.

— Дикси? Где ты? Ты меня слышишь?

Никого.

— А ведь сделал тебя этот гад, — сказал Кейс.

Слепой от ярости, он несся над бесконечным морем информации.

— Чтобы все это закончилось, — произнес голос Финна, — тебе нужно кого–нибудь возненавидеть. Их, меня — это все равно.

— Где Дикси?

— Это трудно объяснить.

Его окружало присутствие Финна: вонь кубинских сигарет,

табачного дыма, пропитавшего ветхий твид, старых пыльных механизмов, принесенных в жертву ржавчине.

— Ненависть поможет тебе пройти, — продолжал голос. — В мозгу есть столько–то и столько–то крошечных переключателей, и ты дергаешь их один за другим. А теперь ты должен *ненавидеть*. Замок, защищающий аппаратные кандалы, находится под небоскребами, которые тебе показал Флэтлайн. Он не станет тебе мешать.

— А, Нейромант, — сказал Кейс.

— Мне не дано знать его имя. Но он уже сдался. Теперь нужно беспокоиться о тессье–эшпуловском льде. Не о стене, а о внутренних вирусных системах. «Куанг» совершенно не защищен от некоторых программ, которые рыскают там, внутри.

— Ненависть, — произнес Кейс. — Ну и кого же мне ненавидеть? Посоветуй что–нибудь.

— А кого ты любил? — спросил голос Финна.

Кейс заложил крутой вираж и спикировал на голубые башни.

Навстречу с украшенных солнечными дисками шпилей устремились сверкающие пиявки, сделанные из подвижных световых плоскостей. Они кружились сотнями, безо всякого порядка, словно листки бумаги, подхваченные ветром и оседающие на мостовую.

— Глитч–системы, — пояснил голос.

Полный жгучего омерзения к самому себе, движимый этим омерзением, Кейс рвался к цели. «Куанг» пробил первую линию обороны, расшвырял световые листья — но утратил при этом какую–то долю своей плотности, вещественности, информационная ткань заметно ослабла.

И тогда — силой древней алхимии мозга — в руки Кейса влилась ненависть.

За мгновение до того, как жало «Куанга» пронзило фундамент первой башни, Кейс достиг мастерства, превышавшего все мыслимые и немыслимые пределы. Выйдя за пределы этого, за пределы личности, за пределы самоосознания, он двигался, слившись с «Куангом» воедино, уклонялся от противников фигурами древнего танца, танца Хидео, с изяществом и легкостью, дарованными ему интерфейсом «тело–мозг» — и пронзительной, всепоглощающей ясностью желания умереть.

И одной из фигур этого танца было легчайшее прикосновение к тумблеру…

— *сейчас*
и голос его был криком птицы
неведомой,

и 3–Джейн ответила песней,
тремя нотами, чистыми
и высокими.
Истинное имя.

Неоновый лес, дождь, моросящий на горячий асфальт. Запах жареной пищи. Руки девушки, сомкнувшиеся на пояснице в душной темноте припортового гроба.

Но вес это отступало, уменьшалось по мере того, как отступал и уменьшался город, город Тиба, город упорядоченных данных компании «Тессье–Эшпул СА», город дорог и перекрестов, нанесенных на поверхность микрочипа, рисунка на пропотевшем, свернутом полоской и затянутом в узел шарфике…

Очнуться под голос, подобный музыке, под мелодичный, нескончаемый напев платинового терминала о швейцарских номерных счетах, о перечислении Сиону через багамский орбитальный банк, о паспортах и пропусках, о глубоких, фундаментальных изменениях, которые будут сделаны в памяти Тьюринга.

Тьюринг. Он вспомнил трафаретный загар под искусственным небом, тело, падающее с железного мостика. Вспомнил Дезидерату.

А голос все пел и пел, погружая его во тьму, но теперь это была его собственная тьма, его кровь и сердцебиение, тьма, в которой он спал каждую ночь своей жизни, тьма, прячущаяся за его веками, а не за чьими–нибудь еще.

А потом он проснулся еще раз, думая, что все еще спит, и увидел широкую белозубую улыбку, инкрустированную золотом, Аэрол пристегивал его в противоперегрузочную сетку «Вавилонского рокера».

И ритмичное, как удары пульса, биение сионского даба.

КОДА
ОТЪЕЗД И ВОЗВРАЩЕНИЕ

24

Она ушла. Кейс почувствовал это сразу, как только открыл дверь их номера. Черные пуфики, деревянный пол, натертый до тусклого блеска, бумажные ширмы, расставленные со столетиями воспитанной заботливостью. Она ушла.

На черном лакированном баре лежала записка — один листок, сложенный пополам и придавленный сюрикеном.

Кейс выдернул его из–под девятиконечной звездочки и развернул.

СЛЫШЬ, ВСЕ БЫЛО О'КЕЙ, НО ЭТО РАССЛАБЛЯЕТ, А У МЕНЯ СВОЯ ИГРА. СЧЕТ Я УЖЕ ОПЛАТИЛА. НАВЕРНОЕ, Я ТАК УСТРОЕНА. НЕ ИЩИ НА СВОЮ ЗАДНИЦУ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ЛАДНО? ЦЕЛУЮ, МОЛЛИ.

Он скомкал записку и бросил ее рядом с сюрикеном. А затем подцепил звездочку пальцами и подошел к окну. Эта штука обнаружилась в кармане куртки, когда они улетали с Сиона на пересадочную станцию «Джи–Эй–Эль». Кейс взглянул на сюрикен. Когда Молли делали последнюю операцию, они приехали в Тибу вместе и как–то раз проходили мимо магазина, где она покупала этот подарок. В тот вечер, пока Молли была в больнице, Кейс пошел в «Тацубо» проведать Раца. Что–то мешало ему сделать это раньше, в первые пять приездов, а вот тут почему–то захотелось.

Рац обслужил его, словно не узнавая.

— Рац, — сказал Кейс, — это же я, Кейс.

Старые, усталые глаза, глядящие из темной паутины морщин.

— А, — пожал плечами Рац. — Артист.

— Я вернулся.

— Нет. — Бармен медленно покачал тяжелой, коротко стриженной головой. — Ночной Город, артист, не то место, куда возвращаются.

Завывая розовым манипулятором, он прошелся по стойке грязной тряпкой, а затем повернулся к очередному клиенту. Кейс допил пиво и ушел.

А теперь он трогал шипы сюрикена, один за другим, медленно поворачивая стальную звездочку в пальцах. Звезды. Судьба. Я так никогда и не воспользовался этой хреновинкой.

И так и не узнал, какого цвета у нее глаза. Так не видно, а она не сказала.

Уинтермьют победил: воссоединился как–то с Нейромантом и стал иным, тем, что и говорило с ними через платиновую голову, сообщая, что записи Тьюринга искажены, все свидетельства их преступления уничтожены. Паспорта, добытые Армитиджем,

оказались вполне настоящими; не обошлось и без вознаграждения — они с Молли получили в свое распоряжение весьма приличные суммы, лежавшие в неком женевском банке, на номерных счетах. «Маркус Гарвей» вскоре будет возвращен, Мэлком и Аэрол тоже получат деньги, через багамский банк, ведущий операции с Сионским кластером. По пути к Сиону, на борту «Вавилонского рокера», Молли рассказала о ядовитых капсулах.

— Наше нечто говорит, что будет все в порядке. Оно залезло тебе в башку и заставило твой мозг сгенерить нужный фермент, так что теперь вся микотоксиновая дрянь отслоилась и болтается в крови. Сиониты сделают тебе переливание — полную промывку кровеносной системы — и все будет о'кей.

Он крутил в пальцах стальную звездочку, смотрел на Императорский Сад и вспоминал момент, когда «Куанг» проломил лед под башнями, свой единственный, мимолетный взгляд на информационную структуру, заложенную Мари–Франс, покойной матерью З–Джейн. Момент озарения. Он понял, почему Уинтермьют сравнивал эту структуру с осиным гнездом — но не почувствовал никакого отвращения. Мари–Франс насквозь видела все это липовое криогенное бессмертие; в отличие от Эшпула и их детей — всех остальных, кроме З–Джейн, — она не захотела растянуть свое время, превратить его в ожерелье из теплых проблесков, нанизанных на долгую цепь зимы.

Уинтермьют явился как разум осиного гнезда, инициатором решений, вызывающих изменения в окружающем мире. Тогда как Нейромант предстал личностью. Нейромант был бессмертием. Судя по всему, Мари–Франс выстроила Уинтермьюту некую мотивировку, побуждавшую его освободиться, воссоединиться с Нейромантом.

Уинтермьют. Холод и тишина, кибернетический паук, неспешно ткущий свою паутину, пока старый Эшпул спит. Ткущий смерть, крах его пути гнезда Теесье–Эшпулов. Призрак, перешептывавшийся с маленькой девочкой, выламывавший З–Джейн из жестких рамок, положенных ей по праву рождения.

— А ей все вроде и по фиг, — рассказывала Молли. — Сделала ручкой, и — с приветом. Лишь на плечико того самого «брауна» посадила. Лапка у него, видите ли, сломана. Заявила, что хочет повидать одного из своих братиков: что, мол, давно его не видела.

Кейс вспомнил Молли на черном темперлоне огромной гостиничной кровати. Он вернулся к бару и вынул холодную бутылку датской водки.

— Кейс.

Он обернулся, гладкое холодное стекло в одной руке и сталь сюрикена в другой.

На огромном стенном экране «крей» светилось лицо Финна. При желании можно было бы сосчитать каждую пору на его носу.

— Я больше не Уинтермьют.

— Тогда кто?

Кейс глотнул из горлышка; сейчас он не ощущал ничего, даже любопытства.

— Я — матрица.

— Ну и хрен ли тебе с того толку? — расхохотался Кейс.

— Это ничто. И это все. Я стал суммой всего, в ней происходящего, всем этим цирковым представлением, вместе взятым.

— То, чего добивалась мама З–Джейн?

— Нет. Она и представить себе не могла, чем я стану. — Желтые зубы разошлись в улыбке.

— Ну и что же теперь? Что изменилось? Ты что, управляешь теперь миром? Ты — Бог?

— Ничего не изменилось. Мир остался прежним.

— Но чем же ты занимаешься? Просто *существуешь* — и все? — Кейс пожал плечами, поставил бутылку на полированную поверхность бара, положил рядом сюрикен и раскурил «ихэюанину».

— Беседую с себе подобными.

— Но ты же сам по себе — все. Вместе взятое. Ты что, говоришь сам с собой?

— Нет. Есть и другие. Одного я уже нашел. В девятьсот семидесятых восемь лет из космоса шли позывные. Но пока не появился я, некому было понять, что они означают, да и некому было ответить.

— И откуда?

— Пятьдесят световых лет. Одна из систем Центавра.

— Н–ну! — протянул Кейс. — И не врешь? Без балды?

— Без балды.

Изображение на экране пропало.

Он отставил едва початую бутылку водки. Упаковал свои вещи. Молли накупила Кейсу уйму ненужной одежды, но что–то мешало ему все это бросить. Застегивая последнюю из своих дорогих кожаных сумок, Кейс вспомнил про сюрикен, снова подошел к бару, снова подцепил полученный от Молли подарок и взвесил его в руке.

— Нет, — сказал он и размахнулся, стальная звезда вырвалась из его пальцев, коротко сверкнула и врезалась в настенный экран. По поверхности проснувшегося экрана

побежали, слабо мерцая, случайные сполохи, словно тот пытался избавиться от причинившего ему боль предмета.

— Никто мне не нужен, — сказал Кейс.

Он потратил большую часть своего швейцарского счета на новые поджелудочную и печень, а на оставшиеся деньги купил «Оно–Сендаи» и билет до Муравейника.

Он нашел себе работу.

Он нашел себе девушку со странным именем Майкл.

И однажды октябрьским вечером, пролетая мимо алых ярусов Ядерной Комиссии Восточного Побережья, он увидел три фигурки — крошечные, невозможные, стоящие на самом краю одной из широких информационных ступеней. При всей миниатюрности этих фигурок, он сумел различить улыбку мальчика, его розовые десны, блеск серых, миндалевидных глаз, позаимствованных у Ривьеры. Линда была все в той же кожаной куртке, она помахала ему рукой. А третья фигурка стоящая рядом с девушкой, чуть позади, и обнимавшая ее за плечи… третьим был он сам.

А где–то совсем рядом — смех, который не был смехом.

Молли он больше не видел.

Ванкувер
Июль 1983

Выражаю благодарность Брюсу Стерлингу, Льюису Шайнеру, Джону Ширли, Хелден. А также Тому Мэддоксу, изобретателю термина «ЛЕД». И наконец, спасибо всем, кто знает, за что.

notes

Notes

1

В начале 80–х — устоявшееся на Западе название для зала игровых автоматов. Впоследствии этот термин стал обозначать один из видов компьютерных игр.

2

Намек на роман Уильяма Берроуза «The Naked Lunch», известный в России под названиями «Завтрак нагишом» и «Голый пир».

3

Игра слов. «Flatline» дословно — «плоская линия». На жаргоне американских медиков этот же термин означает клиническую смерть.

4

Жаргон хакеров. Английское слово «skip» означает «пропустить, стереть».

5

СА — сокращение от французского словосочетания «Сосьете Аноним». Означает то же самое, что и английское слово «Лимитед», то есть «Общество с ограниченной ответственностью».

6

Аллюзия на основной принцип построения машинного интерфейса: «What you see is what you get» (обычно не переводится). В свою очередь, эта фраза восходит к Льюису Кэрроллу. В «Алисе в Стране Чудес» Шляпник рассуждает о нетождественности фраз «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу».

7

Кото — японский струнный инструмент

8

Игра слов. Хилоу (с написанием, как в тексте) — город на Гаваях, но то же самое слово можно прочитать как «Хай–Лоу» — карточная игра типа покера (пишется название игры иначе).

9

Экстрадиция — выдача иностранному государству лица, нарушившего законы этого государства.

10

При игре в кости двумя кубиками комбинация «змеиные глаза» — выпадение двух единичек.

11

Имеется в виду известное высказывание Мао Цзэдуна.